

ТВОРЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

Московской Духовной Академіи.

Томъ шестьдесятъ пятый. .

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ

1904 /

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

НИКИФОРА

РХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ж И Т И Е

святаго отца нашего Никифора,

архієпископа Константинограда и новаго Рима, списанное
Игнатіємъ, діакономъ и скевофилаксомъ святѣйшей великой
церкви святой Софіи ¹⁾.

I. Если-бы, братіе, время слезъ не призывало къ сокрушенію сердца и еслибы тяжесть горя не подавляла душевныхъ силъ, то, быть можетъ, какъ бы ровному пути и по теченію несущееся слово, насколько въ его силахъ, хотя и не въ мѣру высоты предмета, удовлетворило бы своему стремленію. Теперь же оно, неотвратимо угнетаемое такими страданіями, какъ бы оцѣпенѣвъ для того, чтобы на-править языкъ къ радостному прославленію, предпочитаетъ плачевную рѣчь и, отказавшись отъ присо-единенія похвалъ, дѣлается все полно унынія. И ктоже, о возлюбленный, преграждаетъ его (слово)? Что за причина порождаетъ уныніе, волнуетъ умъ и погружаетъ его во мракъ? Богоноснаго отца, друже,

¹⁾ Въ извѣстномъ словарѣ Свиды объ Игнатіѣ сказано: „Игнатій, діакономъ и скевофилаксъ великой Константинопольской церкви, а потомъ митрополитъ Никейскій, грамматикъ, написалъ житія Тарасія и Никифора, святыхъ и блаженныхъ патриарховъ, надгробныя эгегіи, письма, ямбы на бунтовщика Ѳому, извѣстные подъ названіемъ „Противъ Ѳомы“, и многое другое“

отшествіе и лишеніе,—пресвѣтлаго свѣтоносца церковнаго погашеніе,—вѣстника единого только служенія Богу утрата, —велегласной трубы, пробуждавшей къ истинной вѣрѣ, молчаніе,—многоцѣнной сокровищницы неземного ученія сокрытіе, —устъ, быстрыхъ въ уловленіи пустого и вѣтрянаго невѣрія, закрытіе,—по истинѣ самой побѣдѣ соименный ¹⁾, хотя, какъ человѣкъ, и былъ побѣжденъ смертію. Вотъ что дѣлаетъ языкъ неспособнымъ къ славословію, вотъ что причиняетъ слову нѣмоту, вотъ что зоветъ умъ къ неумѣстности плачевной рѣчи. Поэтому я,—если бы не боязнь обвиненія въ неблагодарности, ибо сынъ рѣшился бы молчать объ отшедшемъ отцѣ и презрѣть столь великое чудо, коего никакъ нельзя покрыть забвеніемъ, убѣдилъ было себя, окутаннаго мракомъ невѣжества и отгоняемаго, какъ древній тотъ народъ, вихремъ грѣховности, не приступать къ горѣ добродѣтелей сего мужа и не касаться ничего ему присущаго, дабы съ своей недостойной попыткой не уподобиться по дерзости звѣрямъ и не быть побитымъ камнями или забросаннымъ копьями. Однако, извиняясь слабостію своихъ силъ, но воспламеняемый въ сердцѣ внутреннимъ желаніемъ и зная, что творимое по силамъ угодно Богу, я, насколько возможно, опустился въ глубину похвалъ всеславнаго отца. И да будетъ дано мнѣ молитвами вашими къ Всемогущему собрать скрытый въ немъ жемчугъ, вынырнуть съ неповрежденнымъ умомъ и доставить всѣмъ намъ желающимъ сокровище неподдѣльное. И я оказался бы несправедливымъ, еслибы, получивъ отъ него поводъ и содержаніе рѣчи, не принесъ бы воздаянія ему изъ словъ.

¹⁾ Νικηφόρος отъ νίκη+φέρω=побѣдоносецъ

2) Итакъ, отринувъ плачь, приступимъ къ слову и дѣянiя богоноснаго предложимъ добролюбцамъ, какъ нѣкій общегодный образецъ добродѣтели. Они будутъ на пользу и удовольствiе всѣмъ, кои съ любовiю стремятся къ добру и охраняютъ догматы неповрежденной вѣры, потому что оно дѣлаетъ явною крѣпость истины и попираетъ силы неправо взирающихъ на нее. Необходимо обнять и по возможности припомнить ¹⁾ не только то, насколько преуспѣлъ онъ въ нравственности и достославной жизни, но и то, какъ до крови подвизался онъ за саму истину. Я хочу и радъ имѣть слушателями всѣхъ питомцевъ православiя и тѣхъ, коихъ церковь, обнаживъ свою грудь, т. е. ученiе избранныхъ, насытила совершенною и духовною пищею для различенiя добра и зла. Но я удаляю и отгоняю тѣхъ, кои, будучи охвачены мерзкимъ ученiемъ, мыслятъ несогласно съ симъ отцемъ, стараясь, безъ сомнѣнiя, тщетно поколебать основанiе церкви и, говоря словами пророка, *надѣясь на лжу* (Ис. 30, 12); ибо худо расположенные къ нему и умышляющiе на него все дурное, они никогда не могутъ сочувствовать похваламъ ему и присоединиться къ нимъ. Вѣдь *мерзость грѣшникамъ*, какъ кажется Соломону и истицѣ, *благочестiе* (Сирах. 1, 25). Преслѣдуемые сѣтями словъ его, изъ коихъ невозможно выпутаться, блуждая въ безвыходномъ лабиринтѣ его обличенiй, толкаемые своимъ безпомощнымъ положенiемъ, они обратились къ злодѣянiямъ и не перестаютъ подобно неразумныхъ псамъ лаять на святого. Упорная и закоренѣлая развращен-

¹⁾ *Ἀληθείη μεμνησται*—такъ исправлено въ Acta Sanctorum рукописное *ἀληθείη*, каковому исправленiю слѣдуетъ и De Boor. Но Левъ Аллэцiй принималъ другую поправку: *ἀληθείαι*, т. е., *λόγοις* — чистыми, безъ лести

ность еретиковъ, хотя бы и поражалась безчисленными обличеніями, всегда остается безстыдной.

3) Итакъ, повѣствованіе о нихъ (дѣяніяхъ), уклоняясь отъ тягостнаго (предмета рѣчи), обращается прямо къ тому, чтобы славить нынѣ прославляемаго. Дивиться и повѣствовать о родѣ и блескѣ жизни, объ отечествѣ и богатствѣ и о всемъ другомъ, чего требуютъ внѣшніе законы ¹⁾ для похвальныхъ рѣчей, въ отношеніи къ тому, кто не желалъ употреблять на это никакого старанія, но украшалъ себя, какъ и подобаетъ, только рѣчами о благочестіи,—не является, полагаю, приличнымъ и святымъ дѣломъ для тѣхъ, кои вознамѣрились восхвалять добродѣтель. Не подлежитъ правиламъ софистическаго пустословія тотъ, кто по дѣламъ своимъ является вѣрнымъ правиломъ и мѣриломъ добродѣтелей. Но такъ какъ знаніе славы земнаго отечества его и благочестія его родителей является путемъ, ведущимъ къ душевному услажденію, а также дѣлаетъ ярче обликъ того, о комъ рѣчь, какъ кто-то изъ лирическихъ писателей сказалъ гдѣ-то, то мы изъ очерка рода сего мужа, изъ предначертаній матеріала его жизни представимъ вамъ цѣлый образъ человѣка, небесный и духовный.

4) Первенствующій и царствующій градъ градовъ явилъ его отъ истинно благочестивыхъ родителей, какъ бы нѣкую животворную искру, ибо съ самыхъ пеленъ онъ сталъ озарять міръ и умѣлъ гасить нечестіе едва только занявшагося еретическаго пламени. Имена его родителей свидѣлствуютъ, что они даны были имъ въ виду особаго обстоятельства, ибо съ Θεодоромъ соединенная для брачнаго сожи-

¹⁾ *Οἱ τῶν ἑξωθεν νόμοι*—заимствованныя у язычниковъ правила свѣтскаго краснорѣчія.

тія Евдокія произвела славнаго (εὐδόκιμον) и богодарованнаго (θεοδώρητον) Никифора и, какъ небесный отпрыскъ, возрастила его въ древо. Благочестіе ихъ было настолько замѣчательно и славно, что за истину избрали опасности, ссылки и бичеванія. Думаю, что какъ бы предуказаніемъ на будущую судьбу сына и нѣкоторымъ предъизображеніемъ было то, что сынъ и отецъ подвергались опасности за одинаковый образъ мыслей, хотя и не въ одно и тоже время.

5. Случилось, что въ то время, когда Константинъ ¹⁾ держалъ бразды царской власти, Θεодоръ исполнялъ должность нотарія и служилъ въ царскомъ секретѣ ²⁾. Украшенный чистымъ свѣтомъ праваго исповѣданія и вѣры, какъ другой Авраамъ, онъ былъ обвиненъ чрезъ доносъ предъ жестоко гнавшимъ ее (вѣру), что почитаетъ иконы Христа, Его пречистой матери и всѣхъ святыхъ. Врагъ истины, благодаря неожиданности слуха, возмутившись духомъ, приказалъ, чтобы тотъ предсталъ предъ нимъ и немедленно оправдался въ распространившейся относительно его молвѣ. Θεодоръ явился, какъ на пиръ, и, не признавая за собой вины, слухъ призналъ совершенно истиннымъ. Когда царь узналъ истину, а непреклонная твердость мужа, возбудивши его упорство, воспламенила его гнѣвъ, онъ разразился необычайными угрозами и присудилъ его, какъ преступника, къ бичеванію. Не смиривъ его поруганіемъ, судья свирѣпо взглянулъ на него, отнялъ у него плащъ и чинъ и присудилъ къ тяжелой ссылкѣ.

¹⁾ Константинъ Копромимъ 741—775 г.

²⁾ Секреты=приказы=министерства. Въ нихъ работали секретари или нотаріи, называвшіеся и латинскими и греческими именами: ἀποκριτής, νοτάριος, ὑπογραφεύς, ἐπουραμатеύς.

6. Спустя потомъ нѣкоторое время, царь приказалъ вызвать его изъ Пимолисы,—ибо эта крѣпость была назначена для ссылки,—и возвратить въ столицу, надѣясь, какъ кажется. что суровое обращеніе съ нимъ научило его признавать хорошимъ то, что считалъ таковымъ самъ, но нашелъ его тверже алмаза, выше угрозъ и запугиванія и готовымъ къ другимъ, если потребуется, болѣе суровымъ наказаніямъ. Онъ безбоязненно шелъ на это и хотѣлъ скорѣе украситья язвами Христовыми, чѣмъ преступить церковныя законоположенія, позволяющія по обычаю апостольскому и отеческому изображать Христа Бога нашего и поклоняться Ему. Когда святой мужъ устами исповѣдалъ спасеніе и призналъ себя принадлежащимъ къ сторонѣ, противной тиранну, то подвигнулъ его къ другимъ родамъ пытокъ, которыя перенесъ весьма твердо, былъ онъ изгнанъ въ Никею Вифинскую, гдѣ, проведя благочестиво остатокъ жизни и давъ всѣмъ примѣръ твердости въ истинной вѣрѣ, представился къ жизни вѣчной и покою въ чаяніи получить награду за труды въ то время, когда будетъ изслѣдоваться все, содѣянное нами.

7. Соединенная съ нимъ божественнымъ закономъ жена, любившая и Бога и мужа, всюду сопровождала своего супруга въ опасностяхъ, ссылкахъ, въ печаляхъ, *оружіи правды*, по божественному апостолу, *десными и шуми* (2 Кор. 6, 7), т. е. въ горѣ и радости. Подвизаясь вдвоемъ и поощряя другъ друга къ добродѣтели, они были не менѣе соединены духомъ, чѣмъ ихъ тѣла. Послѣ блаженной кончины сожителя она достаточное время жила съ сыномъ, который именно въ это время изучалъ свѣтскія науки и трудился надъ усвоеніемъ каллиграфическаго искусства. Онъ взятъ былъ на службу писцомъ въ царскій тай-

ный приказъ, ибо (данное этой должности) названіе *Асекретисъ* (=à Secretis) на латинскомъ языкѣ означаетъ того, кто (служить) *при тайнахъ* (въ тайномъ отдѣленіи). Она видѣла также его блистающимъ свѣточемъ, поставленнымъ на свѣщницѣ вышаго священства и непрестанно испускавшимъ свѣтъ по стезямъ нашимъ, и до самой глубокой старости, какъ слѣдуетъ, пользовалась отъ него подобающимъ родителемъ, послѣ Бога, почтеніемъ. Признавъ непрочность этой жизни подобною ткани изъ нитей паутины, она вступила на поприще аскетическихъ состязаній и, борясь со врагомъ, побѣдивъ его и достойно окончивъ теченіе своего призванія, въ смерти она облеклась вѣнцомъ безсмертія, участвуя съ дѣвами въ брачномъ празднествѣ и сохраняя свою лампаду неугасимую елеемъ добродѣтели. О счастливый сынъ, получившій столь добрую рекомендацію въ *благодѣстіи* своихъ родителей! О счастливые родители, получившіе сына, столь преуспѣвшаго въ добродѣтели!

8. Но относительно родителей праведника слово, оказываясь ниже ихъ заслугъ, здѣсь да престанетъ. Предстоитъ сказать, какъ самъ онъ устроилъ себя на основаніи добродѣтели и, говоря словами *пророка*, *восхожденія въ сердца своемъ положи* (Пс. 83, 6), хотя слово колеблется при мысли говорить не въ мѣру высоты заслугъ, даже еслибы справедливый слушатель и не требовалъ, чтобы оно было въ мѣру этой высоты. Итакъ, значительно сокращая и облегчая себѣ затрудненія, я попытаюсь разсмотрѣть кое-что изъ содѣяннаго имъ и по части показать вамъ цѣлое, какъ по когтямъ льва.

9. Царь и дворъ имѣли въ немъ, знаменитомъ словомъ, какъ бы нѣкое божественное украшеніе и славу, какъ Филиппъ—Пэаніейскаго оратора. Онъ не

былъ многорѣчивымъ декламаторомъ льстивыхъ рѣчей, говорившимъ пріятное въ погонѣ за похвалами. При случаяхъ, звавшихъ говорить, онъ предлагалъ слово, не ласкавшее слушателя отборными выраженіями, а такое, которое имѣло въ виду невычурно и просто оказать пользу. Когда нѣкоторые въ то время изъ числа управлявшихъ Ромейской имперіей потерпѣли крушеніе относительно правой вѣры, онъ, насколько было въ его, силахъ, остановилъ волненіе. Съ горедливымъ намѣреніемъ уничтожить издревле, по обычаю апостольскому и отеческому, хранимое непорочною церковью преданіе, т. е. изображеніе и почитаніе священныхъ иконъ, и какъ бы боясь взирать на Христа, представленнаго въ тѣлесныхъ чертахъ, они подобно свиньямъ всѣ сразу устремились на ея благолѣпіе. Закрасивъ всякое богомужное изображеніе претерпѣвшаго плотію немощи наши Христа, истиннаго Бога нашего, какъ и тѣлесныя изображенія всенепорочной Его Матери и отъ вѣка угодившихъ Ему святыхъ, задумали они созвать въ царствующемъ городѣ мѣстное собраніе епископовъ ¹⁾, истинно сказать, фарисейскій синадріонъ. Бѣснуясь противъ Христа, тѣ подверглись винѣ богоубійства, а эти, взирая помутившимся взглядомъ на тѣлесное изображеніе Его, стяжали себѣ достоинство христорбцевъ. Черпая оправданія для себя изъ ничего не говорящихъ въ своей связи текстовъ Св. Писанія, обрѣзая неразумно изреченія изъ отеческихъ словъ, говоренныхъ противъ идоловъ, сокрывъ незрѣлымъ опредѣленіемъ искомое и *преложивъ*, какъ говоритъ Писаніе, *предѣлы отцовъ* (Пр. 22, 28), они запечатлѣли память о своемъ безуміи.

¹⁾ Константинопольскій соборъ 754 г.

10. Но когда судъ вышней силы, карающій злыхъ, лишилъ жизни и власти боровшихся съ церковью, особенно тѣхъ, которые злоумышляли противъ честной вѣры нашей, соименная миру (εἰρήνη) вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ приняла отъ Бога, какъ отеческое наслѣдіе, державу царства,—Ирина, женщина сильная духомъ и любящая Бога, если можно женщиной называть ту, которая благочестивымъ образомъ мыслей превосходила и мужчинъ. Черезъ нее Богъ подкравшееся тогда къ церкви, какъ змѣя, опасное раздѣленіе силою Своего человеколюбія привелъ къ единенію въ правой вѣрѣ. Рѣшивъ созвать собраніе священныхъ мужей съ концовъ вселенной въ столицѣ Виѣиніи Никееѣ для пресѣченія заразительной болѣзни, она при помощи Божіей выполнила свое рѣшеніе. Предсѣдательствовалъ на соборѣ Тарасій, святѣйшій предстоятель столицы, и присутствовали святѣйшіе представители Адриана изъ стараго Рима, Политіана изъ Александріи, Θεодорита изъ Антіохіи и Иліи изъ Элліи ¹⁾. Соприсутствовать съ этими избранными главами (ἐξάρχουσιν) былъ назначенъ и Никифоръ помимо многихъ своихъ сослуживцевъ, причемъ ему вручено было царское воззваніе къ священному тому собору; объявляя чрезъ него всѣмъ чистую вѣру и какъ бы съ возвышеннаго мѣста провозглашая и объясняя издревле преданное начертаніе и почитаніе честныхъ иконъ, онъ былъ сопричисленъ къ священному собранію, не имѣя еще священнаго одѣянія. Таковъ подвигъ благочестія совершенъ былъ блаженнымъ. Это первая неотъемлемая ему награда и вѣнецъ, гораздо болѣе драгоцѣнные, чѣмъ тѣ вѣнки

¹⁾ Іерусалима.

изъ шерсти, маслины и сельдерея, которыми древніе чтили состоязующихся.

11. Когда отеческое и богоизбранное собраніе, водимое вѣяніемъ божественнаго духа, благополучно ввело корабль исповѣданія въ гавань православія и хитонъ церкви былъ снова украшенъ священными изображеніями, а порожденіе ереси дало мертвый плодъ, тогда великій Никифоръ, нося (въ своемъ имени) знамя побѣды, составилъ пѣснь, пронзающую и разящую враговъ вѣры, уча, что Христосъ не описуемъ по простому и неосязуемому божеству, но что Онъ описуемъ по человѣчеству, осязуемъ и сложенъ, изъ чего неопровержимо слѣдуетъ возможность изображать Его, если только мы не будемъ держаться фантастическихъ бредней послѣдователей Манеса. Говоря это и такъ думая, пребывалъ онъ, какъ сказано, въ царскомъ секретѣ, занимался службою и трудился надъ дѣлами общественными.

12. Но такъ какъ зналъ онъ заповѣдь болѣе таинственную, повелѣвавшую внимать себѣ и быть свободнымъ для одного Бога, ибо только такъ возможно отвлекаться отъ земного и возноситься къ Богу: то онъ старался укрыться въ уединеніе желанной тишины, умоляя и прибѣгая ко всякимъ просьбамъ, чтобы убѣдить увлекавшихъ его въ круговоротъ жизни не мѣшать выполненію его желанія. И, конечно, убѣдилъ и скоро получилъ полное удовлетвореніе своему желанію. Съ этого времени, презрѣвъ докучливыя собранія и шумъ сутолоки, увѣнчавъ шерстью пышность своего чина и сказавъ—прости—всему, что зоветъ къ разслабленію, изнѣженности и тѣлесному сладострастію, переселяется онъ на одинъ холмъ противъ Воспора Фракійскаго, ничего не неся съ собою на новый Кармилъ, кромѣ милоти Іліи, т. е. нестяжатель-

ности, которая по истинѣ созидаетъ первое убѣжище для добродѣтели, и пріобрѣтеніе которой даруетъ безсмертіе и любовь къ жизни ангельской. Итакъ, избравъ ее въ сотоварищи и возлюбивъ ее болѣе, чѣмъ другіе любятъ камни Суфирскіе и ткани Сирійскія, сей великій купецъ, какъ сказано, отправился на новый Кармилъ, который казался непривлекательнымъ, благодаря дикости и пустынности, представлялся непригоднымъ для обработки по отвѣсности вершины горы, безводнымъ, не орошеннымъ и совершенно негоднымъ, потому что онъ былъ лишенъ даже дождеваго орошенія, вслѣдствіе своей крутизны.

13. И зачѣмъ распространяться много о суровости мѣстности и о неудобствахъ ея расположенія, когда желающій лучше всякаго описанія можетъ самъ познакомиться съ нею и рѣшить, чѣмъ она была и что изъ нея сдѣлалось? Сбросивъ съ себя, какъ старое и рваное платьѣ, дикость и запустѣніе, удаливъ отъ себя безплодіе, чтобы сдѣлаться плодородной, и орошаясь сверху дождемъ при помощи разсѣлинъ, проходившихъ отъ однихъ водоемовъ до другихъ, взаимно сообщавшихся, она превзошла красоту дворца Алкиноя и Ксерксова золотого платана настолько, насколько истина выше мифическихъ выдумокъ. Освященная храмами мучениковъ, которые были всѣ украшены изображеніями ихъ подвиговъ, она (мѣстность) уподобилась, чтобы сказать словомъ Писанія, раю Божію. Кто не подивится пригодности ея и удобствамъ для обитанія, прежде даже чѣмъ самъ испытаетъ? Итакъ, онъ основалъ честной сонмъ священ-ныхъ мужей для непрестаннаго славословія Бога, съ коими и самъ непрестанно въ ночное и дневное время выстаивая молитвы и службы и наслаждаясь высшей мѣрой воздержанія, занимался чтеніемъ божествен-

ныхъ книгъ и науками, не желая и слышать о Сиракузскомъ столѣ и питаюсь яствами, достаточными (только) для поддержанія жизни.

14) Такъ какъ вспомнилъ я о наукахъ, то не считаю неприятымъ отступленіемъ напомнить объ усердіи къ нимъ и о высотѣ въ нихъ сего мужа. Съ изученіемъ св. Писанія соединялъ онъ занятія и свѣтскими науками для того, чтобы при наученіи сильнѣе убѣждать, а съ другой стороны для того, чтобы изобличать нелѣпость заблужденій. Какъ достоинство закона называется въ пониманіи справедливаго и несправедливаго, чтобы каждому изъ тяжущихся присуждать достойное воздаяніе, такъ и полнота образованія требуетъ изученія того и другихъ. Не ставимъ мы ихъ рядомъ, нѣтъ: служанка не можетъ соперничать съ госпожею, ни сынъ рабыни не можетъ наслѣдовать съ сыномъ свободной, какъ было сказано Аврааму. Какъ силенъ онъ былъ въ грамматикѣ, ея частяхъ и формахъ, при помощи коихъ отличается правильно написанное отъ неправильнаго, исправляется греческій языкъ и опредѣляется размѣръ стиховъ, — извѣстно тѣмъ, кои хоть немного понимаютъ это искусство. Насколько сладкорѣчивымъ и медоточивымъ являлъ онъ себя въ многозвучной свирѣли риторовъ, не трудно видѣть: удаляя приторное и лишнее и все то, что походило на софистическую безсодержательность и болтовню, онъ старался придать пріятность и красоту сочиненію путемъ ясности и чистоты.

15) Что касается усвоенія математической четверицы, которая получаетъ свой составъ изъ величинъ непрерывныхъ и изъ величинъ раздѣльныхъ, ибо величины или движутся и образуютъ предметъ астрономіи, или неподвижны и даютъ содержаніе для геометріи, или существуютъ, какъ отношенія, и образу-

ютъ предметъ музыки, или безотносительны и создаютъ предметъ ариеметики: то своимъ усердіемъ онъ дошелъ до того, что изучая ихъ въ связи и каждую въ отдѣльности, во всѣхъ достигъ онъ совершенства. А музыкальную лиру настраивалъ не такую, какъ Пизагоръ Самосскій и обольститель Аристоксентъ, а напротивъ—стопятидесятиструнную, и играя на ней, онъ отгонялъ всегда отъ слушателей болѣзнь, которою нѣкогда страдалъ Саулъ, и смягчалъ свирѣпаго тиранна, пораженнаго духомъ зловѣрія и упорно бѣсновавшагося противъ домостроительства Христова, и тѣмъ спасалъ свое стадо отъ его заразы.

16) Занявшись весьма основательно этими четырьмя служанками истинной науки, онъ потомъ перешелъ легкимъ и вѣрнымъ путемъ къ ихъ господамъ, т. е., къ философіи и ея умозрѣніямъ. Онъ надлежащимъ образомъ изучилъ: какія (существуютъ) ея опредѣленія, сколько ихъ и каковы ихъ особенности,—что такое подлежащее и что такое сказуемое, и это послѣднее относится ли ко всему (объему подлежащаго), или ни къ какой (части его), или къ цѣлому и тому подобное,—что должны означать ихъ элементы и суть ли они омонимы однихъ только геометрическихъ и физическихъ (элементовъ),—сколько видовъ сужденій и какъ они превращаются,—каково значеніе противорѣчія,—какие бываютъ предикаты, какія опредѣленія и чему соответствуетъ неопредѣленное по нимъ,—сколько видовъ силлогизмовъ, какія и сколько фигуръ,—какой силлогизмъ гипотетическій и какой категорическій и чѣмъ различаются; все-ли можно доказывать чрезъ сведеніе къ невозможному, а фигуры какъ и когда могутъ смѣшиваться, какъ дѣлаются заключенія и какъ разлагаются,—какъ составляется паралогизмъ, какой паралогизмъ софистическій и какъ

онъ можетъ быть ложнымъ и въ тоже время убѣдительною,—какой силлогизмъ состоитъ изъ одной посылки,—какимъ образомъ силлогизмъ діалектической, будучи принятъ, ведетъ къ заключеніямъ вѣроятнымъ и какъ ихъ опровергнуть; какую силу имѣетъ силлогизмъ аподиктический, доказывающій истину (чрезъ выводъ) изъ низшаго (къ высшему), — каковы проблемы ихъ, аксіомы и то, что походитъ на аксіомы,—что принимаетъ матерію, смѣшенія и соединенія,—какія у физиковъ первыя начала и какимъ образомъ они недоказуемы,—что такое покой, сколько видовъ тождества и различіе гдѣ, въ отношеніи къ чему, какъ и когда бываетъ,—непрерывна ли цѣпь причинъ и не простирается ли она въ безконечность,—кто двигатель, что такое органическое, что рождающее, что предшествующее и что производное и посредствомъ чего и къ чему склоняется, по избранію или по насилію, что такое носитель качествъ, по какой нуждѣ они, по ученію ихъ, являются, если изъ ничего не бываетъ ничего, и какимъ образомъ отъ противнаго приходятъ къ бытію и существованію и какъ опять этимъ противнымъ уничтожаются и разрушаются?

17) Это и подобное сему изслѣдовавъ по возможности внимательно и съ полнымъ усердіемъ и осторожно испытавъ пользу сего, считалъ весьма похвальнымъ молчаніе и выказывалъ возвышающее къ небу смиреніе, ибо совершенное познаніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы полное постиженіе благодарно приписывать Богу и сознавать, что нельзя постигнуть сущее, какъ оно есть въ себѣ. Такимъ образомъ силою природныхъ дарованій, влеченіемъ души и съ помощію Божіею усвоивъ науки, онъ не менѣе стремился подняться въ божественныхъ добродѣтеляхъ, ибо не думалъ, что совершенство въ тѣхъ (на-

укахъ) будетъ препятствіемъ для него въ стремленіи къ добродѣтели. Пользуясь тѣмъ и другимъ путемъ и порядкомъ, онъ старается успѣть въ обоихъ и достигъ совершенства въ каждомъ.

18) Посредствомъ умѣренности и воздержанія сдѣлавъ сожительницею своею цѣломудріе, поборающее природу, смиряя гордыню заложенныхъ въ чревѣ ярыхъ страстей, соединяя негнѣвливость съ природною кротостію, являясь предъ всѣми ласковымъ и пріятнымъ, онъ сгонялъ съ лица своего непріятное выраженіе гнѣва. Ярость была присуща ему не какъ змѣѣ, а устремлялась только противъ дракона, виновника нашего паденія. Отсутствіе сребролюбія, приготавливающее человѣка къ жизни духовной, онъ не скрывалъ въ бочкѣ, подобно извѣстному цинику философу, а постоянными подаваніями на бѣдныхъ онъ доказывалъ свое презрѣніе къ деньгамъ и къ тому пути, который ведетъ къ нимъ. Не думая ничего дѣлать для виду и обладая чистою совѣстію въ этомъ отношеніи, онъ не только правую руку снаряжалъ на дѣло милостыни, но и лѣвой сообщалъ понятіе о ней, такъ что до всецѣлаго безстрастія довелъ этотъ ненасытный порокъ (сребролюбія).

19) Посему благодать восхотѣла, чтобы онъ по настоящему требованію императоровъ былъ попечителемъ самого большого пріюта въ столицѣ, предуготовляя для него и, такъ сказать, вручая ему этимъ частнымъ опытомъ управленіе соборною церковью. Но объ этомъ пусть повѣствуютъ другіе писатели, которые съ любовью и усердіемъ подобно пчелѣ собираютъ какъ бы съ цвѣтущаго сада достоинства и для сладости сота, то есть божественной славы, отлагаютъ ихъ при помощи слова. Думаю, что въ томъ, что имѣетъ отношеніе сюда, недостатка не будетъ,

ибо достоинства его велики, многочисленны и не допускаютъ предпочтенія однихъ другимъ, такъ какъ всѣ они достигаютъ совершенства. Мы же, избѣгая длинноты слова, возбуждающей неудовольствіе въ слушатель, перейдемъ съ помощію Божіею къ послѣдующему.

20) Вскорѣ Тарасій неугасимый свѣтильникъ церкви, хорошо направивъ корабль вѣры, показавъ его силу противиться бурѣ ереси, введши его обремененный грузомъ православія благополучно въ гавань, удалившись изъ (среды) смертныхъ къ лучшей долѣ, приложился къ отцамъ отецъ,—къ патріархамъ принявшій патріаршество ради истины, ко святымъ жизни своею свято чтившій святость, къ истиннымъ пастырямъ подражавшій архипастырю Христу, по имени знавшій и звавшій овецъ, словеснымъ посохомъ отгонявшій отъ нихъ волковъ, загонявшій ихъ въ ограду праваго исповѣданія и вѣры. Вотъ сей-то небесный мужъ, въ жизни земной подражавшій, насколько то возможно, ангеламъ, вмѣстѣ съ непобѣдимою ¹⁾ душою предавшій въ руки Божіи и бразды священства, предстательствовалъ, какъ я думаю, предъ Богомъ въ чистой молитвѣ, чтобы явился достойный первосвященникъ и былъ указанъ славный герольдъ невѣсты Христовой церкви. Съ великимъ трудомъ въ потѣ срѣзавъ подъ корень выросшія въ ней тернія ереси, уничтоживъ водительство Духа (возникшія въ ней) соблазны и нестроенія, вспахавъ словеснымъ плугомъ пашню вѣры и посѣявъ не при пути или на камняхъ и въ терніи, но на почвѣ хорошей, плодородной и, какъ говорится, возвращающей столицею,—богопреданные символы домостроительства Христова, онъ и послѣ смерти желалъ и стремился

¹⁾ Вмѣсто *ἀθάνατος* можетъ быть надо *ἀλκήτος*—безсмертною.

видѣть человѣка, который бы ухаживалъ за его нивой. И онъ не обманулся въ своей просьбѣ, ибо Богъ ищущимъ Его всегда являющійся, стучащимъ отверзающій дверь, истинныя прошенія божественнымъ мановеніемъ и духомъ исполняющій, — ясно указалъ на Никифора, какъ на человѣка, достойнаго священнаго помазанія, и очевиднѣйшимъ образомъ открылъ его тогдашнему соименному ему императору, бывшему совершеннымъ въ отношеніи истинной вѣры.

21. Этотъ, какъ не уступавшій никому въ мудрости, былъ сильно озабоченъ тѣмъ, чтобы доставить вдовствующей (церкви) обручника и женихова представителя, способнаго держать убѣдительное слово при наученіи и мудро идти по стопамъ прежняго пастыря. Посему сообщилъ онъ (о дѣлѣ) всѣмъ священникамъ и монахамъ и тѣмъ, коихъ зналъ за наиболѣе отличныхъ и выдающихся изъ состава синаклита, дабы къ справедливому избранію большинства, подтвержденному согласіемъ Божественнаго Духа, присоединиться съ своимъ мнѣніемъ. Они же, такъ какъ невозможно людямъ избѣгать пристрастія, разрушивъ согласіе враждою другъ къ другу, все выбирали и влекли разныхъ лицъ, — не того, кого предназначало предвидѣніе Верховной Силы, а кого отмѣчало и понуждало желаніе каждаго. Царю, напротивъ, здравый умъ указывалъ архипастыря въ Никифорѣ, и онъ приглашалъ всехъ обратить вниманіе на него, напоминая о выдающихся достоинствахъ мужа, о его краснорѣчій духовномъ и свѣтскомъ, о кротости и мягкости его нрава, о сердечной чистотѣ его и нераздражительности по отношенію ко всѣмъ. И вообще (говоря), какъ бы сплошнымъ снѣгомъ своихъ царственныхъ рѣчей наполнивъ слухъ всехъ, онъ, безъ всякаго насилия, всехъ какъ бы въ сѣть уловилъ къ одному

рѣшенію. Тогда Никифоръ былъ провозглашенъ патриархомъ всѣми единогласно.

22. Итакъ, императоръ посылаетъ къ нему мужей съ извѣстіемъ, чтобы онъ немедленно и безотлагательно явился въ столицу. Онъ же, предпочитая похвальное послушаніе непохвальному послушанію, хотя и неохотно, послѣдовалъ за посланными. Когда царь добился того, къ чему стремился, и увидѣлъ осуществленіе своего желанія, то, говорятъ, сказалъ ему: „предо мною, богобоязненный, еслибы только я вмѣнялъ ни во что заповѣди Божіи и нерадѣлъ объ ихъ исполненіи, открывался наклонный и широкій путь, идя которымъ я сдѣлалъ бы архіереемъ столицы не человека достойнаго кафедры, а перваго встрѣчнаго, который бы изъявилъ желаніе на это. Но такъ какъ изъ божественнаго Писанія я знаю, каковъ долженъ быть имѣть имѣющій священнодѣйствовать и другихъ долженствующій возводить въ священныя степени,—знаю, что онъ долженъ быть высокъ въ добродѣтели и съ чистыми устами, стражъ знанія, истолкователь закона и вѣстникъ всемогущаго Господа, то боюсь, чтобы пренебрегши этою священною заповѣдью, мнѣ не подвергнуться осужденію за нерадѣніе и не привлечь на себя грознаго проклятія. Нынѣ, когда Богъ вручаетъ вамъ священство и бразды сего священнаго поприща, не отвергните предложенія и, рѣшаясь на божественную брань, взирайте на то, что полезно всѣмъ. Знаемъ, что, по слову твоего и общаго наставника Павла, ты выказываешь искусство борьбы не противъ воздуха, и надѣмся, что бѣжишь не для того, чтобы ничего не получить (1 Кор. 9, 24—26), а для того, чтобы съ достигнутымъ тобою поработеніемъ тѣла быть глашатаемъ для другихъ,—и да сіяетъ слава твоя паче золота. Не просите Бога

только о вашемъ спасеніи и уединенія не ищите только для себя, а старайтесь, чтобы спасеніе получили всѣ. Обручите за себя прекраснѣйшую невѣсту, послушно принимающую своимъ ухомъ жемчугъ правыхъ и чистыхъ догматовъ, съ главою, покрытою вѣнцомъ благодатныхъ даровъ, блистающимъ отеческими преданіями, какъ драгоцѣнными камнями, съ украшающимъ ея грудь и таинственно возлежащимъ на ея шеѣ золотымъ ожерельемъ изъ опредѣленій семи боговдохновенныхъ соборовъ; а внутри она облечена всякою славою и евангельски украшена священными и честными изображеніями. Иначе обручитьъ ее себѣ какой-либо прелюбодѣй, который, сѣя въ ней плевелы еретическихъ сѣмянъ, опозоритъ красоту истинныхъ сыновъ ея, или же въ овчей одеждѣ будетъ лицемерно излагать здравую вѣру, а внутри обнаружитъ волка невѣрія и загонитъ стадо въ горы и мѣста, не посѣщаемыя Господомъ. Имѣя Агнца Божія Христа истиннаго Бога нашего руководителемъ для удержанія стада на правой стезѣ, не отвергни призыва и не презри нашей просьбы, чтобы не навлечь тебѣ гнѣва Божія на себя“.

23. Доводами царя, какъ бы копьями, брошенными изъ сердца, раненый въ душу, онъ овѣчалъ: „мнѣ думается, государь, что пасти словесное стадо способенъ только тотъ, у кого нѣтъ связей съ землею,—у кого есть непоколебимое стремленіе идти по небеснымъ стезямъ при отсутствіи всякаго препятствія этому со стороны плоти,—кто считаетъ себя не подлежащимъ страшнымъ прещеніямъ противъ пастырей, изрекаемымъ пророческими устами (Іер. 23, 1),—кто, по примѣру Пастыреначальника и единого Архіерея Христа, готовъ душу свою положить за стадо свое,—кто входитъ въ ворота овчарни церковной не-

для того, чтобы закалать и убивать пагубнымъ учениемъ, а для того, чтобы животворить, спасать и заботливо охранять дѣтей въ оградѣ вѣры,—кто слѣдитъ за каждымъ шагомъ, взглядомъ, настроениемъ и образомъ жизни пасомыхъ и для уврачеванія каждаго разнообразить свои пастырскія заботы, употребляя чаще свой посохъ на то, чтобы исправить и удержать отъ паденія, и только иногда пользуясь жезломъ, бьющимъ безъ пораненія, и воздерживаясь отъ всякаго недоброжелательства. На такую брань я не готовъ и не хочу выступать противъ невидимыхъ, непримиримыхъ и всегда готвыхъ къ бою и хорошо вооруженныхъ (враговъ). Плоть я—и не умѣю достаточно владѣть духовнымъ оружіемъ противъ тѣхъ. отъ нападенія коихъ не можетъ укрыться никакая сила, хотя бы она и охраняла себя со всѣхъ сторонъ“.

24. Царь, прерывая его, возразилъ: „нѣтъ у тебя основанія и повода противиться и отклонять священное иго Христово, ибо, какъ сказалъ я, само Слово, являясь на помощь, будетъ сопастырствовать и соусердствовать и сдѣлаетъ легкимъ для васъ все, что казалось доселѣ труднымъ“. Всегда совершенно послушный божественнымъ (внушеніямъ), повинуется (Никифоръ) и этимъ (внушеніямъ) и тотчасъ проситъ императора перемѣнить одѣяніе мірянина на ангелоподобный образъ монашескій, присоединяя къ (прежней) строгости (новую) строгость и къ успѣшно понесеннымъ трудамъ еще болѣе трудное совершенство. Царь согласился и мудро нашелъ приличнымъ, чтобы остриженные волосы священной главы его, равно какъ и блестящее пурпуровое платье его, были приняты руками сына его и соправителя; ибо подобало, чтобы волосы, возвращенные вершиною божественныхъ добро-

дѣтелей, были приняты самыми высшими по достоинству и чтобы имѣющій войти въ славу высшаго священства блисталъ необыкновенною славою. Когда было совершено божественное постриженіе въ монашество, согласно тайносовершителю и мудрому Діонисію, и возведеніе въ священныя степени по чину сообразно священнымъ канонамъ, послѣдовало украшеніе и архіерейскимъ посвященіемъ,—когда и какъ, къ повѣствованію о семъ обращаюсь.

25. Когда царь и синклитъ собрались въ великую церковь праздновать страшное воскресеніе ¹⁾, когда золотыя струи свѣта, обливая сверху это священное собраніе, какъ бы предуказывали на блескъ чаемаго безсмертнаго прославленія, когда стеклась толпа, блистая бѣлыми одеждами: тогда Никифоръ, держа въ рукахъ божественный свитокъ вѣры, имъ самимъ прежде составленный, исповѣданный сердцемъ и устами и согласно съ нимъ провозглашенный клиромъ, приступилъ къ божественному руковозложенію, ссылаясь на сего непреложнаго свидѣтеля и общая ни въ чемъ не преступать изложеннаго въ немъ и предстать въ великое и славное пришествіе великаго Бога и Спасителя нашего съ этимъ истиннымъ и чистымъ исповѣданіемъ. Сей свитокъ послѣ совершенія надъ нимъ таинства онъ положилъ подъ престолъ какъ бы для освященія и для полученія отъ Бога утвержденія. Когда священное таинство по божественному изволенію было совершено, народъ воскликнулъ трижды: ἄξιός ἐστι τῷ ἁγίῳ. Послѣ сего взошедши на священное возвышеніе трона, какъ бы на высочайшую вершину горы, которое дивный Аввакумъ духовно

¹⁾ Никифоръ былъ посвященъ въ патриарха въ день пасхи 12 апрѣля 806 г.

назвалъ именемъ божественной стражи (Авв. 2, 11), возгласивъ всему народу благо мира и получивъ себѣ таковое же пожеланіе, самъ совершалъ остальную часть божественнаго жертвоприношенія.

26. Такимъ образомъ Богъ, Который смиреннымъ даетъ благодать, судилъ вручить ему за его любовь къ духовному восхожденію высшую должность церкви, получивъ каковую и начавъ строить на ней достойно евангелія, онъ сохранилъ неподвижнымъ основаніе вѣры. Нашедши церковь въ спокойномъ состояніи, ибо соблазны ереси, какъ сказано, были изгнаны отеческимъ собраніемъ, онъ при полной тишинѣ поплылъ по морю церкви, не опасаясь для нея еретическаго волненія. Посему ревность подвигла его обратиться на другой путь противъ безбожныхъ и странныхъ ересей, съ недавнихъ поръ тогда начавшихъ совершать дерзновенно полныя мерзости тайны ихъ безумія, т. е. противъ Іудеевъ и Фригійцевъ (монтанистовъ) и противъ пившихъ чашу невѣрія изъ болтовни Манеса. Посредствомъ составленнаго имъ сочиненія обстоятельно ознакомивъ царя ¹⁾ съ ихъ нелѣпымъ культомъ и въ личной бесѣдѣ разъяснивъ, что подобно гангрѣнѣ этотъ культъ можетъ причинить вредъ всему обществу, если имъ впредь будетъ позволено дѣлать, что хотятъ, онъ такъ поразилъ богоубійство Іудейское, странныя баснословія Фригійцевъ и бредни Манихеевъ, что ихъ мерзости не исходили уже открыто изъ устъ и болтовня ихъ обмана раздавалась только въ тайныхъ сокровенныхъ мѣстахъ. Лишенные властью возможности открыто говорить и дѣйствовать, нечестивцы были доведены до невозможности дѣлать что-либо даже скрытно.

¹⁾ Михаилъ 1 съ 811 по 813 г.

27. Такимъ образомъ волненіе незаконныхъ ересей мало по малу утихло и правая вѣра истиннаго исповѣданія нашего, ярко заблеставъ, доставила отдыхъ церкви Божіей. Но когда совнѣ все обстоило такъ хорошо, онъ перенесъ свое вниманіе на то, что внутри, — говорю о порядкахъ жизни монашеской. Мужи, избравшіе себѣ сію небесновысокую жизнь или давшіе обѣтъ избрать ее, подъ предлогомъ будтобы родства или иного благовиднаго соображенія, надумали строить свои монастыри рядомъ почти съ обителями женскими, причемъ хотя и избѣгали явнаго сожитія, но не могли совсѣмъ избѣжать прираженія помысловъ. У нихъ все было общее и имущество и доходы, однако иначе, чѣмъ какъ говорится (Дѣян. 4. 32) о древнихъ вѣрующихъ. У тѣхъ, при добромъ отреченіи отъ имущества, предпочиталось общее, здѣсь же, при дурномъ общеніи во всемъ, выходило, что не отрекались ни отъ чего. И было нѣкое нарушеніе высокой жизни, и всякій сталъ подозрѣвать въ блудодѣяніи давшихъ обѣтъ дѣвства. При видѣ сего цѣломудреннѣйшій умъ патріарха безъ всякаго промедленія рѣшилъ: не допускать соблазна до полнаго развитія и искоренить склонность къ любострастію. Пользуясь апостольскою властію и избравъ стоящихъ на стражѣ ея исполненныхъ ревности Финееса архіереевъ, послалъ ихъ какъ бы на вторую проповѣдь, чтобы поразили они гнусную страсть канонической сѣкирой и прекратили заразу увѣщательной кротостию. Посѣтивъ всѣ мѣста, пораженные этою болѣзнію и искусно пользуясь спасительными лѣкарствами, постарались они довести до заживленія эту гнойную язву: они удалили мужскія помѣщенія отъ женскихъ и снабдили эти послѣднія всѣмъ необходимымъ, чтобы не были стѣснены нуждою и не держались за во-

споминанія о бывшемъ довольствѣ, и чтобы не сдѣлалось послѣднее горше прежняго ихъ сожитія. Мужей же возвратили они къ ихъ занятіямъ и въ монастыри, а вѣриѣ—къ заботѣ каждаго о своей душѣ,—и внушили имъ впредь избѣгать, какъ укушенія змѣи, женскаго сожительства, дабы страсть къ наслажденію, прокравшись въ дверь помысловъ, не пустила стрѣлы и не причинила пораненія душъ. Такимъ образомъ приложивъ всѣ заботы объ исправленіи священнаго стада монаховъ, эти вожди цѣломудрія доставили Пастыреначальнику душеполезный доходъ отъ своихъ занятій съ значительнымъ приростомъ.

28. Также и во всякомъ другомъ мѣстѣ и городѣ, если находилъ присутствіе этой болѣзни, дѣйствовалъ перомъ и черниломъ, составляя лѣкарство противъ нея. Нѣчто таковое совершилъ онъ въ одной изъ мѣстностей Таврскихъ. Управлявшій тогда тамошнимъ народомъ воевода, охваченный сею позорною страстію, старался развестись съ своей женой, чтобы на мѣсто ея привести какую-то распутницу. Рѣшившись смыть съ него постыдную скверну, Никифоръ поставилъ ему на видъ его грѣхъ при помощи требованій и прещеній Писанія, которымъ онъ справедливо будетъ подлежать, если не захочетъ воздерживаться отъ него. И это такъ почти и случилось.

29. Такъ какъ онъ старался провѣрять чистоту своей православной вѣры опредѣленіями отцовъ, то согласно каноническому и древнему обычаю, повелѣвающему имѣть общеніе вѣры съ апостольскими каедами, изложивъ ее (вѣру) въ соборномъ посланіи, отправилъ къ тогдашнему папѣ Римскому Льву; (и это посланіе) было позорнымъ столбомъ для ложныхъ ересей и памятникомъ для православной вѣры. Если кому угодно на дѣлѣ познать силу слова сего мужа,

пусть прочитаетъ это посланіе и онъ пойметъ высоту и ясность (разумѣнія имъ) божественныхъ догматовъ. Удивился сему священный Левъ и принявъ съ любовью, заявилъ, что (все это) совершенно согласно съ главными догматами Петра. Тожество естества и равночестность единосущной Троицы онъ изложилъ такъ безукоризненно, что ни въ чемъ не уступалъ выдающимся богословамъ. Явленіе въ послѣднія времена единаго изъ лицъ св. Троицы отъ пречистой и непорочной Дѣвы и Богородицы Христа истиннаго Бога нашего разъяснилъ и исповѣдалъ согласно съ вселенскими соборами, такъ что не было опущено ничего изъ относящагося къ богочитанію. Заступленія предъ Богомъ и предстательство пречестной Богоматери, небесныхъ силъ, апостоловъ, славныхъ пророковъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ праведниковъ, покланяемые ихъ останки и священные ихъ изображенія онъ объявилъ достойными почитанія настолько, насколько справедливо почитать и величать такъ жившихъ и такъ Богомъ прославленныхъ. Такъ было твердо обосновано служеніе въ духъ и истинѣ единому Богу, истинно поклоняемому, такъ было приготовлено чистѣйшее питье здоровой вѣры, не подцвѣченное какимъ нибудь составомъ, а состоящее изъ смѣси богопреданныхъ опредѣленій и исцѣляющее всякое разстройство, вызываемое близостію мутной ереси. Но развѣ однимъ только исповѣданіемъ великій (мужъ) сей изъяснилъ сущность истинной вѣры? Развѣ исповѣданіе не было сопутствуемо ревностію? Развѣ это подлежитъ спору и развѣ онъ не оберегалъ вѣру отъ опасностей? Развѣ этимъ опасностямъ онъ не сопротивлялся, какъ алмазъ, и робостью слова развѣ рѣшался когда либо вызвать къ себѣ неблаговоленіе у Бога? Нѣтъ,—но при исповѣданіи и ревности исреди

опасностей горячее слово его, острѣйшее меча, опускалось надъ мыслями тѣхъ, которые рѣшились силою бороться съ божественнымъ, въ корнѣ посѣкая ихъ ученіе.

30. Видя это, всегда завидующій доброму противникъ, умышляющій сильную бурю для порядка вещей, непримиримо воюющій съ тишиною и миромъ, приткавъ къ крѣпкому хитону церкви старыя отрепья ересей, не захотѣлъ видѣть твердый покой церкви и государства, но задумавъ смятеніе, равное его дерзости, повелъ противъ обоихъ войну, которая не была объявлена. Выковавъ не острые стрѣлы и мечи, (чтобы поразить) тѣло, какъ это принято у противниковъ, а отточивъ на оселкѣ злобы своей языки, способные умышлять дурное, двинулъ войско свое для причиненія душевной опасности, сдѣлавъ (при этомъ) императоромъ гордаго недавнею своей тиранніей Льва ¹⁾, похожего разнообразіемъ своего нечестія на мѣняющаго свой видъ хамелеона, потерявшаго здравый умъ при самомъ его провозглашеніи (императоромъ), переманувшаго въ свое злочестіе всѣхъ знатнѣйшихъ, притѣснявшаго подобно какъ (Фараонъ) Израиля при Моисеѣ и оказавшагося для новаго Израиля даже болѣе страшнымъ, чѣмъ Амаликитяне, своею свирѣпостію превзошедшаго Сеннахерима, свою гнусностію—Рапсака, а постыднымъ служеніемъ чреву—Навузардана.

31. Онъ, возставъ противъ почтившаго его императора, который поставилъ его начальникомъ перваго ранга военного отряда или оемы, вмѣнилъ ни во что честь и почтившаго и ринулся въ бездну тиранніи. Во Фракіи у царя возгорѣлась война съ гуннами, гра-

¹⁾ Льва V Армянина, вступившаго на престолъ въ 813 г

бывшими города, во время которой Левъ, будучи главнымъ виновникомъ пораженія, способствовалъ постыдному бѣгству всего войска. Царь въ это время находился въ городѣ, напрасно ожидая плодовъ побѣды. А Левъ, соблазняя войско бунтовщическими рѣчами, обольщая его пустыми обѣщаніями и пользуясь силой, завладѣлъ царскою властію, съ каковою поспѣшно явился въ столицу и, находясь наглецъ внутри стѣнъ (чего не должно было бы быть), съ обычными почестями, по главной улицѣ отправился ко дворцу и лишилъ достоинства мужа, царствовавшего до него, который болѣе украшался простотою невинности, чѣмъ порфирой. Когда онъ увидѣлъ неблагодарнаго лаявшаго Льва и услышалъ львиное рычаніе противъ власти, то, снявъ царскую одежду и остригши волосы, облекается въ черное платье вмѣсто золотого и укрывается съ женой и дѣтьми за священной оградой. Это едва склонило Льва не поступать съ нимъ жестоко; отправивъ скорѣе его въ ссылку, самъ стремился къ тому, чтобы надѣть на свою голову царскую корону.

32. Узнавъ объ этой бѣдѣ и догадываясь о твердости мыслей и склонностей мужа, намѣревался онъ заставить его подписаться подъ писаннымъ изложеніемъ вѣры. Составивъ свитокъ, содержащій символъ пречистой вѣры нашей, онъ увѣщевалъ царя чрезъ нѣкоторыхъ архіереевъ подписаться собственноручно подъ нимъ. Онъ согласился съ доводами, но отложилъ сдѣлать это, готовый подклонить себя церковному игу послѣ того, какъ онъ удостоится чести вѣнчанія, если ей суждено осуществиться. Между тѣмъ побуждаемый внутреннимъ невѣжествомъ и влеченіемъ и худо пользуясь ими, какъ бы черниломъ и перомъ, до коронованія подписался подъ свиткомъ

ереси, скорѣе предавъ себя водительство демоновъ, чѣмъ послушавъ отцовъ, радѣвшихъ вести ко спасенію.

33. Такимъ образомъ прибылъ онъ въ храмъ Софіи для коронованія. И тотчасъ неусыпающій глазъ, дающій видѣть будущее, совершителя торжества великаго архіерея и праведника удостоилъ видѣть, что съ нимъ будетъ. Святому казалось, что при возглашеніи молитвы и возложеніи короны, когда время было коснуться головы коронуемаго, онъ вложилъ свою руку въ терновникъ и колючки; онъ также открыто говорилъ, что при прикосновеніи къ коронѣ онъ ощущалъ боль. Такъ эта колючая голова при прикосновеніи къ ней святого предвѣщала незаконную ярость его (Льва), вскорѣ имѣвшую обрушиться на церковь.

34. Но удалился къ себѣ увѣнчавшій царской короной главу свою, на которую (потомъ) по справедливости принялъ и послѣдній ударъ, такъ какъ оказался попутелемъ всякаго права. На другой день его царствованія богоносный Никифоръ снова убѣждалъ новаго царя подписаться подъ православнымъ изложеніемъ вѣры, но онъ упорно отказывался. Добившись порфиры ложью и принявъ маску Притея, онъ всѣмъ обращающимся къ нему представлялся въ разныхъ видахъ. О, преданная демонамъ душа, благодаря коей потрясается основаніе вѣры! О, разнузданное блужданіе мыслей, извращающихъ ученіе праваго исповѣданія! О, многообразное сплетеніе лжи, которымъ спутывается простота православныхъ догматовъ! Не съ противниками и врагами, въ то время обложившими стѣны города, была первая борьба его, но противъ Того, Кто рѣшеніемъ, Ему одному извѣстнымъ, вручилъ ему бразды правленія, двинулъ онъ

войско. Совершенно или почти не заботясь, какъ сейчасъ сказано, о врагахъ, неспособный вступить въ бой или отбиваться отъ нихъ, благодаря хитроумному, придуманному имъ, плану недавняго пораженія, онъ выступаетъ противъ Царя всяческихъ, употребляя всѣ усилія, чтобы удалить изъ церкви Его икону. Въмѣсто того, чтобы богобоязненно относиться къ вещамъ, достойнымъ почитанія, съ благоговѣніемъ принимать древнее преданіе, вмѣсто того, чтобы держаться надежнаго божественнаго пути, по которому проложены стопы святыхъ, и страшиться сопротивленія богоноснаго пастыря, онъ съ неистовымъ упрямствомъ и помраченнымъ умомъ держался за свое рѣшеніе. Подобно рабу тому Іероваму, отвергнувъ безъ разсмотрѣнія наставленія древнихъ и благополезные совѣты мудрыхъ, обратился онъ къ легковѣснымъ рѣчамъ нововводителей и баснямъ бабъ, изрекавшихъ не (по вдохновенію) свыше, а отъ земли и обѣщавшихъ ему долготѣіе и побѣды, если изрыгнетъ нечестіе противъ древняго положенія дѣлъ.

35. Такъ созываетъ онъ къ себѣ на собраніе отчасти тѣхъ, коимъ каноническими правилами возбранено было священное служеніе, а отчасти тѣхъ, которые и противъ воли подчинились давленію силы. Помѣстивъ ихъ во дворцѣ и распорядившись кормить ихъ, какъ свиней, этотъ отступникъ отъ стараго ученія приказалъ сочинить новую вѣру. Ободряемые царскою дерзостію, подобно миѣическому Эгеону ¹⁾ безчинствуя почти во всякомъ храмѣ, искали они и отбирали книги и тѣ изъ нихъ, которыя были

¹⁾ Титанъ, имѣвшій сто рукъ и изъ всѣхъ нихъ сразу бросавшій скалы въ Зевса. Другое названіе его: Бриарей.

направлены противъ идоловъ, они одобряли, какъ согласныя съ ихъ зловѣріемъ, а тѣ, въ которыхъ защищались иконы, они сожигали, какъ обличавшія ихъ баснословіе.

36. Приглашаетъ онъ и многихъ епископовъ, чтобы ихъ авторитетомъ прикрыть это новое разсмотрѣніе. Но когда епископы приближались къ гавани на противоположномъ Византіи берегу, то не переправлялись тотчасъ же и добровольно къ архипастырю, посылая по установившемуся обычаю увѣдомленіе къ нему, а встрѣчая воспреещающее царское распоряженіе и насильственно арестовываемые, пересылались для наказаній Эхета и Фаларида. И если они соглашались съ ихъ взглядами, слѣдовало прекращеніе насилій и освобожденіе, если же кто, движимый любовью къ истинѣ, нѣсколько боролся съ нечестіемъ, то осуждался на заключеніе, голодъ и подземные ужасы, которые ни въ чемъ не уступали привидѣніямъ Эмпусы ¹⁾. Такъ составляется соборище второго Каіафы, такъ злоумышляется борьба многоглаголанія Іоанія и Іамврія съ новымъ Моисеемъ; такъ уничивается звѣзда священства и отецъ вселенной Никифоръ изобрѣтателями мрака и радѣтелями и предтечами антихриста. Принудивъ учителя къ молчанію, они заставляютъ учить по церквамъ тѣхъ, кои не получили даже степени учениковъ. препятствуютъ златоточивой рѣкѣ слова течъ какъ должно, не страшатся (довѣрить) вести самоувѣренно церковь тѣмъ, которые роютъ яму для своей гибели и не имѣютъ воды мудрости; архіерею возбраняютъ касаться священной трапезы, а тѣмъ, коимъ не дозволено входить въ храмы Божіи, вручаютъ святое святыхъ; всячески стараются потрясать столбы

¹⁾ Пугало, посылаемое Гекатою, которымъ пугали дѣтей

церкви и хвалятся, что поддерживаютъ ее своими пустыми и нетвердыми измышленіями.

37. Видя это, слуга Божій Никифоръ всячески просилъ Бога, заклиная и призывая на помощь, сохранить церковь чистою и непорочною стадо не замарать гнусною скверною ереси. Посему всѣхъ къ себѣ привлекалъ, наставлялъ, увѣщевалъ не примѣшиваться къ закваскѣ еретичествующихъ, убѣждалъ какъ яда и порожденія ехидны избѣгать чуждыхъ изверженій ихъ ученія. „Они, говорилъ онъ, причиняютъ не тѣлесную болѣзнь, поддающуюся уврачеванію лѣкарствами, но вводятъ поврежденіе во внутренняя души, не поддающееся лѣченію снаружи. Итакъ, не уступимъ вѣянію времени и даже насилію власти, хотя ересь и увлекаетъ царя и съ нимъ множество зломыслящихъ, но ни во что обратится сила ихъ и ничего не будетъ значить противъ церкви Божіей, ибо не ко множеству благоволитъ Богъ, но призираетъ и на одного, трепещущаго и боящагося словесъ Его, и одного ясно являетъ представителемъ цѣлой церкви. Посему станемъ молитвою испрашивать благословенія Божія, всенощнымъ стояніемъ будемъ смиренно умо- стивлять Бога и просить Его избавить насъ отъ перенесенія всего, что умышляютъ противъ насъ преслѣдователи“. Сказалъ онъ это, и всѣ, собравшись въ храмѣ, молились въ теченіе всей ночи.

38. Когда царь узналъ о томъ, какъ они воспѣвали гимны, то имъ овладѣлъ страхъ и робость (при мысли), не замышляется-ли что противъ него подъ вліяніемъ уваженія къ архіерею и (сочувствія) къ его положенію. Около времени пѣнія пѣтуховъ отправляетъ онъ въ храмъ, сердясь и негодуя, упрекъ за это архипастырю, какъ виновнику безпорядковъ. „Не слѣдовало, говорилъ онъ, въ то время, когда

царь все направляетъ къ миру, замышлять несогласія и раздѣленія и отметить миръ. Такъ какъ вы оказались поступающими противъ воли царя, то съ наступленіемъ дня идите во дворецъ, чтобы онѣ могъ касательно происшедшаго получить точныя свѣдѣнія“. Когда собраніе узнало о присланныхъ, оно изъявило полную готовность слушать. Не было никого, кто не возсылалъ бы отъ сердца слезной молитвы и не просилъ бы Промыслителя и Судію всѣхъ воздать справедливое каеволической вѣрѣ. Когда служба кончилась, святѣйшій мужъ къ священному собранію сказалъ слѣдующее:

39. „Нельзя было, богоизбранное собраніе, даже во снѣ видѣть церковь въ томъ состояніи, въ какомъ она находится теперь, и среди тѣхъ бѣдъ, которыя уготовляются для нея, потому что вмѣсто радости она облачается въ скорбь, отъ глубокаго мира направляется къ смятеніямъ,—она, пасущая всѣхъ при совершенно добровольномъ послушаніи каждаго, подвергается невольному расхищенію пасомыхъ,—призывая всѣхъ къ согласію, она раздирается враждебными мнѣніями. Ту церковь, которую Христосъ стяжалъ кровію Своею, которую содѣлалъ чистою отъ всякой скверны и порока, которую, окруживъ апостолами, пророками, мучениками и всѣми праведниками, явилъ огражденною, какъ рай, мы видимъ теперь претерпѣвающею отъ кажущихся нашими, но на самомъ дѣлѣ совсѣмъ чуждыхъ намъ, такія бѣды. о какихъ молимся, чтобы не терпѣть намъ даже и отъ враговъ. Вмѣстѣ съ образомъ Христа нынѣ безчестится и первообразъ, если, конечно, честь образа относится къ первообразу; нынѣ издревле хранимое церковію устное и писанное преданіе устраняется и упраздняется, и врагами истины изобрѣтается преданіе не-

слыханное. Но не слѣдуетъ склоняться предъ ихъ угрозами и падать духомъ, а напротивъ нужно воодушевляться, ибо для войны у насъ есть помощь: враги истины подобны тѣмъ, которые стараются плыть противъ теченія стремительной рѣки: какъ эти, усиливаясь двигаться впередъ, противъ воли рѣкою относятся назадъ, такъ и тѣ. сколько бы ни болтали противъ истины, даже невольно соглашаются съ ней. Истина непобѣдима, всесильна и во всемъ имѣетъ рѣшающее значеніе: она умѣетъ увѣнчивать всегда достойныхъ и поражать вездѣ враговъ; съ нею неуязвимъ и безоружный; безъ нея легко побѣдимъ и тяжеловооруженный. Примѣромъ для сказаннаго являются тѣ, противъ которыхъ я говорю: не заботясь объ истинѣ, они оказываются посмѣшищемъ даже въ глазахъ школьниковъ, ибо впадаютъ въ противорѣчія и уподобляются безумнымъ, которые бьютъ свои тѣла“.

40. Сказавъ кратко это и надѣвъ на плечи священное одѣяніе ¹⁾, со всѣмъ церковнымъ собраніемъ отправился онъ во дворецъ. Царь не привѣтствовалъ его, по обычаю, рукою и лобзаніемъ, какъ выраженіями искренняго расположенія, а бросивъ гнѣвный и яростный взглядъ, прошелъ и сѣлъ на царскій тронъ, а праведнику предложилъ второе мѣсто около трона. О чемъ онъ говорилъ въ то время съ царемъ, одинъ на одинъ и какъ онъ засыпалъ царя изреченіями изъ божественнаго Писанія, такъ какъ уже настало время, сейчасъ будетъ рассказано. Думалъ этотъ обузеваемый нечестіемъ рабъ одолѣть святого, если сразится съ нимъ однимъ и безоружнымъ. И такъ, начинается онъ, въ то время какъ гнѣвъ поджигаетъ

¹⁾ τὸ ἱερὸν ῥάκος

его умъ, какъ бы изъ сокровеннѣйшей глубины, говорить слѣдующее:

„Ради чего вы возбуждаете смуту, даже болѣе—неразумное возмущеніе противъ царской власти? Вѣдь всякій, кто безъ нашего дозволенія пытается устраивать собранія, внушать разномысліе съ нами и вымышлять молитвы къ Богу, является врагомъ общественнаго блага. Еслибы наша власть рѣшалась предпринять что-либо для уничтоженія православныхъ догматовъ и старалась, какъ утверждаете вы, поколебать ихъ древность, то каждый имѣлъ бы и время и средство подвергать насъ порицаніямъ и обвинять въ ереси. Но когда мы показываемъ любовь свою къ православію, стараемся устранить всякіе раздоры и добиваемся всѣхъ привести къ единенію въ вѣрѣ, почему же оказываемся несправедливыми въ этомъ, желая умиротворить церковь? Развѣ ты не знаешь, что не малая часть народа волнуется и отдѣляется отъ церкви ради того, что въ ней воздвигаются и пишутся иконы, и ссылаются на велѣнія Священнаго Писанія касательно ихъ воспрещенія? Если эти выраженія будутъ оставаться безъ изслѣдованія, то ничто не препятствуетъ согласію вѣры разрѣшиться въ раздѣленія и потомъ уже никогда не придти къ единству православія. Поэтому мы убѣждаемъ васъ безъ всякаго промедленія имѣть относительно ихъ бесѣду съ сомнѣвающимися и рѣшили убѣдить или убѣдиться, чтобы, познавъ правду, быть на ея сторонѣ и ей доставить содѣйствіе. Если же вы не согласитесь сдѣлать это и пожелаете молчаніемъ добиться правды, то вы знаете, какъ пойдутъ ваши дѣла“.

41. Выслушавъ, свѣтоносецъ истины Никифоръ отвѣчалъ: „не виновники мы, государь, раздѣленія и

смуты и не въ качествѣ оружія противъ твоей власти воздвигли мы нашу молитву, ибо молиться за царей, а не зложелательствовать имъ научаемся Писаніемъ. (1 Тим. 2, 1—2). И здоровое ученіе вѣры мы не направляемъ къ недугу иноученія; съ такими намъ воспрещаетъ обмѣниваться даже привѣтствіями вождь истины (2 Іоан. 10—11). Мы знаемъ также и предъ вами, знающими это, возглашаемъ, что миръ есть высшее благо по признанію всѣхъ людей, у которыхъ есть хотя немного разума, и что всякій нарушитель его причиняетъ бѣды не только сосѣдямъ, но и соплеменникамъ и родственникамъ своимъ. Лучшимъ царемъ оказывается тотъ, который умѣетъ избѣжать войны и придти къ миру. Ты же, когда дѣла церкви обстоятъ благополучно, съумѣлъ вызвать войну съ нами безъ повода и, когда правые догматы, въ коихъ проповѣдуется крестъ Христовъ, блещутъ, — ибо ни востокъ, ни западъ, ни сѣверъ, ни югъ не стоятъ внѣ этого свѣта, — ты рѣшился однакожь воздвигнуть противъ нихъ какое-то темное ученіе людей погибельныхъ. Развѣ Римъ, первозванная каеэдра апостоловъ, согласился съ вами въ отверженіи честной иконы Христа? Съ нами же онъ сотруждается и сонаслаждается въ почитаніи ея. Развѣ Александрія, священный удѣлъ евангелиста Марка, отказывалась когда-либо чтить плотское матеріальное подобіе Богоматери? Съ нами же она въ этомъ случаѣ поступаетъ и мыслить согласно. Развѣ Антиохія, славная каеэдра первоверховнаго Петра, допускаетъ поруганіе изображеній святыхъ? Съ нами же она сохраняетъ ихъ древнее почитаніе. Развѣ Іерусалимъ, славная каеэдра брата Господня, единомысленна съ вами въ упраздненіи отеческихъ преданій? Кто изъ іереевъ, пребывающихъ подъ вашей державой, слѣ-

дуетъ за вами и соглашается съ вами добровольно, безъ насилія? Какой изъ вселенскихъ соборовъ, которыми подъ водительствомъ божественнаго Духа составленъ чистый символъ вѣры, говоритъ объ этомъ согласно съ вами? Между тѣмъ кто не соглашается съ нимъ, тотъ не можетъ ткать покровъ догматовъ для церкви. Итакъ, государь, не подавай руки ереси, во прахѣ лежащей и осужденной на приличествующее ей молчаніе, не внушай вопля противъ церкви. Да исчезнетъ она съ ея изобрѣтателями, да будетъ попорана и обезчещена. Несравненное же великолѣпіе церкви да пребудетъ навсегда. Ни одна часть вселенной, какъ сказали сейчасъ ваше величество, не рѣшается опечалить ее изъ за священныхъ иконъ, ни одна не умышляетъ смятенія противъ прочнаго ея порядка, ибо, обладая миромъ и твердостію, она одолеваетъ бури, волненія и самыя врата ада. Не пускайте этихъ новоизобрѣтенныхъ ученій противъ нашего древняго преданія, ибо они наставляютъ говорить не то, что угодно Господу, и суть изверженія чревоушителей. Если же кто-либо изъ иномыслящихъ поколебалъ вашъ правый образъ мыслей, ибо знаемъ, что до коронаціи ты прилежалъ непорочной вѣрѣ,—и ученіе, способное осквернить слухъ, коснувшись вашего уха, переубѣдило и породило у васъ недоумѣніе: то, если хотите найти разрѣшеніе его, мы съ помощію Божіею рѣшаемся представить вамъ это разрѣшеніе. Это наша обязанность и самая важнѣйшая изъ всѣхъ обязанностей—уничтожать при помощи Божіей то, что причиняетъ вамъ соблазнъ. Открывать же уста и вмѣстѣ изслѣдовать духовное съ людьми, чуждыми духа, мы не считаемъ себя обязанными, какая бы крайность не побуждала насъ къ этому, и не согласимся съ изреченіями, набранными

ими изъ книгъ Писанія и отеческихъ, ибо, давно уже разъясненныя многими отцами, они потеряли силу“.

42. Царь, прерывая его, сказалъ: „но неужели тебѣ кажется, что Моисей относительно ихъ (иконъ) изрекъ неправду? Неужели ты можешь сомнѣваться, что слова Моисея суть слова Бога, Который запретилъ дѣлать идоловъ и изображенія не только людей, но всѣхъ вообще и неограниченно (живыхъ существъ), летающихъ по небу въ воздухѣ, живущихъ на землѣ, плавающихъ въ водѣ? Зачѣмъ же вы, дѣлая иконы, воздаете имъ почтеніе, когда это запретилъ законодатель?

Патріархъ. Какъ бы въ глубокое и безпредѣльное море спора влечешь ты насъ, государь. По нему многіе часто плавали, но никто, насколько намъ извѣстно, не достигалъ гавани. Одни, считая иконы неразумнымъ обычаемъ и остаткомъ эллинскаго заблужденія, не давая себѣ яснаго отчета въ душѣ, клеветуютъ на нихъ и присоединяются къ обвинителямъ. Когда же доходитъ до дѣла, даютъ задній ходъ и поступаютъ противно тому, какъ думаютъ, ибо имѣютъ иконы у себя и въ церквахъ, и на площадяхъ, и въ домахъ, а нѣкоторые даже держатъ ихъ при себѣ, какъ неотлучныхъ спутниковъ на сушѣ и на морѣ. Другіе же, склоняясь предъ трудностями, тотчасъ при первомъ столкновеніи бросая духовное оружіе, показываютъ противнику тылъ,—и не почитаютъ иконъ пророковъ, ни изображеній апостоловъ и мучениковъ, но строятъ храмы, лишеныя всего этого, безъ фигуръ и образовъ, и возносятъ свои молитвы къ невидимому и безтѣлесному Богу. Впрочемъ, если угодно, мы не откажемся отъ изысканія и не забудемъ выхода, чтобы намъ, не дѣлая круговъ, но идя словомъ по

слѣдамъ истины, уловить ее сѣтями. Итакъ, выслушай ученіе мудрое и истинное, которое ты примешь и одобришь, если дѣйствительно любишь правду и стремишься къ истинѣ.

43. Не знаешь развѣ, какое заблужденіе относительно Божества нѣкогда владѣло душами Египтянъ, и какъ низведши несотворенную и нематеріальную славу Бога въ матерію и форму, почитали ее въ человѣческомъ образѣ? Каковы были тѣ Озирисъ, Тихонъ, Оросъ, Изиди и сонмъ другихъ боговъ-людей, жизнь которыхъ выказываетъ и изобличаетъ невоздержаніе, войны-жадность, смерть-природу? И развѣ только до этого они низвели Божество, развѣ они не изображали Божество въ видѣ неразумныхъ животныхъ и въ формахъ безсловесныхъ? И они поклонялись, какъ богу, собакѣ, воспѣвали быка-Аписа, козла-Гермеса, рыбу-Аѣпну, неразумныхъ неразумно считали богами. Соединивъ же этихъ другъ съ другомъ, измыслили они и другихъ боговъ многообразныхъ и многовидныхъ, одного вообразивъ съ козлиными ногами (это былъ Панъ), другому приставляя морду собаки (этотъ назывался, кажется, Анувисомъ),—который не признавался ни за полного человѣка, ни за полную собаку. Говоря это, я, по твоему мнѣнію, ошибаюсь или близокъ къ истинѣ?

Царь. Ты говоришь правду.

Патріархъ. Когда законодатель, выводя преданный ему Богомъ народъ изъ Египта, хотѣлъ стереть глубоко въѣвшіяся въ душу его нечистоты и очистить его, чтобы онъ не представлялъ Божество человѣкообразно или подъ видомъ животныхъ, то увѣщевалъ и давалъ слѣдующія заповѣди: не дѣлайте такъ, какъ въ Египтѣ; да не будетъ среди васъ, неразумно учившихся у нихъ, изображенія Бога подъ видомъ тва-

рей, летающихъ въ воздухѣ, живущихъ на землѣ и плавающихъ въ водѣ. Это все не Богъ, хотя Египтянамъ и кажется это, и нельзя изображать того, что не можетъ быть видимо. Божество не имѣетъ вида и очертаній, оно не видимо и не есть ничто изъ того, что является и познается человѣческимъ зрѣніемъ. Оно можетъ быть созерцаемо только умомъ, если это кому по силамъ. И если Онъ творецъ всего, то не можетъ быть чѣмъ-нибудь изъ этого всего; если Онъ обнимаетъ все, то не можетъ быть заключенъ въ одномъ. Такимъ образомъ законодатель во имя единого Бога запретилъ дѣлать изображенія. И что это такъ, онъ показываетъ самъ тѣмъ, которые желаютъ правильно понимать имъ написанное, ибо говоря о Богѣ и къ Нему единому относя рѣчь, онъ прибавляетъ: *да не поклонились имъ, ниже послужили имъ: Яко Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнивъ* (Втор. 5, 9). И будетъ нечестивымъ, легкомысленнымъ и нелѣпымъ замысломъ, если кто Бога, превышаго всякой природы, сущности и разумѣнія, Котораго никто не видѣлъ и видѣть не можетъ, осмѣлится представить себѣ взявъ форму и образъ Его изъ міра явленій. На это нечестиво дерзали Эллины: ища Бога, они не горѣ устремляли взоръ души своей и, не надъ воздухомъ и небомъ возносясь мыслію, тамъ искали желаемое, но склонялись къ землѣ и матеріи и, внизу истощивъ всю свою мудрость, объявили Богомъ явленія. Если кто-либо, чествуя царя, или прославляя вожда, или преклоняясь предъ героемъ, дѣлаетъ ихъ портреты, то, я думаю, онъ не поступаетъ несправедливо, изображая красками тѣхъ, кѣмъ онъ восхищается и кого онъ видѣлъ своими глазами,—только тварь отнюдь не должна чествоваться сообразно ихъ (Эллиновъ) глупой болтовнѣ, какъ Богъ, ибо вотъ такое-то почи-

таніе и запрещаетъ Моисей, отвергаетъ христiанскій законъ и не дозволяетъ Богъ: *славы моея*, говоритъ, *иному не дамъ* (Ис. 42, 8). Кто такъ понимаетъ изреченія законодателя, тотъ сохраняетъ чистымъ свой духовный взоръ и, созерцая неизмѣнно Чуждаго измѣненія, разумѣетъ, что Его не обнимаетъ ни образъ, ни краска, ни время, ни мѣсто и ничто изъ того, что свойственно тѣламъ и что привлекаетъ къ себѣ умъ чрезъ посредство глазъ. И опираясь на Того, Кто чуждъ тѣлесности, онъ пребываетъ твердымъ и стойкимъ въ добродѣтели, сохраняя и дѣла свои незапятнанными и чистыми. Кто же иначе понимаетъ это и въ душѣ своей страдаетъ недугомъ головокруженія относительно невидимаго и духовнаго, тотъ, удаляясь отъ мысли о Богѣ, спускается въ долину Леты, пресмыкаясь около тѣлъ и земли.

44. И такъ чтоже? Если понимать заповѣдь Моисея согласно съ твоими неопредѣленными разсужденіями, то развѣ не пришлось бы тебѣ признать, что и всѣ святые мужи, которые руководились наставленіями Моисея, не соблюли закона, ибо не избѣгали дѣлать изображенія того, что на небѣ, землѣ и въ морѣ?

Царь. Почему и какимъ образомъ?

Патриархъ. Неужели не слышалъ ты, государь, что Соломонъ, строя храмъ, внутри двора устроилъ мѣдное море, въ которомъ священники омывали руки, замаранныя кровію и грязью? На чемъ онъ водрузилъ его? Не отлилъ-ли онъ изъ мѣди двѣнадцать воловъ и, подставивъ ихъ, распростеръ надъ ними море? Какимъ же образомъ соблюлъ онъ законъ, допустивъ подобіе воловъ въ томъ, что посвящалъ онъ Богу? Въ нихъ, я думаю, онъ предуказалъ равночисленный сонмъ апостоловъ, которые, какъ мудрые пахари слова, поднимая море, то есть міръ, на высоту воздѣлыва-

ніемъ благочестія, очищали и водою ученія омывали оскверненныя кровію жертвъ руки священниковъ, чтобы они, прекративъ тѣ (жертвоприношенія), приносили безкровную жертву Господу (3 Цар. 7, 23 сл. и 2 Пар. 4, 2 сл.). Развѣ онъ, изготовивъ изукрашенные и многоцѣнные престолы, не помѣстилъ въ нихъ изображенія львовъ—верхнихъ приставивъ къ рукоятямъ, а нижнихъ разставивъ на ступени? Сдѣланы же были эти львы изъ слоновой кости (3 Цар. 10, 18—20 и 2 Парал. 9, 17—19).

45. И зачѣмъ говорить о другихъ, когда возможно доказать, что и самъ законодатель, если такъ судить, не слѣдовалъ собственнымъ постановленіямъ? Развѣ ты не знаешь, что онъ сдѣлалъ изъ чистаго золота очистилище (крышку), положилъ его надъ золотымъ кивотомъ и, какъ говоритъ Павелъ, считалъ это очистилище образомъ Спасителя и Господа нашего (Евр. 9, 4 ср. Рим. 3, 25)? И потомъ не поставилъ-ли онъ надъ симъ очистилищемъ двухъ херувимовъ, которые распростертыми крыльями осѣняли его и покрывали и безгласно и молча проповѣдывали тайное и непостижимое божество Явившагося на землѣ? Неужелѣ ты не признаешь, что существуютъ эти одаренныя разумомъ силы, вверху небесныхъ свѣтоносныхъ сферъ окружающія и славящія Бога, наслаждающіяся миромъ и полнотою вѣдѣнія, которое онѣ имѣютъ о томъ, къ чему стремятся. Какимъ же образомъ законодатель, запретившій по твоему изображенія, сдѣлалъ изображенія херувимовъ? Видя также нѣкогда народъ Израильскій умирающимъ въ пустынѣ (смерть же причиняли змѣи, незамѣтно подползавшіе и впускавшіе свои смертоносныя жала въ путешествовавшихъ), сдѣлалъ онъ мѣднаго змѣя и повѣсилъ его какъ знаменіе, взирая на которое враждебныя силы

змѣи умирали, а незамѣтно укушенные вдругъ исцѣлялись отъ ранъ. И это, какъ говорятъ, предуказывало и предзнаменовало моего Іисуса, при видѣ Коего висящимъ на крестномъ древѣ тѣ (силы враждебныя) тотчасъ цѣпенѣють, становятся бездыханными и вотще извергають и испускають накопленный ими противъ людей ядъ зла; мы же, взирая на Него, становимся или совсѣмъ невосприимчивыми къ причиняемымъ ими воспаляющимъ укушеніямъ или пораженные выздоравливаемъ. Начальникъ же змѣй драконъ, сознавая силу Висѣвшаго на древѣ и помня устремленныя на него оттуда стрѣлы, убѣгаетъ прочь въ страхъ отъ прежняго пораженія, оплакивая еще и новое свое попраніе. Видишь-ли, какъ не безопасно толковать такъ безразсудно и неосновательно то, что сказано законодателемъ?

46. Можетъ быть, припомнишь, государь, и то, за что нѣкогда законодатель вознегодовалъ на народъ Израильскій?

Царь. Знаю, что (негодовалъ) часто; но какой случай наминаешь ты, не знаю.

Патріархъ.—Тотъ, когда справедливо гнѣвался на нихъ за то, что сдѣлали голову золотого тельца. Забывъ чудеса въ Египтѣ, переходъ черезъ море, внезапное избіеніе первенцевъ, измѣненіе стихій, они, пока законодатель находился на горѣ, голову тельца объявили богомъ. Неужели въ этомъ погрѣшившими они должны представляться тебѣ, и законодатель развѣ обвиняетъ ихъ именно за то, что они безразсудно отлили тельца?

Царь. Почему?

Патріархъ. Потому что если мы будемъ порицать ихъ за это, то должны будемъ обвинить и Соломона за то, что онъ поставилъ воловъ. Итакъ, и мы обви-

няемъ евреевъ и законодатель вмѣнилъ имъ въ преступленіе именно то, что они объявили тельца Богомъ и нечестиво приписывали ему спасеніе въ Египтѣ. Поэтому не просто только подобіе запретилъ онъ дѣлать, но подобіе Бога. Посему и Писаніе говоритъ, что взявъ золотыя серьги у женщинъ, они сдѣлали золотую голову тельца, прикровенно указывая, кажется, на то, что уши этихъ людей, воспринявъ правильное ученіе о Богѣ, а потомъ впадъ въ заблужденіе, обнажились и лишились украшеній. Но законодатель, какъ говоритъ тоже Писаніе, растеръ тельца и, размѣшавъ его въ водѣ, напоилъ ею народъ. Что означаетъ это? Видя, какъ думаю, что народъ не знаетъ своего заблужденія относительно идоловъ и не понимаетъ громадности проистекающаго отсюда вреда, онъ училъ его, давая точное и ясное понятіе о немъ (заблужденіи), поилъ народъ и виѣдрялъ въ сердца, чтобы впредь не овладѣвало имъ такъ легко невѣдѣніе нечестія.

47. Теперь я хочу сказать еще вотъ что.

Царь. Что именно?

Патріархъ. Не принято-ли у людей дѣлать изображенія свирѣпыхъ львовъ съ страшнымъ взглядомъ, или дикихъ ошестинившихся веѣрей, или какъ бы въ горахъ и долинахъ скачущихъ лошадей, или разныхъ птицъ, представляемыхъ поющими такъ (живо), что (зрители) нерѣдко готовы бываютъ слушать голосъ ихъ? И это люди изображаютъ одни на стѣнахъ, другіе вышиваютъ на одеждахъ, а нѣкоторые даже, изваявъ изъ мѣди и золота, для услажденія и украшенія ставятъ ихъ въ домахъ или на площадяхъ. Неужели же это оскверняетъ людей и человѣческую жизнь, если только они по нечестивому эллинскому пустословію не называютъ сдѣланнаго Богомъ? Если

же кто-либо по неразумію, слѣдую демонскому заблужденію, будетъ считать что-либо изъ этого Богомъ, то не забросаемъ-ли мы тотчасъ камнями, не сожжемъ-ли огнемъ, не ввергнемъ-ли въ свирѣпыя пасти звѣрей?

48. Итакъ, есть только одинъ путь, государь, справедливо рѣшить (вопросъ)—это узнать и признать, что законодатель запретилъ и возбранилъ намъ дѣлать изображенія одного только Бога. И если мы утверждаемъ это, то уже ни древнихъ, жившихъ подъ закономъ, не можемъ осуждать, ни мы хрістіане не погрѣшаемъ, изготовляя иконы мучениковъ и другихъ святыхъ людей и посредствомъ видимаго образа обозначая то, что невидимо въ нихъ. И если согласятся со мной сторонники благочестія, предметъ этотъ надо раздѣлять и опредѣлять такимъ именно образомъ и разсматривать съ двухъ сторонъ, которыя извращать и смѣшивать невозможно.

Царь. Какъ и въ какомъ отношеніи?

Патріархъ. Такъ, что не должно дѣлать изображений Бога ¹⁾, а если кто дерзнетъ на это, то какъ послѣдователь эллинскаго ученія подлежитъ самому строгому наказанію. Но можно изображать людей святыхъ, прославленныхъ близостію къ Богу и чистотою жизни, являющихся посредниками между Нимъ и нами, возносящихъ къ Богу прошенія и приносящихъ намъ отъ Бога даруемое. Вѣдь не одно и то же, не одно, государь, тѣ, которые приступаютъ къ Богу, и тѣ, которые прославлены Имъ. Близость къ Богу соразмѣряется съ жизнію и за дѣлами слѣдуетъ соотвѣтствующее воздаяніе. Богъ вѣченъ и

¹⁾ Разумѣются изображенія Бога, какъ Бога, неописуемаго и неизобразимаго.

не происходитъ; все же невѣчное и происшедшее во времени получило свое бытіе отъ Существующаго ¹⁾. И на этомъ основаніи можно называть служебнымъ въ отношеніи къ Богу все то, что происходитъ, ибо произведеніе по справедливости считается служебнымъ въ отношеніи къ производящему. Но по степени приближенія къ Богу и по различію обуславливаемой этимъ славы для приходящихъ къ Нему полагаются разныя наименованія. Кои изъ страха наказанія воздерживаются отъ грѣховъ, тѣхъ можно называть слугами Божиими, по истинѣ нерадивыми рабами, имѣющими нужду въ бичеваніяхъ, заключеніи и угрозахъ, чтобы не грѣшить. Другіе, стремясь къ добродѣтели въ надеждѣ на будущія блага, не могутъ быть названы домочадцами, но суть наемники, такъ сказать, Бога, ради выгоды и награды исполняющіе долгъ. Но есть наконецъ и такіе, кои, превосходя этихъ, искренно и безкорыстно предаются добру и стремятся къ нему не изъ страха грядущихъ наказаній и не въ надеждѣ будущихъ благъ, а дѣлаютъ добро ради самаго добра. Обладая истинными сокровищами мудрости, они по справедливости могутъ быть названы сынами Божиими, какъ наследники Божіи и сонаследники Христа. Они, хотя и люди, однако усердно молятъ Бога всяческихъ и ходатайствуютъ за людей уже во время пребыванія въ этой скитальческой и безпорядочной жизни, но особенно тогда, когда, скинувъ отрепья, сбросивъ остоу и обременяющій прахъ, возвративъ матеріи матерію, чистые чисто восходятъ къ благовому и милостивому Господу.

49. *Царь*. Такъ чтоже? Неужели по твоему не яв-

¹⁾ Левъ Алляцій: ex nihilo—изъ ничего.

ляются общниками эллинскихъ ученій дѣлающіе изображенія, какъ сказалъ ты, такихъ святыхъ людей?

Патріархъ. Нельзя такъ, безъ всякихъ основаній. обвинять ихъ, но должно разсмотрѣть и изслѣдовать это.

Царь. Зачѣмъ же христіане готовятъ эти изображенія, зачѣмъ пишутъ?

Патріархъ. Неужели, государь, они надѣляютъ свои изображенія неизреченною и божескою Сущностію?

Царь. Никакимъ образомъ.

Патріархъ. Развѣ чтутъ ихъ, какъ причастныхъ существу первой и высочайшей Причины?

Царь. Конечно, нѣтъ.

Патріархъ. Считають-ли ихъ смертными людьми?

Царь. Да.

Патріархъ. За что же порицать насъ, если, видѣвъ ихъ, какъ людей, мы какъ людей и изображаемъ ихъ. А имя Божіе, какъ исключительное, къ сотвореннымъ природамъ неприменимое, мы оставляемъ для Сущности, превосходящей все, какъ Ему одному подобающее, которую (сущность) мы не должны изображать, ибо какъ изображать то, чего мы не видали глазами? Напротивъ, мы должны употреблять иконы мучениковъ и другихъ святыхъ мужей, почитая ихъ не какъ боговъ (да не преступимъ этимъ должнаго), а какъ вѣрныхъ слугъ Божіихъ, чтобы воздать имъ за ихъ мужество, и чтобы то, что мы сами, обремененные грѣхами, не можемъ просить у Царя, они, какъ царскіе оруженосцы, лично испрашивали за насъ.

50. Если угодно, свою рѣчь я поясню примѣрами изъ человѣческой жизни. Не согласишься-ли ты, что Творецъ міра, какъ добрый кормчій, заботясь о спокойствіи плавающихъ въ немъ, поставилъ на землѣ

царя, какъ бы образъ Себя Самого, чтобы гонимые людьми не претерпѣли въ волнахъ жизни участи корабля, лишеннаго груза?

Царь. Да.

Патріархъ. Онъ же,—не будучи Богомъ, но желая подражать Богу, насколько это возможно для человѣка, поелику онъ (царь) ограниченъ и есть просто только человѣкъ,—посредствомъ назначенія другихъ начальниковъ наполняетъ государство своимъ присутствіемъ, чтобы и въ отсутствіи быть предъ всѣми и, находясь далеко, наводить страхъ на подданныхъ. Такъ неужели же потерпитъ онъ, если мы поставленныхъ имъ правителей станемъ называть царями и присвоять имъ его достоинство?

Царь. Нѣтъ.

Патріархъ. Но будетъ-ли онъ порицать насъ, если мы станемъ обращаться и просить поставленныхъ имъ и согласно его волѣ ведущихъ дѣла начальниковъ и чрезъ нихъ представлять ему прошенія, которыхъ представить не можемъ мы сами?

Царь. Отнюдь нѣтъ.

Патріархъ. Такъ, государь, нужно думать и о Богѣ: Онъ гнѣвается, если божескую честь мы воздаемъ другому, и похваляетъ и радуется, если мы желаемъ чтить слугъ его.

51. И мудрѣйшій Павелъ оказывается близкимъ къ этому воззрѣнію, когда въ посланіи къ Римлянамъ не просто осуждаетъ иконы и не укоряетъ за одно только употребленіе иконъ, но именно за то, что они *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ образъ, подобный тлѣнному человеку* (Рим. 1, 23). Дѣйствительно, дерзки и безразсудны тѣ, кои не видѣли ни образа, ни вида Бога и не въ состояніи представить ихъ (какъ земнородные и грубые, какъ рабы чувствен-

ности, какъ плоть, какъ лишенные духа и движенія, какъ безсильные нематеріально устремляться къ нематеріальному и не могущіе переступить природу видимаго), чтили, какъ Бога, только то, что видѣли. И здѣсь долженъ ты весьма подивиться намѣренію Апостола: словомъ *измѣнили* онъ указываетъ и внушаетъ, что насажденные въ душахъ понятія о Богѣ и начальныя преданія первыхъ людей знали только единого истиннаго Бога, но любители земной мудрости, при помощи нефилософской философіи и неразумнаго разума дерзко вырвавъ корни благочестія, измѣнили ихъ и извратили и, посѣявъ многобожіе, потеряли истину, которою обладали, усвоивъ Богу подобіе человѣка, птицъ и проч. Вѣдь измѣняетъ то, что прежде имѣлъ, предпочитающій несуществующее у него предъ существующимъ, а чего кто не имѣлъ, того онъ никогда и не захотѣлъ бы измѣнять.

52. *Царь*. Слѣдовательно, ты утверждаешь, что заповѣдь законодателя должна быть относима только къ Богу и запрещаетъ писать только Его иконы?

Патріархъ. Да, я это утверждаю и утверждать никогда не престану.

Царь. Но развѣ ты не исповѣдуешь Христа истиннымъ Богомъ?

Патріархъ. Конечно, исповѣдую.

Царь. А развѣ ты не допускаешь иконъ Христа?

Патріархъ. Допускаю.

Царь. Какимъ же образомъ, исповѣдуя Христа истиннымъ Богомъ, ты допускаешь иконы Христа, если писать иконы Бога запретилъ законодатель?

Патріархъ. Благо да будетъ тебѣ, государь. Выдвигаемый тобою вопросъ сдѣлаетъ истину яснѣе. Скажи же, исповѣдуешь-ли ты Христа истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ?

Царь. Да, исповѣдую.

Патріархъ. Христосъ, содѣлавшись человѣкомъ, не пребылъ-ли совершеннымъ человѣкомъ и совершеннымъ Богомъ такъ, что ни собственной природы не умалилъ, ни ту, которую воспринялъ, не претворилъ въ божественную природу?

Царь. Да.

Патріархъ. Не признаешь-ли ты также, что мы никогда не раздѣляли Христа какъ Бога и какъ человѣка, но говоримъ, что онъ единъ есть и Богъ и человѣкъ, страстенъ и безстрастенъ, первое—какъ Богъ, а второе—Онъ же и какъ человѣкъ? Не есть-ли Онъ, какъ Богъ, невидимъ, не осязаемъ и (только) умопостижаемъ, а какъ человѣкъ, видимъ, осязаемъ и представимъ? Итакъ, неужели изображаемаго мы не признаемъ за истиннаго Бога? Вѣдь и по воплощеніи Христосъ пребываетъ истиннымъ Богомъ. Но мы изображаемъ Христа не поскольку Онъ Богъ и не постольку воздвигаемъ Ему иконы; но постольку употребляемъ иконы, поскольку Онъ былъ человѣкомъ и явился на землѣ. И видимое и описуемое мы не приравниваемъ къ невидимому и неопишуемому, дабы не погрѣшить намъ относительно спасенія, равно какъ безразсудно не дерзаемъ унижать Его, изображая неосязуемое (естество) Его, невидимое и неопишуемое чертами осязуемыми, описуемыми и видимыми. Напротивъ мы хорошо знаемъ, что въ единомъ Христѣ пребываетъ и видимое и невидимое, описуемое и неопишуемое нераздѣльно и неслѣянно въ свойствахъ естествъ, изъ коихъ состоитъ, и научены преданіемъ каждому воздавать подобающее. На это указываетъ и способъ писанія иконъ, ибо изображаютъ или лежащаго въ ясляхъ, или кормимаго Матерію Богородицею, или бесѣдующаго съ учениками, или пред-

стоящаго предъ Пилатомъ, или висящаго на деревѣ, или другое что подобное, что говоритъ о пришествіи Его на землю. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что касалось бы Его, какъ Бога, а не какъ только чело-вѣка. Если бы Онъ не сталъ чело-вѣкомъ и не принялъ на землѣ добровольно образа и вида чело-вѣка, то все это не изображалось бы и не допускалось бы въ отношеніи къ Нему. Если Слово стало плотію, явилось на землѣ и было видимо людьми, какъ чело-вѣкъ, превѣчно сущій безплотный и безтѣлесный Богъ, то, мнѣ кажется, мы не погрѣшаемъ, желая изображать то, что мы видѣли.

53. *Царь*. Но что ты скажешь объ изображеніяхъ ангеловъ? Думаю, что ты не станешь утверждать, что живописцы знаютъ внѣшній образъ ангеловъ и изображаютъ ихъ по ихъ доступному зрѣнію виду?

Патріархъ. Я не стану утверждать, что они знаютъ видъ и образъ ангеловъ и пишутъ ихъ потому, что видѣли, но они усвояютъ имъ образъ чело-вѣческой, руководясь, думаю, Писаніемъ.

Царь. На какомъ основаніи ты говоришь это?

Патріархъ. Развѣ ты не знаешь, какъ Писаніе говоритъ объ ангелахъ, явившихся Аврааму у дуба, и о томъ, какъ Авраамъ, возведши очи, увидѣлъ трехъ мужей? Не провожалъ-ли онъ ангеловъ, явившихся въ видѣ мужей, къ Содому? Такимъ образомъ, они (живописцы) не измышляютъ сами и картины ихъ не плодъ неразумной дерзости; но какими ангелы являлись, такими они и изображаютъ ихъ на иконахъ.

Царь. Но откуда явилось у нихъ прибавленіе крыльевъ?

Патріархъ. Думаю, что этимъ прибавленіемъ указывается различіе ихъ отъ людей, чтобы они не почитались совершенно за людей. Изображая ихъ съ

крыльями, (живописцы), мнѣ кажется, руководятся въ отношеніи къ этому прибавленію не неразумнымъ основаніемъ, а указываютъ на ихъ способность носиться въ воздухѣ и пребываніе ихъ на небѣ съ Богомъ, а также на то, что они съ готовностію нисходятъ оттуда ради насъ и ради насъ туда восходятъ. Притомъ они не безъ основанія воспользовались примѣромъ Моисея, поставившаго окрыленныхъ херувимовъ (которые суть ангелы, ибо всѣ небесныя и умныя силы Діонисій называетъ ангелами). И опять, государь, нужно припомнить сказанное раньше и твердо хранить въ душѣ, что если мы и пишемъ иконы ангеловъ, то изображенія ихъ для насъ также остаются твореніемъ, и приступаемъ мы къ нимъ, не какъ къ участникамъ высшей и первой сущности (да не будетъ, чтобы мы безумствовали такъ и тварь принимали за Бога), но какъ къ сорабамъ, богатствомъ своихъ добродѣтелей стяжавшихъ великую близость къ общему Владыкѣ“.

54. Царь, удрученный своей неспособностію возражать, промолвилъ едва слышно: „но мыслящіе иначе приводятъ еще множество отеческихъ изреченій, которыя не уклонитесь обсудить предъ нами и предъ ними“. Божественный отецъ отвѣчалъ: „мы уже говорили и еще скажемъ, что готовы съ помощію Божіею обсудить мѣста Писанія и отеческія предъ вашимъ величествомъ; но мы не пойдемъ на собесѣдованіе съ тѣми, которые удалили себя отъ церкви и навлекли на себя анаѣму, и не желаемъ уничтожать или устранять что-либо изъ соборныхъ опредѣленій и постановленій. Если же ясно узнать желаешь, что не только издавна такъ мыслимъ и теперь рѣшаемся говорить не за себя однихъ, но великое множество небезызвѣстныхъ епископовъ и монашеству-

ющихъ вмѣстѣ съ ними твердо ступаютъ по правому пути этого исповѣданія, то вотъ они стоятъ у воротъ вашего дворца. Если прикажете имъ явиться, узнаете и отъ нихъ, что касательно образа мыслей у насъ съ ними нѣтъ разногласія“.

55. Далъ знакъ имъ войти; съ ними повелѣваетъ войти самымъ высшимъ изъ лицъ правительственныхъ по установленному порядку съ мечами у бедръ, думая, жалкій, устрашить воинскою рукою неустрашимыхъ. Итакъ, входитъ священное церковное собраніе въ палаты, блиставшія золотыми потолками, хвалясь своею трудно поддающеюся описанію смѣлостію и какъ бы божественною ревностію побуждаемое къ свободѣ рѣчи. И когда въ виду сидѣвшаго тиранна они приближались, увидѣли архипастыря, громко спорившаго и силлогизмами побивавшаго царя, какъ ребенка. Отсюда они возымѣли твердую рѣшимость говорить и освободились отъ всякой робости.

56. Гнѣвно взглянувъ на нихъ, львоподобный сказалъ: „ни отъ васъ, какъ видите, и ни отъ кого не сокрыто, что мы поставлены Богомъ быть посредникомъ въ отношеніи къ сему славному словесному стаду, готовые съ полною охотою и усердіемъ устранять и уничтожать вырастающія въ ней тернія. Такъ какъ и теперь еще нѣкоторые спорятъ относительно существованія и почитанія иконъ, приводя говорящія противъ нихъ мѣста изъ Писанія, то совершенно необходимо разъяснить ихъ, чтобы было приведено къ концу то, чего мы добиваемся (а добиваемся мы единомыслія всѣхъ въ мирѣ). Поэтому всѣмъ недоумѣвающимъ и дѣлающимъ возраженія необходимо предложить изслѣдованіе,* объ этомъ мы уже говорили и съ архіереемъ и теперь въ общемъ собраніи съ нимъ повелѣваемъ вамъ немедленно

дать рѣшеніе обсуждаемаго вопроса, чтобы медлительность молчанія не была поставлена вамъ въ вину и не причинила бы вамъ бѣды за ваше непослушаніе“. Тогда сотрудники и сопастыри доблестнаго архипастыря, извлеки противъ звѣронравнаго и съ волчьими мыслями Льва колчанъ божественныхъ реченій и истративъ каждый по очереди находившіяся въ немъ стрѣлы обличеній, все тѣло превратили ему въ рану. И чтобы намъ не входить въ подробности сказаннаго тогда каждымъ, изложимъ общее содержаніе всѣхъ рѣчей въ одной нижеслѣдующей рѣчи.

57. „Что, государь, неисповѣдимыми судьбами вы поставлены быть посредникомъ въ отношеніи къ великому стаду Христову, это, какъ ты сказалъ, и намъ и всѣмъ извѣстно. Но что вѣсы посредничества съ самаго начала вами наклонялись лишь въ одну сторону, это тоже не менѣе извѣстно всѣмъ, могущимъ судить здраво. Вѣдь посредникъ не тотъ, кто влечетъ туда или сюда и предоставляетъ свое вліяніе тому или другому, а тотъ, кто радѣетъ одинаково объ интересахъ каждаго. Посему, если ты желаешь быть посредникомъ и уничтожить появившіеся въ Церкви соблазны, то почему не выказываешь одинаковаго благорасположенія ко всѣмъ? Всякій желающій видитъ сторонниковъ праваго ученія подвергающимися угрозамъ и претерпѣвающимъ бѣдствія наравнѣ съ злодѣями, а мыслящихъ иначе пользующимися вашею любовью и услаждающихся всякими о нихъ попеченіями. Развѣ не они водворены въ золотыхъ палатахъ, а насъ заключаютъ въ тѣсныхъ тюрьмахъ? Развѣ не имъ щедро предлагается царская пища, а насъ угнетаетъ голодъ и наполняетъ пресыщеніе нуждою? Не имъ-ли всѣ книги

представлены для изслѣдованія, и не угрожаетъ-ли судъ тѣмъ, которые доставляютъ ихъ намъ? Гдѣ же хоть искра посредничества во всемъ этомъ? Развѣ такимъ образомъ можетъ быть водворено безпристрастное равенство правъ? Развѣ твердость ума безпристрастно распоряжается здѣсь и удерживаетъ совѣсть отъ склоненія въ одну сторону? Видя все это и зная, куда всецѣло направлено ваше расположеніе,—а также то, что уже съ первой встрѣчи мы присуждены къ изгнанію, мы рѣшились почитать святость католической церкви молчаніемъ, дабы не замараться грязью богохульства и не осквернить себя ученіемъ, неудержимо безчинствующимъ противъ домостроительства Христова. Кто, обладая здравымъ смысломъ, послѣдуетъ за вами въ этой вселенской смутѣ? Отъ восхода солнца до Гадеса и Иракловыхъ столбовъ чтутся священные иконы, существованіе коихъ порождено не вчерашнимъ вымысломъ, а пришествіемъ Христа къ людямъ. И мы научены, что на этомъ основаніи строили пророки, апостолы и учителя, признаемъ, что цари должны повиноваться и пещись о томъ, что рѣшено ими, но мы совсѣмъ не знаемъ, что бы они (цари) могли законодательствовать и утверждать въ Церкви подложныя опредѣленія. Что это истинно, судъ объ этомъ предоставляемъ совѣсти слушателей. На страшномъ и нелицепріятномъ судѣ истина увѣнчаетъ своихъ друзей, а противниковъ благочестивыхъ догматовъ отвергнетъ и отгонитъ въ поношеніе лжи“.

58. Этимъ и многимъ другимъ доведенный до оцѣпенѣнія мысли и какъ бы лишенный слуха отъ голоса сихъ дивныхъ мужей, вообразивъ, что они нанесли ему непростительное оскорбленіе, онъ какъ сочиненіемъ сей явной клеветы, такъ и трусливымъ

бѣгствомъ отъ собственнаго слова призналъ такимъ образомъ полное свое пораженіе: ибо не могъ онъ оказать себѣ помощи своимъ словомъ и смѣло противостать имъ для опроверженія ихъ словъ. И это естественно, ибо нахальство, завладѣвъ властію хотя и на короткое время, дѣлаетъ овладѣвшаго совершенно безумнымъ и лишеннымъ способности разсуждать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ себя легко побѣдимымъ въ словесномъ состязаніи, ибо зналъ, что истина непреоборима и не побѣдима. Посему, сочинивъ какой-то къ дѣлу не относящійся вздоръ для устрашенія этихъ ревнителей, безсильный отклонить свое пораженіе, съ угрозами изгнать онъ ихъ изъ дворца вмѣстѣ съ ихъ тайноводителемъ. Такова склонность сего мужа ко злу! таково его отпаденіе отъ добра! Съ этого времени онъ надѣваетъ противъ церкви, какъ говоритъ пословица, львиную шкуру: и явно окружаетъ себя ея врагами. А добровольныхъ борцовъ за нее онъ немедленно же отправляетъ въ ссылку, раздѣливъ ихъ другъ отъ друга и далеко отогнавъ отъ двора церковнаго. Надѣялся онъ при первомъ же нападеніи уловить въ сѣти ереси и самого архіерея, въ случаѣ же неудачи—заставить его добровольно отречься отъ священства, такъ какъ у него не было сотрудниковъ изъ священнаго чина. Такъ одинъ, неся тяготы времени, взиралъ онъ на вышнюю помощь и въ молитвахъ усиленно призывалъ ее къ себѣ одиночествующему и лишенному помощниковъ.

59. Видя мужа отрекающимся отъ истинной вѣры, и оказывающимъ непослушаніе уже самому Богу, пишетъ онъ (Никифоръ) супругѣ его, напоминая о правдой религіи и вѣрѣ христіанской. чтобы она убѣждала царя и супруга воздержаться отъ такого страш-

наго дѣла. Писалъ онъ также къ тогдашнему распорядителю общественныхъ имуществъ, любимому царемъ за его откровенность и умъ, чтобы не умышлялъ противъ церкви, умиренной и успокоенной, и не возбуждалъ волненія, напротивъ—погашалъ бы пламя, зажженное въ ней людьми, достойными вѣчнаго огня, и укрощалъ бы свирѣпость царя. Писалъ онъ и къ тогдашнему первому секретарю царскому Евтихіану, который помогалъ еретикамъ и извращалъ изреченія православной вѣры, что если онъ не перестанетъ искривлять прямые пути Господни и предпочтетъ идти съ волхвомъ Элимою (Дѣян. XIII, 8—11), то отъ Верховнаго Правосудія понесетъ наказаніе посредствомъ ужасныхъ бѣдъ его (дальнѣйшей) жизни. И такъ какъ онъ не хотѣлъ внять этимъ угрозамъ, то онѣ и исполнились на немъ, ибо несчастный съ этого времени въ остальную жизнь, поражаемый непрерывными скорбями, полуживымъ постоянно стоялъ у дверей смерти. Такъ Богъ врачуетъ тѣхъ, которые причиняютъ церкви трудно излѣчимую болѣзнь.

60. Не исправившись отъ этихъ многополезныхъ и мудрыхъ наставленій учителя, царь устремлялъ свою мысль только къ тому, чтобы изгнать и его и соткать невѣстѣ Христовой (церкви) одежду вдовства. Такъ обязанность проповѣданія въ церкви и попеченія о священныхъ сосудахъ онъ поручилъ нѣкому патрицію, устранивъ отъ всякихъ заботъ о семъ архіерея, и не пропускалъ по пословицѣ двинуть ни одного камня, чтобы потрясти основаніе церкви. О, какъ слово, не находя, гдѣ пройти къ послѣдующему, желаетъ возлечь на одръ молчанія и прежде, чѣмъ повѣствовать о болѣзни блаженнаго, само оказывается нуждающимся въ лѣченіи! И такъ, онъ возлежалъ, удрученный приступомъ какого-то недуга въ тѣлѣ и

боролся съ трудно излѣчимой болѣзнію. Но ничто такъ не мучило праведника, какъ заговоръ противъ церкви, задуманный врагами: ту борьбу онъ выдерживалъ одинъ, а эта угрожала всей церкви.

61. Между тѣмъ синедріонъ, собравшійся противъ церкви, надмевался и, утучняемый постоянно жиромъ лжи, искалъ обнаруженія. Посему они опять склоняютъ царя, носимаго всякимъ вѣтромъ зловѣрія, поскорѣе пригласить учителя на диспутъ. Царь посылаетъ Теофана, брата царицы, царскаго оруженосца, чтобы онъ привелъ архіерея на то преступное сборище заговорщиковъ. (Патріархъ), ссылаясь въ оправданіе свое на то же, что было изложено раньше, явиться на диспутъ съ безбожниками отказался. „Пастырь, сказалъ онъ, лишенный овецъ, не вооружается на волковъ и не спѣшитъ сражаться со звѣрями. заботясь только о своемъ спасеніи, но загнавъ стадо въ безопасную ограду и отогнавъ далеко страхъ. если онъ есть, снаряжается на охоту противъ волковъ. Какимъ же образомъ, лишивъ меня моихъ овецъ и отогнавъ ихъ насильно съ истиннаго пастбища, зовете меня одного бороться съ вами, страшными звѣрями? Не подобаетъ это пастырскому званію. Но если вы желаете достигнуть успѣха вашихъ выдумокъ, ибо выдумки—все то, что выставляется вами противъ насъ, и не имѣетъ въ себѣ ничего истиннаго: то предоставьте свободу мнѣнія каждому, пусть каждый будетъ господиномъ своей воли, пусть откроются тюрьмы, пусть возвратятся томимые въ тяжелыхъ ссылкахъ, пусть откроются ваши подземелья и изъ нихъ выйдутъ мужи, изнуряемые голодомъ и терзаемые жаждою, ежедневно услаждающіеся, по словамъ псаломѣвца, *нощію просвѣщеніемъ въ радости ихъ* (Пс. 138, 11); пусть прекратятся бичеванія, поражающія

тѣла богомыслящихъ. Если будетъ такъ, если каждому вы предоставите свободу и насилию не дадите докончить его дѣла, тогда, по удаленіи явныхъ враговъ церкви, не имѣющихъ и слѣда священства, и слѣдовательно, не могущихъ обсуждать церковные вопросы, съ прочими,—если кто, чего да не будетъ. останется,—мы согласимся явиться на собесѣдованіе: ибо непосвященнымъ не подобаетъ составлять собранія для изслѣдованія священныхъ предметовъ. Пусть скажутъ сторонники давно уже осужденнаго на молчаніе и отвернутаго ученія Константина ¹⁾, кто возложилъ на нихъ священный санъ? Пусть покажутъ, силою какого священноначальственнаго рукоположенія, признаваемаго церковными законами, возведены они въ степень священнослужителей. Если церковный чинъ признаетъ ихъ недостойными, то кто имъ позволяетъ говорить въ храмахъ? Это да будетъ извѣстно пославшимъ васъ. И если они согласятся съ нашими словами, то мы назначимъ время и мѣсто. удобныя для диспута: время для соисповѣданія и собесѣдованія, когда Богу угодно будетъ облегчить мою болѣзнь и если Богъ дастъ намъ остаться въ живыхъ; а мѣсто для божественнаго слова—славный храмъ, въ коемъ пребываетъ Богъ, мудро опредѣляющій и справедливо разъясняющій все, что касается православной вѣры“.

62. Когда вѣстникъ довелъ это до слуха пославшаго его, а послѣдній ничего не скрылъ отъ своихъ соумышленниковъ, то повергъ языкъ ихъ въ оцѣпенѣніе и поразилъ сердце ихъ скорбію, ибо (предложеніе патріарха) было невозможно и не осуществимо. Посему собравшись на совѣтъ, они предъ царемъ

¹⁾ Императора Константина Копронима

изрыгали такія рѣчи противъ непоколебимой опоры церкви. „Не возможно, если согласиться съ этимъ предложеніемъ, чтобы то, что опредѣлено твоею властію и рѣшено настоящимъ соборомъ, имѣло удачный исходъ; ибо если будетъ дано время мнѣнію каждого склониться, куда оно пожелаетъ, если осужденные въ ссылку будутъ возвращены и если каждый будетъ господиномъ своей свободы, безъ всякаго понужденія, то мы скоро останемся беззащитными и одинокими. За нимъ скоро добровольно послѣдуютъ всѣ, наше дѣло окажется въ безпомощномъ положеніи; и особенно его отказъ отъ диспута съ избранными приготовить для насъ полное пораженіе. Итакъ, довольно приглашеній. Вотъ уже третье увѣщаніе мы дѣлаемъ ему, а онъ, слушаясь своеволія, не является. Но, если угодно, пользуясь соборною властію, сообщимъ ему письменно то, что обычно сообщается упрямствующимъ, чтобы онъ явился и оправдался въ томъ, въ чемъ обвиняетъ его соборъ.“ Итакъ, составляютъ жалкую и убогую грамоту къ вождю церкви, въ коей повелѣвалось ему предстать предъ нерукоположенными и оправдываться въ томъ, въ чемъ они пожелаютъ (обвинять его). Вручивъ эту грамоту нѣсколькимъ епископамъ и клирикамъ. Не имѣвшимъ хиротоніи, посылаютъ ихъ къ свѣточу православія, присоединивъ къ нимъ толпу уличныхъ бродягъ, вполне досгойную ихъ гнусности. Когда они остановились предъ воротами архіерейскаго дома, великому архіерею былъ сдѣланъ дерзкій докладъ объ ихъ прибытіи. Онъ же, удрученный однимъ видомъ зломыслящихъ (ибо таково свойство чистыхъ душъ—чувствовать омерзеніе ко всему, что чуждо истины), не имѣлъ расположенія выдти на бесѣду съ ними. Но насильственно понуждаемый патриціемъ, которому

ввѣрена была его охрана, не желавшимъ отослать ихъ назадъ ни съ чѣмъ, онъ спустя значительное время едва позволилъ имъ войти.

63. Вошедши, жалкіе не устыдились тяжести болѣзни, но съ обычною дерзостію, лицедѣйственно и трагически высказали ему то, что было начертано въ той ничтожной грамотѣ. „Соборъ, говорили они, принявъ жалобы на тебя, для ихъ разсмотрѣнія повелѣваетъ тебѣ явиться безъ всякаго отлагательства и дать ясный отвѣтъ. Посему, прежде чѣмъ упорство твоего отказа подвергнетъ тебя наказанію низложеніемъ, измѣни свое мнѣніе сообразно съ мнѣніемъ собора и царя, согласившись и мысля одинаково съ нами относительно отрицанія и устраненія иконъ, ибо только такимъ путемъ возможно избавиться отъ обвиненія, (возводимаго на тебя) жалобами. Если же ты будешь еще упорнѣе отрицаться и мыслить иначе, то подвергаешься обвиненію, которое можетъ быть устранено не инымъ путемъ, какъ только личною явкою и оправданіемъ въ томъ, въ чемъ тебя обвиняютъ“. Сказавъ это нескладно архипастырю, волки въ одеждѣ пастырей, шепотомъ передавая другъ другу какія то шутки (ибо не могли прямо взирать на тотъ чистѣйшій умъ и говорить съ нимъ открыто), молчаніемъ прикрывая позоръ своего стыда, стояли съ оглохшими ушами, сильно желая, хотя и были враждебно настроены, воспринять пріятный звукъ его рѣчи.

64. Онъ же, хотя и удрученный болѣзнію, предупреждая обвиненіе, сказалъ къ нимъ слѣдующее: „кто такой угрожаетъ намъ жалобами и принимаетъ противъ насъ обвиненія? Какой патріаршей кафедрѣ хвалится онъ быть предстоятелемъ? Водимый какими пастырскими заботами, подвергаетъ онъ насъ каноническимъ наказаніямъ? Если зоветъ меня свято пра-

вящій браздами стараго Рима, я явлюсь. Если обвиняетъ священноглашатай церкви Александрійской, предстану безъ сопротивленія. Если влечетъ меня на судъ священнопастырь церкви Антиохійской, не замедлю. Если приглашаетъ меня предстать для оправданія управляющій Іерусалимской церковію, не уклонюсь. Но если волки лютые, готовые напугать стадо, скрываются подъ шкурою овецъ и поносятъ пастыря, то кто согласится идти даже только посмотрѣть на тѣхъ, на которыхъ, по словамъ божественнаго апостола, уже возложено бремя суда (2 Петра, 2, 3)? Но если, согласно вашей болтовнѣ, мы приняли бы ученіе царя и ваше, то загладили-ли бы мы позоръ обвиненій противъ насъ? И какой чинъ будетъ назначенъ намъ, какъ подлежащимъ, по вашимъ словамъ, отвѣту и навлекшимъ на себя обвиненіе по канонамъ? Кто же можетъ въ одинъ и тотъ же день низводить и возводить на высоту не могущаго стоять даже внизу? Неужели вы считаете насъ непосвященными и неспособными къ изслѣдованію божественныхъ предметовъ? Развѣ не облеченные священствомъ должны судить о нихъ? Въ дѣйствительности же способно презирать и только попираетъ ихъ именно нечестіе, увлекающее повинующихся ему въ пропасть ада. Итакъ, отступите отъ насъ дѣлающіе беззаконіе, обратитесь на свою блевотину и возвратитесь въ свои вертепы разбойничьи. Не можете побороть вы опирающихъ свой умъ на камень праваго исповѣданія, не низвергнете укрѣпившихся на высотѣ соборныхъ опредѣленій; но объ васъ самихъ будутъ разбиваться волны ереси, не причиняя наводненія церкви католической“.

65. Высказавъ это предъ людьми, лишеннымъ смысла и исполненными безумія, блаженнымъ присоеди-

нилъ еще слѣдующее: „еслибы даже престолъ нашъ остался безъ пастыря и попечителя, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы никому проповѣдывать хорошо прикрытую ложь, или составлять незаконныя собранія и приходить изъ другой провинціи, чтобы отмѣнять здѣсь не подлежащія ему опредѣленія. Теперь же, когда она имѣетъ пастыря и не лишена защитника, что можетъ отвести отъ наказанія по канонамъ васъ, желающихъ на основаніи, украшенномъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, то есть апостольскими и отеческими реченіями, строить зловѣріе изъ дерева, соломы и тростника? Такъ что справедливо объявить васъ нарушителями божественныхъ каноновъ и безумствующими противъ ясныхъ и очевидныхъ законовъ и весьма благовременно связать вѣчными узами“. Потомъ, прочитавъ имъ канонъ и объявивъ приговоръ низложенія, приказалъ имъ выйти изъ божественной ограды. Они же, какъ гонимые бичемъ, одержимые скорбію и яростію, съ слѣдовавшими за ними негодяями и бродягами подвергли проклятіямъ какъ его, такъ и Тарасія, этихъ непоколебимыхъ столбовъ церкви. Такъ эти гнуснѣйшіе люди, безчинно пройдя по улицамъ и прибывъ ко дворцу съ ругательствами противъ святыхъ, горделиво рассказывали предъ царемъ и еретической толпой о томъ, что они слышали и что сдѣлали.

66. Когда они узнали о своемъ осужденіи на основаніи каноновъ и освѣдомились о непреклонности священной души его отъ своихъ лжевѣстниковъ, то ослабѣли въ своей дерзости и отказались отъ желанія бесѣдовать съ нимъ. Но обратившись на другой незаконный путь, они стали говорить о насильственномъ удаленіи святого или даже полагали избавиться отъ него посредствомъ тайнаго умерщвленія его. И

еслибы одинъ изъ лежащихъ православной вѣрѣ и сопричисленныхъ къ клиру, освѣдомившись хорошо о замыслахъ противъ него, не раскрылъ послѣднихъ и не поспѣшилъ принять мѣры къ огражденію его безопасности. го быть можетъ вмѣстѣ съ повѣствовованіемъ о героизмѣ его были бы начертаны на папирусѣ уже и теперь рыданія о немъ. Когда же убійцы въ этомъ злодѣяніи потерпѣли неудачу, ибо верховная Божественная Сила хранила Своего служителя, то приложили стараніе къ удаленію его съ кафедры силою, угрожая предать злой смерти тѣхъ, которые помогали ему въ чемъ-либо для облегченія его болѣзни, и безъ всякой причины лишивъ его виѣшняго почета и узаконеннаго поминавенія во время богослуженія. Чудовище это (да не будетъ, чтобы мы стали называть его царемъ), іудействуя, угрожало всѣмъ, облеченнымъ въ священный санъ, что если кто открыто назоветъ его архіереемъ, то будетъ исключенъ изъ синагоги.

67. Такъ одинокій, положившись на одну уже только надежду и *распространенны въ скорби* Богомъ, какъ божественный Давидъ (Пс. IV°, 2), не могъ ~~переносить~~ онъ только одного—видѣть стадо ~~лишеннымъ~~ архипастыря и сдѣлавшимся добычею волковъ. Что же надлежало, возлюбленные, ему дѣлать для вашего спасенія? Что совершать? Доколѣ же предстояло плыть среди множества опасностей такъ, чтобы не утонуть, не отступить предъ плохими обстоятельствами и еще худшею властію, и посторониться предъ обладавшими ею (властію) такъ, чтобы не впасть въ тотъ же самыи грѣхъ, который они совершили противъ него самого? Ибо онъ заботился даже о тѣхъ, которые носили и преслѣдовали его, подражая въ этомъ своему учителю Христу. Но не таковы были тѣ, ко-

торые противъ старавшагося благодѣтельствовать имъ выказали всякія злоумышенія, ибо не пропускали случая измыслить противъ него что-нибудь пустое, угрожать смертію (и доходили въ своихъ умысленіяхъ) до того, чтобы извлечь его за врата церкви и единодушно убить, говоря, какъ въ притчѣ Господа, *придите, убилиъ его, и удержимъ достояніе его*. (Мѡ. 21, 38). Посему своимъ неповрежденнымъ умомъ уподобляясь пророку, созерцая будущее и видя окаменѣвшее сердце ихъ, готовымъ на пролитіе крови, написалъ онъ царю слѣдующее.

68. „Время требуетъ отъ нашего смиренія, когда мы впали въ такое обстояніе и тѣлесную немощь, доложить вашему правдолюбному величеству слѣдующее. Сколько было моихъ силъ, я доселѣ боролся за истину и благочестіе и, какъ думаю, ничего не упустилъ изъ того, что требовалось отъ меня саномъ, не лишая ни собесѣдованія требующихъ, ни наученія пріемлющихъ. Когда же за это я перенесъ всякаго рода оскорбленія, стѣсненія, бѣдствія, безчестіе, заключеніе подъ стражу, лишеніе имущества и притѣсненіе лицъ, мнѣ служащихъ, то, наконецъ, нѣкоторые, считающие себя епископами, дерзнули нанести намъ безчестіе и еще большее, чѣмъ перечисленные выше, возбудивъ народъ и всякій сбродъ, вооруженный мечами и копьями. и направивъ его противъ насъ. И онъ (народъ) дерзко и безстыдно нанесъ намъ всякія оскорбленія, забывъ страхъ Божій, почтеніе ко мнѣ, какъ бывшему его архіерею, и мою крайнюю немощь, причемъ толпа вмѣстѣ со мною подвергала проклятіямъ и предшествовавшаго мнѣ архіерея, что впрочемъ было для насъ славою и величайшею похвалою. Послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій я услышалъ, что враги истины устраиваютъ противъ меня заговоръ, рѣшивъ или низло-

жить, или предать меня насильственной смерти. Чтобы не совершилось такое преступление и чтобы грѣхъ за него не палъ на ваше величество (ибо большаго гоненія на меня и придумать невозможно), я противъ воли и желанія, преслѣдуемый оскорбляющими меня, по необходимости вынужденъ оставить свою кафедру. И какъ Богъ разсудитъ и устроить мои дѣла, на томъ и успокоюсь и возблагодарю Его за Его благодать“.

69. Принявъ это письмо, какъ послѣдній ударъ, гнусный тотъ умъ свирѣпо и злобно усмѣхнулся и къ прежде указанному насилію прибавилъ новое еще большее: поручивъ патрицію, начальнику стражи богоноснаго отца, воинскій отрядъ, приказалъ ему отправитъ среди ночи въ изгнаніе свѣточъ свѣта Господня. Зачѣмъ же это? Затѣмъ, чтобы настоящее событие и умыселъ не разнились отъ заговора противъ Христа, ибо и тѣ во время ночи строили нападенія и козни противъ Христа и эти, пользуясь содѣйствіемъ ночи, пзобличаются въ подобномъ же предательствѣ добраго пастыря. Онъ же, чувствуя, что пришелъ часъ, и видя толпу, явившуюся за нимъ, подобно слетѣвшимся комарамъ и саранчѣ, попросилъ свѣта и, вставъ съ постели, велѣлъ поддерживать себя одному изъ домочадцевъ своихъ, ибо болѣзнь была еще въ полномъ ходу и чувствовался упадокъ тѣлесныхъ силъ. Итакъ, лѣвою рукою онъ поддерживалъ свою слабость, а правою, взявъ божественное кадило, облагоухалъ своды того священнаго зданія. Вошедши въ славныя катихумены ¹⁾ величайшаго храма, гдѣ часто возносилъ Богу всенощныя молитвы, зажегъ двѣ восковыя лампы, потомъ, оставивъ то, что

¹⁾ Мѣсто для оглашенія или оглашенныхъ.

было въ рукахъ, отрѣшившись отъ всего видимаго и простершись на землю и направивъ праведную душу свою къ небу, произнесъ:

70. „И ты, Превеликій и Преестественный, Господь дивныхъ созданий и неислѣдимой премудрости, коей въ нихъ явилъ едва малый слѣдъ, единственный Обладатель, яви челоуѣколюбивое попеченіе на великомъ, возвышенномъ и дивномъ строеніи Твоего храма, въ коемъ, принимая приношеніе пречистыхъ и нетлѣнныхъ таинъ, даруешь праведно отпущеніе грѣховъ тѣмъ, которые достойно приступаютъ къ причащенію ими. И сей (храмъ). чуждый всякой скверны и порока, нынѣ поручаю всесильной десницѣ Твоей, послѣ того какъ я, насколько было силъ моихъ, надзиралъ за нимъ, вѣреннѣйшимъ чинѣ ею (десницей),—оберегалъ его непоколебимымъ на скалѣ истинной философіи,—хранилъ, какъ мѣсто и сѣнь славы Твоей, прекраснѣйшее благолѣпіе его,—привелъ къ Тебѣ многихъ сыновей и наслѣдниковъ чрезъ честную купель его,—возвратилъ Твоей благоутробной милости безчисленное множество чрезъ чистосердечное раскаяніе. Тебѣ, Спасе, хотя и недостойными руками, передаю залогъ сей и вручаю неизслѣдимому промысленію Твоему попеченіе о немъ, какъ благоволишь устроить. Левъ рыкаетъ на него, ища расхитить его и своимъ лъвѣтамъ приготовить въ немъ удобное обиталище. Да не воздремлетъ противъ него всевидящее и неусыпающее око Твое. Пусть знаетъ онъ, на кого нападаетъ и противъ кого неудержимо безчинствуетъ. Пастырей перемѣнилъ онъ на лютыхъ волковъ, послушаніе овецъ добръ правящимъ превратилъ въ порокъ послушанія. Исхити отъ заблужденія его пока не приложившееся къ нему стадо, да избавится оно отъ бѣдъ и освободится отъ опасностей. Твоей десницы есть оно стя-

жаніе; да не сдѣлается же оно добычею ищущихъ поглотить его. Насъ же, поручающихъ себя Твоему суду, руководи и путеводи, куда угодно будетъ Твоему промысленію. Ты видишь, Господи, какому насилію (подвергаемся мы); не исключи насъ отъ воздаянія, слѣдующаго за него; не обличи насъ, какъ неопытныхъ и неискусныхъ пастырей, ибо Тебѣ единому принадлежитъ мудро вести и пасти. Да не будемъ осуждены за лѣность, какъ продавшіе ей животворное первородство учительства, ибо мы посильно сохранили его непоруганнымъ для Тебя, перворожденнаго всякой твари“.

71. „Прощай, Софія, божественнаго Слова непоколебимый храмъ; на тебя возлагаю я замокъ православія, который не можетъ быть сокрушенъ рычагомъ еретичествующихъ. Тебѣ, печати непорочнаго исцѣлѣнія, я рѣшилъ ввѣрить догматы отцевъ, запечатавъ ихъ, такъ что они никогда не могутъ быть нарушены извращеніями еретиковъ. Прощай, кафедра, на которую взошелъ я безъ насилія и которую нынѣ оставляю по насилію. Прощайте, священныя гробницы мучениковъ, украшенныя евангельскими и подвигническими изображеніями, на которыя безумствующіе налагаютъ нечистыя руки, (за что) не избѣгутъ предстоящаго имъ воздаянія отъ непобѣдимой десницы. Прощай и ты, великій градъ Божій, и обитатели твои, опирающіеся на здоровое отеческое ученіе, коихъ подвелъ я подъ крылья божественныя и твои, чтобы какая-нибудь хищная птица не унесла ихъ изъ подъ твоей защиты“.

72. Такимъ образомъ вознесши молитвенное священнословіе, отдался онъ на носилки и противъ воли отправился въ путь, какимъ хотѣли вести его насильники. Море, распростерши свою поверхность, при-

нимаетъ праведника въ лодку, и онъ доставляется въ основанный имъ монастырь *Агаа (Добраго)*. Получивъ позволеніе побыть въ немъ нѣкоторое время, потомъ виновниками насилія препровождается въ лежащій далѣе построенный имъ монастырь великомученика *Теодора*, ибо не могли перенести, чтобы праведникъ поселился вблизи ихъ безумія. При немъ посылается Варда, ближайшій родственникъ *Іова*, который, по прибытіи на мѣсто взошедши на корабль и сѣвъ на кресло, призываетъ къ себѣ великаго іерарха. И когда копьеносцы, усердствуя, поставили его (патріарха) предъ его очами, онъ не выказалъ никакого почтенія при любезномъ появленіи священнаго мужа и, не устыдившись, не говоря о чемъ другомъ, пословицы, мудро гласящей: „предъ лицомъ сѣдого возстани“, неподвижно возсѣдалъ на своемъ креслѣ. Онъ же, по дѣянію этому видя высокоумдіе юноши, воскликнулъ: „о, прекрасный Варда, по чужимъ несчастьямъ научись переносить свои“. Сказавъ это, онъ предаетъ себя волѣ тѣхъ, кои вели его. Какая пронизательная чистота всесвятаго мужа, далекое видящая приближающимся и по настоящему заключающая о будущемъ! Ибо не тотчасъ наказаніе постигло юношу, но почти спустя четыре года породило ему несчастіе. И если кому угодно въ этомъ исполнѣ удостовѣриться, пусть отправится къ этому мужу и, увидѣвъ болѣзнь его глазъ, ясно представить себѣ приключившееся съ нимъ несчастіе. Но объ этомъ довольно.

73. Между тѣмъ Левъ старался отыскать скорѣе воина, чѣмъ пастыря, и послѣ недолгихъ усилій водворяетъ такого мужа, отъ котораго пахло мірскими заботами, который съ своей воинской сѣкирой былъ подобенъ Геркулесу, пожирателю быковъ, который

обращалъ вниманіе только на чрево и искусное приготовленіе кушаній, — человѣка, лишеннаго всякой опытности въ управленіи и искуснаго лишь въ невѣжественныхъ и варварскихъ разговорахъ ¹⁾). Вотъ такого-то человѣка, чтобы обойти молчаніемъ все другое, въ одинъ день очистивъ и умудривъ, ставитъ на священный и страшный тронъ и объявляетъ, варваръ, пастыремъ волкоподобной души своей, а не овецъ Христовыхъ. Послѣ сего изъ епископовъ, убѣжденныхъ или притѣсненіями или добровольно, а также изъ нововводителей и свѣтскихъ учителей набравъ болтливое сходбище, подобное стаѣ галокъ, въ церкви противъ церкви составляетъ совѣтъ. Изрыгнувъ на немъ уже заранѣе неразумно приготовленные возраженія и основанія и имѣя союзникомъ для него прежде затѣянный Константиномъ соборъ во Влахернахъ ²⁾), объявили этотъ соборъ подтвержденіемъ того. И это — совершенно справедливо, ибо онъ (соборъ) не имѣлъ опоры ни въ согласіи съ отцами, ни съ предстоятелями апостольскихъ престоловъ, какъ того требуетъ церковный законъ, но изъ подобныхъ себѣ подтверждалъ свои опредѣленія и старался ложью извратить истину. Опредѣливъ это въ первый день погибельнаго засѣданія ихъ, разошлись. А на слѣдующій день сошлись снова и начали излагать свое ложное ученіе, выказавъ въ это время упорство своего непреклоннаго злочестія.

74. Но посмотрите на чрезмѣрные ихъ жестокости! Отобравъ нѣкоторыхъ изъ православныхъ епископовъ, относительно которыхъ думали, что они покорятся

¹⁾ Разумѣется патриархъ Θεοδοῦς занимавшій кафедру съ апрѣля 815-го до начала 821 го года.

²⁾ Иконоборческии соборъ 754 г., засѣдавшій во Влахернской церкви въ Константинополѣ.

имъ при первомъ же нападеніи, и разодравъ на нихъ священныя одежды на мелкіе клочки, приказали поставить ихъ предъ вратами величайшаго храма и держать, какъ грѣшниковъ. Много наболтавъ противъ нихъ и накричавъ, подобно лягушкамъ, нѣчто безсвязное и невнятное, велѣли притащить ихъ въ заѣданіе. Въ то время, какъ начинали они приближаться къ начальникамъ ереси, имъ громко приказывали остановиться. Когда же увидѣли ихъ непоколебимую стойкость предъ угрозами, ибо подобны они были твердымъ скаламъ и дубамъ съ глубоко сидящими корнями, тогда стали кричать имъ слѣдующія ребяческія и пустыя слова: „доколѣ, упорствуя въ непослушаніи, вы будете отказываться взирать на благо истины и отрекаться познать божественность православшаго ученія? Итакъ, нынѣ, отложивъ ожесточеніе сердца, если оно еще есть, присоединитесь къ намъ и къ нашему священному собору и правъ на кафедры и санъ не предавайте чрезъ свое легкомысліе и упорство“.

75. Занимавшіе мѣсто обвиняемыхъ осыпаемые хуленіями отъ всѣхъ, презирая однако всѣ поруганія и обиды, отвѣчали имъ приблизительно такъ: „наше неповиновеніе вамъ сохраняетъ наше полное повиновеніе истинѣ, ибо повиновеніе вамъ удаляло бы насъ отъ истины и отчуждало бы отъ общенія съ Богомъ. Присоединиться къ вашему собору, лишенному всякихъ условій (потребныхъ для составленія) святыхъ соборовъ, попирающему святую икону Христа и святыхъ Его, подвергающему анаѣмѣ взирающихъ на нее, воспрещено намъ и всѣмъ, которые мыслятъ и мыслили одинаково съ нами. Напротивъ, послѣдую непреложнымъ и нерушимымъ опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ и опираясь на священныя мнѣнія и

наставленія богоносныхъ отцевъ, мы принимаемъ и лобызаемъ честныя иконы и подвергаемъ анаѳемѣ поступающихъ иначе. Опредѣленія же и утвержденія вашего сходбища, его заключенія, яснѣйшія даже геометрической очевидности, и превознесенное выше горъ ученіе ваше мы отвергаемъ, какъ чуждое церковнаго преданія, ибо вмѣсто терминовъ оно имѣетъ поношенія, вмѣсто посылокъ сплетеніе ихъ же и угрозы вмѣсто заключеній, которыя если превратить въ посылки другого силлогизма, то въ выводѣ уже получатся не угрозы, а злоумышленія и ихъ послѣдствія. Сокрушенію предшествуетъ поношеніе, которое подъявъ на себя съ сокрушеніемъ, мы во всемъ остальномъ рѣшились искать помощи у Бога“.

76. Такъ возгласивъ, стояли среди безумцевъ эти мужи, усвоившіе змѣнную мудрость; тѣже подобно синедріону, составившемуся противъ первомученика Стефана, заключивъ свои уши, прежде чѣмъ ринуться на святыхъ, велѣли толпѣ вытолкать ихъ въ шею; подобно актерамъ и шутамъ на сценѣ они разыграли представленіе, во время котораго они вставали и ходили назадъ, получали удары кулаками по щекамъ и прогонялись испачканные подобно свиньямъ по всему тѣлу. Послѣ такого безчиннаго и незаконнаго неистовства противъ святыхъ во святомъ (храмѣ), они, такъ какъ было уже время обѣда, повторяя за однимъ голосистымъ клирикомъ, провозгласили благословеніе императору, а вождей православной вѣры, какъ думалось имъ, предали анаѳемѣ и разошлись.

77. Утоливъ свою безумную ярость противъ церкви, сочиняютъ они опредѣленіе, далеко отстоящее отъ предѣловъ истины, и убѣждаютъ императора, что съ его стороны благочестиво подписать это опредѣленіе.

И онъ, такъ какъ подобно прочимъ не отличался твердостью въ дѣлахъ религіозныхъ, соглашается съ ними и по открытіи вновь засѣданія занимаетъ тронъ, помѣщенный на возвышеніи, а поборники лжи занимаютъ свои сѣдалища. Когда было прочитано въ слухъ всѣхъ ложное опредѣленіе и понравилось присутствующимъ, хотя и не всѣмъ, предложили, чтобы каждый подписью своей руки скрѣпилъ въ немъ содержащееся. Окончивъ это и замаравъ чернилами и свои имена и свою судьбу, они провозгласили вслѣдъ за упомянутымъ уже клирикомъ обычное многолѣтіе императору и анаѹему свѣточамъ церкви и разошлись.

78. Между тѣмъ карающее зло Правосудіе не хотѣло покрыть долготерпѣніемъ этого поруганія святыхъ, а желало ускорить и явить воздаяніе при посредствѣ чуда; ибо немного спустя наказаніе поразило языкъ упомянутаго клирика, возглашавшаго предъ соборомъ: его голосовые органы ослабѣли и онѣмѣли. И замѣтите, какъ тяжело (было наказаніе): когда ему напоминали изреченія псалмовъ, то языкъ его освобождался отъ пораженія и произносилъ слова; если же приходилось ему сообщать кому-либо что-либо, то языкъ слабѣлъ, путался и, выговаривая нераздѣльно, неясно и косноязычно, передавалъ слушателю неудобовразумительные звуки. Такъ наказуется языкъ. поспѣшно говорящій противъ тѣхъ, кои устами изрекаютъ мудрость и тщаніемъ сердца источаютъ разумъ. Посему благовременно будетъ привести божественное изреченіе, что *смерть и животъ въ руку языка удерживающихъ же его снѣдятъ плоды его* (Притч. 18, 21).

79. Но довольно сего какъ для обличенія ихъ зломыслия, такъ и для доказательства близости святыхъ къ Богу. И да престанетъ здѣсь слово о соборѣ и о

томъ, что относится къ нему, дабы не повело оно къ тягостному пресыщенію слуха. Но отнюдь не долженъ исчезнуть въ глубинѣ забвенія опустившійся съ того времени надъ церквами мракъ темной ночи. Уничтожая всякое, издревле существующее, благолѣпное изображеніе евангельскихъ событій и мученическихъ подвиговъ, не побоялись они закрашивать ихъ разведенной известкой. И какъ передать состояніе тѣхъ, которые, постыдно покорившись измышленіямъ ереси, но сохранивъ въ судѣ своей совѣсти неповрежденнымъ здоровое ученіе, должны были совершать столь постыдное и гнусное дѣло? Нерѣдко они въ растворъ извести изливали свои слезы, не перенося скорби (при видѣ) оскверненія. Дерзость въ отношеніи къ священнымъ изображеніямъ была дозволена каждому желающему: одни сокрушали евангелия и чтимыя драгоценности; другіе, разрывая на мелкіе куски дорогія священныя одежды, бросали ихъ на полъ; иные, разрубая топорами изображенія на доскахъ, свирѣпо сожигали ихъ на улицахъ; нѣкоторые вмѣсто прежнихъ благовоній обмазывали ихъ навозомъ, сачомъ и зловонными веществами. И можно было видѣть украшенія божественныхъ храмовъ попираемыми, какъ во время плѣненія. Можно было видѣть, какъ предметы, подлежащіе осязанію и зрѣнію мірянъ, влеклись печистыми руками (людей непосвященныхъ) и выставлялись зрѣлищемъ для cadaго. Можно было видѣть, какъ пастыри были удаляемы изъ церквей, а стадо ввѣрялось волкамъ, — изгонялись исповѣдывавшіе правое ученіе, а поносившіе его принимались, — невинные отдавались подъ судъ, какъ виновные, а вмѣсто нихъ на кафедры сажали подвергавшихся наказанію бичемъ, — клириковъ подвергали издѣвательствамъ и бичеваніямъ и дер-

жали въ тюрьмахъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода,—наши пазореи угнетались пытками, голодомъ, жаждою, долгими заключеніями и работами и переносили страданія до крайней опасности,—одни изъ нихъ потеряли жизнь отъ меча, а другіе, завязанные въ мѣшки, были бросаемы подобно камнямъ въ воду; женщины обнажаемы были предъ мужчинами, ихъ влекли наравнѣ съ преступниками, были бичуемы и все переносили съ мужественною душою ради Христа.

80. Такъ поступалъ ненавистникъ Левъ въ отношеніи ко всему божественному и съ тѣми, которые съ честью боролись за него. А между тѣмъ кто не оплачетъ горькими слезами тѣ дружескіе договоры, которые онъ такъ постыдно и непристойно заключилъ съ сосѣдними гуннами? При этомъ онъ пользовался ихъ, а они нашими обычаями и такимъ образомъ взаимно подтвердилъ союзъ, такъ что можно было видѣть, какъ ромейскій царь своими руками выливалъ изъ чаши воду на землю, переворачивалъ самъ сѣдла на лошадяхъ, касался скрученнаго втрое ремня, бросалъ вверхъ сѣно и клялся всѣмъ этимъ,—а язычники притрогивались непристойными руками къ нашимъ божественнымъ знакамъ (символамъ) и клялись ихъ силою. Не есть-ли это порожденіе жестокости? Не есть-ли это явное неистовство и ожесточеніе противъ Христа? Не должно ли было это навлечь праведное наказаніе Божіе? О семъ свидѣтельствуютъ чудесныя и необычайныя знаменія того времени: землетрясенія, по слову пророка сокрушающія сердце (Наум. 2, 10) и поглощающія населенные города; глады, распространяющіе нужду по всей землѣ; земледѣльцы, собирающіе колосья не серпами, а руками въ карманы; воздухъ, испускавшій пламя въ видѣ жезловъ и наводившій ужасъ на зрителей;

море, пребывавшее безплоднымъ и дававшее бури и волненія вмѣсто рыбъ; повсюдное забвеніе узъ родства и свойства, породившее междоусобныя распри во всѣхъ провинціяхъ и городахъ. Съ тѣхъ поръ и доселѣ еще сильна страшная болѣзнь междоусобныхъ браней.

81. Но на этомъ не прекратились и не остановились бѣды сего человѣка; вздымаясь, усиливаясь и какъ бы угрожая уничтоженіемъ (всѣхъ его) прискорбныхъ предпріятій, они навлекли на него мечъ заговора не въ строю, не въ чужой и вражеской землѣ (тогда былъ бы нѣкій поводъ воздать похвалы несчастному, какъ подвизавшемуся за отечество), но дома, у себя и въ то время, когда думалъ, что дѣла его обстоятъ благополучно. А того, кто составлялъ заговоръ, онъ держалъ въ заключеніи и оковахъ, въ ожиданіи, когда пройдетъ наступающій праздничный день Рождества Спасителя и когда дѣло его будетъ тщательно разслѣдовано. Потерявъ заслуженно голову, увѣнчанную противъ церкви, и руку, простершуюся на уничтоженіе правыхъ догматовъ, отъ меча своихъ щитоносцевъ и копьеносцевъ среди божественнаго храма, испустилъ несчастный душу свою, обезчестившую многихъ святыхъ. Но скажемъ еще нѣсколько словъ, если угодно, объ этомъ событіи, не паденію радуясь, а скорбя о несчастіи. Что же это, о, безмѣрно превозносившійся и надмевавшійся, навѣвавшій на насъ бури и дышавшій на церковь подобно дракону? Какъ отлетѣлъ духъ, поднимавшій бури преслѣдованія, неистово гремѣвшій противъ благочестивыхъ подобно Салмонею Кирскому ¹⁾? Куда дѣвались вол-

¹⁾ Сначала царь Фессалинскій, а потомъ Элидскій, описанный Virgiliemъ.

шебства. въ которыя ты былъ посвященъ и которыя ты совершалъ, и какъ, стараясь родить долгіе годы царствованія, произвелъ на свѣтъ выкидышъ кратковременной жизни? Какимъ образомъ чревоушатели—грамматики ¹⁾, назначавшіе тебѣ вмѣсто награды царство и изрыгавшіе тебѣ долгую счастливую жизнь, не предусмотрѣли въ гаданіяхъ удара меча противъ тебя? Какимъ образомъ твои споспѣшники и клевереты ²⁾ просмотрѣли наивысшіе плоды твоего хвастовства—безславное зрѣлище на глазахъ у всѣхъ и позоръ кроваваго безчестія?..... Гдѣ пурпурная діадема, получивъ которую отъ церкви, послѣднюю ты лишилъ вѣнца? Какимъ образомъ надменный вчера нынѣ оказывается мертвымъ? Какимъ образомъ поражается ударами тотъ, кто прежде неудержимо устремлялся противъ святыхъ? Гдѣ козни противъ великаго пастыря, фантастическія и пустыя изысканія, которыя ты оставилъ, отыскивая недостижимое? Безсильно было многотрудное и усердное стараніе твое добиться хотя бы одного показанія, которое бы наложило на него пятно вины. Такъ какъ онъ лишенъ слова для отвѣта, то оставимъ его бездыханнаго, замараннаго при своемъ паденіи, валяться въ брызгахъ крови и перейдемъ къ послѣдующему.

82. Итакъ, послѣ него украшается царскою короною тотъ ³⁾, который вмѣстѣ съ снятіемъ ремня ожидалъ подвергнуться и лишенію жизни, но какъ бы

¹⁾ Указаніе на Іоаннна Грамматика, главнаго дѣятеля переворота въ пользу иконоборцевъ при Львѣ Армянинѣ, потомъ патриарха Константинопольскаго 836—842 г. Іоаннъ занимался астрологіей, и православные разсказывали, что онъ былъ преданъ волшебствамъ.

²⁾ *οι βλεπται και αναλαβεται* (Аліяцій исправляетъ: *λεγειται και αναλαβεται*—расчесанные и надутые чванствомъ)—неизвѣстные термины.

³⁾ Царь Михаилъ II Травль или Косноязычный съ конца 820 г. по октябрь 829 г.

вынырнулъ изъ глубины заключенія, сталъ изъ узника вѣнценосцемъ и послѣ рѣшительной побѣды сдѣлался властительнѣе надѣявшагося властвовать. Завладѣвъ царствомъ и нѣсколько ослабивъ прежнее гоненіе—настолько, чтобы тѣ, которые проводили жизнь въ заключеніи и трудахъ, могли мечтать о призрачной свободѣ, тайно сочувствовалъ образу мыслей умершаго (царя) и, уловленный въ сѣти ереси подобно рыбѣ, умираетъ въ гнилыхъ догматахъ.

83. Узнавъ о семъ, великій Никифоръ своимъ проницательнымъ умомъ понималъ, что вмѣстѣ съ пресмыканіемъ змѣи не умерщленъ хвостъ ереси, а еще корчится и представляется будто имѣющимъ какъ бы мертвую жизнь. Посему писатомъ духа начертавъ догматы православія, онъ рѣшился послать ихъ къ новѣнчанному царю, поставляя ему на видъ свои оковы, и напоминая о Богѣ, даровавшемъ ему спасеніе, о позорной смерти тиранна, тщетно беззаконствовавшего, и гибели его на томъ мѣстѣ, гдѣ грѣшилъ онъ,— а также описывая ему истинное и богопреданное начертаніе священныхъ изображеній и указывая на то, что оно твердо держится не благодаря вчершнему, совсѣмъ недавнему изобрѣтенію, но пользуется почитаніемъ съ тѣхъ поръ, какъ величіе проповѣди апостольскою трубою ясно огласило вселенную.

84. Царь, подивившись его мудрости и силѣ его ученія, хотя и весьма несвѣдушъ во всемъ этомъ былъ онъ, унаслѣдовавъ невѣжество отъ отцовской необразованности, какъ достаточное для него состояніе, говорятъ, сказалъ слѣдующее къ принесшимъ письмо: „тѣ, которые прежде насъ изслѣдовали церковные догматы, сами за себя дадутъ отчетъ предъ Богомъ въ томъ, хорошо или дурно они постановили. Мы же на какомъ пути нашли церковь, на томъ же

лаемъ ее и сохранить. Выражаясь точнѣе, мы постановляемъ, чтобы никто не смѣлъ открывать рта ни противъ иконъ, ни за иконы, но да потеряютъ всякое значеніе соборъ Тарасія, соборъ прежній Константина и теперь собиравшійся при Львѣ, и все относительно иконъ да погрузится въ глубокое молчаніе. Тотъ же, кто считаесть своимъ долгомъ говорить и писать это, если онъ при такихъ взглядахъ желаетъ предводить церковь, пусть явится, но только подъ условіемъ, чтобы впредь хранить всецѣлое молчаніе о существованіи и почитаніи иконъ“.

85. Когда извѣстіе о царскихъ неразумныхъ рѣчахъ дошло до слуха блаженнаго отца, то онъ, вмѣнивъ ихъ ни во что и не думая обращать на нихъ вниманія, попрежнему твердо держался истины, логическими доводами опровергая злоухищренія противниковъ и доказывая, что седьмымъ вселенскимъ соборомъ былъ только одинъ, составившійся изъ всеславныхъ отцевъ при достославномъ Тарасіѣ, а также показывая ничтожество пустыхъ возраженій Константина противъ священныхъ иконъ и подтвержденія ихъ Львомъ, предъ всѣми являя свое торжество (надъ противниками) и безуміе христіанообвинителей представляя большимъ всякой ереси въ глазахъ тѣхъ, которые радѣли о непорочной вѣрѣ и благочестіи.

86. Такъ мысля, наставляя и занимаясь божественными догматами, онъ наполнялъ весь міръ чистымъ ученіемъ о Богѣ, идя по стопамъ, насколько то возможно, всѣхъ великихъ мужей ветхаго и новаго завета. Соревнуя вѣрѣ Авраама, воспламенивъ ею духъ свой и силою своихъ словъ вооруживъ какъ бы другихъ его домочадцевъ, онъ отнялъ у царей, бѣсновавшихся противъ церкви, добычу, явно поразилъ ихъ, а ее (церковь), какъ другого Лота, освободилъ

изъ плѣна ереси. Усвоивъ себѣ послушаніе Исаака даже до смерти въ отношеніи къ Отцу всяческихъ Богу и претерпѣвъ множество искушеній, хотя и не подвергался искушенію быть жертвою всесожженія чрезъ пролитіе своей крови, но будучи священникомъ и жрецомъ истинной и безкровной Жертвы, отъ духовно обрученной ему церкви, какъ бы отъ другой Ревекки, явно родилъ сыновъ Божихъ и наслѣдниковъ. Подражая пастырскому искусству Іакова, умножаетъ, не изъ *неразнаманныхъ*, а изъ *знаманныхъ* (Быт., 30, 42) и разумныхъ овецъ стадо свое, которымъ хвалится, что Господь благословилъ его при жизни его. Іосифа представлялъ онъ собою не только по своему цѣломудрію, но и по своей тѣлесной и душевной красотѣ, ибо предпочелъ, чтобы влюбленная въ него нынѣшняя египтянка, т. е. негодная ересь, старавшаяся увлечь его въ общеніе беззаконнаго ученія, сняла съ него не только простую одежду, но и священное облаченіе. Онъ выказалъ терпѣніе Іова и его снисходительность къ совопросникамъ, философствуя въ несчастіяхъ и не язвы поношенія соскабливая черепкомъ, а подвергая изгнанію слова противниковъ, увлекающія къ неразумію.

87. Онъ послѣдовалъ правилу Моисея въ управленіи народомъ, изводя его изъ египетской тьмы еретическаго пустословія, питавшаго покорныхъ ему чеснокомъ и лукомъ, то есть зловонными ученіями, смывъ съ нихъ водою Краснаго моря, т. е. укрѣпляющаго ученія, непріятную и разнообразную нечистоту ¹⁾ и проводилъ ихъ въ землю, изобилующую млекою и медомъ, т. е. чистою, простою и полною удовольствія

¹⁾ *Πολύρρωμον ὄστρον* — *multiplex opus* — Левъ Алляцій, но *πολύρρωμον* можно производить и отъ *ῥῶμος* — дурной запахъ.

сладостію божественныхъ догматовъ. Отъ Аарона онъ унаслѣдовалъ честь священства, не въ Моисеѣ имѣя посредника предъ Богомъ, а лицомъ къ лицу приступая къ Нему всегда въ молитвенныхъ священнословіяхъ, и не разъ въ годъ въ кидарѣ, ефодѣ и издававшихъ звукъ позвонкахъ входя во святое святыхъ, но ударяя по двѣнадцатиструнной апостольской лирѣ, входилъ онъ во святое святыхъ гораздо чаще и со всею ясностію, раскрывалъ предъ всѣми смыслъ божественныхъ реченій. Онъ проявилъ воинскія способности Іисуса (Навина) и его твердость предъ вражескими нападеніями, не свѣтила останавливая для пораженія враговъ, но днемъ и ночью устроая молитвы къ Богу, какъ воинскіе ряды, пока не проявлялъ состраданія къ врагамъ истины, омываемымъ своею кровію. Въмѣстѣ съ Финеесомъ онъ будетъ прославленъ за пресѣченіе блуда, ибо и онъ *соблудившихъ отъ Господа*, какъ гласитъ пророческое прещеніе (Ос. 1, 2), и желавшихъ халдейское сѣмя посѣять на апостольской нивѣ церковной поражалъ словесными рожнами ¹⁾ праведниковъ, какъ копьемъ. Онъ стяжалъ юношескую крѣпость Давида, коею обладалъ этотъ до его помазанія, (необходимую) для пасенія, защищая словесныхъ овецъ, сокрушая челюсти львовъ и медвѣдей, т. е. неводержные языки еретиковъ, устремляющіеся и рыкающіе противъ стада Христова. Любви къ уединенію и тишинѣ Іліи и Іоанна онъ исполненъ былъ прежде и послѣ посвященія и, мало живя въ городахъ, большую часть времени отдавалъ имъ (уединенію и тишинѣ), ибо уединеніе для Бога считалъ очищеніемъ души и

¹⁾ *Βοιχέντρον*—остень, бодецъ, остроконечное стрекало, рогатина или рожонъ, коимъ погоняли волговъ, муловъ и пр

освобожденіемъ отъ всякихъ земныхъ помышленій, чѣмъ вырабатывалъ также и способность обличать, говорить предъ царями, ничего не дѣлая по боязливости и не скрывая ничего ради угожденія.

88. По стопамъ кого же изъ возвеличенныхъ благодатію не шелъ онъ, подражая въ добродѣтели? Выказавъ величіе духа и теплоту вѣры Петра, оплота апостоловъ и церкви, а также заботливость обо всѣхъ Павла и его труды при ежедневныхъ собраніяхъ, онъ откладывалъ всякое отдохновеніе отъ испытаній, ниспосылаемыхъ Богомъ, принимая съ благодарностію особенно все то, что порождаетъ скорбь. Обиліемъ же темничныхъ заключеній онъ превзошелъ и Павла, ибо Павлу, перемѣнявшему одно мѣсто на другое и раскрывавшему всю силу евангелія, приходилось быть подъ стражей съ перерывами, а этого постигло одно и непрерывное заключеніе съ того времени, какъ онъ вынужденъ былъ оставить кафедру, пока послѣдній день не смѣнилъ его славно. Онъ укрѣпилъ въ себѣ ревность къ апостольской проповѣди прочихъ учениковъ Слова, ясно раскрывая предъ всѣми живоначальныя и богопреданныя реченія ихъ таинственнаго ученія. Уподобился онъ мученикамъ, подвергавшимся опасностямъ за истину, рѣшившись вынести скорѣе всякое поношеніе, чѣмъ допустить что-либо недостойное истины. Ни въ чемъ не уступалъ онъ знаменитымъ отцамъ, бывшимъ прежде славныхъ соборовъ, — на нихъ и послѣ нихъ, и блиставшихъ во всемъ, посредствомъ чего церковь обогатилась велелѣпнымъ ученіемъ о Богѣ. Свято и благоприлично подражая всѣмъ во всемъ, на сколько это возможно, усердно молясь и усиленно занимаясь божественнымъ, просвѣтивъ свой умъ чистымъ свѣтомъ священства, онъ

вознесъ свою душу въ жертву Первому и Великому Архіерею.

89. Но такъ какъ, будучи человекомъ, долженъ онъ былъ выполнить требованіе природы, то чрезъ смерть принимаетъ отрѣшеніе отъ тѣла къ Богу, которое (отрѣшеніе) впрочемъ слѣдуетъ считать не смертію, а переходомъ къ лучшей жизни и участи, гдѣ, *изъ первородныхъ на небесахъ написанныхъ* (Евр. 12, 23) церковь составляя хоръ съ пѣснями, празднуетъ вѣчный праздникъ. Участвуя съ ними въ хорѣ и представляя въ себѣ ангелоподобную чистоту святости, онъ удостоился одинаковаго съ ними наслѣдованія обѣтованій. Итакъ, послѣ девятилѣтняго безъ одного мѣсяца священнаго и незапятнаннаго патріаршествованія, впадши въ смертельную болѣзнь, онъ ясно видѣлъ приближеніе кончины. Но если онъ нѣкогда боялся ея изъ опасенія предъ неожиданнымъ и быстрымъ ея наступленіемъ, то теперь принималъ съ великою радостію, воздавая благодареніе Тому, Кто связуетъ и даруетъ чрезъ разрѣшеніе освобожденіе отъ золь и снова связываетъ, слѣдуя Своимъ праведнымъ судамъ. Въ легкіе и безболѣзненные дни своего возлежанія онъ не прекращалъ наставленій, внушая приходящимъ удаляться отъ еретической смуты, по словамъ пророческимъ (Притч. 17, 22), иссушающей кости души и губящей надежды преданныхъ ей (Притч. 10, 28, — 11, 7 ср. Іов. 8, 13), а напротивъ — держаться единого ученія и вѣры, провозглашенной и утвержденной семью честными и вселенскими соборами, которую католическая церковь благочестно содержитъ, все упованіе вѣрныхъ направляя къ Богу и испрашивая исполненіе ихъ желаній; ибо благочестивая вѣра отцовъ, какъ вы знаете, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поко-

леблена тщетными усиліями (враговъ), напротивъ—она всегда укрѣпляется правымъ апостольскимъ ученіемъ.

90. Такъ износя изъ сокровищницы своей богатою мудрости эти, и гораздо больше этихъ, спасительныя рѣчи и какъ бы духовнымъ хлѣбомъ укрѣпляя сердца вѣрныхъ слушателей, (однажды) онъ сказалъ въ слухъ собравшимся: „благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ, но избавивъ насъ, сокрушилъ сѣть“, и въ прелестныя руки Божіи предалъ святую и священную душу свою. Какую боль скорби и унынія оставилъ онъ богомудрымъ, этого никакое слово не въ состояніи представить. Какой поводъ для необузданной радости (чрезъ это) далъ онъ зломыслящимъ, объ этомъ легко судить по тому, что выше показано. Какъ шакалы, лисицы и другія трусливыя животныя не выносятъ смотрѣть на прыжки львовъ, но обыкновенно слушаютъ издали ихъ рычаніе, хотя это нисколько конечно не придаетъ имъ смѣлости и силы: такъ и еретичествовающіе зайцы, боясь львиной силы и убѣдительности языка святого (мужа) при жизни его, уstraшенные грознымъ и достойнымъ удивленія божественнымъ рыканіемъ его сердца, мучимые большимъ сомнѣніемъ относительно того, что совершали они противъ него и за что обличались самой истиной,—они не рѣшались смѣло выходить изъ убѣжищъ своего злодѣйства. Когда же его божественная трамина во время погребенія отходила на покой въ лучшее обиталище, и молчаніемъ прерваны были слова его священнаго языка, они сбѣжались какъ бы на какое веселое зрѣлище и, сбросивъ съ себя всякое лицемѣріе, во всей непроглядной тьмѣ, съ обнаженною головою, по пословицѣ, открыли баснословіе

своего обмана, который, какъ я увѣренъ, разсѣется предъ сильнымъ блескомъ сочиненій отца, обратится въ ничто и исчезнетъ.

91. Въ заключеніе я долженъ приписать тебѣ не побѣдимому то, что я остался цѣлъ въ своемъ пораженіи и паденіи, да подвигну любовь отеческаго сердца твоего къ состраданію и да привлеку къ себѣ твое попечительное предстательство предъ Богомъ. О, ты, надзиратель божественной скиніи, тайноводитель и учитель таинъ яснѣйшій, пребывающій въ вышнихъ сферахъ священноначалія, заслужившій себѣ нетлѣнный удѣлъ и удостоенный приблизиться къ пречистымъ обителямъ, преисполненный благами, уготованными для тѣхъ, которые дѣлами и созерцаніемъ достигли вершины добродѣтели! Невоздѣланную и запущенную перстность нашей жизни прилежнымъ предстательствомъ предъ единымъ Воздѣльвателемъ душъ яви произращающею хлѣбъ, а не тростникъ, вырвавъ съ корнемъ всѣ негодныя тернія, мѣшающія произрастанію! Уловленнымъ коварною рукою и замараннымъ общеніемъ (съ нечестивцами), но не осквернившимъ судъ совѣсти, позволь омыться слезами покаянія и и тяжелой епитиміи! Удостой идти снова путемъ истины тѣхъ, которые нуждаются только въ обращенію, а не въ наученіи! При помощи неопровержимыхъ доводовъ и положеній твоего сладкозвучнаго ученія утвердивъ прочно и непоколебимо мысль на основаніи апостольскихъ и отеческихъ опредѣленій, мы, свидѣтель въ томъ Богъ, соблюли чистоту догмата, храня его какъ нѣкое сѣмя въ глубинѣ нашего сердца. И ничтожество нашей защиты, наша слабость и наша пустая болтовня да явятся предъ тобою, сильнымъ предъ Богомъ, не виною, а порожденіемъ удрученнаго сердца, сокрушеніемъ скорбящей души.

Да обрѣту оставшуюся у тебя въ изобиліи милость прощенія, чтобы, впадая въ полное уныніе, мнѣ не ввергнуться въ неизлѣчимое отчаяніе и не быть отвергнутому подобно древнему (Исаву), за малую усладу промѣнявшему первородство, такъ какъ на отеческій жертвенникъ не принесъ потребныхъ жертвъ. Знаю, что не мало, а много потерплю я за это нерадѣніе,— какъ знавшій волю Господа и не сотворившій, буду бичуемъ и буду плакать безмѣрно, ибо не нашель, хотя и искалъ, раскаянія. И такъ, нынѣ простри мнѣ руку помощи и извлеки меня, потопленнаго волненіемъ невѣрія, да не погрузитъ меня зіяющая бездна чуждыхъ истинъ мыслей, да не сомкнетъ надо мною устъ своихъ кладезь, источающій губительное и смертоносное развращеніе, но умилиativi ко мнѣ Судію, радующагося болѣе объ одномъ грѣшникѣ кающемся; чѣмъ о великомъ множествѣ праведниковъ. Будь поручителемъ души моей предъ Тѣмъ, Кто знаетъ все прежде, чѣмъ оно является, что не по добровольному согласію пришелъ я на Итавирій ¹⁾ ереси чинъ былъ уловленъ на немъ сѣтями и капканами, изъ которыхъ нельзя выпутаться, но захваченный устрашающими, хотя и безсильными угрозами, уничтожившими всѣ стези для моего бѣгства, я былъ взятъ въ плѣнъ злокозненно сѣтями уловляющихъ души. Отсюда тяжесть проклятія причиняетъ мнѣ печаль и скорбь и ставитъ меня въ рядъ осужденныхъ. Но ты оздоравлиющею корпіею своихъ молитвъ то, что трудно поддается лѣченію и почти погибаетъ, уврачуй и (выведи) на правую и ровную стезю вѣры, дабы, благодаря долгому замедленію твоего врачебнаго надзора, не увеличилось воспаленіе раны и не оказалось трудно или даже совсѣмъ неизлѣчимымъ.

¹⁾ *Ἰταβίριον* *Θαβὼρ* — Таборъ; ср. Ос 5. 1.

Да не удалится отъ меня твоя спасительная помощь, да не окажусь непричастнымъ твоего честнаго исповѣданія, да не буду брошенъ внѣ твоего питающаго душу ученія, связанный по рукамъ и ногамъ, подобно явившемуся на брачный пиръ въ неприличной одеждѣ. Томимый голодомъ не отъ недостатка хлѣба и воды, а голодомъ слушанія слова православнаго ученія церкви, да не подвергнусь презрѣнію, какъ страдавшая долгою болѣзнію хананеянка, прося. какъ она, тщетно призывая на помощь слѣдовавшихъ за Христомъ. Но остатками священной трапезы твоего слова напитай меня, какъ алкающаго пса, разрѣши узы погруженія въ невѣріе, да возмогу смотрѣть право и да услышу отъ Бога и отъ твоей кротости желанное слово: „вѣра твоя спасе тя“. Ибо вотъ я пересталъ быть хананеемъ, отвергъ догматы хананейскаго мудрованія, приложившись и присоединившись къ твоимъ благополезнымъ наученіямъ, гнушаясь и отвращаясь отъ всѣхъ чуждыхъ, странныхъ и гнилыхъ измышленій, стоящихъ внѣ церковной ограды. Мыслить согласно съ тобою значитъ мыслить цѣломудренно и единеніе съ тобою сообщаетъ близость къ Богу. Таковы, вкратцѣ (изложенныя) достоинства непорочнаго жительства твоего! Таковы до крови за истинную вѣру твои подвиги! Таково твое, благодаря сему (достигнутое), достохвальное дерзновеніе предъ Богомъ! Ты же, о честная и равноангельская душа, прими это выраженіе усердія отъ насъ, предпріявшихъ сей непосильный опытъ ради увѣренности въ твоёмъ ученіи, а къ неискренности слова окажи снисхожденіе и благорасположеніе, принявъ во вниманіе, что достиженіе цѣли вызываетъ неожиданныя похвалы, а недостиженіе—благодушное снисхожденіе.

С Л О В О

Объ изгнаніи святаго Никифора и о перенесеніи его мощей

Евсофана пресвитера и игумена.

1. Весьма многія по различнымъ поводамъ и въ разныя времена, среди разныхъ народовъ и въ различныхъ городахъ совершены были для дивнаго проявленія величайшей силы Божіей преславныя дѣянія, коими явно укрѣплялось истинное познаніе Его, какъ и въ псалмахъ поется: *день дни отрыгаетъ гдголь и ношь ноши возвещаетъ разумъ* (Пс. 18, 3). Этими словами хотя указывается на вѣчную силу Божію, которая всѣхъ и весь міръ сохраняетъ и управляетъ, но ими обозначается также и то, что превосходнаго и дивнаго совершено и въ наши времена тою же божественною Силою, которая своею досточудною властію все направляетъ и устрояетъ. Не въ одномъ мѣстѣ, не среди малаго и презираемаго народа проявляются дары благъ ея, но явно и всюду и особенно на избранномъ клирѣ Христовомъ, который справедливо у апостола Петра называется *родомъ избраннымъ, царскимъ священіемъ, людьми снабдѣніи* (1 Петра 2, 9). Такъ какъ великія дѣла требуютъ и искуснѣйшихъ повѣствователей, обладающихъ силою слова для ихъ изложенія, чтобы неискусною простоватостію рѣчи не умалялось величіе ихъ: то я, страдая бѣдностію слова, сильно страшился приступить къ напи-

санію; однако не могъ не послушаться усиленныхъ просьбъ со стороны тѣхъ, которые увѣщевали меня взять на себя это дѣло. Итакъ, уповая на благоволеніе Бога, Который обогащаетъ способностью рѣчи, приступаю къ писанію въ надеждѣ на благосклонность и въ увѣренности, что мнѣ поможетъ своими молитвами и рѣчь мою направить божественный отецъ Никифоръ, который является предметомъ нашего слова.

2. Во то время какъ дѣла наши обстояли прекрасно и велись съ пользою и достоинствомъ, когда единомысліе царило въ церкви и, отвергнувъ всѣ нечестивыя и странныя ученія, какъ заслуживающія проклятія злодѣянія и преступленія, обратило въ ничто все пустословіе еретиковъ, — браздами царства правилъ Никифоръ ¹⁾, а священную кафедру царствующаго града занималъ Никифоръ, который подобно постоянно блещущему свѣтилу весь міръ озарялъ лучами своихъ добродѣтелей. Въ то время единство существа начальной и блаженной Троицы, два естества въ единомъ лицѣ Бога-Слова, облекшагося плотію. и двѣ воли были уже ясно опредѣлены и провозглашены въ свое время составившимися соборами, и, по осужденіи и отверженіи противныхъ ученій, душеполезное употребленіе священныхъ иконъ, изначала установленное и непрерывно передававшееся, благолѣпно и благопристойно существовало во всѣхъ церквахъ до тѣхъ поръ, пока не было подъ водительствомъ Духа Божія подтверждено опредѣленіями святыхъ отцевъ, составившихъ соборъ ²⁾.

3. Послѣ же того какъ умеръ императоръ Ники-

¹⁾ Императоръ Никифоръ 802—811.

²⁾ Седьмой вселенскій.

форъ съ сыномъ своимъ ¹⁾ и управленіе царствомъ перешло къ зятю его Михаилу ²⁾, подъ львинымъ именемъ свирѣпо злобствуя, завладѣлъ имъ жестокой и лютой Левъ, родомъ Армянинъ, который одновременно умышлялъ и отпаденіе отъ Бога и нескрываемое насиліе противъ царя, у коего былъ въ чести. Все случилось, какъ онъ думалъ, ибо силою присвоилъ себѣ царство ³⁾. Впрочемъ не въ иномъ чемъ долго проявлялъ онъ власть свою, какъ въ томъ, что дерзностно поднялъ войну противъ насъ и употреблялъ всѣ усилія и искусство для уничтоженія честныхъ иконъ. На это неистовство и безуміе онъ постыдно подвигался демонами, которые руководили имъ, бреднями ложныхъ предвѣщаній и ненадежными обѣщаніями долготѣія.

4. Довести это нечестивое и дерзкое злоумышленіе свое до желаннаго конца онъ надѣялся только при условіи удаленія съ священной кафедрѣ славнаго вождя церкви, далекаго отъ всякой укоризны, правила правой вѣры—Никифора, такъ чтобы ему (царю) можно было сдѣлать церковь оплотомъ своего, зловѣрія и, при отсутствіи всякихъ попытокъ сопротивленія его намѣреніямъ, безпрепятственно направить все согласно своимъ взглядамъ и взглядамъ тѣхъ, которые его одобряли. Въ первое время онъ старался искусно и коварно увлечь его (патріарха) на сторону своихъ взглядовъ, притворяясь почитателемъ праваго ученія. Но когда мудрейшій и искуснейшій во всемъ божественномъ мужъ сей во многихъ бесѣдахъ какъ изреченіями св. Писанія, такъ и ссылкою на давность

¹⁾ Ставракіемъ, который былъ императоромъ нѣсколько мѣсяцевъ 811 г.

²⁾ Императоръ Михаилъ I 811—813 г

³⁾ Императоръ Левъ V Армянинъ былъ коронованъ 11 іюля 813 г.

обычая доказаль употребленіе священныхъ иконъ и однако не могъ отклонить надменнаго мужа отъ его замысла, тогда хитрость, которая прежде скрывалась, вышла наружу, ибо проявлялъ нравъ звѣря, имя коего носилъ. Итакъ, подобно ужасному веprü или свирѣпому льву и разъяренному звѣрю, закрывъ уши свои отъ спасительныхъ доказательствъ учителя, какъ змѣя отъ очарованій, ничѣмъ не убѣждался и все упорнѣе безумствовалъ.

5. Итакъ, укрѣпляемый ревностію къ благочестію и вышней помощію мужъ сей, коего имя происходитъ отъ слова *побѣда* ¹⁾, называвшійся Никифоромъ, смѣло направляется противъ нечестія и тирана, защитника нечестія, и собравъ первенствовавшихъ среди священныхъ лицъ мужей (архіереевъ), прославленныхъ ученіемъ и жизнію, которые готовы были ратовать за благочестіе, обличаетъ, хотя и тщетно, съ общаго согласія неправо поступающаго царя и осуждаетъ его, какъ хулителя Бога и врага всего божественнаго. Этимъ дерзкій тотъ и надменный вынужденъ былъ тотчасъ открыть свое лицемѣріе, которое прежде скрывалъ, извергнуть свои тайные умыслы, какъ бы какую матерію, истекающую отъ разстройства испорченныхъ соковъ его, или родить безобразный и недозрѣлый плодъ. Итакъ, съ тиранническою дерзостію изгнавъ славнѣйшаго патріарха съ его каѳедры, заставилъ его жить въ ссылкѣ, не постыдившись, не говоря уже о чемъ другомъ, того, что чрезъ возложеніе его рукъ (чего бы не должно было быть) получилъ корону царства. Вѣроятно, что попавъ на скользкій путь паденія и тиранніи, вмѣстѣ съ благочестіемъ потерялъ онъ благоразуміе, разсудительность и

¹⁾ Νικηφόρος = νίκη + φόρος — побѣдовосецъ

умъ. Такъ начались непристойныя дѣянія его нечестія и дерзости.

6. Патріархъ же, какъ ученикъ миротворца Учителя, удалился изъ церкви, скорбя и плача о томъ, что съ отшествіемъ своимъ онъ оставляетъ непорочную невѣсту, врученную ему Богомъ, печальною и воздыхающею. Вмѣстѣ съ тѣмъ наставлялъ онъ народъ и стадо свое приличествующими обстоятельствамъ рѣчами хранить вѣру неповрежденною въ союзъ мира. А тотъ (царь), безумствуя и воспаляясь яростію, всѣми силами старался преслѣдовать благочестіе и, недовольствуясь тѣмъ, что сдѣлалъ съ божественнымъ патріархомъ, знаки злобы своей, достойные плача и сокрушенія, проявлялъ и въ отношеніи ко многимъ. Всѣхъ тѣхъ, которые, держась праваго и истиннаго ученія, были единомысленны съ учителемъ, первенствовавшихъ среди священниковъ, монаховъ и знатнѣйшихъ изъ народа лицъ, какъ мужей такъ и женъ, подвергалъ онъ невыносимымъ наказаніямъ и мученіямъ. Одни изъ нихъ были истязуемы жестокими побоями и пытками; другіе были мучимы голодомъ и жаждою въ долгихъ заключеніяхъ; многіе безъ всякой надежды на помилованіе посылались въ изгнаніе; немало людей лишилось имущества за то только, что предавали благочестію; нѣкоторые же, какъ есть слухъ, подвергались даже тайному убіенію. Нѣкоторые сановники и высокопоставленные лица, также священники, монахи и прочіе изъ народа, частію увлеченные просьбами, присоединялись къ нему, а частію падали по страху, невѣжеству и изъ желанія почестей; но большинство пребывали твердыми и непреклонными въ вѣрѣ.

7. Въ то время священную кафедру царственнаго града святотатственно занимали, по порядку одинъ

послѣ другого, три противника истиннаго пастыря: Θεодотъ ¹⁾, Антоній ²⁾ и Іоаннъ ³⁾. Какъ хищные волки, они повсюду пожирали и раздирали церковь. И въ другихъ мѣстахъ и городахъ для управленія церквями поставлены были служители того же ученія, вожди неискусные, ничего не стоющіе люди. Нечестиво и неразумно поддерживая проклятое и ненавистное опредѣленіе своей секты, они пытались всѣми средствами вывести употребленіе иконъ, чтобы, какъ это было съ ними самими, не осталось никакого слѣда ихъ въ томъ, что представляло видъ или облекшагося плотію Бога Слова, или пресвятой Богородицы, или небесныхъ ангеловъ, или прочихъ святыхъ и праведниковъ. И было весьма противно и тяжело видѣть, какъ всюду священные храмы невѣжественными и проклятыми людьми лишались своего благолѣпія и старинныхъ украшеній.

8. И это господство нечестія навлекло величайшія бѣдствія, все привело въ замѣшательство, ниспровергло и поддерживалось царскою властію не въ теченіе малаго или короткаго времени, а въ продолженіе почти тридцати лѣтъ ⁴⁾. Изъ нихъ божественный отецъ Никифоръ проведши четырнадцать лѣтъ въ изгнаніи, отъ сей смертной жизни отошелъ въ безсмертную и погребенъ былъ вблизи храма святаго мученика Θεодора въ монастырѣ, который самъ онъ выстроилъ съ основанія. Въ этомъ монастырѣ во время изгнанія онъ проводилъ благочестивую и свя-

¹⁾ Патриархъ Θεодотъ I занималъ кафедру съ апрѣля 815-го до начала 821-го года

²⁾ Антонинъ I съ 821-го до половины 836-го года

³⁾ Іоаннъ VII Грамматикъ съ половины 836-го до февраля — марта 842-го года

⁴⁾ Со вступленія Льва V на престолъ въ 813 г. до возстановленія престола въ 842 г. при Θεодорѣ

ценную жизнь, прилежно воздѣлывалъ и очищалъ упражненіями въ добродѣтели душу свою, содѣлалъ себя чистымъ храмомъ Бога и всего божественнаго, ибо подобился ангеламъ и добродѣтелями своими украшалъ достоинства и монашеской и первосвященнической жизни.

9. Доселѣ мы вспоминали, какимъ образомъ блаженнѣйшій Никифоръ, какъ искуснѣйшій кормчій, мудро справлялъ церковную должность,—какъ честностію жизни и превосходствомъ ученія все мысли и душу праведно устремлялъ къ благочестію, держалъ всегда тихое теченіе въ отношеніи ко всему, что касается вѣры, и соблюдалъ законныя постановленія власти гражданской; — какимъ образомъ ненависть, которая обычно поноситъ правду, возбуждаемая завистію, не переноса видѣть стадо Христово возрастающимъ и украшеннымъ нѣкими прекраснѣйшими установленіями, возбудила царя Льва, погибельнаго врага своей души, измышленіемъ новшествъ въ области религіи возстать на Бога, поносить всячески вещи священные и божественныя и, наконецъ, изгнать съ священной кафедры сего божественнаго мужа и отправить его въ ссылку, гдѣ онъ, украшая добродѣтелями и созерцаніями духъ свой и пребывая съ Богомъ, прекрасно и блаженно провелъ жизнь свою. Теперь же, когда божественный Промыслъ, который обращаетъ сѣнь смерти въ утренній блескъ и мракъ въ свѣтъ, сокрушеніе и печаль измѣнилъ въ радость и веселіе, — время намъ въ остальной части рѣчи кратко показать, какимъ образомъ священное тѣло его было перенесено въ царствующій градъ, ибо именно о семъ мы задумали говорить преимущественно, хотя и задержались на другихъ достопамятныхъ предметахъ.

10. Послѣ того какъ со смертію Теофила ¹⁾ власть перешла къ супругѣ его Теодорѣ и сыну ихъ Михаилу ²⁾, тогда еще юношѣ, эта жена проявила великое усердіе и заботы о благочестіи. По истинѣ надѣленная даромъ Божиимъ, какъ и имя ея показываетъ ³⁾, изъ всѣхъ славныхъ и великихъ дѣяній, за которыя похваляютъ властителей, она не считала лучшимъ (для того), чтобы прочнѣе укрѣпить свою власть или показать мужескую твердость въ женскомъ лицѣ, ни одного, какъ снискать благоволеніе Божіе благочестіемъ и почтеніемъ къ религии. Это же не могло случиться никакимъ инымъ путемъ легче и удобнѣе, какъ прекращеніемъ смуты, давно взымавшейся въ церкви, и оздоровленіемъ части ея, пораженной болѣзнію, такъ чтобы тѣ, которые духовно чуждались другъ друга, примирились и мыслили одинаково и такимъ образомъ, чтобы, съ объединеніемъ всѣхъ и водвореніемъ одинаковаго образа мыслей, истинная и пречистая вѣра, основываясь на ученіи апостоловъ и отцевъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, была хранима твердой и непоколебимой.— а чрезъ это въ концѣ концовъ чтобы правленіе царствомъ было для нея (царицы) легкимъ и посильнымъ.

11. И такъ, когда эта великая духомъ и сильная умомъ царица рѣшила это въ своемъ сердцѣ и мудро разсудила, сообщивъ о дѣлѣ правителямъ и сановникамъ, приглашаетъ съ ними и выдающихся изъ монаховъ и предлагаетъ имъ вопросъ о возстановленіи иконъ. Когда она увидѣла, что всѣ мыслятъ одина-

¹⁾ Императоръ Теофитъ съ октября 829 г. по 20 января 842 го года

²⁾ Михаилъ III съ 842 г. сначала съ матерью Теодорою до 859 г. а потомъ одинъ до сентября 867 г.

³⁾ Θεοδοῦρα Θεός δειράν Богин даръ

ково, давно уже желаютъ этого и душевно страдаютъ по причинѣ измѣненія религіи въ этомъ предметѣ (иконопочитаніи), она потребовала, чтобы истину подтвердили свидѣтельствами отцевъ, которыя нашли въ разныхъ книгахъ, и велѣла, чтобы во дворцѣ составилось предварительное общее церковное собраніе. и чтобы оно какъ можно открытѣе вело бесѣды съ народомъ объ этомъ предметѣ. Стеклось такое множество, что невозможно объять его числомъ. Сошлись не только тѣ, которые сохранили мысль свою здоровою во времена нечестія, но также многіе и изъ тѣхъ, которые мыслили одинаково съ врагами истины и которые были избраны ими для священнодѣйствія и управленія церквами. Тотчасъ, измѣнивъ опредѣленіе, предали анаѣмъ тѣхъ, которые боролись съ иконами.

12. При видѣ столь быстрого и неожиданнаго перемѣны въ дѣлахъ, Іоаннъ, нечестиво исправлявшій въ то время должность первосвященника, пораженный изумленіемъ и помраченіемъ ума, едва удержался. чтобы не наложить на себя рукъ и не лишить себя жизни, ибо онъ былъ главою и вершиною этого нечестія. Такъ какъ онъ мыслилъ нечестиво и прежде пользовался большимъ вліяніемъ на императора, то при помощи лжи и ухищреній, безстыдно и неразумно предпринятыхъ, онъ увлекалъ его въ бездну нечестія. Когда же онъ за позорныя дѣянія, которыя допустилъ въ отношеніи къ Богу, съ общаго согласія опредѣленіемъ великихъ царей и всего собранія церковнаго былъ съ позоромъ свѣргнутъ съ священной кафедры, тогда избранъ былъ съ одобренія всѣхъ сановниковъ и получилъ священную кафедру царствующаго града Меѳодій, мужъ хорошо извѣстный жизнью и ученіемъ, перенесшій за истину и вѣру многіе

подвиги и долгую ссылку и возвратившійся изъ нея изумученнымъ побоями и долгимъ заключеніемъ.

13. Тогда второй Никейскій богоизбранный вселенскій соборъ, состоявшійся, благодаря усердію царицы Ирины, получившей имя отъ мира (*Eirήνη*), и великаго и блаженнѣйшаго патріарха Тарасія, по достоинству получилъ прочный авторитетъ и силу, ибо всѣ приняли то, что на немъ подъ водительствомъ Божиимъ опредѣлено было. Тогда всѣ церкви восприняли вновь и вездѣ свое благолѣпіе и были украшены блескомъ честныхъ иконъ; и по изверженіи тѣхъ, которые ихъ преступно преслѣдовали, въ сихъ (церквахъ) были поставлены іереи и вожди, преданные православію.

14. Спустя четыре года ¹⁾, святѣйшій Меѳодій, явно вдохновленный божественнымъ Духомъ, благовременно и мудро увѣщевалъ божественную царицу Теодору, что не совмѣстимо съ достоинствомъ власти и государства, чтобы оставался въ небреженіи честнѣйшій и славный между патріархами Никифоръ, изгнанный съ священной каѳедры за защиту славной и пречистой вѣры и умершій въ столь долгой ссылкѣ, и что всемѣрно слѣдуетъ позаботиться, чтобы божественные останки были перенесены въ столицу. Иначе, говорилъ онъ, намъ не избѣжать грѣха неблагодарности, если даже послѣ смерти мы будемъ оставлять его въ ссылкѣ, какъ бы справедливо осужденнаго, особенно когда мы знаемъ, что тѣ, кѣмъ были изъ рода Іосифа, удостоились похвалы за то, что почти четыреста лѣтъ спустя кости праотца вынесли изъ Египта въ землю Ханаанскую. Если это такъ, то неужели мы, сыны благочестія, потерпимъ долѣе

¹⁾ т. е. въ 846 г

быть лишенными присутствія того отца, божественнымъ ученіемъ котораго мы вскормлены? И этотъ царственный градъ, превосходящій всѣ города подсолнечной, желаетъ (имѣть) священные останки своего вождя и пастыря, чтобы благочестиво хранить и чтить ихъ. Пусть снова насладится присутствіемъ своего жениха церковь его возлюбленная; и если несправедливою царскою рукою она была лишена его живого, то пусть обниметъ съ соизволенія царицы, почитательницы пастыря, тѣло мертваго. Видишь, съ какимъ безпримѣрнымъ рвеніемъ народъ этотъ, который чрезъ тебя безмятежно успокоился въ истинной вѣрѣ, желаетъ въ душѣ слышать голосъ его даже послѣ смерти? И если только народъ увидитъ, что гробница его перенесена къ нему, то будетъ думать, что принимаетъ его живымъ, и сокроетъ и сохранитъ его, какъ бы нѣкое драгоценнѣйшее сокровище. Славная царица скоро и охотно согласилась съ этими просьбами и увѣщаніями, „ибо это, сказала она, будетъ памятно всему потомству въ честь и мнѣ и дѣтямъ моимъ“.

15. Тогда священный предстоятель столицы съ священниками, монахами и всѣмъ народомъ отправляется въ храмъ св. Θεодора, въ коемъ почивали полные благодати останки его, и облобызавъ ихъ съ любовію и слезами, обратился къ самому святому, какъ бы живому, съ такою рѣчью: „О, мужъ блаженнѣйшій, обремененный такими же трудами и горестями, какъ святой Іоаннъ Златоустъ, отличавшійся тою же ревностію по вѣрѣ и свободою слова, одинаково лишенный каеэдры, наказанный ссылкой и тридцать три года проведеншій въ изгнаніи живымъ и мертвымъ, нынѣ возвратись къ намъ возлюбленнымъ твоимъ и, изшедъ отсюда, прійди домой, чтобы тебя съ радо-

стію, какъ прежде, принять преданнѣйшій народъ твой. Съ тобою при жизни боролся отступившій отъ Бога императоръ и тебя неразумно изгналъ изъ церкви, но онъ понесъ достойное наказаніе за свою ярость, жалкой кончиной лишенъ царства и жизни и заплатилъ должное за свою дерзость. Нынѣ цари, возлюбленные Богомъ за благочестіе, мертвому (тебѣ) возвращаютъ церковь, которую они, какъ сыны, рожденные чрезъ евангеліе, составляютъ со мною не имѣющею скверны и порока — именно такую, какую ты оставилъ ее, украсивъ и утвердивъ своими уставами. Возри и виждь собравшихся сыновъ твоихъ, пришедшихъ изъ окрестностей, тогда какъ остальные ждутъ вдали твоего къ нимъ возвращенія. Не оставляй ихъ, подобно сиротамъ, въ огорченіи твоимъ отсутствіемъ. Пусть градъ твой вмѣсто драгоцѣннаго дара имѣетъ твою блаженную гробницу, которою украшаясь болѣе, чѣмъ полнотою власти, да прославляется онъ и да радуется“.

16. Прося о семъ растроганнымъ голосомъ, святѣйшій патріархъ Меодій, совершивъ всенощное пѣніе псалмовъ и таинственное жертвоприношеніе съ вѣрнымъ народомъ, изъялъ изъ могилы преславное тѣло, которое въ теченіе девятнадцати лѣтъ пребывало цѣлымъ и нетлѣннымъ. Положенное имъ въ гробницу и поднятое руками священниковъ съ свѣчами и непрерывнымъ пѣніемъ псалмовъ, оно было перенесено на приготовленный для него корабль. Когда оно переплыло море и приблизилось къ берегу города, на встрѣчу ему вышли — Михаилъ юноша, Божіимъ промысленіемъ императоръ, важнѣйшіе вельможи, патриціи и прочіе граждане, радостные со свѣчами въ рукахъ и, взявъ съ вѣрою и почтеніемъ на плечи свои драгоцѣнную ту гробницу, отправились

къ Великой Церкви (Софiи), изъ коей, лишенный первосвященническаго сана, былъ онъ изгнанъ.

17. Отсюда снова при постоянномъ дневномъ и ночномъ пѣнiи псалмовъ со всевозможными свѣтильниками, принеся его чрезъ средину города, поставили въ храмъ св. Апостоловъ. Стеченіе народа—мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ было такъ велико, что невозможно исчислить. Тѣснились въ притворахъ и проходахъ и повсюду чрезъ силу достигали выхода, такъ что хотя много бывало торжествъ въ разныя времена въ честь императоровъ и іерарховъ, однако ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ этимъ. Нѣкоторые на пути, одержимые злыми духами, когда были сдавлены другими, выкрикивали брань и проклятіе; нѣкоторые изъ нихъ были исцѣлены имъ. Итакъ, едва избѣжавъ народной давки, священное тѣло славнаго патріарха, по совершеніи святыхъ таинъ Божіихъ, было положено въ славномъ храмѣ Апостоловъ ¹⁾ въ гробницѣ, недавно устроенной руками самого Меѳодія, въ третій день иды Марта ²⁾, въ каковой день онъ былъ отправленъ и въ ссылку, такъ что онъ (день) достопамятенъ обоими этими событіями.

18. Мы же, о, святѣйшій изъ ѳотцевъ, краса священныхъ глашатаевъ, удостоившіеся имѣть тебя земнымъ согражданиномъ и небеснымъ предстателемъ предъ Богомъ, съ любовію приступаемъ къ гробницѣ твоей и, объемля ее со всякимъ почтеніемъ, возсылаемъ къ тебѣ эти слова: о, высочайшихъ и сокровеннѣйшихъ таинъ надзиратель и созерцатель! о славою божественнаго явленія и блеска за чистоту души обильно осіянный! о, участникъ общества пат-

¹⁾ Въ храмъ св. апостоловъ погребались цари и патріархи.

²⁾ т. е. 13-го Марта.

ріарховъ и первосвященниковъ, который и именемъ и дѣломъ вмѣстѣ съ ними получилъ побѣдную награду и славу за то, что превозмогъ опасности и огорченія! пріими благосклонно вѣру и любовь къ тебѣ чистаго сердца и съ своей стороны вознеси чистыя и непорочныя молитвы за насъ къ Богу, дабы Церковь святая пребывала въ мирѣ и вѣра сохранялась неповрежденною. Непрестанно направляй къ намъ благоволеніе Божіе и насъ, читающихъ пріятнѣйшіе памятники, прекраснѣйшія наставленія ко спасенію, оставленныя тобою въ разныхъ книгахъ, сохраняй твердыми и стойкими въ правомъ ученіи и непоколебимыми при всѣхъ перемѣнахъ времени, дабы свято по примѣру твоему проводить всю остальную жизнь нашу, благоугождать Богу и наслѣдовать блага, обѣщанныя праведникамъ, по милосердію и дару Того, Кто не презрѣлъ ради насъ содѣлаться человѣкомъ и явиться облеченнымъ плотію, Христа Бога нашего, Коему честь и поклоненіе со безначальнымъ Отцемъ и божественнымъ Духомъ, единосущнымъ Имъ и виновникомъ жизни, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святаго отца нашего
НИКИФОРА
патріарха Константинопольскаго

ПОСЛАНИЕ
къ Льву III папѣ Римскому.

Всесвятѣйшему и блаженнѣйшему брату и сослужителю господину Льву, папѣ стараго Рима, Никифоръ, Божією милостію епископъ Константинопольскій, радоваться.

По истинѣ великъ и досточуденъ и всякой похвалы достоинъ вѣрный тотъ и благоразумный рабъ, который описывается въ притчахъ священныхъ евангельскихъ повѣствованій. Поставленный отъ господина своего надъ имѣніемъ его, онъ разсудительно управляетъ порученнымъ ему, расходуетъ не чрезмѣрно и расточительно, а на пользу ввѣреннаго ему, производитъ издержки цѣлесообразно, выдаетъ во время своимъ сорабамъ опредѣленную часть содержанія, доставляетъ и соразмѣрно распредѣляетъ каждому прибыль и за это снискиваетъ себѣ полную благодарность и благоволеніе владыки, получаетъ отъ него награду и обѣщаніе быть поставленнымъ надъ всѣмъ, что онъ могъ ввѣрить его управленію. Весьма способный и честный, онъ вмѣстѣ съ вѣрностію соединилъ и обнаружилъ и заботливую мудрость. Съ одной стороны выказывая преданность и благодарность своему господину и не теряя ничего изъ ввѣреннаго ему, а съ другой — надлежащею разсудительностію, трезвенностію ума, внимательностію и честностію совершая сбереженія въ нужныхъ расхо-

дахъ, онъ, уже удостоиваемый какъ бы владычняго предстательства, услышать долженъ и: „*добръ, рабе благій и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю*“,—и получить справедливое повелѣніе войти „*въ радость господя*“ своего (Мѣ. 25, 23). Таковы дѣла и награды того раба.

Я же оказываюсь не изъ тѣхъ, кои могутъ такъ управлять и направлять, а изъ тѣхъ, кои имѣютъ нужду быть управляемыми и водимыми, поелику весьма малъ я и всѣхъ ничтожнѣе и совсѣмъ недостойнъ столь высокой участи и такого жребія, и потому полагаю, что Церковь, которая по апостолу есть домъ Божій, отнюдь не должна была быть ввѣряема человѣку столь слабыхъ и бѣдныхъ дарованій и еще нуждающемуся въ божественныхъ наставленіяхъ, чтобы, не говоря о другомъ, сказать только о главнѣйшемъ. Не благоустроивъ себя самого и не возвысившись надъ низменнымъ и земнымъ, я отнюдь не не долженъ былъ бы брать на себя управленія и попеченія о душахъ. ибо даже и тѣ, у коихъ не престаётъ стараніе о собственномъ усовершенствованіи, даже и они едва въ состояніи оказываются хорошо управлять другими. И вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая и считая себя недостойнымъ сего дара и благодати, какъ желалъ бы я, чтобы мнѣ, недостойному блаженства онаго (вѣрнаго и благаго раба), по крайней мѣрѣ не заслужить страшныхъ бѣдъ и противоположной участи и противоположнаго настроенія того лукаваго и злого раба, который, по причинѣ великой безпечности своей и невоздержанія, не думалъ о прибытіи владыки, сталъ жестокъ и несносенъ для своихъ сорабовъ и водился съ пьяницами, за что господинъ его, неожиданно явившись и разсѣкши его пополамъ, сопричислилъ его къ лицемѣ-

рамъ (Матѣ. 24, 45 слѣд.),—или того, который, получивъ талантъ, зарылъ его въ землю и скрылъ, за что подвергся тяжкому обвиненію, такъ какъ не только не добылъ приращенія и прибыли, но и причинилъ вредъ капиталу и за это былъ ввергнутъ во тьму кромѣшную (Матѣ. 25, 30). О, пусть и я, оказавшись въ числѣ подобныхъ, не содѣлаюсь примѣромъ для многихъ и да не послужу позорнымъ зрѣлищемъ для всѣхъ, но, обличенный и осужденный Всевидящимъ и Испытующимъ насъ, по перенесеніи должныхъ наказаній за нечестивыя дѣла, заглажу ихъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы тѣ, кои окажутся повинными въ подобномъ же, побуждаемые моими страданіями, образумливались и старались объ исправленіи.

Но такъ какъ по соизволенію и по попущенію Божію я подклонилъ себя подъ иго Его и принялъ эту должность и служеніе вопреки своему желанію, даже нѣкоторымъ образомъ по принужденію, то расскажу обстоятельства моей прежней жизни и до какого положенія дошли они, о чемъ знаютъ почти всѣ здѣшніе. У каждаго—свое занятіе и дѣло, малое или большое, на какое всякій самъ долженъ опредѣлить себя, по собственной своей волѣ и по собственному избранію себѣ дѣятельности. И такъ какъ многообразны у людей взгляды и намѣренія, различны нравы и не сходны обычаи, то и выборы образа жизни весьма и весьма различаются и доходятъ до безконечнаго разнообразія и многообразія. Одни рѣшаются подыять горькую и скитальческую жизнь ремесленниковъ; другіе занимаются земледѣльческимъ трудомъ; нѣкоторымъ достается въ удѣлъ погоня за наживой и обогащеніемъ посредствомъ торговли или страсть къ путешествіямъ и опасностямъ въ мореплаваніи; иные же,

чтобы не говорить отдѣльно о каждомъ, отдаются другимъ разнымъ занятіямъ. Но есть и другіе, не многіе и избранные, кои, возлюбивъ жизнь, исполненную подвижничества и любомудрія, очищаютъ души свои и тѣла и этимъ путемъ удостоиваются приближенія къ Богу и стремятся къ участи небесной и блаженной; или, украшаясь изученіемъ наивысшихъ наукъ и искусствъ и отличаясь высокою нравственностію, обращаютъ души свои въ жилище музъ; и, наконецъ, (тотъ или другой родъ жизни выбирается), какъ каждому пріятно или желательно и куда направляютъ его природныя склонности.

Обстоятельства моей жизни слѣдующія. Едва я миновалъ юность и успѣлъ достигнуть возмужалости, какъ оказался въ царскомъ дворцѣ и получилъ должность, и притомъ не какую нибудь незначительную и ничтожную, а отправляемую рукою и перомъ, ибо я сдѣлался царскимъ писцомъ (нотаріемъ), какихъ мы обыкновенно называемъ на латинскомъ языкѣ: „*a secretis*“. Прослуживъ въ ней нѣкоторое время, связанный человѣческими дѣлами и придя къ сознанию непостоянства сей жизни, я началъ размышлять и возбуждать въ себѣ мысли о томъ, какъ трудно и не удобно занятымъ такою службою отдаваться предметамъ высочайшимъ, особенно если кто не окажется лишеннымъ наилучшей надежды. И я сталъ считать одно ребяческимъ, а другое важнымъ,— съ первымъ началъ прощаться, а ко второму, помѣрѣ силъ, стремиться,—и полагалъ, что лучше видѣть себя преуспѣвающимъ въ этомъ, чѣмъ оказаться блистающимъ въ томъ. И какъ и я самъ себѣ законополагаю касательно себя, такъ и славнѣйшій изъ пророковъ наставлялъ, что все въ семъ мірѣ *суета суетъ* и какое изобиліе человеку во всемъ трудъ его,

имже трудится подъ солнцемъ (Еккл. 1, 2—3), ска- залъ другой мудрецъ,—*преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31), возвѣщалъ сосудъ богоизбранный. Зная, что и другія священные писанія возвѣща- ютъ подобное этому, и вмѣстѣ съ тѣмъ прини- мая во вниманіе изреченіе, которое мы узнали отъ одного изъ прославленныхъ внѣшнихъ (языческихъ) философовъ: „лучше вести простую жизнь, чѣмъ обладать величайшею властію, если не имѣешь со- вершить ничего достойнаго“,—я презрѣлъ настоя- щую славу, какъ исчезающую подобно театральной сценѣ.

Тогда я немедленно же обратился къ изслѣдова- нію самого себя, и посему, съ помощію Божіею, от- казался отъ этой должности, удалился изъ царскаго дворца и отъ городского шума и поселился на вер- шинѣ одной отдаленной приморской горы, утесистой и едва доступной. Такимъ образомъ я удалился отъ столицы на нѣсколько стадій около Пропонтиды и здѣсь старался устроить свою жизнь, какъ могъ, пре- даваясь уединенію, ибо къ нему то я больше всего и стремился, и мною обладала столь сильная любовь къ уединенію и спокойствію, что я рѣшилъ встрѣ- тить конецъ жизни не въ другомъ какомъ мѣстѣ, какъ здѣсь. Но вѣдь невозможно, чтобы все происхо- дило согласно нашимъ намѣреніямъ, и бываютъ слу- чаи, гдѣ господствуетъ необходимость и гдѣ пред- пріятія получаютъ тотъ исходъ, коего хочетъ Богъ. Это именно и случилось со мной. Я не достигъ того, что предполагалъ. Не знаю, для какихъ цѣлей (кои вѣдаетъ Соизволившій и Попустившій это Богъ), я былъ отторгнутъ отъ любезнаго мнѣ уединенія и при- веденъ снова въ царскій дворецъ, свидѣтель въ этомъ Богъ. опредѣленіемъ и рѣшеніемъ занимавшихъ тогда

царскій тронъ ¹⁾, общаго церковнаго священнаго собранія и сената. Вотъ они—то (такъ какъ въ то время уже премѣнили жизнь предстоятель столицы ²⁾), какъ человѣкъ, заплатившій долгъ человѣческій), съ непоколебимою и неумолимою властью и возвели меня на священный сей тронъ, хотя я сильно не желалъ и отказывался, такъ что дѣло сіе было устроено скорѣе принужденіемъ, чѣмъ по согласію.

Итакъ, поелику я подъялъ иго сіе противъ желанія и принялъ на себя заботы о душахъ недостойно,—не такъ, какъ подобаетъ любви,—то я боялся прежде всего разнообразныхъ и хитросплетенныхъ козней изобрѣтателя зла и нападенія злыхъ и невидимыхъ духовъ, чтобы они, заставъ меня беззащитнымъ и не вооруженнымъ доспѣхами добродѣтели (ибо они знали меня за человѣка еще неопытнаго въ духовномъ и божественномъ, или видѣли меня упражняющимся и подвизающимся въ борьбѣ съ ними) и нанося раны стрѣлами грѣха, не начали разгонять богоизбранное стадо Церкви и приводить въ безпорядокъ ея благоустроенные ряды, издѣваясь надъ пораженіемъ невѣжественнаго и неискуснаго военачальника. А потомъ, увидавъ и непріязненность начальства и враждебность ненавистниковъ, я сталъ замѣчать коварство и злокозненность тѣхъ, кои весьма старательно слѣдятъ за нашими дѣлами, хорошо или нѣтъ обстоящими. Не видя въ своихъ глазахъ бревенъ и не желая очищать съ нихъ гной, но усердно занимаясь чужими сучцами, они ради дѣла совершенно ничтожныхъ, пустыхъ, не стоящихъ никакого вниманія, нечестиво вооружаютъ свои языки противъ пред-

¹⁾ Императоръ Никифоръ

²⁾ Патриархъ Тарасій.

стоятелей и отовсюду нападаютъ жестоко и въ высшей степени несправедливо.

Но принявъ на себя такой подвигъ, къ какому помощнику и защитнику прибѣгну, какъ не къ попустившему сіе Богу? У Него прошу силъ и помощи,—чтобы Онъ возрѣлъ милосерднымъ и благосклоннымъ окомъ на смиреніе мое, поддержалъ меня десницею Своею и руководилъ по волѣ Своей и ко спасительному управленію вѣранныхъ мнѣ. И если Онъ медлитъ (явить помощь) въ настоящихъ трудныхъ и скорбныхъ обстоятельствахъ, то или по нашему недостойнству и ведя насъ къ совершенству, или же для обнаруженія злокозненности и непріязненности тѣхъ (нашихъ враговъ) въ отношеніи къ намъ, такъ чтобы не таилась хитроскрываемая въ душѣ злоба ихъ, но вышла наружу и сокровенное стало явнымъ.

Если *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (пребываетъ) и напоминаетъ намъ, по словамъ Соломона, *основанное царство* (Притч. 18, 19), то я призываю на помощь молитвы многихъ другихъ, а болѣе всѣхъ я прибѣгаю къ священнымъ молитвамъ и предстательству предъ Богомъ вашего желаннѣйшаго о Духѣ и священнаго братства, ибо онѣ (молитвы) приносятъ намъ величайшую пользу и помощь и какъ бы приближаютъ насъ къ Богу, когда возносятся онѣ вами къ небесному и мысленному жертвеннику, во время ли вашей чистой бесѣды или слушанія, молчанія или возглашенія, какъ внимали Моисей и Самуилъ, или другой кто подобный имъ въ духѣ. Посему пособите моей немощи и воздѣньте вверхъ святыя руки ваши.

Мы вѣримъ въ присущую вашему дерзновенію силу,—въ то, что вы привлечете намъ небесное благоволеніе и низведете милосердіе Божіе для укрѣп-

ленія и ободренія существа слабаго и немощнаго;— для мужественнаго сопротивленія облеченныхъ въ броню вѣры и защищенныхъ племомъ *къ началомъ и ко властемъ и къ міродержателямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы*, съ которыми намъ предстоитъ *брань* (Ефес. 6, 12);— для сохраненія намъ силы души крѣпкою и непоколебимою, а также и для успѣшнаго и смѣлаго противодѣйствія непокорнымъ и противящимся и для усыновленія ихъ какъ чадъ церкви;— для устроенія словесныхъ овецъ избраннаго стада Христова и уготовленія имъ пристанища въ божественной оградѣ Церкви и чрезъ то для содѣланія ихъ недоступными волкамъ, свирѣпо терзающимъ ихъ, запечатлѣнныхъ знаками единомыслія и единодушія, недоступныхъ для козней и невредимыхъ, дабы онѣ покорялись главѣ всѣхъ насъ Христу Архипастырю и подклоняли Ему свои послушныя выи;— для нашего очищенія и просвѣщенія и для содѣланія насъ совершенными порожденіями совершеннаго свѣта, такъ чтобы мы могли и другимъ передавать просвѣщеніе и очищеніе;— для дарованія намъ слова въ отверзеніи устъ во исполненіе слушателей Духомъ и для нелѣностнаго и усерднаго проповѣданія силы нашихъ таинствъ, при помощи Того, Коего благодать проясняетъ языкъ гугнивыхъ и можетъ направлять ноги хромлющихъ, укрѣпляя и утверждая ихъ къ успѣшному проповѣданію евангелія;— для преумноженія ввѣреннаго намъ таланта и своевременнаго возвращенія Владыкѣ долга съ приращеніемъ и для того, чтобы работать намъ въ прекрасномъ виноградникѣ, получить одобреніе за работу и, терпѣливо подъявъ тяжесть и бремя трудовъ и мужественно перенесши дневной жаръ, быть причисленными при распредѣленіи платы къ тѣмъ, кои входятъ безъ договора

около одинадцатаго часа (Матѣ. 20, 1 сл.);—для того, чтобы просвѣтилось зрѣніе ума нашего и чтобы мы, смотря духовнымъ окомъ, содѣлались слушателями пророческаго гласа и усердными слугами божественныхъ заповѣдей;—чтобы, воспринявъ даръ Духа, снимали и уничтожали нечистоту съ ока душевнаго, затемняющую въ насъ духовное, и тѣмъ ограждали себя со всѣхъ сторонъ и постоянно сохраняли себя недоступными для вражескихъ стрѣлъ; — могли бы (своевременно) провидѣть мечъ, когда онъ бываетъ насылаемъ Богомъ на грѣшниковъ, и, если Богъ попустить что, замѣчая опасность и умиловляя Божество, бѣжать отъ гнѣва какъ самому проповѣднику такъ и тѣмъ, коимъ будемъ проповѣдать, — а если не это, то по крайней мѣрѣ спасать свою душу подобно праведному Лоту, который постарался спасти душу свою отъ огня (Быт. 19, 22).

Пусть же ваши молитвы и духовная помощь будутъ направлены сюда. Здѣсь представляется удобный случай послушать великую трубу истины, громогласнаго глашатая евангелія, славнаго Павла, который, наставляя древнихъ вѣрующихъ Рима, веселясь духомъ, хвалясь и величаясь по причинѣ ревности и теплоты ихъ вѣры, которыя прѣславляются и возвѣщаются во всемъ мірѣ, говоритъ: *благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. 1, 8). Но такъ какъ и наша евангельская вѣра чиста, непорочна и выше ея нѣтъ другой, то она не ограничивается предѣлами Римскими, ни заключается даже предѣлами міра, но далеко выходитъ за нихъ, и, пользуясь пророческими и апостольскими словами, можно сказать: *во всю землю изыде гласъ вѣщанія ихъ и въ концы вселенныя глаголы* (Пс. 18, 5. Римл., 10, 18) проповѣдующихъ. Должно

сказать еще болѣе сего: она признается даже на небѣ высшими и духовными силами. Вѣдь если Церковь одна какъ на небѣ такъ и на землѣ, и существуетъ оправданная Церковь первородныхъ на небесахъ (Евр. 12, 23), какъ это слышимъ оттуда (съ небесъ),— и градъ оправданныхъ вѣрою, вышній Іерусалимъ (Евр. 12, 22; Апок. 21, 2. 10), коего основатель и создатель есть Богъ, примирившій небесное съ земнымъ, разрушившій средостѣніе ограда (Ефес. 2, 14), подъявшій на рамена Свои погибшаго и чрезъ неизреченное снисхождение Свое соприсоединившій его къ оставшимся цѣлыми (Матѣ. 18, 12—14): то посему мы справедливо составляемъ единое и нераздѣльное цѣлое, когда вѣрою своею тварь сходится въ разумѣніи и единомушій. Вѣдь не въ Іудеѣ только знаютъ Бога.

И мы, унаслѣдовавшіе новое имя Римлянъ ¹⁾, построенные на одномъ и томъ же основаніи вѣры, именно на основаніи всемудрыхъ апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ Спасителя нашего Христа и Бога, ни въ чемъ въ вѣрѣ не уступаемъ старѣйшимъ Римлянамъ; ибо въ Церкви Божіей нѣтъ счетовъ, какъ *нѣтъ ни Іудея, ни Еллина, ни варвара, ни скиѣа, ни раба, ни свободнаго* (Колос. 3, 11), но всѣ мы едино во Христѣ. Посему и нами также (какъ и другими) да превозносится, да величается и да хвалится божественный Павелъ, соединяя новое со старымъ и слагая одно (цѣлое) ученіемъ и проповѣдію. Послѣдуя его ученію и наставленіямъ, и мы на нихъ утверждаемся, укрѣпляясь исповѣданіемъ вѣры нашей, въ коей стоимъ и хвалимся, и наше пониманіе преславной и пречистой религіи съ открытымъ

¹⁾ Средневѣковые греки называли себя *Ρωμαίοι* и гнушались названія *Ἑλληνες*, которое обозначало язычниковъ

лицомъ громко возвѣщаемъ; ею мы служимъ Богу и твердо хранимъ ее, ибо всегда дышемъ ею, какъ воздухомъ; ею мы укрѣпляемся и при отшествіи изъ здѣшней жизни, помоществуемые и хранимые вышнею благодатію, ибо нѣтъ другого пути, которымъ можно было бы успѣвать и благоустраивать настоящую жизнь или достигать въ жизни будущей благъ, уготованныхъ достойнымъ.

Итакъ, я исповѣдую вѣру во единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего, Владыку и Господа; и въ Сына Его единородного Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога, предвѣчное Слово, безначально и неизреченно, способомъ непонятнымъ для всякой духовной и чувственной твари, отъ Него рожденнаго; и въ Духа истины живоначального и все-святаго,—Троицу единосущную, преестественную, невидимую, непостижимую, нераздѣльную, неизмѣнную, простую, недѣлимую и несложную, непрестанную, вѣчную, безтѣлесную, чуждую количества и качества, равночестную, равнославную и равнобожественную, недоступную осязанію и прикосновенію, безвидную, безконечно благую,—свѣтъ всегда свѣтлый, пресвѣтлый и сверхсвѣтный,—всегда пребывающую равную и одинаковою, всевидящую и всесовершающую силу, всѣхъ разумныхъ и духовныхъ тварей духовно и недѣлимо изліяніемъ божественнаго свѣта озаряющую, сообразно воспріемлемости озаряемыхъ, къ бытію и благобытію сохраняющую, познаваемую не въ однихъ именахъ только, но и въ самыхъ дѣлахъ, единымъ Божествомъ и властію и царствомъ славимую и поклоняемую отъ всякой видимой и невидимой твари.

Изъ созерцаемыхъ въ Троицѣ (ипостасей) Отецъ не имѣетъ ни начала, ни причины Своего бытія, ибо ни отъ Кого не происходитъ и въ самомъ Себѣ

имѣть бытіе, Сынъ не безначаленъ, ибо Онъ отъ Отца и началомъ Сына служитъ Отецъ, какъ Его (Сына) причина. Если же имѣть въ виду начало во времени, то Онъ (Сынъ) и безначаленъ, ибо Онъ есть Творецъ временъ и не подчиненъ времени. Рожденіемъ вѣчно и нераздѣльно возсіявая отъ Отца, Онъ есть сіяніе славы и отображеніе Отчей ипостаси. Духъ Святый отъ Отца имѣть бытіе не рожденіемъ, а исхожденіемъ, будучи вѣчно созерцаемъ со Отцемъ и Сыномъ. Онъ не безначаленъ по исхожденію отъ Отца, ибо и Его начало есть Отецъ въ смыслѣ причины; но и Онъ безначаленъ по времени.

Итакъ, одинъ Богъ Отецъ, изъ Котораго все, и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, чрезъ Котораго все, и одинъ Духъ Святый, въ Которомъ все. Изъ трехъ совершенныхъ—единое всесовершенное и пресовершенное Божество. Они отличаются другъ отъ друга опредѣленными и личными свойствами, ибо когда Каждаго изъ Нихъ, хотя и нераздѣльныхъ по природѣ вслѣдствіе единства Своего существа, мы отдѣльно мыслимъ въ нашемъ умѣ, то исповѣдуемъ Его Богомъ и вѣруемъ, что Онъ исполненъ всѣхъ свойствъ Божества. И Тремъ, соединеннымъ Другъ съ Другомъ, мы поклоняемся, какъ единому Богу, троичному по ипостаси, но единому по существу. И почитаемъ мы единоначаліе, а не безчинное и взаимно враждебное многоначаліе еллинскаго безумія и глупости. Единоначаліе же не ограничивается только Однимъ Лицемъ, какъ думаютъ несовершенные и грубые Іудеи по своей глупости и неразумности, но выражаетъ равночестность природы, согласіе мысли, тожество движенія и направленіе Каждаго къ одному и тому же, что для природы тварной невозможно, какъ говорить великій богословъ Григорій, — чѣмъ

единство и соприродность созерцаемаго въ Троицѣ Божества нисколько не раздѣляется. Да будетъ намъ чуждо и да отсѣчется отъ насъ зломыслие и безуміе неистоваго Арія. Троица нераздѣльна и славою и вѣчностію не дѣлится и не различествуетъ. Точно также богоначальныя ипостаси и не предлагаются и не переходятъ одна въ другую, но каждая изъ нихъ пребываетъ неизмѣнною и несліянною и вѣчною, и потому да будетъ также отвергнуто и отброшено и ложное сліяніе (божественныхъ ипостасей) суетумудраго Савеллія.

Почитаю и поклоняюсь прежде всѣхъ вѣковъ предопредѣленному таинству воплощенія, въ послѣднія времена явленному на спасеніе всего рода нашего и совершенному чрезъ великое нисхождение и неизреченное домостроительство единаго лица животворящей Троицы Христа истиннаго Бога нашего, дабы откуда явилось намъ бытіе по неизреченной благодати Его, оттуда же даровано было намъ и благобытіе. Исповѣдую и вѣрую, что единое изъ лицъ живоначальной и блаженной Троицы Божій Сынъ и Слово, всегда спокланяемый и славимый съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ единосущный и сопрестольный, подвижимый безконечнымъ человѣкълюбіемъ и милосердіемъ къ Своему созданію, благоволеніемъ и милостію Отца и благодатію и содѣйствіемъ Святаго Духа, снизшедъ съ небесъ, обращался съ людьми, дабы насъ, осужденныхъ нѣкогда за грѣхъ, лишившихся райскаго блаженства и подвергшихся тлѣнію, спасти благодатію и содѣлать общниками божественной природы. Вселившись въ утробу Дѣвы,—въ истинномъ и собственномъ смыслѣ богородицы, предочищенной Духомъ (Святымъ) по душѣ и плоти, и воспріавъ въ Себя отъ нея всю природу нашу, какъ сотворившій

въ началѣ человѣка, Онъ явился Богомъ воплотившимся, пребывъ тѣмъ, чѣмъ былъ—Богомъ.

Сверхъестественно и неизреченно родившую и послѣ рожденія Онъ сохранилъ дѣвою, причемъ ея природное дѣвство нисколько не измѣнилось, въ истинное показаніе того, что и послѣ событія Его рожденія она пребыла чуждою измѣненія. Соприродный Отцу, ставъ единосущнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, Онъ воспріемлетъ сѣмя Авраама, подобно намъ приобщившись плоти и крови (Евр. 2, 14. 16). Плоть Онъ воспринялъ одушевленную разумною душою, отнюдь не предсуществовавшую до момента соединенія, но вмѣстѣ съ разумною душою, вѣруемъ, воспринята Христомъ и одушевленная ею плоть, и не по благодати Онъ обиталъ въ насъ, но соединившись весь со всей природой человѣка: соединеніе сіе совершилъ Онъ неслиянно и нераздѣльно и сверхъестественно, такъ что соединенныя естества божеское и человѣческое сохраняютъ свои природныя свойства и отнюдь не прелагаются одно въ другое, хотя вслѣдствіе такого сверхъестественнаго соединенія естествъ мы и употребляемъ въ рѣчи эти имена одно вмѣсто другого, ибо въ мысли только, а не на дѣлѣ, полагаемъ, различаются они.

Вѣруемъ, что при этомъ сохраняется полное единство ипостаси, пребывая нераздѣльнымъ и неразличнымъ,—и да отвержено будетъ чудовищное сліяніе и смѣшеніе естествъ (во Христѣ) обманщика Евтихія и Діоскора. Посему исповѣдуемъ Одного и Того же сотвореннымъ и несотвореннымъ, вѣчнымъ и временнымъ, небеснымъ и земнымъ, описуемымъ и неописуемымъ, страстнымъ и безстрастнымъ, неимѣющимъ ни отца ни матери—по неизреченному, безначальному и предвѣчному рожденію отъ Отца, а по таинственному

и непостижимому единенію съ нами два Его рожденія признаемъ непостижимыя и превышающія всякое разумѣніе; ибо Онъ, будучи въ образѣ Отца (Филипп. 2. 6) Единороднымъ Сыномъ, сущимъ въ лонѣ Отца, (Іоан. 1, 18), то есть въ сущности Отца, предвѣчно изъ Него возсіявъ, въ концѣ вѣковъ уничижилъ Себя и образъ раба принялъ, (Филипп. 2. 7), то есть наше естество.

Итакъ, ипостасное единство во Христѣ соединяетъ одно естество съ другимъ, изъ которыхъ состоитъ Спаситель, то есть видимое и невидимое, страстное и безстрастное, но отнюдь не то одно, то другое отдѣльно. Одного и того же исповѣдуемъ истинно совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, усвояя Ему различіе природъ и познавая Его однимъ и тѣмъ же и послѣ воплощенія, не раздѣляя на двоицу сыновей, по причинѣ различія соединившихся въ единство ипостаси природъ, почему да будетъ удаленъ изъ божественной ограды Несторій, — но признавая, что Онъ совершаетъ все своимъ богомужнымъ дѣйствованіемъ. Какъ Богъ, Онъ совершаетъ божественное—знаменія и чудеса,—а какъ человѣкъ, Онъ же Самый воспринялъ добровольно страданія и доношенія. Поэтому вмѣстѣ съ двумя природами послѣдовательно и необходимо славлю и два Его природныя дѣйствованія, какъ проявляющія и представляющія оба эти Его естества или природы, согласно благочестивымъ и боголѣпнымъ преданіямъ нашихъ богумудрыхъ отцевъ. Равнымъ образомъ чту и двѣ воли или два природныя хотѣнія одного и того же Господа и Бога нашего Іисуса Христа. Волю же признаю въ Немъ соотвѣтственно той и другой природѣ Его, изъ которыхъ и въ которыхъ Онъ существуетъ и познается, и въ добровольномъ пришествіи на спа-

сительное страданіе (признаю Его) какъ дѣйствующимъ, такъ и волящимъ.

Вѣрую, что Онъ распятъ не въ томъ естествѣ, которымъ блистаетъ со Отцемъ, хотя и говорится, что распятъ Господь славы, въ смыслѣ взаимообмѣна свойствъ (того и другого естества), но по нашей земной природѣ, по которой Онъ воспринялъ нашъ перстный составъ и сдѣлался ради насъ клятвою, что бы явить насъ общниками Его благословенія: и смерть (отъ?) злодѣевъ благоволилъ Онъ претерпѣть по плоти, чтобы жало смерти—грѣхъ (1 Кор. 15, 56) осудить въ плоти Своей (Римл. 8, 3) и чтобы ниспровергнуть имѣющаго силу смерти, то есть діавола (Евр. 2, 14). Вѣрую, что преданное погребенію тѣло Свое Онъ сохранилъ нетлѣннымъ, ни мало не удаленнымъ отъ таинственнаго и неизреченнаго единенія, хотя въ трехдневный промежутокъ оно отдѣлено было отъ Его разумной души, съ которою Онъ и нисходилъ въ адъ и сущимъ въ темницѣ духамъ, какъ сказалъ верховный и божественный Петръ, сошедъ проповѣдалъ воскресеніе (1 Петр. 3, 19), даровалъ освобожденіе и искупленіе, содѣлался начаткомъ для насъ нетлѣнія, какъ перворожденный ожилъ изъ мертвыхъ, ибо воскресъ, какъ Богъ, поправъ смерть, открывъ путь для всякой твари къ воскресенію, и совозставилъ (совоскресилъ) насъ, павшихъ паденіемъ грѣха.

Вѣрую, что послѣ воскресенія Онъ предсталъ женамъ и провозвѣстилъ имъ радость, уничтоживъ печаль, пришедшую къ намъ отъ жены;—явился и Своимъ божественнымъ ученикамъ, удостовѣряя тайну Своего воскресенія,—показалъ, что Онъ пребылъ такимъ же, какимъ былъ и до воскресенія, чрезъ принятіе пищи и прикосновеніе мудраго Ѳомы къ бо-

божественнымъ ребрамъ Его,—вознесся на небеса и возсѣлъ одесную Бога Отца съ плотію, съ которой опять придетъ въ боголѣпной славѣ и власти надъ всѣми тварями, и возсядетъ какъ судія, воздавая каждому по его жизни, ибо всѣмъ намъ надлежитъ явиться предъ судилищемъ Христовымъ (2 Кор. 5, 10).

Потомъ вѣрую и въ воскресеніе плоти, когда будетъ преобразование міра, чтобы смертное наше облечлось въ безсмертіе и тлѣнное одѣлось въ нетлѣніе (1 Кор. 15. 54).

Исповѣдую и одно крещеніе во оставленіе грѣховъ, совершаемое по евангельскому и божественному преданію въ (имя) Отца и Сына и Святаго Духа. Со всякимъ благоговѣніемъ и вѣрою соблюдаю и чту эти честные догматы православной и священной религіи нашей и таинства согласно возвышенному и чистѣйшему богословію, преданному намъ божественными наставниками, и спасительное о насъ домостроительство Бога Слова, и всѣ другія подобныя и съ ними (догматами) согласныя ученія.

Принимаю и испрашиваю ходатайства и мощствъ предъ Богомъ—прежде всего и особенно пречистой и всенепорочной Приснодѣвы Владычицы нашей Богоматери,—потомъ божественныхъ и небесныхъ силъ, святыхъ и всеславныхъ апостоловъ, блаженныхъ пророковъ, славныхъ и побѣдоносныхъ мучениковъ, богоносныхъ отцевъ и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка благоудобившихъ Господу, которые всегда живутъ въ Немъ, ибо *праведныхъ души въ руцѣ Господа* (Прем. Сол. 3, 1), приобрѣтая отсюда наибольшее спасеніе души и тѣла.

Поклоняюсь и лобызаю честныя ихъ мощи, какъ подающія исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ немощей. Воспѣваю честное и божественное ихъ житіе и

славные ихъ подвиги и борьбу, чту ихъ гробницы и вѣнчаю ихъ высшими почестями, потому что за славу Спасителя всѣхъ насъ Бога они проливали кровь свою и изъ любви къ Нему презрѣли временную жизнь, ставъ подражателями животворящихъ и спасительныхъ страданій Его,—лобызаю, вмѣстѣ съ честною иконою Спасителя всѣхъ Христа и пречистой Богоматери, и честныя и святыя изображенія ихъ и воздаю имъ поклоненіе по достоинству.

Кромѣ того съ любовію принимаю и чту святыя и вселенскіе семь соборовъ и всѣ божественные, преестественные и спасительные догматы, на нихъ опредѣленные и возглашенные святыми и богоносными отцами нашими, которыхъ нѣкогда Духъ Святый поставилъ пасти и управлять церковью своею.

Во первыхъ — соборъ Никейскій, собравшійся изъ 318 славныхъ отцевъ нашихъ противъ нечестиваго и безумнаго Арія, котораго изгнавъ изъ Церкви, соборъ провозгласилъ намъ истинную и правую вѣру чрезъ священный и божественный символъ. Бога Слово и Сына Божія православно опредѣлилъ онъ (почитать) не тварію, какъ Арій, а единосущнымъ Отцу и собезначальнымъ, какъ Бога истиннаго и Творца всего.

Затѣмъ, послѣ этого, собравшійся въ царствующемъ градѣ семь изъ 150 боговдохновенныхъ отцевъ, который низложилъ нечестиваго духобора Македонія, пространнѣе изложилъ смыслъ священнаго символа и далъ поясненіе словъ о Духѣ Святомъ, утвердивъ, что Онъ есть Богъ истинный, единосущный Отцу и Сыну, а не тварь, и безразсуднаго и безумнаго Аполлинарія Лаодикійскаго отлучилъ отъ церкви.

Послѣ этого принимаю святой соборъ, собравшійся прежде въ Ефесѣ изъ 200 священныхъ учителей, противъ суетумдраго Несторія и его богохульствъ, по низ-

ложеніи котораго соборъ премудро опредѣлилъ, что во Христѣ Богъ нашъ—одна ипостась и двѣ природы несліянно и нераздѣльно, — Оного и Того же объявилъ Богомъ и человѣкомъ и святую Марію исповѣдалъ Богородицею въ собственномъ и истинномъ смыслѣ.

Затѣмъ принимаю священный соборъ божественныхъ и богоносныхъ, сошедшихся въ Халкидонѣ, 630 отцевъ, который осудилъ нечестивыхъ Евтихіа и Діоскора и ихъ исполненное мрака и тьмы сліяніе, предавъ ихъ анаѣмѣ, и Христа Бога нашего благочестиво провозгласилъ совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ—въ двухъ природахъ и одной ипостаси—несліянно и нераздѣльно.

Далѣе принимаю пятый святыи соборъ изъ 165 святыхъ отцевъ, опять, въ этомъ Богомъ хранимомъ градѣ собравшійся, который посѣкъ нечестивыя мысли Θεодора и Несторія, а также Оригена, Дидима, Евѣгрія и послѣдователей ихъ худомысліа, прежде многими содержимаго въ тайнѣ, а тогда уже дерзко возродившагося и распространившагося, ибо благодаря имъ они болтали вздоръ и слѣдовали болѣе Іудейской и Еллинской вѣрѣ, чѣмъ Христіанской.

Затѣмъ принимаю шестой вселенскій соборъ 170 священныхъ мужей, въ томъ же царствующемъ градѣ собравшійся, который провозгласилъ какъ свойства природъ во Христѣ, такъ и природныя дѣйствования и хотѣнія, и анаѣмствовалъ Θεодора, епископа Фаранскаго, Гонорія, Кирія и Сергіа, Пирра, Павла и Петра, по Божію попущенію на свою погибель получившихъ священство въ церкви,—также Макарія, названнаго предстоятелемъ Антиохіи, и Стефана, его ученика,—кромѣ того Полихронія, старца съ ребяческимъ умомъ,—которые учили, что у Христа Спа-

сителя нашего и Бога одна воля и одно дѣйстваніе.

Наконецъ принимаю послѣ сего опять собравшійся вторично въ Никеѣ въ наши времена седьмой священный соборъ 150 отцевъ, который запечатлѣлъ всѣ предшествовавшіе святыя соборы и догматы ихъ и принялъ искони преданное Церкви поклоненіе честнымъ и священнымъ иконамъ, опредѣливъ, чтобы имъ поклонялись подобно изображенію животворящаго креста. Отлучили мы отъ Церкви пустословившихъ о попошеніи и низверженіи ихъ и обвинявшихъ христіанъ въ томъ, что они поклоняются имъ, какъ (языческимъ) богамъ, то есть Θεодосіа, Василия, Сисинія, по Божію попущенію начальствовавшихъ епископскими престолами.

Вотъ эти перечисленные святыя вселенскіе соборы принимаю и догматы и труды всѣхъ славныхъ и блаженныхъ отцевъ признаю, какъ ученіе чистое и основаніе спасенія,—принимаю тѣхъ, которыхъ признаетъ каеволическая Церковь, и отвращаюсь тѣхъ, коихъ она отвращается. Отвергаю и совершенно отметаю тѣхъ, кои отъ Симона Волхва и кои даже до нынѣ остаются всецѣло отпавшими отъ благочестія,—анаѡематствую отвергшихъ преданіе святыхъ, присоединившихся къ развращеннымъ и погибельнымъ ученіямъ и дерзнувшихъ всѣять ядовитое сѣмя плевелъ на пашнѣ православної вѣры и всѣхъ послѣдователей ихъ, какъ поруганіе для Церкви Христовой, гнушаюсь и подвергаю анаѡемѣ.

Такъ провозглашаемъ мы свой образъ мыслей предъ вами, блаженнѣйшимъ и богонаученнымъ, для чего пользуемся этимъ нашимъ писаніемъ, какъ бы живымъ какимъ глашатаемъ, слѣдуя искони господствующимъ постановленіямъ церковнымъ, составляющимъ

залогъ любви во Христѣ и единомудрія и единомыслія другъ съ другомъ. Ваше же любезнѣйшее о Господѣ братство да отвѣчаетъ намъ во первыхъ молитвами къ Господу, а потомъ и подобающими рѣчами и утверждающими и вразумляющими дѣлами, дабы съ вашими законоположеніями и наставленіями намъ устоять твердо и непорочно въ совершенно одинаковой съ вами вѣрѣ, сохраняя все ея таинства, искони преданныя, неповрежденными, — всѣхъ словесныхъ овецъ священнаго стада, стоящихъ внутри предѣловъ церковнаго двора, собирая во едино божественною свирѣлью и стройнымъ гласомъ апостольскаго и духовнаго ученія и отъ нападенія звѣрей сохраняя невредимыми назnamenованныхъ помазаніемъ и именемъ Архипастыря Христа.

А опущенное нами восполните сами по братолюбію и любвеобилію вашему, дабы вашъ преизбытокъ восполнилъ скудость нашу, — и чего недостаетъ намъ въ словахъ и дѣлахъ, то священнолѣпною по жизни вашей и честною властію устройте и прибавьте, отнюдь не скупясь ниспосланными вамъ дарами благодати. ибо не оскудѣніе приноситъ щедрое ихъ раздаяніе, а напротивъ воздаяніе въ свое время многихъ и славныхъ плодовъ. Укрѣпляя насъ, какъ слабѣйшихъ, благодарованною своею силою и направляя стопы наши на стезю евангелія, не переставайте давать намъ полезныя и спасительныя совѣты, дабы мы, имѣя единеніе и согласіе въ исповѣданіи, равно какъ будучи соединены и связаны союзомъ любви, сохранили между нами нерасторженнымъ и даръ мира во ввѣренномъ намъ служеніи, который доставляетъ Церкви нераздѣльность и согласіе, чтобы поэтому мысленный градъ Великаго Царя, окруженный стѣнами и укрѣпленный, пребывалъ непобѣдимымъ и неразрушимымъ

при всѣхъ нападеніяхъ и ухищреніяхъ невидимыхъ враговъ, рыщущихъ кругомъ и ищущихъ поглотить кого-либо изъ вписанныхъ въ немъ и назnamenованныхъ Духомъ. Этимъ врагамъ противопоставимъ оружіе не плотское, а духовное, щитъ вѣры и мечъ слова, то есть слово Божіе, чтобы прашею духа уничтожить осадныя орудія и машины грѣха, обращая въ бѣгство и далеко преслѣдуя свирѣпую дерзость ихъ, какъ удостоенные Божественной охраны и помощи, которая и составляетъ наше спокойное и мирное житіе,—чтобы и въ пакибытіи при послѣдней трубѣ намъ удостоиться неосужденно встрѣтить Начальника жизни нашей, грядущаго со славою Отчею, со святыми ангелами Своими, встрѣтиться съ дѣвами разумными въ брачномъ чертогѣ, стать причастниками ангельскаго пира и сдѣлаться наслѣдниками уготованныхъ достойнымъ благъ во Христѣ, истинномъ Богѣ, предстательствомъ пречистой и непорочной Его Матери и всѣхъ святыхъ. Аминь.

Тому, что мы такъ поздно выступаемъ съ изложеннымъ выше, пусть никто не удивляется и не обвиняетъ насъ за это, но да вѣдаетъ боголюбезное братство ваше, что въ данномъ случаѣ не было презрѣнія и попранія епископскаго обычая и что не изъ лѣности мы нарушили то, что подобаетъ и прилично мужамъ Церкви, но жестокое и суровое рѣшеніе (царской) власти повелѣло насильственно препятствовать намъ пользоваться узаконеннымъ обычаемъ. И да будетъ снисходительна ко мнѣ священная душа ваша, если я долженъ подвергаться какому-либо порицанію за косность, ибо вы сами по собственному опыту знаете, какъ не легко бываетъ сопротивляться властямъ, когда онѣ увлекаются собственными своими желаніями и стараются исполнять всѣ свои замыслы.

Власть думала, что имѣетъ благовидный предлогъ остановить возложенное на насъ священнослуженіе, и распускала слухъ, что сами вы порвали общеніе съ Церковью. Такъ какъ и сами вы испытали эти насилія, то можете быть снисходительны къ тѣмъ, которые противъ воли оказались въ подобныхъ же обстоятельствахъ. И вслѣдствіе этого, думаю, не нужно много словъ для защиты, но въ свое время вамъ будетъ описано здѣшнее положеніе дѣлъ,—да и теперь происходящее и совершающееся уже говоритъ о немъ. Такъ какъ запоръ сокрушенъ, ворота открыты, камни преткновенія устранены съ дороги и вся она становится широкою, ровною и безпрепятственною, то удаляются наконецъ и прискорбныя обстоятельства, устраняются соблазны, исчезаетъ теперь горделивость, прекращаются, возникавшія отсюда, препятствія и свободный свѣтъ возсіялъ Церкви. Вслѣдствіе этого оказывается возможность для проявленія любви и для совершенія и исполненія принятаго церковнаго обыкновенія.

Но есть и такіе, которые нерадятъ о божественномъ и ради собственной славы стараются забывать о судѣ, который имъ угрожаетъ отъ Бога. И какъ для нихъ составляетъ удовольствіе стремиться къ славѣ и блеску, то они злоумышляютъ другъ противъ друга. Мы же, полагая стараніе о славѣ Божіей, чести Церкви, единомысліи и охраненіи священныхъ законоположеній, твердо держимся своихъ обязанностей и за провозглашаемаго нынѣ ¹⁾ благочестиваго, державнѣйшаго императора нашего, истинное чадѡ Церкви, сіяющаго богоугодными нравами и добродѣтельною жизнію, возсылаемъ усиленные молитвы и

¹⁾ Императоръ Михаилъ I съ октября 811 г. по юнь 813

и прошенія къ вѣнчавшему и наставляющему его Богу, чтобы даровалъ ему мирное житіе и царствованіе, сохраняя его на многія лѣта, украшая его побѣдными трофеями надъ варварами, помогая ему счастливо править христіанской державой, укрѣпляя его ревность къ православію и пособляя ему въ сохраненіи божественныхъ заповѣдей и въ приобрѣтеніи чести и славы для дѣтей во время пребыванія его во власти.

Настоящее наше соборное посланіе къ вашему возлюбленному и любезнѣйшему братству вручаемъ Михаилу, преподобнѣйшему митрополиту христіолюбиваго города Филадельфіи. И хотя мы убѣдились изъ предварительныхъ рѣчей и бесѣдъ его, что вы встрѣтите и примете его радушно, все же мы просимъ васъ, чтобы и ради нашего смиренія ему были оказаны вами подобающій пріемъ, честь и покой. Онъ и по отношенію къ вашей любви исполненъ всякаго расположенія и искренности, и въ дѣлахъ церковныхъ выказываетъ ревность и усердіе, равно какъ и отличается превосходствомъ въ словѣ, жизни и добродѣтели. Онъ-то и долженъ, если Богъ поможетъ ему и подвигнетъ васъ, принести намъ знаки любви и единомыслія, то есть честное писаніе ваше въ отвѣтъ на настоящее, для великаго духовнаго утѣшенія намъ и для укрѣпленія дружескаго нашего расположенія о Господѣ.

Привѣтствуемъ всѣхъ сущихъ съ вами многочисленныхъ братій о Христѣ. Сильный о Господѣ, молись о насъ, святѣйшій и блаженнѣйшій братъ, имѣя посредникомъ и помощникомъ предъ Богомъ общаго нашего предстателя и покровителя, великаго и верховнаго Апостола, коему не полѣнись возносить молитвы за насъ недостойныхъ рабовъ его.

Въ знакъ же посредствующей между нами любви о Господѣ посылаемъ братскому вашему блаженству золотой энколпій, одна сторона котораго обложена хрусталемъ, а другая украшена эмалевымъ изображеніемъ, а внутри онъ имѣетъ другой энколпій, въ ко-емъ заключены частицы честныхъ древъ, — стихарь бѣлый, фелонъ нешвеную каштановаго цвѣта, епитрахиль и ручникъ—вышитые золотомъ. Все это, при содѣйствіи и руководительствѣ Божіемъ, смиренно посылаемъ вамъ на память, хорошо обвернувъ тонкимъ полотномъ и запечатавъ свинцовою печатью.

Святаго отца нашего

НИКИФОРА

Патріарха Константинопольскаго.

Защитительное слово ко вселенской Церкви относительно новаго раздора по поводу честныхъ иконъ.

1. Такъ какъ святая Церковь Божія зиждется твердо и непоколебимо на основаніи апостоловъ и пророковъ, съ краеугольнымъ камнемъ Христомъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, и украшается всѣми священными и божественными догматами и въ ней не существуетъ никакой защиты или опроверженія касательно нашей православной и непорочной вѣры и религіи: то посему касательно пустыхъ рѣчей со стороны нѣкоторыхъ, числящихся въ священномъ чинѣ, но отдѣлившихъ себя отъ общаго тѣла Церкви, для требующихъ предлагается нижеслѣдующая апологія.

2. Что существованіе и почитаніе честныхъ иконъ дошло до настоящихъ дней отъ временъ изначальныхъ и исконныхъ, то есть отъ преданія апостольскаго и отеческаго, объ этомъ возвѣщаютъ и свидѣтельствуютъ и древніе храмы и священные сосуды, сооруженные благочестивыми царями и другими христіанами и полагавшіеся въ мѣстахъ священныхъ для почитанія вмѣстѣ съ другими священными предметами. Но еще болѣе ясное и непреложное свидѣтельство въ пользу этого (представляютъ) изобра-

женія, находящіяся вмѣстѣ съ честными крестами на солеяхъ святаго алтаря; ибо не для чего иного они помѣщаются здѣсь, какъ для поклоненія, Существовать по той же причинѣ изображенія на святыхъ вратахъ и священныхъ дверяхъ. Есть и правила относительно почитанія ихъ въ числѣ опредѣленій 6-го вселенскаго собора, называющія ихъ достопоклоняемымъ писаніемъ ¹⁾. Существовать о нихъ и другія свидѣтельства въ писаніяхъ святыхъ отцевъ.

3. Царствовавшій нѣкогда Левъ, отецъ Константина, безумствовавшій противъ домостроительства Спасителя Бога нашего, нашедши почитаніе иконъ въ предшествовавшее ему время, рѣшилъ ихъ низвергнуть, для чего устранилъ отъ священной должности блаженной памяти Германа, архіерея сего царствующаго града, такъ какъ онъ противодѣйствовалъ его злочестивымъ замысламъ. И если кто пожелаетъ познакомиться съ этимъ точнѣе, пусть обратится къ сочиненіямъ этого блаженнѣйшаго архіерея ²⁾. Попирая такимъ образомъ волнуемую Церковь, нечестивый Константинъ, упорнѣе вооружаясь противъ православныхъ нашихъ догматовъ, безъ архіерея царствующаго града (ибо Анастасій, занимавшій катедру послѣ преподобнаго Германа, въ то время уже скончался) и не пригласивъ архіерея ни стараго Рима, ни другого какого престола, согласно церковному канону, слѣдуя своему нечестивому желанію или вѣрнѣе пользуясь наглостію тиранна, презрѣвъ божественные законы, чрезъ безстыдно созданныхъ имъ нечестивыхъ епископовъ, сколько зависѣло отъ него,

¹⁾ *οὐκ ἔστιν ὁμοῦ*, — въ 82-мъ правилѣ Трулльскаго собора: *οὐκ ἔστιν*

²⁾ Разумѣть надо посланія св. Германа, читавшіяся на 2-мъ Никенскомъ соборѣ, и изданное Манемъ сочиненіе патріарха въ *Spicilegium Romanum*, t. VII. cap. 40 sg

посгарался устроить ихъ (иконъ) низверженіе, осмѣлившись—безбожникъ—называть христіанъ идолопоклонниками и постановивъ въ опредѣленіи этого нечестиваго скопища не поклоняться впредь священнымъ иконамъ, и не изготовлять ихъ. И такъ какъ это зло не остановилось въ самомъ началѣ на себѣ самомъ, то послѣдовали и другія нечестивыя опредѣленія. Такъ онъ устранилъ изъ Церкви призываніе святыхъ, сожигалъ святія мощи и многія священныя книги, а не принимавшихъ этого безбожнаго опредѣленія подвергалъ преслѣдованіямъ, побоямъ и разнымъ пыткамъ.

4) Если же кому нужно удостовѣриться въ этомъ чрезъ свидѣтельства противной стороны, то для сего могутъ служить такъ называемыя доказательства Епифанія. Епифаній, какъ говорится тамъ, видя, что христіане поклоняются иконамъ, старался подвергнуть ихъ уничтоженію. Однако благочестивые цари того времени, къ которымъ сочиненіе его, кажется, было послано, не признали основанія для уничтоженія ихъ, какъ показываютъ храмы, ими воздвигнутые, и существующія священныя изображенія. Кромѣ того и самыя церкви Кипрскія громогласно свидѣтельствуютъ, что тамъ никогда не слыхами подобныхъ рѣчей. Наконецъ, и уроженцы острова Кипра, къ числу которыхъ принадлежатъ святой Павелъ ¹⁾, бывшій здѣшнимъ архіереємъ, и Константинъ, бывшій архіепископъ того же острова, мужи мудрые и ученые, хорошо знавшіе мнѣнія святаго Епифанія, бывшаго предстоятелемъ острова, не признавали, чтобы этому отцу принадлежали тѣ слова, которыя приписывали ему собравшіеся

¹⁾ Павелъ IV, патриархъ Константинопольскій, съ февраля 780 г. по августъ 784 г

на лжесоборѣ. Между тѣмъ, поелику все это было не угодно Богу, Онѣблаговолилъ собраться второму Никейскому, седьмому вселенскому святому собору, составленіе котораго было устроено разсудительно и согласно церковному обычаю тогдашними архіереями. Павелъ, выше названный архіерей Византіи, видя, что архіереи стараго Рима и прочихъ престоловъ не признають его архіерейства, подвергаютъ его анаѣмѣ и низложенію, отказался отъ священнаго сана и явившись къ царямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе и доселѣ существующіе очевидцы, смѣло сказалъ: „вотъ до нынѣ я жилъ съ неправою совѣстью, а теперь всѣмъ вамъ я объявляю, что, въ виду господства ереси и анаѣматствованія между прочими престолами, я не могу быть вашимъ епископомъ“. Сказавъ это, онъ немного спустя объять былъ болѣзнію и подвергся смерти.

5) Послѣ него возведенный на святительскій тронъ блаженной памяти Тарасій, выступилъ предъ тогдашними царями, синклитомъ и всѣмъ народомъ столицы съ такимъ заявленіемъ: „если я не получу удостовѣренія въ томъ, что состоится вселенскій соборъ изъ епископовъ какъ находящихся въ городѣ, такъ и прочихъ престоловъ, для исправленія новаго заблужденія въ Церкви, то я не приму патріаршества“. Получивъ такое удостовѣреніе отъ всѣхъ, онъ былъ рукоположенъ во архіерея. И съ Божіею помощію онъ достигъ своей цѣли: соборъ былъ составленъ законно и по канонамъ изъ епископовъ и мѣстоблюстителей, причемъ были доставлены соборныя посланія отъ архіереевъ прочихъ престоловъ. Опредѣленіе, составленное соборомъ, было принято во всей вселенной,—съ нимъ были согласны и императоры. И это опредѣленіе не должно быть переизслѣдуемо. Какъ про-

чіе шесть святыхъ вселенскихъ соборовъ изложили свои опредѣленія и никто имъ не противорѣчилъ, а тогдашніе цари, слѣдуя рѣшеніямъ епископовъ, принимали и утверждали ихъ, причемъ никто изъ право-мыслящихъ послѣ провозглашенія ихъ не возбуждалъ сомнѣнія, но все христіане принимали провозглашенное, какъ запечатлѣнное Духомъ Святымъ: такъ было и съ названнымъ седьмымъ соборомъ, и по божественной благодати провозглашенное имъ опредѣленіе было принято во всехъ предѣлахъ, — притомъ оно возобновляло и подтверждало древнее, прежде существовавшее въ Церкви, преданіе и не вводило ничего своего и новаго. Посему по справедливости это соборное опредѣленіе должно всячески храниться христіанами и внѣ всякаго сомнѣнія.

6. Когда свято и благочестиво закончился этотъ священный соборъ, то рукоположенные потомъ въ священный санъ съ готовностію собственноручно, по преданному издревле Церкви обычаю, начертавъ кресты, подписались къ составленному имъ опредѣленію. Изъ нихъ нѣкоторые теперь, удалившись и отторгшись отъ тѣла Церкви, подвергли себя возгласеннымъ на этомъ самомъ соборѣ проклятіямъ. Въ опредѣленіи же говорится: „вѣруя во единого Бога, въ Троицѣ воспѣваемаго, принимаемъ святые иконы; поступающіе иначе да будутъ анаѰема; и мыслящіе иначе да будутъ изгнаны изъ Церкви; мы слѣдуемъ древнимъ законоположеніямъ; мы хранимъ установленія отцевъ, а преступающихъ ихъ и упраздняющихъ мы отлучаемъ отъ католической Церкви, поступающихъ иначе мы подвергаемъ анаѰемѣ; изреченія священнаго Писанія, направляемыя противъ идоловъ, прилагающимъ къ честнымъ иконамъ—анаѰема; называющимъ священныя иконы идолами — ана-

еема“. Все это исповѣдали собственноручными подписями тѣ, кои теперь отторгли себя отъ Церкви. И если они отказываются отъ своего исповѣданія, то попираютъ собственноручные свои кресты, подвергаютъ себя выше упомянутому анаѳематствованію и ни въ какомъ случаѣ не пребываютъ въ Церкви. Такъ, какъ они отрицаются того ученія вѣры, въ которомъ были рукоположены, то они должны отречься и отъ рукоположенія и быть низложены, какъ иначе учащіе. Вслѣдствіе этого ихъ не слѣдуетъ допускать до разсужденій и преній съ человѣкомъ священнаго сана, ибо въ противномъ случаѣ тотъ, кто съ ними споритъ о церковныхъ догматахъ, подвергаетъ себя тѣмъ же самымъ анаѳематствованіямъ. Вина ихъ возрастаетъ и осужденіе ихъ становится еще большимъ потому, что не при изслѣдованіи новыхъ вопросовъ, но зная о рѣшеніи вопроса въ Церкви съ давнихъ временъ и подписавшись, они добровольно предались беззаконію, и это послѣ прохожденія ими должности учителей догматовъ Церкви и послѣ долгаго пребыванія въ этомъ ученіи. И другимъ образомъ оказываются они низложенными по божественнымъ канонамъ, именно какъ составляющіе сходбища и утруждающіе слухъ царскій ¹⁾. Наконецъ, имъ препятствуетъ вступать въ разсужденія съ духовными лицами и удаляетъ ихъ изъ священническаго собранія еще и нѣчто другое, — именно то, о чемъ нарочито говорилось на святомъ шестомъ вселенскомъ соборѣ, какъ это явствуетъ изъ соборнаго посланія Агаѳона, папы стараго Рима. Въ этомъ посланіи говорится: „кто изъ іереевъ пожелаетъ вмѣстѣ съ нами чисто-сердечно проповѣдывать содержащееся въ семъ ис-

¹⁾ Правила 11 и 12 Антиохійскаго собора

повѣданіи нашего смиренія относительно нашей апостольской вѣры, тѣхъ мы прие́млемъ какъ единомысленниковъ, какъ соіереевъ, какъ сослужителей, какъ единовѣрцевъ и, говоря кратко, какъ духовныхъ братьевъ и епископовъ нашихъ. А тѣхъ, которые не хотятъ съ нами соисповѣдать этого, мы признаемъ врагами каѳолическаго и апостольскаго исповѣданія, достойными вѣчнаго осужденія, и никогда не примемъ таковыхъ въ сообщество нашего смиренія, если они не исправятся. Пусть никто изъ нихъ не думаетъ, что мы преступимъ то, что приняли отъ нашихъ предшественниковъ“.

7. Достойными еще большаго осужденія, заслуживающими гнѣвъ Божій и недостойными покаянія и спасенія выставляетъ и являетъ ихъ то, что уже прежде говорилось вселенскимъ свѣтиломъ, украшавшимъ престолъ царствующаго града, Іоанномъ Златоустомъ въ толкованіи посланія къ Ефѣсянамъ божественнаго Апостола Павла, гдѣ содержится слѣдующее: „ничто такъ не можетъ раздѣлять Церковь, какъ властолюбіе. Ничто такъ не прогнѣвляеть Бога, какъ раздоръ въ Церкви. И хотя бы мы творили безчисленные добрыя дѣла, мы понесемъ наказаніе не меньшее наказанія истязавшихъ тѣло Его, если будемъ разсѣкать тѣло церковное, ибо то (истязаніе) было на благо вселенной, хотя и не по мысли убійць, а это (раздѣленіе) не приноситъ никакой пользы, а только великій вредъ. И это говорится мною не только начальствующимъ, но и подчиненнымъ. Одинъ святой мужъ сказалъ нѣчто кажущееся дерзкимъ, однакоже онъ произнесъ это. И, говорятъ, даже кровь мученичества не изглаждаетъ этого грѣха; ибо скажи мнѣ, для чего ты претерпѣваешь мученичество? Не для славы ли Христа? Зачѣмъ же ты вредишь Цер-

кви, за которую Христос предалъ кровь Свою? Послушай Павла, который говоритъ: *късьмь достоинъ нарецися апостолъ, зане гонихъ церковь Божию* (1 Кор. XV, 9) *и разрушахъ ю* (Гал. 1, 13). Вредъ этотъ не только не менѣе того, который причиняется врагами, но гораздо болѣе, ибо тотъ дѣлаетъ ее только болѣе блестящею, а этотъ постыжаетъ ее предъ врагами, когда она попирается ея собственными чадами. Вѣдь очевиднымъ знакомъ обмана ихъ служить то, что они, рожденные въ ней и воспитанные и наученные ея неизреченнымъ тайнамъ, безразсудно и неожиданно измѣняютъ ей и переходятъ къ ея врагамъ. Это я говорю противъ тѣхъ, которые свободно входятъ въ общеніе съ устрояющими въ Церкви раздоры“. Такъ говорить учитель.

8. Если они говорятъ о себѣ, что до настоящаго времени служили идоламъ, то и пусть считаются идолопоклонниками, пусть стоятъ въ качествѣ оглашенныхъ и не смѣшиваются съ христіанами. Полезно будетъ имъ и то, если они раскаятся въ томъ, что замышляли и дѣлали неразумно, такъ что хотя дѣянія ихъ и не были благоусмотрительны, но покаянiе ихъ будетъ принято въ Церкви. Если же они пребудутъ въ этой самой ереси и, можетъ быть, окажутся въ силахъ совратить и другихъ какихъ невѣждъ и простецовъ, станутъ возбуждать народъ и собирать толпы, то они суть внѣ священной ограды Церкви. Вѣдь если и совсѣмъ немногіе останутся въ православіи и благочестіи, то и тогда именно эти суть Церковь, и сила и власть церковныхъ постановленій пребудетъ у нихъ, хотя бы имъ предстала необходимость претерпѣть и гоненія за вѣру, кои послужатъ имъ только въ вѣчную славу и спасеніе души. Никакихъ споровъ относительно священныхъ иконъ

происходить не должно, ибо ученіе о нихъ появилось не съ недавняго времени, но обсуждалось уже давно и получило утвержденіе отъ собора. Въдѣ всякій догматическій вопросъ, возникающій въ Церкви Божіей, послѣ соборнаго обсужденія и провозглашенія прекращается и уже не допускаетъ никакого сомнѣнія. Такъ было на прочихъ святыхъ и вселенскихъ соборахъ.

9. А относительно нечестивыхъ опредѣленій Константина, кажется, самое лучшее — лицамъ, принадлежащимъ къ клиру не входить въ ихъ изслѣдованіе и разсмотрѣніе, ибо изъ доказательствъ, приводимыхъ въ его безбожныхъ сочиненіяхъ, одні, какъ принадлежащія писателямъ—еретикамъ, должны быть совершенно отвергаемы, а другія, какъ неправильно имъ толкуемыя, оказываются бездоказательными и къ дѣлу не относящимися. Если же между этими свидѣтельствами оказались нѣкоторыя идущія къ дѣлу (соборныя) книги, въ которыхъ говорится объ иконахъ, то Церковь для удостовѣренія благочестивѣйшаго императора нашего приняла ихъ и разъяснила. И какъ однихъ только удостовѣреній со стороны лицъ церковнаго клира недостаточно, то они (эти лица), опираясь на церковный обычай и правила, созвали вселенскій соборъ, чтобы архіереи и іереи прочихъ престоловъ приняли участіе въ обсужденіи и разсмотрѣніи подобныхъ книгъ и подъ водительствомъ божественнаго Духа провозгласили свои мнѣнія о нихъ. Необходимы также, и нынѣ сохраняются и дѣйствуютъ, правила святаго шестого собора, провозглашенныя благодатію божественнаго Духа,— и Церковь, принимая ихъ, по ихъ руководству караетъ вины лицъ священнаго сана. Уже выше ста двадцати лѣтъ имѣютъ въ ней силу эти каноны и упраздненіе ихъ причинило бы Церкви величайшій вредъ, такъ какъ многіе

проступки лицъ священнаго сана оставались бы безъ исправленія. Достоинство тѣхъ, которые ихъ изложили, а также ихъ численность и достовѣрность, лицъ извѣстны всѣмъ христіанамъ. Бывшіе въ то время свѣдѣніе патріархи и другіе епископы числомъ до 240 признали эти каноны и скрѣпили ихъ своими подписями. Съ ними былъ согласенъ и имъ содѣйствовалъ тогдашній императоръ Юстиніанъ ¹⁾, который своею подписью доказалъ, что онъ чтитъ преславную и пречистую вѣру нашу.

10. Посему развѣ не богохульно и не незаконно— не принимать такого множества іереевъ и не предпочитать предъ однимъ историкомъ? ²⁾ Повѣствуя о томъ, что было до собора ³⁾, они говорятъ, что честныя иконы существовали и что христіане почитали ихъ. И не себя въ образецъ поставили они, а видя изображенія и зная повѣствованія, высказались о нихъ на благоустройство Церкви и распространеніе и прославленіе благодати. Это доказываютъ и первенствующие престолы и тогдашніе цари и іереи, мыслившіе одинаково съ ними. Если же нѣкоторые пустословы

¹⁾ Императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ 685—695 г.

²⁾ Евсевіемъ Кесарскимъ.

³⁾ Для ясности рѣчи Никифора въ данномъ мѣстѣ необходимо представлять 82-е правило Трулльскаго собора, которое здѣсь имѣется въ виду. Оно читается такъ „на нѣкоторыхъ изображеніяхъ честныхъ иконъ живописуется агнецъ, указуемый перстомъ Предтечи, который былъ принятъ за образъ благодати, потому что посредствомъ закона предуказалъ намъ истиннаго Агнца Христа Бога нашего. Мы же, уважая древніе образы и тѣни, преданные церкви въ качествѣ символовъ и предвѣщаній истинны, отдаемъ предпочтеніе благодати и истинѣ, принявши ее, какъ исполненіе закона. Посему, чтобы и въ живописныхъ произведеніяхъ представлялось взорамъ всѣхъ совершенное, опредѣляемъ, чтобы на будущее время и на иконахъ начерчивали вмѣсто ветхаго агнца образъ Агнца, поднимающаго грѣхъ міра, Христа Бога нашего въ человѣческомъ обликѣ, усматривая чрезъ этотъ образъ высоту смиренія Бога—Слова и приводя себя на память Его житіе во плоти, страданіе, спасительную смерть и происшедшее отсюда искупленіе міра“

говорятъ. что каноны эти были обнародованы нѣсколько лѣтъ спустя послѣ шестого собора, то ученіе Церкви относительно этого нисколько не страдаетъ и промежутокъ времени не препятствуетъ имъ называться канонами шестого собора, ибо причиной ихъ (правиль) собранія было то обстоятельство, что ни пятый, ни шестой соборъ правилъ не издавали. Посему полезно и необходимо ихъ собрали и обнародовали для общей пользы Церкви. II (отцы собора) ни по числу, ни по достоинству ни въ чемъ не уступали, напротивъ преимуществовали (предъ отцами шестого собора), ибо на шестомъ соборѣ было около 170 отцевъ, а при составленіи правилъ 240.

11. Относительно почитанія святыхъ иконъ нашему благочестивому императору были предложены многія свидѣтельства святыхъ отцевъ, благодаря которымъ у всѣхъ должна была явиться непоколебимая увѣренность. Этихъ свидѣтельствъ соборъ имѣлъ цѣлыя книги, какъ со всею истинностію свидѣлствуютъ объ этомъ тѣ изъ присутствовавшихъ на немъ, кои живы еще доселѣ. Что же касается Евсевія Памфила, то во многихъ своихъ сочиненіяхъ онъ является чистымъ аріаниномъ, и особенно въ томъ письмѣ ¹⁾, гдѣ онъ высказывается противъ иконъ, оказывается, что онъ Сына Божія ясно называетъ вторымъ Богомъ, твореніемъ и слугою Отца. Кромѣ того онъ думалъ, что и человѣческій образъ, который принялъ Господь Богъ нашъ ради насъ, былъ растворенъ божествомъ Его и всецѣло измѣнился, что совершенно противорѣчитъ ученію Православной Церкви. Извѣстно также, что нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти онъ соборнымъ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ отцевъ ²⁾ былъ

¹⁾ Письмо Евсевія къ Констанціи, жень Ликинія

²⁾ Въ Александрии

изверженъ изъ Церкви, какъ аріанинъ, вмѣстѣ съ другими подобными еретиками, причемъ было выражено порицаніе и тѣмъ, которые совершали поминовеніе ихъ. Итакъ, пусть разсудитъ каждый изъ православныхъ христіанъ, можетъ-ли быть принять въ Церкви тотъ, кто изрыгаетъ такіа богохульства на Спасителя нашего Христа Бога и можно ли даже сколько нибудь похвалять его, какъ и Оригена и другихъ многихъ находящихся внѣ Церкви? При такихъ условіяхъ никто изъ благомыслящихъ не долженъ осуждать Церковь за замѣшательства, ни за вину и грѣхи тѣхъ, которые сами добровольно отдѣляютъ себя отъ Церкви, если только, по попущенію Бога, продлится это возстаніе противъ Его уставовъ и каноновъ. Какъ выше сказано, Церковь обыкновенно созываетъ вселенскій соборъ для устраненія всякихъ споровъ и для водворенія въ ней, по благоволенію и благодати Божіей, мира во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святаго отца нашего

НИКИФОРА,

БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

Слово въ защиту непорочной, чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы поклоняемся идоламъ.

1. *Время всякой вещи* (Еккл. 3, 1), наставляетъ насъ мудрое Соломоново изреченіе. устрояя здѣшнюю жизнь и направляя людей къ благополучію и пользѣ, такъ что не всегда бы они рѣшались на совершеніе дѣйствій неблагоразумныхъ и неблаговременныхъ и. руководясь неосмотрительно и безъ разбора своими соображеніями, по своей неразсудительности не впадали часто въ положеніе неожиданное и опасное. *Время, говоритъ, молчати и время глаголати* (Еккл. 3, 7); и уже съ дѣтства намъ внушается, чтобы мы научались не только дѣлать должное и говорить благовременно, но и знать мѣру въ каждомъ дѣлѣ и словѣ нашемъ. Если справедливо допускается, что „все имѣетъ подобающую мѣру“. то представляется необходимымъ также, чтобы разумъ основательно и тщательно взвѣшивалъ все и въ томъ, что ему кажется или представляется, всегда различалъ полезное отъ вреднаго. Руководясь этимъ и слѣдуя полезнымъ и священнымъ

законоположеніямъ, а также наставляемые и другими внушеніями божественнаго ученія, рѣшили и мы возможно лучше, осмотнительно и съ подобающею разсудительностію различать предметы. Хорошо знаемъ, что одно время для молчанія, а другое — для бесѣды, и не имѣемъ настолько дерзости и невѣжества, чтобы открывать неудержимый языкъ тамъ, гдѣ нужно *положить храненіе устамъ своимъ*, а съ другой стороны, чтобы, когда нужно говорить, не проходить молчаніемъ того, о чемъ хранить молчаніе не справедливо. Вслѣдствіе сего, оказавшись нынѣ въ такихъ смутахъ, видя опасность, отовсюду наступающую на Церковь Божію, особенно же наблюдая грозный для православныхъ водоворотъ нечестія и то, какъ бѣдствіе постоянно съ теченіемъ времени принимаетъ все большіе размѣры, мы нашли необходимымъ нынѣ *подвигнуть языкъ и изощрить трость*, чтобы нечестіе еретичествующихъ, какъ позорный столбъ и трофей, было отнынѣ извѣстно чрезъ описаніе послѣдующимъ поколѣніямъ, и чтобы нашъ настоящій трудъ, при помощи Божіей, оказался оградой и утвержденіемъ вѣрныхъ и благочестивыхъ. Не молчали мы касательно этого и прежде, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ молчаніи, а также потому, что опасались осужденія, угрожающаго предстоятелямъ за сокрытіе ученія. Итакъ, выступая на предстоящее состязаніе, постараемся прежде высказать кратко то, что считаемъ самымъ полезнымъ и необходимымъ въ настоящемъ случаѣ, и такимъ образомъ положить начало посильному осуществленію нашего предпріятія въ надеждѣ, что Богъ откроетъ уста наши, ибо ради Него это сочиненіе предпринято и ради праваго почитанія Его мы теперь выступаемъ на состязаніе.

2. Итакъ, братіе, вамъ, дожившимъ до послѣдняго

часа, и до коихъ *концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. 10, 11). по апостольскому изрѣченію (ибо слово наше ко всѣмъ вообще), — особенно же вамъ, далеко отдѣлившимся отъ нихъ по безпечности и себялюбію, не слѣдуетъ думать и заботиться ни о чемъ, кромѣ того послѣдняго и великаго дня, въ который наступитъ конецъ сего міра, надо ожидать его близкаго наступленія и помышлять о приближеніи той великой и страшной трубы, которая ясно, грозно и необычайно зазвучитъ съ небесъ въ слухъ всѣхъ. Послѣ нея нужно ожидать Судію всѣхъ, Господа и Бога всяческихъ со множествомъ блаженныхъ и безтѣлесныхъ силъ, грядущаго, какъ возвѣщается, съ небесъ со славой Отчею, приводящаго на судъ всю тварь и воздающаго каждому сообразно его жизни. И тогда того, кто рабски предавался только плотскимъ страстямъ и не помышлялъ ни о чемъ, что выше видимаго, онъ низринетъ во прахъ; а тотъ, кто возвышаясь духомъ, будущее прежде отшествія отсюда созерцаетъ какъ настоящее и окрыляется Божественною любовью, узритъ высшее блаженство. Особенно же слѣдуетъ наблюдать за самимъ собою, изъ числа нашихъ влеченій и склонностей предпочитать лучшія и полезнѣйшія, съ трезвою мыслию, чистыми помыслами и недремлющимъ окомъ души дѣлать все во славу Божию и для благоугожденія Ему и, говоря вообще, совершать путемъ исполненія заповѣдей со всякимъ тщаніемъ все, что касается спасенія души. Вслѣдствіе сего становится возможнымъ для исполнившихъ это достойно приступать и приближаться къ Нему, ибо они подражаютъ мудрымъ дѣвамъ, которыя зажгли свѣтильники, наполненные масломъ, чтобы быть готовыми встрѣтить жениха, приходящаго въ поздній часъ ночи, и посему приобрѣли несомнительную надежду возлежать въ желанныхъ и отвер-

стыхъ нѣдрахъ патріарховъ, кои суть именно блаженныя обители и наслѣдія. Сіе именно слѣдуетъ любить, въ этомъ упражнять свой умъ и не пещись ни о чемъ тлѣнномъ и вредномъ. Если мы такъ будемъ любомудрствовать, если рѣшимся такъ жить и настоящую жизнь станемъ считать достояніемъ смерти, то наслѣдуемъ неложныя обѣтованія Его и блаженство, уготованное хранящимъ слово Его. Но о семъ, хотя и кратко слово наше, вполне довольно и этого, ибо нѣтъ нужды подробно говорить объ этомъ, когда требуется теперь неотложная рѣчь о другомъ. Поведемъ бесѣду именно о произрастающихъ нынѣ терніяхъ и плевелахъ, всѣянныхъ ненавистникомъ, постояннымъ завистникомъ добра, не выносящимъ мира стада Христова,—среди чистаго хлѣба церковной нивы, который воспитало и возростило евангельское и отеческое ученіе,—и шипами нечестія начавшихъ сильно ранить проходящихъ по пути жизни.

3. Ученіе святой и единой истинной христіанской религіи нашей было опредѣлено уже давно и основаніе его было заложено мудрыми строителями вѣры нашей и глашатаями истины, божественными и славными апостолами, какъ уже издревле предъизображено и предначертано въ законѣ и у пророковъ, съ краеугольнымъ камнемъ Христомъ Богомъ нашимъ, Который для старающихся нынѣ потрясти Его является камнемъ преткновенія и скалой соблазна, а для насъ, построенныхъ на камнѣ семъ, какъ слышалъ блаженный глава учениковъ Слова (Мѡ. 16, 77), камнемъ краеугольнымъ честнымъ (1 Петр. 2, 6 — 7). вѣруя въ Который, мы никогда не постыдимся (Рим. 9, 33). Построенъ же домъ мудрости, какъ бы изъ золота и драгоценныхъ камней, изъ священныхъ и божественныхъ догматовъ, выработанныхъ и провозглашенныхъ

славными и богоносными отцами нашими, которые, какъ мужи дивные и боголюбезные, водимые Духомъ Божиимъ, блистали, собравшись на священныхъ и богоизбранныхъ соборахъ, и которые, какъ чистые и блистающіе своею жизнію, возвышеннымъ ученіемъ и мыслию, занимая священныя кафедры и со всею возможною твердостію держась праваго слова истины, превышали всѣхъ и всюду по вселенной сѣяли и объясняли ученіе благочестія, тернія же нечестія, пустившія корни, они посѣкали и заграждали и заставляли смыкаться уста еретичествовавшихъ, какъ говорившихъ и умышлявшихъ неправду противъ неба. Вслѣдствіе сего всѣми христіанами содержится и хранится единая вѣра и одно и тоже исповѣданіе. Да и что изъ относящагося къ благополучію и сохраненію человѣческой жизни, какъ въ догматахъ, такъ и въ дѣлахъ осталось не испытаннымъ и неизслѣдованнымъ въ безпредѣльной дали истекшаго времени? Мудро и человѣколюбиво въ теченіе временъ было устроено божественнымъ Промысломъ все, касающееся насъ: Такъ древнимъ нѣкогда данъ былъ въ помощь законъ, какъ нѣкій превосходнѣйшій дѣтководитель, который при посредствѣ нѣкоторыхъ начатковъ ученія приводилъ и направлялъ младенцевъ и еще не достигшихъ совершенства къ познанію Бога, такъ какъ болѣе совершенное ученіе для людей того времени было пока недоступно. Такъ и жившіе послѣ закона, исполненные Духа Божія, пророки и боговдохновенные мужи давали многочастныя и многообразныя нравственныя наставленія, соотвѣтственно тому, что дѣйствовавшій въ нихъ Духъ открывалъ имъ для пользы внимавшихъ. Но такъ какъ человѣкъ не могъ ихъ выполнить и нуждался въ большей помощи, то удостоился того, что пришелъ Глава законовъ и пророковъ. Не-

мощное бо закона, говорить Апостолъ, въ нелѣже немоществоваше плотію, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсъ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу (Рим. 8, 3—4). А первое и послѣднее злое порожденіе грѣха есть идолослуженіе и перенесеніе поклоненія съ Творца на тварей.

Такимъ образомъ Слово Божіе, сіяніе Отчей славы, совершивъ снисшествіе, благоволеніемъ Отца и содѣйствіемъ живоначальнаго Духа, облекшись въ нищету нашу, ибо по неизреченной благодати не могло допустить поврежденія въ твореніи рукъ Своихъ, содѣлалось человѣкомъ во всемъ, кромѣ грѣха, хотя бы христоробцы и не желали этого, пребывая въ то же время и совершеннѣйшимъ Богомъ,—и чрезъ крестъ, страданія и воскресеніе освобило насъ отъ узъ осужденія, избавило отъ страданій грѣха и, невидимаго тиранна лишивъ владычества надъ нами, возвратило насъ къ изначальному благосостоянію, дабы Приведшій къ бытію человѣческую природу по преизобильному человеколюбію своему даровалъ ей и благобытіе и созданный по Богу человѣкъ былъ совершенъ и благоустроенъ. Нѣкогда это провозглашали пророки, благовѣствовали апостолы, мужественно проповѣдывали мученики, а ихъ преемники и сотрудники—учители Церкви подвизались въ значительномъ расширеніи сего. Чрезъ всѣхъ этихъ (мужей), коихъ Богъ положилъ въ Церкви Своей, твердо укрѣпилъ все, относящееся къ жизни нашей, чтобы всякій, кто заботится о своемъ спасеніи, отсюда познавалъ лучшее и полезнѣйшее. Чего же станешь искать ты, человѣкъ, хотя бы ты былъ весьма пытливъ и проницателенъ умомъ, такого, что бы ты не усматривалъ уже какъ открытое и объявленное Духомъ? Не высоты ли богословія и возвы-

шенности догматовъ? Богатства ли благодати божественнаго домостроительства, неизслѣдимости судовъ Божіихъ? Наставленій ли касательно должныхъ дѣлъ и запрещеній того, чего слѣдуетъ избѣгать? Обѣтованій ли благъ, уготованныхъ достойнымъ людямъ, или славы, имѣющей открыться для живущихъ праведно въ страхъ Божию и сохраняющихъ заповѣди? Или угрозъ и наказаній, предстоящихъ постыдно и нечестиво живущимъ? И чтобы не перечислять частностей и не медлить словомъ,—развѣ изрѣченія богомудрыхъ (мужей), изобилующія премудростью и богодухновенностью, не превосходятъ всякое умозрѣніе и дѣйствіе?

4. Какая же нужда послѣ этого вдаваться въ пустословіе и неумѣстныя изысканія, выдвигать чудовищныя мнѣнія, наполненные великой пагубы и всеу изобрѣтаемая людьми, поработившими себя своимъ страстямъ и похотямъ, растлѣннымъ по тѣлу и душѣ, съ извращеннымъ смысломъ и умомъ, — тѣ мнѣнія, которыя по сей именно причинѣ уже были совершенно забыты, справедливо отвергнуты славными учителями Церкви и, разсѣянные также легко, какъ пыль бурей, почитателями добра и истины были преданы забвенію, какъ дѣйствительно достойныя забвенія? Итакъ, не слѣдуетъ увлекаться чужими и чуждыми голосами, ученіями людей нечестивыхъ, задолго прежде извергнутыхъ церковными соборами, какъ еретики и враги правой вѣры, и преданы ими анаѣмѣ, — и внимать тѣмъ, которые извращаютъ Писанія въ пользу своего богоненавистнаго ученія. Напротивъ, нужно удаляться и отвращаться отъ ихъ пустословія. Они давно уже болтаютъ, вводя въ заблужденіе больше себя самихъ, чѣмъ тѣхъ, которыхъ думаютъ обмануть, и тщетно утруждая уши своихъ слушателей. Дѣйствительно из-

слѣдующіе это говорятъ пустое и заблуждаются въ самомъ главномъ, ибо не для славы Божіей трудятся они и раздѣляющіе ихъ заблужденіе, а стараются къ своему позору нечестиво и неразумно утвердить собственное мнѣніе. Итакъ, пока нечестіе скрывалось въ своемъ убѣжищѣ, глубокой миръ обиталъ въ Церкви Божіей и все православные постоянно пребывали въ благодушій и твердости, съ которыми обычно соединяются благочестіе, чистота нравовъ и прилежаніе къ храмамъ, вслѣдствіе чего и богопочтеніе съ каждымъ днемъ возрастало. Но не могъ равнодушно смотрѣть на это драконъ преисподній, общій врагъ природы нашей и непріятель діаволъ, завистникъ и противникъ добра. Посему онъ вселяется въ уготованныя для него сосуды и въ орудія зла, чрезъ которыя задумалъ опустошить крѣпость пречистой вѣры нашей, — что онъ уже и древле устроилъ чрезъ змія для обмана проматери. Итакъ, что же (произошло)? Бушуетъ зло и стремительная буря нечестія поднимается и усиливается; нечестивцы становятся дерзкими; злые дѣлатели, послѣдователи отвратительной секты, какъ бы вынырнувъ изъ какихъ-то пропастей невѣрія, по пословицѣ, съ обнаженной головой выстраиваются противъ священныхъ нашихъ догматовъ, и искру нечестія, которую издавна скрывали въ своихъ душахъ, улучивъ время, какъ обычно бываетъ съ огнемъ, попадающимъ въ легко воспламеняющійся матеріалъ, разожгли и превратили теперь въ громадное пламя.

5. Но кто достойно оплачетъ душевную гибель людей, отмечающихъ вѣру, или представить страданія преслѣдуемыхъ за истину? По моему этого не слѣдуетъ проходить молчаніемъ, чтобы все знали отъ какого корня какія происходятъ произрастанія. Тѣ, о которыхъ рѣчь, постыдные и презрѣнные по жизни, обу-

реваемые страстями и растлѣнные по душѣ, съ умомъ превратнымъ и удобопреклоннымъ ко злу, даже доселѣ какъ это часто бываетъ во многихъ дѣлахъ, оставались въ неизвѣстности. Обманъ и лицемѣріе затѣняли еще ихъ злонравіе. Впрочемъ отъ нѣкоторыхъ, кои, благодаря долговременному обращенію, знали ихъ дѣянія, это не укрылось. Не будемъ говорить о другомъ, о чемъ можно слышать отъ видѣвшихъ и говорившихъ,—почему, на примѣръ, и ради какихъ другихъ и неблаговидныхъ дѣяній они, будучи прежде мірянами, превратились въ монашескій образъ, чтобы незамѣтно добиться священства и церковныхъ степеней. Отсюда необходимо было, чтобы люди, имѣвшіе нечестивые и достойные порицанія нравы, пріобрѣли сообразныя съ ними и мнѣнія касательно вѣры, ибо обычно слово соотвѣтствуетъ дѣламъ, такъ что одно указываетъ на другое. Затѣмъ они возлюбили пустую славу и ея домогаются болѣе всего. И замыслы ихъ для нѣкоторыхъ стали видны и ясны, какъ скоро они уловлены были въ произнесеніи такихъ словъ, что, если бы потребовалось, они продали бы и самую душу, лишь бы имѣть доступъ пировать въ царскихъ палатахъ, надѣясь обжираться тамъ. Таковы были главнымъ образомъ ихъ виды и намѣренія; ибо ничтожные люди, плотоугодники и невоздержные, обжоры, привязанные къ сибаритскимъ трапезамъ, какъ какіе наемники и паразиты, получаютъ плату чревомъ, *имѣ же богъ чрево и слава въ студѣ ихъ* (Филип. 3, 19). Рабы чрева и плѣнники плотскихъ удовольствій, они подчиняются плотскимъ желаніямъ и кормятся кушаньями отъ казны, тучно упитываемые. И дѣйствительно, помышляя плотское и живя по плоти, они, сгибая колѣна, поклоняются господину чреву, какъ другому Ваалу. И отсюда эти несчастные получаютъ плату за грѣхъ.

Они доходятъ до такой порочности, что въ новшествахъ вѣры находятъ удовлетвореніе своихъ страстей, презирая такимъ образомъ страхъ Божій и заповѣди, въ угоду чреву и глоткѣ и (земнымъ) властямъ, какъ думаютъ, которыхъ они предпочитаютъ, какъ написано, радовать своими пороками. По примѣру богоненавистнаго и нечестиваго Исава, который за одно кушанье отдалъ другому первородство, они продали нисколько не меньшее (первородства)—свободу вѣры и священства. О таковыхъ, безразсудно и вѣроломно промѣнявшихъ на подобныя пріобрѣтенія возвѣщенный имъ отъ Бога союзъ и правоту исповѣданія нашего, провозглашаетъ апостольское изреченіе: *горе имъ, яко въ путь Каиновъ поидоша и въ лѣсть Валаамовы мзды устремишася* (Іуд. 11). Вслѣдствіе этого, не желая идти благороднымъ и царскимъ путемъ, жалкіе, — они на подобіе дикихъ и неудержимыхъ коней устремляются на стремнины и тернія, какъ бы не помня себя и не понимая, что подлежатъ смерти. О нихъ вполнѣ справедливо со скорбію возглашаетъ приточное изреченіе: *О, оставившии пути правыя, еже ходити, въ путехъ тьмы! О веселящійся о злыхъ и радующійся о развращеніи злымъ! Ихъ же стези стропотни и крива теченія ихъ, ибо пріятно и отрадно имъ далече сотворити себя и другихъ отъ пути праваго и чуждыми праведнаго разума. Аще бо быша, говорятъ, ходили во стези благія, обрѣли убо быша стези правыхъ гладки.* (Притч. 2, 13—16 и 20).

6. Такъ какъ и они подлежатъ пророческимъ прещеніямъ, то пусть выслушаютъ, что говорилось нѣкогда порицавшимся, единомысленнымъ съ ними, Іудеямъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдиться ко вѣмъ* (Іер. 3, 3). Воздымаемые и надмеваемые порокомъ безстыдства и не повинуюсь велѣ-

ніямъ Господнимъ, глаголютъ же Господевѣ: *отступи отъ насъ, путей Твоихъ видѣти не хотимъ* (Іов. 21, 14). выступая съ лицомъ безстыднымъ и не краснѣющимъ,—какъ и мудрый Авситъ сказалъ, что тверда и непоколебима башня мужества, выставлѣющая на позоръ испорченность и глупость нечестивцевъ, преуспѣвающихъ въ жизни. Чтобы подтвердить это своими нечестивыми дѣянїями, они отвергли страхъ Божїй, презрѣвъ всѣ каноническія и богодухновенныя законоположенїя учителей, благоустроенныя при помощи Духа,—предавъ забвенію союзъ, заключенный у божественнаго алтаря, и отрекшись отъ исповѣданїя, съ чтенїемъ ¹⁾ котораго, не знаю какъ, по попущенію Божію, они были недостойно помазаны и провозглашено было имъ ²⁾ достоинство священства. Однимъ словомъ, отвергнувъ славную и непорочную вѣру нашу, они отторгли себя отъ великаго и недѣлимаго тѣла Церкви, какъ гнилыя и испорченныя члены, и безразсудно приложились къ сонму иномыслящихъ, уже издавна строившихъ козни противъ православной вѣры. Вмѣстѣ съ тѣми, коихъ нечестїе они уже прежде осудили ³⁾ и коихъ безчеловѣчіе и непотребства подвергли порицанію, они впали съ ними въ ту же самую гибельную пропасть. Они не чтутъ, не говоря уже о чемъ другомъ, даже святыи, честныи, божественнымъ внушенїемъ подвигнутый второй соборъ въ Никее, главномъ городѣ Византїи; и провозглашенное на немъ божественное опредѣленїе, исполненное истины и православїя, столь

¹⁾ Разумѣется исповѣданїе вѣры новопосвящаемымъ во время посвященїя

²⁾ Разумѣется публичное провозглашенїе архидіакона новопосвященному епископу.

³⁾ Осудили, подписавшись подъ опредѣленїями 7-го вселенскаго собора

еще недавнее и хорошо извѣстное,—и отказываются отъ собственныхъ подписей и изображеній животворящаго креста, которыя они подъ нимъ сдѣлали. *Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ: аще бо отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами.* (I Иоан. 2, 19), боговдохновенно провозглашаетъ громогласная труба богословія. Итакъ, что же? Надлежало, чтобы они, какъ скоро отказались отъ исповѣданія, лишились послѣ сего помазанія Духа, ибо невозможно отвергать вѣру, съ которою помазаны, и въ тоже время обладать дарами помазанія. Посему священное собрание церковное, когда увидѣло, что болѣзнь ихъ неотвратима и неизлѣчима, ибо сколь часто давали они ручательство Церкви, столько же изобличались и во лжи Духу Святому,—вполнѣ законно объявило ихъ лишенными священства, опредѣливъ отнюдь не совершать имъ никакого священническаго служенія и составивъ письменное постановленіе о низложеніи ихъ, какъ уклоняющихся отъ священныхъ каноновъ. Когда такимъ образомъ имъ было возбранено священнодѣйствовать предъ Богомъ, они постоянно собираются около царскихъ палатъ и тамъ, какъ настоящіе актеры, стали быстро готовить для себя сцену. Здѣсь они составляютъ незаконныя и суетныя сборища, здѣсь на подобіе представленій разыгрываютъ драмы нечестія, осмѣиваютъ божественныя предметы и не страшатся домостроеніе Спасителя всѣхъ насъ Христа представлять какъ комедію и театрално,—Кровь Новаго Завѣта, которою они искуплены, считаютъ обычнымъ предметомъ и неистово ругаются надъ священными символами его (завѣта), какъ обезумѣвшіе отъ опьяненія обманомъ и невѣріемъ.

7. Такъ какъ имъ свойственно было нечестивать и словомъ и дѣломъ, то эти богоотступники, смотря

по желанію, въ однихъ случаяхъ безчинствуютъ языкомъ, а въ другихъ, когда можно, оскверняютъ святыню нечистыми руками. Такимъ, или инымъ, или же тѣмъ и другимъ образомъ они усердно стараются совершать прегрѣшенія. Посему они составили коварный умыселъ противъ Церкви Христовой и задумали, даже болѣе—совершили нападеніе на святыхъ Его. О, какъ велико богатство долготерпѣнія Божія, снисхожденія и благодати! Зачѣмъ Онъ долготерпѣливо удержалъ тварь отъ яростнаго и стремительнаго нападенія на дерзость христорбцевъ? Для чего не попустилъ міровымъ стихіямъ придти въ такое состояніе, которое было бы справедливымъ для тѣхъ наказаніемъ? Вѣдь уже натянутъ и едва удерживается лукъ, который готовится сосудамъ смерти. Почему не насылаются мечъ острый и сверкающій и стрѣлы изощренныя, чтобы напиться и наполниться кровью нечестивыхъ,—звѣзды не перестаютъ свѣтить и не удерживаютъ своего теченія? Вѣдь эти преизобильные запасы человѣколюбія и благодати Божіей не дѣлаютъ лучшими неразумныхъ и не приводятъ къ сознанію дерзкихъ, а становятся напротивъ поводомъ и предложомъ поступать нечестиво. Какимъ же поэтому именемъ каждый здравомыслящій и имѣющій разумъ назоветъ это безбожное соборище? Что иное это, какъ не синедріонъ Каіафы и іудейская толпа, бѣсновашаяся нѣкогда противъ Христа? Вѣдь и теперь *князи земли собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Пс. 2, 3). Опять священники, книжники и фарисеи, опять совѣщанія о подобныхъ же предпріятіяхъ. Опять Христосъ поносится и бичуется, какъ прежде, во плоти явившійся Человѣколюбецъ, такъ и теперь, на иконѣ изображаемый Долготерпѣливецъ.

8. Слѣдуетъ особенное вниманіе обратить на то,

что какъ нынѣ поносимыя и уничтожаемыя иконы изображаютъ Господа, такъ и сами они (иконоборцы) ясно представляютъ собою распявшихъ Его Іудеевъ и ихъ злодѣйство, ибо какъ тѣ всячески старались убить Творца, такъ и эти прилагаютъ всякое тщаніе, чтобы уничтожить Его изображенія. Посему между тѣми и другими оказывается полное сходство, — и какъ наблюдается очевидное сходство въ этихъ дерзкихъ беззаконіяхъ, такъ конечно должны совпадать и соотвѣтствующія имъ качества лицъ и намѣреній. И никто на это не можетъ смотрѣть иначе, если онъ владѣетъ правильнымъ и неизвращеннымъ сужденіемъ о вещахъ и считается имѣющимъ здравый смыслъ, ибо совершенно необходимо будетъ придти къ этому неизбѣжному выводу, если безъ сомнѣнія вѣрно то, что слова соотвѣтствуютъ дѣламъ. Этого достаточно, чтобы кратко представить развращеніе и злонавіе этихъ нечестивцевъ. И это является уже третьимъ злодѣяніемъ противъ Спасителя всѣхъ насъ Христа. Кромѣ первоначальнаго и, такъ сказать, первообразнаго злодѣйства, Онъ понесъ потомъ въ наше время отъ единомышленниковъ съ Іудеями уже и второе и третье, именно въ священныхъ символахъ Его спасительнаго воплощенія. Развѣ это нельзя со всею справедливостію назвать башней, построенной въ долинѣ Сеннаарской? Вѣдь и та строилась съ злымъ умысломъ, такъ такъ Богъ отнюдь не желалъ и не одобрялъ сего. И вотъ поэтому языки сошедшихся тамъ смѣсились, какъ было опредѣлено въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ, и единство языка было уже отнято у нихъ, такъ что близкіе и единомысленные не понимали рѣчи другъ друга. Такъ разрушилось предпріятіе это и трудившіеся надъ нимъ разсѣялись по всей землѣ (Быт. 11 гл.).

9. Воздвигаемая же теперь нововводителями башня нечестія конечно гораздо болѣе отвратительна и безбожна, ибо создается не изъ обожженныхъ въ огнѣ кирпичей и асфальта, но устроается изъ богохульныхъ рѣчей и богопротивныхъ злоумышленій противъ славы Единороднаго и построяется съ коварною цѣлью разрушить и уничтожить согласіе Богомъ водимыхъ и соединенныхъ во единомъ исповѣданіи и единою душіи вѣры, по коей мы сходимся другъ съ другомъ въ Духѣ. Ихъ, конечно, богомысленно движимый Духомъ проклиналъ великій Давидъ, говоря: *потопи Господи, и раздѣли языки ихъ: яко видѣхъ беззаконіе и пререканіе во градѣ* (Пс. 54, 10), ибо возлюбили вся глаголы *потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ ихъ до конца и корень ихъ отъ земли живыхъ восторгнувъ преселитъ* (Пс. 51, 6—7). Это новые Янній и Ямврій, отображенія той нечестивой двоицы. Или это Именей и Александръ, *иже о истинѣ особенно погрѣшиста* (2 Тим. 2, 17)—нѣкая другая несчастная, единомысленная во злѣ и повсюду ославленная пара, запряженная удилами діавола и управляемая ею руками,—общество, устроенное подобно сыновьямъ Корея,—противники завѣта Христова, ложью изощрившіе коварные языки свои для противорѣчія истинѣ. Они оскорбляютъ не Моисея древняго и сѣновный законъ, заключенный въ письменахъ и начертанный на каменныхъ скрижаляхъ, ради коего мракъ, тьма и буря, и гора дымящаяся, и трубы, издающія ужасные звуки и устрашающія хотѣвшихъ приблизиться (къ горѣ) и коснуться, — но безстыдно выступаютъ противъ Самого Законодателя Христа, даровавшаго намъ новые и божественные уставы, и противъ закона, написаннаго въ духѣ и на скрижаляхъ ума не поверхностно, а глубоко начертаннаго

и усовершенствующаго духовнаго Израиля и тайноводствующаго его къ лучшей и возвышеннѣйшей жизни. Они также уничтожаютъ уставы, низшедшіе съ самихъ небесъ и являющіе намъ тайну домостроительства Царя Небеснаго, низшедшаго въ уничтоженіе, — отвергаютъ образы, посредствомъ коихъ возвѣщается и познается это уничтоженіе и (совершаютъ все то), за что апостольское изреченіе опредѣляетъ имъ осужденіе. *Отверглся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или трехъ свидѣтеляхъ умираетъ: koliko мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія, на честной иконѣ написаннаго, поправый, и кровь заветную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28—29), причемъ почитаніе образа конечно восходитъ къ первообразу? Итакъ, эти несчастные вкушаютъ плоды трудовъ своихъ и отъ божественной правды получаютъ, безъ сомнѣнія, достойное возмездіе.

Вы видите нашъ Вавилонъ и совершаемая въ немъ беззаконія. Опять старцы Вавилонскіе, и Вавилонское высокомеріе, и Халдейская спесь. Опять беззаконіе, вышло изъ Вавилона отъ старцевъ судей, которые мнили управлять народомъ. И дѣйствительно, то, что дѣлается теперь, обнаруживаетъ большое сходство (съ тѣмъ, что дѣлалось тогда), ибо и эти, неистовствуя постыдными вождѣльнѣями и гнусными страстями, устремляются къ подобному же беззаконію. пылая прелюбодѣйною страстью противъ честной Сусанны, тоестъ Церкви Божіей. Захвативъ чужія каѳедры, благодаря своей власти подѣли въ важнѣйшіе города и получивъ это въ награду за свою хулу на Бога, они точно также сочинили пустословное обвиненіе въ прелюбодѣяннѣи и невинную и непорочную обвинили въ идолопоклонствѣ. Ту, которую непороч-

ный Агнецъ, подъявшій грѣхъ міра, Христосъ стяжалъ Себѣ кровію Своею, и, исторгнувъ изъ заблужденія идольскаго, представилъ Себѣ истинно святою и славною, не имѣющею пятна или скверны или порока (Ефес. 5, 27).—они не устрашились оклеветать, приписавъ Ему слабость и безсиліе, какъ не возмoгшему искупить насъ отъ идольскаго безумія. И проповѣдь божественныхъ апостоловъ они стараются выставить тщетною и исполненною лжи, какъ и догматы святыхъ отцевъ нашихъ хотятъ представить пустыми и ненужными. И не только сами они поступаютъ гнусно, но даже вынуждаютъ и всѣхъ христіанъ содѣйствовать и сочувствовать ихъ безбожію и вмѣстѣ съ ними называть идолами священные и честные символы домостроительства Спасителя нашего. И если Духъ, который былъ въ Даніилѣ, доселѣ терпитъ такое легкомысліе ихъ, то или для того, чтобы они раскаялись въ своихъ безбожныхъ дѣяніяхъ, или же для того, чтобы, окончательно погрязнувъ въ таковыхъ беззаконіяхъ, они понесли за свою дерзость и безуміе достойное наказаніе. Справедливо можно удивляться тому, какъ велика ихъ порочность, — и до какой низости дошли они, такъ что тѣ, которые слывуть за священниковъ, высокомерно возсѣдаютъ на священныхъ каѳедрахъ, какъ свирѣпѣйшіе тиранны и жестокіе судьи, преисполненные гордыни и дышащіе неистовствомъ и безуміемъ. Ихъ окружаетъ воинская толпа меченосцевъ, бряцающихъ оружіемъ и помогающихъ имъ болѣе угрозами, чѣмъ разсужденіями.

Въ качествѣ помощниковъ и пособниковъ своего ученія они привлекали также выдающихся представителей цирковыхъ партій, какъ это достойно ихъ безчиннаго союза, ибо подобнымъ догматамъ нужны

такіе именно учителя и защитники. Присоединяются къ нимъ, какъ это бываетъ обыкновенно при такихъ нестроеніяхъ и безчинствахъ, и тѣ изъ принадлежавшихъ къ церковному клиру, которые были извергнуты въ наказаніе за каноническія преступленія свои, дабы грѣхъ въ нихъ содѣлался крайне грѣшнымъ (Римл. 7, 13). Нѣтъ недостатка у славнаго соборища этого и въ актерахъ и подвижникахъ сцены, которыхъ въ народѣ обыкновенно зовутъ мимами (подражателями). Есть и такіе, которыхъ они набрали въ помощь себѣ изъ среды торгашей и бродягъ съ перекрестковъ и развратниковъ изъ непотребныхъ домовъ, а также собрали вокругъ себя толпу всевозможнаго сброда изъ шарлатановъ и всякой дряни. А болѣе всего ихъ ряды украшаетъ не малое количество служившихъ нѣкогда въ воинскихъ отрядахъ, изъ которыхъ одни выслужили уже срокъ и оставили, а другіе прогнаны съ военной службы за какія либо преступленія и позорные поступки. Изъ нихъ большинство по великому своему невѣжеству и неразумію держалось древняго и нечестиваго ученія, почему они теперь и соединились, цѣня его выше всего. Лишенные царскаго жалованья, которое вмѣстѣ съ вооруженіемъ доставляло имъ и средства къ жизни, они дошли до крайней бѣдности и лишеній въ самомъ необходимомъ, такъ что явно нуждались рѣшительно во всемъ, поддерживая жизнь собираніемъ милостыни и тщательно слѣдя за тѣмъ, гдѣ бываютъ пиры и собранія, на которыя они слетаются, какъ птицы, чтобы облегчить тамъ свою нужду и стѣсненное положеніе. Всѣ они, какъ мы знаемъ, привыкнувъ ко всему худшему, всегда бываютъ недовольны настоящимъ, сочувствуютъ нововведеніямъ, поднимаютъ безпорядки, дабы среди замѣшательствъ

и смятеній достигъ какихъ либо выгодъ и пропитанія. Такимъ вождямъ такіе нужны и воины, ибо чрезъ нихъ они могутъ совершать все наихудшее и наипостыднѣйшее. О, горе, горе! Епископы, чернь, мимы и прочій неистовый сбродъ, собравшись вмѣстѣ, властно распоряжаются догматами Церкви!

Но когда такимъ образомъ сплотилась эта нечестивая и безбожная шайка, все пошло благопріятно для нихъ и дѣла церкви попали къ нимъ въ руки, то почему же и какимъ образомъ попустилъ это Богъ? Такъ какъ возженъ былъ огонь прегрѣшеній нашихъ и сильнымъ пламенемъ разгорѣлся очагъ беззаконій нашихъ и божественное правосудіе требуетъ съ насъ отчета въ нашихъ винахъ, то вслѣдствіе сего и возникло то опасное явленіе, что бразды священства управляются болѣе народно, чѣмъ духовно, ибо *душевные не принимаютъ того, что отъ Духа* (1 Кор. 2. 14), и непотребнымъ людямъ ввѣряются и предоставляются таинства церкви. Что же случилось и что мы видимъ? На сѣдалище Моисея возсѣли книжники и фарисеи (Матѣ. 23, 1), которые услаждаются страстями плотоугодія, одобряютъ пустыя мнѣнія и выдумки, напыщены фарисейскою гордынею, величаются предсѣдательствами и называются учителями, исполнены спеси и высокомѣрія книжниковъ. Впрочемъ тѣ по крайней мѣрѣ проповѣдывали народу то, что написано въ законѣ, хотя и не желали исполнять того, что говорили, почему Христосъ и повелѣвалъ творить то, что они говорили, и запрещалъ подражать ихъ дѣламъ. Эти же ни говорятъ, ни дѣлаютъ того, что предала истина, а напротивъ словомъ и дѣломъ противятся благодати. Посему неизвѣстно еще, чья вина (т. е. фарисеевъ или иконоборцевъ) тяжелѣе. Затѣмъ, употребляя ласковыя рѣчи, безъ

всякаго стѣсненія, они охотно изрыгаютъ изъ своего грязнаго и сквернаго сердца нечистые и зло-вредные или, лучше сказать, нечестивые звуки. Подобно послушнымъ и скромнымъ копыеносцамъ они весьма поспѣшно исполняютъ приказанія приводить однихъ подсудимыхъ, а другихъ выводить изъ судилища, и — какая дерзость и какое безстыдство! — однихъ принимаютъ съ благоволеніемъ, а другихъ высылаютъ съ оскорбленіями и (совершаютъ) многое другое, достойное того безумнаго фарисейскаго судилища. Презираютъ они и святыхъ отцевъ нашихъ и учителей Церкви и хульно утверждаютъ, что по добродѣтели и близости къ Богу они ни въ чемъ не отличаются отъ прочихъ людей, обращаясь съ каждымъ изъ нихъ, какъ бы съ кѣмъ либо изъ обыкновенныхъ людей, — и священныя книги ихъ, содержащія ихъ божественное ученіе, они кладутъ себѣ подъ ноги, нечестиво употребляя ихъ вмѣсто ступеней. А себя эти плотяные философы возводятъ въ мудрецовъ, — пустословы отъ своихъ приспѣшниковъ удостоиваются названія богослововъ и скверноустые — златоустыхъ.

Разсмотримъ же теперь, почему это такъ. Эти несчастные отнюдь не думаютъ приводить себѣ на умъ заповѣдь, повелѣвающую: *не прелагай предълзъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои* (Притч. 22, 28). Въ отношеніи же къ евангельскимъ реченіямъ Господа, съ Которымъ они борятся и Котораго поносятъ, они оказываются подобными, по словамъ Псалмопѣвца, аспиду глухому и затыкающему уши предъ заклинателями (Пс. 57, 5—6). Реченія же эти за соблазнъ даже и одного изъ малыхъ уже увѣровавшихъ опредѣляютъ тягчайшее наказаніе, именно: болѣе полезно для него было бы, если бы повѣсили ему на шею жерновъ мельничный

и ввергли бы въ глубину морскую (Мѡ. 18, 6). Итакъ чтоже? Развѣ не должны подвергнуться еще болѣе ужасному наказанію они, — хитростію и коварствомъ обманувшіе и совратившіе такое множество, которое можетъ быть сравнено съ морскимъ пескомъ? Вѣдь они стремятся, чтобы не одинъ, два или три, а всякій человѣкъ, находящійся подъ державою Римской, принялъ въ душу свою заразу ихъ развращающаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ будутъ падать чужія души тѣ, которые не падаютъ своихъ и впали въ совершенное отчаяніе? Поэтому справедливо услышатъ они вмѣстѣ съ книжниками и фари́сеями: *горе вамъ, яко затворяете царствіе небесное предъ человеки: вы бо не входите, ни входящимъ оставляете внити* (Мѡ. 23, 13). Такимъ образомъ, ниспровергнувъ всѣ обычаи церковные, законы и таинства, они извращаютъ прямые пути Господа. И если въ день суда мы дадимъ отвѣтъ за каждое праздное слово, то какого же наказанія не понесутъ они за поддерживаемое ими превратное и нечестивое ученіе, когда великій умъ Павла повелѣваетъ намъ остерегаться 'отъ соблазна даже и для внѣшнихъ (1 Кор. 10, 32), о справедливомъ осужденіи которыхъ онъ сказалъ раньше. Хорошо сказано, что нечестивые на все дерзаютъ: и вотъ, наконецъ, выступаютъ и показываются сѣти для'уловленія человѣческихъ душъ—книги, въ теченіе долгаго времени сочинявшіяся и назначавшіяся для этой цѣли.

10. Къ прежней хулѣ на Христа христоробцы какъ бы сногдательно прибавляютъ другую не меньшую этой, именно, что Онъ воспринялъ неописуемое тѣло,— и стараются подтвердить это, заимствуя все содержаніе своего проклятаго ученія изъ средствъ изобрѣтателя и отца отступничества. Присутствуя при перво-

начальномъ возникновеніи этой нечестивѣйшей изъ ересей, онъ сначала собралъ изреченія, частію заимствованныя изъ реченій Св. Духа, а частію мудро составленныя блаженными отцами нашими съ одной стороны для опроверженія заблужденій гнуснаго идолопоклонства, а съ другой для обличенія невѣрія и безумія народовъ, не знающихъ единого Бога. Повыбравъ эти изреченія злонамѣренно и бессмысленно и, говоря сущую правду, замаравъ идольскими нечистотами душу свою, приложилъ ихъ къ священнымъ иконамъ. А потомъ, въ послѣдующемъ развитіи ереси, онъ завершаетъ свое дѣло, вооружившись, глупецъ, безумнымъ ученіемъ аріанъ и неистовымъ суевѣріемъ манихеевъ.

11. Вотъ чѣмъ пользуются эти знаменитости для подтвержденія своего ученія. Такъ какъ приготовить что-либо свое они не могутъ, будучи не въ силахъ прямо смотрѣть на сіяніе истины, то считающіеся у нихъ въ священномъ санѣ не стыдятся принимать странное и чуждое христіанскаго образа мыслей ученіе людей, принадлежащихъ къ мірянамъ, и притомъ нечестивыхъ и скверныхъ. Такимъ образомъ, отпавъ отъ славы Божіей, они оказались плѣнниками чело-вѣческой суетности. Вслѣдствіе этого, разъ преклонившись предъ золотымъ изображеніемъ, они не выносятъ уже поклоненія иконѣ Христа. Впрочемъ разсужденіе о томъ, что такое идолопоклонство и кто суть идолопоклонники, почитаю излишнимъ, такъ какъ это совершенно ясно и понятно для каждаго, кто любитъ правду и хотя немного постигаетъ сущность дѣла. Что же касается соединеннаго съ нею безбожія аріанъ, то оно содержитъ скрытое нѣкое и не совсѣмъ явное коварство нечестія и поэтому нелегко многими понимается, ибо лжемудрыми изреченіями и хитро

сплетенными разсужденіями, изобрѣтенными для этой цѣли, туманомъ ложнымъ умозаключеній и убѣдительностію оборотовъ краснорѣчія легко могутъ отторгать и увлекать простецовъ въ свое ученіе. Вслѣдствіе этого я и счелъ достойнымъ поговорить немного и о немъ и о главныхъ представителяхъ для вразумленія и пользы незнающихъ. Каковы же самыя эти книги и каково (содержащееся въ нихъ) ученіе. объ этомъ сейчасъ начинаю говорить.

12. Кто не знаетъ богоборную и безбожнѣйшую ересь мерзостныхъ эріанъ, которую породилъ соименный этому безумію Арій ¹⁾,—а также составляющихъ это неистовое и неразумное сборище?—Этихъ безумцевъ. отвергающихъ божество живаго и ипостасно существующаго Бога Слова, старающихся представить Его иноприроднымъ сущности Бога Отца, думающихъ нечестиво отторгнуть Его отъ Отчей славы и низводящихъ несравненныя преимущества Его владычней природы въ низкое состояніе рабскаго творенія? Кромѣ того они клеветуютъ на божественное и преестественное воплощеніе Слова и ложно утверждаютъ, что оно совершилось призрачно и неистинно, держась неистовства Манихеевъ и безумія Валентина. Кто не знаетъ, кому хотя не много извѣстна литература и кто знакомъ съ исторіей, главу ихъ и вершину? Это,—нечестивый Евсевій Кесарійскій, который наговорилъ много хульнаго на божество Слова, а также не мало пустаго и нечестиваго высказалъ противъ божественнаго домостроительства Спасителя, коего сочиненія, исполненные его проклятыхъ мнѣній, существуютъ до

¹⁾ Ἀρειος ἀπὸ τοῦ Ἄρειος, отъ имени Ареса, бога войны,—символь бурной военной ярости и суровой храбрости

сего дня. Онъ старался превзойти не только Арія, своего учителя и виновника этого отступничества, но и всѣхъ другихъ, попиравшихъ славу Единороднаго, ибо онъ обвиняется въ томъ, что, поклоняясь тварямъ и воздавая созданію почтеніе, подобающее одному Богу, онъ оказался явно идолопоклонникомъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ и славные богоносные отцы наши ¹⁾. Вполнѣ естественно было, что и приверженцы и ученики его раздѣляли мнѣніе учителя. Онъ наставлялъ ихъ, что тѣло Христово нельзя изображать, разсуждая объ этомъ поистинѣ какъ грезящій во снѣ. Но кто не знаетъ всего, что касается до Евсевія? Кому не извѣстно это, хотя бы онъ даже былъ изъ простецовъ и неученыхъ? Пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ многочисленное и богоизбранное собраніе въ Никее, разумѣю священный соборъ богоносныхъ и дивныхъ мужей, дѣйствовавшій во всемъ по внушенію божественнаго Духа, низложилъ и отторгъ отъ Церкви приверженцевъ Аріанской ереси, объявивъ ихъ отлученными со всѣми ихъ новоизмышленными и чуждыми догматами. И хотя Евсевій съ притворнымъ смиреніемъ и присоединился къ православной вѣрѣ, желая укрыться, однако онъ опять возвратился къ своему образу мыслей, какъ это бываетъ съ молодыми побѣгами, когда они вырываются изъ руки, ихъ наклоняющей. Подобное же нѣчто ухищрялся дѣлать и нечестивый Арій, такъ что нѣкоторые, коимъ было неизвѣстно его коварство, въ теченіи долгаго времени удостоивали совершать о немъ память, считая его принадлежащимъ къ сонму православныхъ, доколѣ собравшійся въ Александріи

¹⁾ Есть извѣстіе, что Евсевій во время гоненія, заключенный въ темницу, привесъ жертвы богамъ изъ страха наказанія. См. Епифанія *О ересьяхъ* 68, 7.

соборъ не подвергъ ихъ каноническимъ запрещеніямъ, опредѣливъ, что никому изъ благочестивыхъ христіанъ не подобаетъ ходить (въ храмы) въ день памяти Евсеія.

Говорить ли о другихъ, послѣ нихъ бывшихъ, богоносныхъ отцахъ, наставникахъ правой вѣры и ученія, какъ они весьма храбро и мужественно подвизались въ борьбѣ съ этимъ заблужденіемъ? Для одного только перечисленія ихъ сочиненій и книгъ потребовалось бы много времени и труда. Такимъ образомъ, уже столь давнее время изгнанный изъ священнаго двора нашего, Евсеій теперь у нихъ предсѣдательствуетъ въ качествѣ главы ученія, или вѣрнѣе сказать, глупости. Несчастные величаются и гордятся его догматами и выставляютъ и самому ему (ложно) приписанныя нелѣпыя изреченія, не согласныя ни съ истиной, ни другъ съ другомъ. Таково ужъ свойство лжи. Какихъ-либо цѣлыхъ книгъ у нихъ до настоящаго времени совсѣмъ не оказывается. Тѣхъ же, кого они осмѣливаются самовольно именовать отцами и объявляютъ первоначальниками своего пустословія, мы потомъ изобличимъ въ пустословіи и ничтожествѣ ихъ невѣрія, если Богу будетъ угодно и если нашему труду окажетъ благоволеніе и помощь Тотъ, Кто можетъ изощрять языкъ нѣмого, укрѣплять ослабѣвшіе и немощные члены, такъ что и хромою вскакиваетъ какъ олень и прекрасными и крѣпкими оказываются ноги благовѣствующихъ миръ Церкви Бога нашего. Но перейдемъ къ вопросу, который подлежитъ обсужденію.

13. Такъ какъ замыслы ихъ представлялись имъ трудно осуществимыми, то чтоже они дѣлаютъ для того, чтобы не казались опирающимися только на ученіе лицъ, находящихся внѣ Церкви, говорящими для

многихъ необъдительно и не достигающими своей цѣли? И до чего доходить ихъ коварство? Къ мутному и горькому потоку еретичесствующихъ они подмѣшиваютъ сладкій и чистый источникъ истины, подобно тому какъ издавна дурные торговцы портятъ вино, смѣшивая его съ водою. Вырывая нѣкоторыя изреченія богослововъ, отцевъ нашихъ, которые возжгли свѣтъ истины міру, изъ цѣлаго содержанія ихъ книгъ, они причисляютъ ихъ къ своему заблужденію. А быть можетъ они не въ силахъ понять заключающійся въ тѣхъ изреченіяхъ смыслъ, ибо предварительно они не очистили гноя съ своихъ душевныхъ очей. Или же на погибель свою и обманываемыхъ ими произвольно приводя и толкуя ихъ, они искажаютъ и поддѣлываютъ слово истины, готовятъ приманку для крючка и такимъ образомъ авторитетомъ лицъ эти шарлатаны увлекаютъ и обольщаютъ простыхъ слушателей своихъ, усыпленныхъ скрытымъ коварствомъ нечестія. Эти изреченія отцевъ—ясныя, безспорныя и доступныя пониманію каждаго, они урѣзываютъ, переиначиваютъ и коварно замалчиваютъ предъ тѣми, кои вовлечены въ ихъ замыселъ. О, ослѣпленіе и ожесточеніе! Они не сознаютъ и не понимаютъ, что дѣлаютъ,—вслѣдствіе этого блуждаютъ въ глубокомъ мракѣ и не хотятъ взирать на сіяніе истины. Если бы они понимали, то никогда бы не презрѣли Господа славы.

14. Что можетъ быть тягостнѣе и вреднѣе этихъ замысловъ? Что можетъ быть несноснѣе и непріятнѣе этого раздѣленія? Давно совершенно уничтоженную и изгнанную съ языка христіанъ ересь они, неразумные, теперь селятъ снова возжечь и оживотворить. Этимъ занимаются и этого добиваются ея радѣтели. Они даютъ врагу доступъ для нашего обольщенія

дабы то, чего нѣкогда не въ состояніи былъ онъ достигнуть даже чрезъ распинателей Господа, обрѣвши себѣ такихъ помощниковъ и служителей своего нечестія, совершить это среди насъ. И вотъ теперь сверху до низу протканный честною кровію Христа хитонъ разрывается и раздѣляется, и величайшее изъ благъ миръ и единомысліе нарушается и гибнетъ. Ужасно то, о чемъ повѣствуется и о чемъ мы слышимъ изъ древнихъ временъ: царство Давида, распавшееся и раздѣлившееся; возстаніе колѣнъ, бывшее слѣдствіемъ неповиновенія и дерзости сына; Израиль, разбѣгающійся по шатрамъ своимъ; Іеровоамъ, рабъ со скипетромъ и отступникъ на тронѣ; борющаяся съ Іерусалимомъ Самарія, откуда полагается начало золь; народъ, наученный поклоняться твари вмѣсто Творца и устремившійся нечестиво къ идолослуженію. Но еще ужаснѣе то, что дѣлается и что мы видимъ теперь, когда царство Христово разсѣкается и раздѣляется, члены возстаютъ противъ тѣла Христова и даже противъ Самой Главы, — *языкъ святъ, царское священство, люди въ снабдѣніи* (1 Петр. 2, 9), предназначенные возвѣщать божественную силу, провозглашать яснымъ и громкимъ голосомъ величіе божественнаго домостроительства, исповѣдывать благодать избавленія и искупленія, обратились въ противную сторону и, въ большинствѣ увлеченные служителями зла, оказываются совершенно безпомощными и пребывающими во мракѣ, хотя были посѣщены Востокомъ свыше (Лук. 1, 78), и впадаютъ въ пропасть невѣрія — эти поистинѣ неблагодарныя твари, новые и неразумные Іудеи. Сколь велико различіе между тѣмъ и другимъ, это можетъ уразумѣть каждый: въ первомъ случаѣ колебанія и несогласія во мнѣніяхъ имѣли мѣсто въ отношеніи къ земному, перстному, скоропреходящему

и непрочному, а во второмъ — въ отношеніи къ самому небесному и вышнему царству и славѣ, которыхъ мы не достойны зрѣть, хотя намъ и обѣщаетъ все это православная вѣра въ случаѣ, если дѣла наши будутъ соотвѣтствовать вѣрѣ.

Такимъ образомъ нѣчто подобное случилось и въ настоящее время, когда новое и незаконное собраніе, какъ другая Самарія, отдѣляется отъ новаго Іерусалима, т. е. Церкви. Возсѣдаютъ гордецы съ надменнымъ сердцемъ и служатъ залотымъ тельцамъ—этому второму идолопоклонству, страсти сребролюбія, ибо раболѣпствуютъ суетной славѣ міра. Не отказываются быть народомъ Ефраима и противостоятъ горѣ Сіону, т. е. нашему возвышенному богословію, выставляя противъ него свое пустословіе и ничтожное сбивчивое ученіе, которымъ многихъ съ помощію софизмовъ и ложныхъ умозаключеній увлекаютъ въ свою пропасть. Много есть нерадивыхъ съ легко увлекающимся умомъ, нетвердыхъ въ вѣрѣ, которые взираютъ только на настоящее, домогаются мірской славы, полагаютъ свое счастіе въ этомъ мірѣ и, побуждаемые всѣмъ этимъ, какъ плѣнники, оставляютъ Іерусалимъ, переходятъ къ жертвенникамъ достойныхъ посмѣянія боговъ, входятъ въ разбойничью пещеру служителей безстыдства и тамъ гибнутъ, навлекая пагубу на свою душу. Всякій желающій наполняетъ руку дарами, а душу преступленіями и нечистотой, или нечестиво рукополагается во служителя неба, или добровольно преклоняетъ колѣна предъ богиней плотоугодія Астартой. Послѣ того какъ ловцы захватятъ ихъ въ свои сѣти, имъ предлагаютъ награды, обѣщаютъ доступъ и хорошій пріемъ во дворцѣ, возбуждая въ нихъ блестящія надежды, ободряютъ ихъ похвалами, награждаютъ и, сдѣлавъ ихъ своими едино-

мышленниками, выказываютъ имъ всякое благоволеніе.

15. Но много есть и мужественныхъ умомъ, сильныхъ благочестіемъ, ревнителей доблестныхъ дѣлъ, которые, будучи непреклонно и непоколебимо честны, презрѣли все это. Глубоко презирая эти домогательства, какъ исполненныя обмана и безразсудства, они подвергаются за это насиліямъ, всячески притѣсняются и даже противъ воли схватываются, какъ острожники и преступники. Отказываясь отъ общества съ ними и гнушаясь сочиненныхъ ими басней, они однако не освобождаются отъ ихъ лукавыхъ домогательствъ. Сначала убѣждая льстивыми словами, обманщики и клеветники пытаются увлечь ихъ обѣщаніями большихъ даровъ, усиливаются заставить ихъ прежде всего подписаться къ нечестивой формулѣ и, при обѣщаніи блага и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ угрозою бѣдствій, предлагаютъ имъ на выборъ то или другое. Когда же увидѣли твердость и непоколебимость ихъ вѣры и что они ни въ чемъ не поступятъ согласно ихъ желаніямъ, тогда обращаются къ разслѣдованію ихъ жизни и возводятъ на нихъ обвиненія, о которыхъ оклеветанные даже и слухомъ не слыхали. Теперь пускаются въ дѣло уже не обѣщанія, а страшныя наказанія, именно: заключеніе, тяжелыя заточенія, голодъ и ужасныя истязанія. Есть такіе, которые, послѣ наказанія ударами по спинѣ и разныхъ другихъ истязаній, потомъ присуждаются къ долгимъ и тяжелымъ ссылкамъ, направляемые въ мѣста суровыя и невыносимыя, которыя по своей дикости, отсутствію удобствъ для человѣческаго существованія и тѣснотѣ, кажутся предназначенными для того, чтобы держать въ плѣну подвергающихся насильственнымъ мученіямъ. Къ како-

вымъ были присоединены и тѣ, которые содѣйствовали этому, ибо плѣнниковъ сопровождалъ отрядъ государственной стражи, которая имъ прислуживала. Въ такомъ положеніи были первѣйшіе изъ епископовъ, храбро защищавшіе православное ученіе. Есть и ниже ихъ стоящіе по достоинству, но одинаково съ ними поддерживавшіе честную вѣру. Правда, ихъ не много осталось въ Церкви Божіей, но они подобны теплящейся искрѣ, которая въ свое время отъ божественнаго дуновенія разгорится въ пламя и погруженныхъ во мракъ невѣрія приведетъ къ духовному свѣту,—чтобы и намъ можно было сказать согласно съ пророческими словами: *аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ стѣмене, яко Сидонъ убо были быхомъ и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Ис. 1, 9).

16. Среди низшаго клира оказывается много людей трусливыхъ, нетвердыхъ, приспособляющихся ко времени и обстоятельствамъ и мѣняющихся подобно хамелеону, который, говорятъ, легко мѣняетъ свою окраску, съ быстрою перемѣною цвѣтовъ соединяя скорость движенія, чтобы посредствомъ разнообразнаго вида укрываться отъ встрѣчающихся съ нимъ. Такимъ образомъ, склоняясь предъ силой, они оказываются во власти притѣснителей, хотя и недобровольно. Нѣкоторыхъ изъ нихъ до того обуяло себялюбіе и изнѣженность и они ведутъ себя такъ по дѣтски, *влающиеся и скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи челоувѣчестѣй въ коварствѣ козней лщенія* (Ефес. 4, 14), что когда имъ предполагаютъ одно изъ двухъ: или нанести ущербъ душѣ или лишиться мѣсть, они дерзаютъ говорить, что избираютъ первое, подвергаютъ опасности свое спасеніе и думаютъ, что не дѣлаютъ ничего страннаго. Дѣлающій это не достоинъ ли слезъ? Не заслуживаетъ ли это печали и плача?

И если люди не будутъ плакать, то бездушная тварь будетъ скорбѣть и стенать. И какому же суду они не подлежатъ? „Ибо если Богъ, какъ посредникъ, говоритъ богословскій языкъ ¹⁾, скрѣпляетъ договоры людей между собою, то какова же опасность, когда мы являемся нарушителями договоровъ, заключенныхъ нами съ Нимъ самимъ, и оказываемся виновными не только во грѣхахъ, но и даже во лжи предъ Истинной“? Павелъ (не будемъ говорить, сколько онъ, подвигаемый любовью ко Христу, возмогъ перенести) претерпѣлъ всевозможныя скорби, гоненія и опасности, и его не могли *ни настоящая, ни грядущая, ни иная тварь разлучити*. (Рим. 8, 38—39). Такова была теплота его любви, что даже дерзалъ молиться, чтобы быть, въ нѣкоторой мѣрѣ, отлученнымъ отъ Христа (Рим. 9, 3). Эти же не могутъ перенести даже простаго поношенія ради благочестія. Но прощаясь со всѣмъ этимъ, они льнутъ только къ матеріи, погружаются въ страсти плотоугодія и нисколько не думаютъ устремлять свою мысль горѣ. Какъ будто они спѣшатъ домой, чтобы поскорѣ видѣть свои поля и дорогія имѣнія, или любимый виноградникъ, — посмотреть, сколько у нихъ вожелѣнной земли, вспаханной и оставленной подъ паръ. — вычислать по пальцамъ доходы съ нея, или взглянуть на отборныхъ коней и муловъ, красивыхъ и упитанныхъ, хорошо ли ихъ объѣзжаютъ наѣзтники, хорошо-ли они бѣгутъ, носятъ сѣдла и годны ли къ ѣздѣ, — въ хорошемъ ли состояніи находятся волы, пахущіе землю, какъ и всякій другой скотъ, находящійся на пастбищахъ и въ стадахъ. Не лишне сказать и о томъ, какъ усердно хлопочутъ они о пышности и красотѣ

¹⁾ Григорій Назіанзинъ въ словѣ 40 о крещеніи.

верхняго платья, хитоновъ и плащей и, вообще говоря, направляютъ свое честолюбіе на настоящую пустую славу. Съ такимъ дурнымъ направленіемъ ума, прилѣпившись любовію къ преходящему и текущему (ибо чѣмъ кто побѣждается, тому и рабствуетъ), они измѣняютъ благочестивой вѣрѣ и спасенію, т. е. главнѣйшему изъ всего. Они такъ же легко уловляются сѣтями беззаконныхъ, какъ звѣри, попадающіе въ сѣти охотниковъ. Павелъ могъ бы удивляться болѣе этимъ, чѣмъ Галатамъ (Гал. 1, 6), ибо они такъ скоро оставили разъ преданные намъ, свыше и отъ отцевъ снисшедшіе, божественные и священные догматы и всегда непрерывно господствовавшіе и пребывавшіе установленія и обычаи. И не вспомнили слѣдующихъ словъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріѣдете, анагема да будетъ* (Гал. 1, 9). Таково ихъ положеніе и такъ оно горестно.

17. Но время обратить слово къ начальникамъ нечестія; а также надо рассмотреть, не будетъ ли тоже самое относиться и къ другимъ. Итакъ, отпавъ разъ отъ истины, опираясь неразумно на свои послѣдніе сужденія, они сочиняютъ ложь, насколько хватаетъ ихъ силъ. задаются глупыми и странными вопросами, выдумываютъ бабы и ребяческія басни, не согласныя ни съ истиной, ни сами съ собой, переизслѣдуютъ изслѣдованія, которыя не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія, не понимая ни того, что говорятъ, ни того, что утверждаютъ. Вопросы (которыми задаются они) изобрѣтены ими на пагубу себѣ и слушателямъ, чтобы дать отвѣтъ не только за свою погибель, но и за вредъ, причиняемый послѣднимъ. Ихъ злобу и погибель предвозвѣстило уже Св. Писаніе, — къ нимъ можно приложить съ полнымъ правомъ слѣдующія мѣста изъ него. Когда глашатай евангелія и учитель божест-

венныхъ тайнъ предвидѣлъ въ духѣ ихъ злобу, то провозгласилъ пророчески, что *внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящїи стада. И отъ васъ самѣхъ возстанутъ мужїе глаголющїи развращеная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. 20, 29—30). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что *таковѣи лживи апостолы, дѣлателе лстивѣи, преобразующесе во апостолы Христовы. И не дивно: самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла. Не веліе убо, аще и служитѣліе его преобразуются яко служителіе правды: имъ же кончина будетъ по дѣломъ ихъ* (2 кор. 11, 13—15). И не Духъ-ли, замѣчаетъ онъ, явственнъ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, *внемлюще духовомъ лестчимъ и ученїемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію* (1 Тимов. 4, 1—2). И затѣмъ: *въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо чловѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горди, хулницы, родителемъ противляющїися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительни, клеветницы, воздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предатели, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы, имущїи образъ благочестїя, силы же его отвергшиися* (2 Тим. 3, 1—5). Якоже *Іанній и Іамврій противистася Моисею, такожде и сіи противляются истинѣ, чловѣцы растлѣнни умомъ и неискусни о вѣрѣ. Но не преуспѣютъ болѣе: безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ* (2 Тим. 3, 8—9). И опять въ другомъ мѣстѣ: *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дѣло благое неискусни* (Тит. 1, 16). И если Богъ оставитъ и попуститъ преуспѣвать нечестивымъ, то слово ихъ яко *гаггрена жиръ обрящеть... и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру. Твердое убо основаніе Божїе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущїя своя, и: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим.

2, 16—19). Знаемъ, что Богъ милосердъ къ нимъ и долготерпитъ, дабы наконецъ, вытрезвившись, они стали лучше. Знаемъ также, что Онъ испытуетъ терпѣніе и твердость упованія вѣрныхъ, добръ живущихъ по (ученію) Христа, дабы они, не ослабѣвъ отъ скорбей, оказались еще болѣе испытанными и чистыми.—Затѣмъ посмотримъ, какъ предаетъ посрамленію ихъ нечестіе и безуміе божественный Петръ, первѣйшій изъ учениковъ Спасителя, вершина богословія, основаніе и утвержденіе Церкви, говоря такъ: *быша же и лживіи пророцы въ людехъ, якоже и въ васъ будутъ лживіи учителя, иже внесутъ ереси погибели, и искупльшаго ихъ Владыки отметающесе, приводяще себѣ скору погибель: и мнози послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ, ихъ же ради путь истинный похулится. И въ ꙗже множеніи лъстивыхъ словесъ васъ уловятъ: ихъже судъ, искони не коснитъ, и погибель ихъ не дремлетъ* (2 Петр. 2, 1—3). И: *привидоша нѣцыи чловѣцы, говоритъ другой ученикъ Господа, древле представленніи на сіе осужденіе, нечестивіи, Бога нашего прелагающіи благодать въ скверну, и единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа отметающіися* — коихъ онъ и оцѣкиваетъ: *горе имъ: яко въ путь Каиновъ поидоша, и въ лѣсть Валаамовы мзды устремишася, и въ прерѣжаніи Корреовъ погибоша* (Іуд. 4. 11). Пусть выслушаютъ также и то, что провозгласило о нихъ въ духѣ пророческое слово: *ты умѣніе отвергъ еси, говоритъ божественный Осія, отвергну и азъ тебе, еже не жречествовати мнѣ* (Ос. 4, 6). И: *пругло бысте страждѣ, и якоже мрежа распростерта на Итаvirii, юже ловящии ловъ поткнуша* (Ос. 5, 1), и *быша яко прелагающе предѣлы: на ня излію яко воду гнѣвъ мой* (Ос. 5, 10). А что (говоритъ) дивный Аввакумъ? *Горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ, и упоявающему, яко да взираетъ ко не-*

щерамъ ихъ сытость безчестія отъ славы (Аввак. 2, 15—16). Блаженный Софонія говоритъ: *священницы его сквернятъ святая и нечествуютъ въ законъ. Господь же праведенъ посредь его и не имать сотворити неправды: утро утро дастъ судъ свой и не въ распри побѣду.* (Соф. 3, 4—5). Кромѣ того божественный Захарія: *и не покоряшася еже внимати, и даша плещи презирающыя, и ушеса своя отяготиша, еже не слышати, и сердце свое учиниша непокориво не послушати закона моего* (Зах. 7, 11—12). И: *на пастырей прогнѣвася ярость моя, и на агнцы пасыщу. И посылитъ Господь Богъ Вседержитель стадо свое, домъ Иудинъ* (Зах. 10, 3). О, пасущіи суетная, и оставльши овецъ (Зах. 11, 17). *И наведу руку Мою на пастыри* (Зах. 13, 7),—и далѣе слѣдующее, весьма суровое и тяжелое. Ихъ же за поношеніе имени Божія обличаетъ славный и божественный Малахія и показываетъ, въ чемъ и какъ они противляются: *еще не услышите и не положите на сердцахъ вашихъ, еже дати славу имени моему, глаголетъ Господь Вседержитель, то пошлю на вы клятву и проклену благословеніе ваше* (Малах. 2, 2). А что слѣдуетъ за этимъ, еще болѣе сильно и сурово: *вы же уклонитесь отъ пути и изнемогшесте многихъ въ законъ. растлите заветъ Левіинъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Малах. 2, 8). Сильно о нихъ вѣщаетъ громогласнѣйшій изъ пророковъ, очищенный огнемъ и Серафимами, іерей и пророкъ: *изступиша ума отъ сикеры, потрясошася отъ пиянства сикеры, прельстишася: сіе есть привидѣніе. Проклятіе поястъ сей совѣтъ, сей бо совѣтъ ради лихоимства* (Ис. 28, 7—8). Самый сострадательный изъ пророковъ говоритъ о нихъ: *священницы не рекоша, гдѣ есть Господь? и держащій законъ не вѣдѣша мя, и пастыри нечествоваша на мя* (Іерем. 2, 8): *и: скинія моя опустѣ, понеже обуяша пастыри и Господа не разыскаша* (Іерем.

10, 20 — 21). И: *пастыріе мнози растлиша виноградъ мой, оскверниша часть мою, даша часть желаемую мою въ пустыню непроходную* (Іерем. 12, 10). И еще: *горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы моя. Сего ради сія рече Господь Богъ Израилевъ къ пасущимъ людей моихъ: вы расточили есте овцы моя и отвергосте я, и не поспѣтите ихъ, се азъ поспѣшу на васъ по лукавству умыслений вашихъ. И азъ соберу останки людей моихъ отъ всѣхъ земель, въ нѣже извергохъ ихъ тамо, и возвращу ихъ къ селеніямъ ихъ, и возрастутъ и умножатся* (Іерем. 23, 1—3). Объ ихъ преступности и безуміи громко возглашаетъ превышнихъ и небесныхъ видѣній зритель божественный Іезекіиль: *и жерцы его отвергошася закона моего, и оскверниша святая моя, между святымъ и сквернымъ не разлучаху, и между нечистымъ и чистымъ не раздѣляху, и оскверняху мя посредь себе* (Іезек. 22, 26). Къ этимъ, наконецъ; да присоединится богодухновенный мужъ желаній, выставляющій ихъ вавилонскій образъ мыслей и развращенный судъ, и скажетъ, что *изыде беззаконіе изъ Вавилона отъ старецъ судей, иже мняхуся управляти людей* (Дан. 13, 5). Таковы изреченія святыхъ Писаній, обличающія и порицающія ихъ.

Итакъ, чтоже говорятъ начальники этого заблужденія? Мнѣ кажется, теперь благовременно вступить въ состязаніе съ ними. „До времени царствованія Константина ¹⁾ мы христіане поклонялись идоламъ“. Себѣ самимъ и всѣмъ христіанамъ они приписываютъ гнусное дѣло. Дивится сему небо и сильно содрагается земля. Кто хладнокровно выслушаетъ это? И чему тутъ больше изумляться: чрезмѣрности ли клеветы или излишеству неразумія? Не имѣя, чѣмъ подтвердить

¹⁾ Т. е. Копронима.

столь непомѣрное нечестіе и ложь, они прибѣгаютъ къ богоненавистному и безбожному синадріону, собранному имъ ¹⁾ незаконно и вопреки всякимъ каноническимъ основаніямъ, поступая подобно нѣкоторымъ древнимъ Эллинамъ, которые, воздавая честь учителю, ссылались на *самъ сказалъ*. Неразумные не стѣсняются называть этотъ синадріонъ соборомъ. Если ужъ нужно называть его такъ, то послушаемъ, что говорить о немъ пророкъ: *соборище преступниковъ, налякоша языкъ свой яко лукъ: ложь и невѣрство укрѣпшася на земли* (Іерем. 9, 2 — 3). И если бы кто называлъ его навознымъ соборомъ (*κοπροσύνodoς*), то не сдѣлалъ бы ничего неприличнаго, какъ въ виду любви къ навозу созвавшего его ²⁾, такъ и въ виду сильнаго зловонія, скопившагося отъ неразумныхъ рѣчей, ибо великое нечестіе изрыгалъ и умышлялъ онъ противъ неба и особенно лаялъ противъ славы Единороднаго. Хуже этого поношенія не могъ бы изрыгнуть и самъ тотъ, кто именуется у нихъ Сатаной, ибо оно было величайшимъ противорѣчіемъ догматамъ Церкви и нашимъ таинствамъ. Вотъ это-то подвизавшееся за нечестіе и ложь собраніе и называется у нихъ соборомъ. Усвоивъ его нечистые догматы и слѣдуя его пагубному ученію, неразумные не усталились попрасть чистую и неповрежденную вѣру нашу, не понимая, что умышляютъ противъ святыхъ, ибо *изостриша языкъ свой, яко змій, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ* (Пс. 139, 3), — и *беззаконіе весь день, не-*

¹⁾ Императоромъ Константиномъ V въ 754 г.

²⁾ Константинъ V любилъ очень лошадей, почему ему давали кличку — *каваллинъ-лошадникъ* (*καβάλλης* — конь). Эта страсть заставляла Императора часто бывать въ конюшняхъ; отсюда его противники придумали для него другую кличку — *копрономъ-навозникъ*. Последнее прозвище связывается впрочемъ съ другой легендой, неприличной и невѣроятной Theophanis Chronographia ad an 6211.

правду умысли языкъ ихъ (Псал. 51, 2), *ибо глаголы устъ ихъ беззаконіе и леть* (Пс. 35, 4).

18. Теперь благовременно по возможности кратко изложить содержаніе нашего христіанскаго исповѣданія. Итакъ мы, какъ предали намъ отъ начала самовидцы и служители Слова (Лук. 1, 2), а также послѣ нихъ приняли тоже ученіе богословы и божественные учителя наши.

Вѣруемъ во единого Бога Отца Вседержителя, всего видимаго и невидимаго Творца и Господа, безначальнаго, невидимаго, непостижимаго, неизмѣняемаго, безконечнаго. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Его единороднаго, безначально и безвременно и прежде всѣхъ вѣковъ изъ отчей сущности возсіявшаго. И въ единого Духа Святаго, отъ Бога Отца исходящаго, и вмѣстѣ со Отцемъ и Сыномъ богоглаголемаго и славимаго, какъ соприроднаго и совѣчнаго. Троицу славимъ въ ипостасяхъ или лицахъ и для каждаго изъ лицъ сохраняемъ отдѣльныя и несмѣшиваемыя опредѣленныя особенности, которыя никоимъ образомъ не прелагаются и не измѣняются. Отцу мы усвояемъ нерождаемость и причину сущихъ отъ Него, Сыну — рожденіе, а Духу — исхожденіе. Вѣруемъ, что какъ Рождаемый, такъ и Исходящій возсіяли отъ Отца, какъ изъ причины, и тотъ и другой произошли, какъ свѣтъ отъ свѣта, — единый премірный, троелучный и троесолнечный Свѣтъ. Чтимъ Единицу по сущности и природѣ, сходящуюся во единой пресущественной и сверхъестественной высотѣ Божества, обладающей нераздѣльною и неотторгаемою славою и могуществомъ, которую мы познаемъ въ тожествѣ желанія и воли, въ единеніи силы и дѣйствованія, которой мы поклоняемся, какъ царицѣ всѣхъ и владычицѣ всего, и которой служить вся тварь видимая и невидимая,

какъ равночестной и сопрестольной. Единое въ трехъ мы созерцаемъ Божество, соединяемое тожествомъ существа, но въ единомъ Божествѣ—три лица, которыя, не отдѣляясь одно отъ другаго, отличаются различіемъ присущихъ каждому свойствъ, — ни Сына чрезъ рожденіе не отдѣляя отъ сущности нерождаемаго Отца, ни Духа отъ Отца и Сына чрезъ исхождение,—не допуская также и сліянія чрезъ единеніе и нераздѣльность природы, но общеніемъ природы объединяемъ особенности каждаго. „Раздѣляется нераздѣльно и соединяется раздѣльно, ибо одно въ трехъ Божество и три одно, именно тѣ, въ которыхъ Божество, или, точнѣе говоря, которыя Божество“, какъ наставляетъ насъ величайшій изъ богослововъ ¹⁾).

Итакъ, почитаемъ Бога Отца, Которымъ все изъ небытія приведено къ существованію, прославляемъ Бога Сына, чрезъ Коего все произошло и сохраняетъ постоянство сущности, покланяемся божественному Духу Святому. Почитая трехъ, не раздѣляемъ единое Божество на трехъ боговъ, чтобы избѣжать безбожнаго требожія или скорѣе — многобожія. Но изъ Трехъ совершенныхъ образуется Единое сверхсовершенное и пресовершенное, какъ научаетъ насъ богословіе боговдохновенныхъ отцевъ ²⁾). Ипостаси же мы опредѣляемъ не какъ природы чуждыя и различныя, раздѣляя ихъ неодинаковостію и неравенствомъ, но различаемъ по свойствамъ, совокупляя въ единство сущности, отвергая что-либо въ нихъ излишествующее или недостающее; ибо какъ въ сущности нельзя

¹⁾ Григорій Богословъ въ „рѣчахъ о Троичности“, особенно 33, § 16, гдѣ онъ называетъ Лица Святыя Троицы „числомъ раздѣляющимися, но не раздѣляющимися Божествомъ“.

²⁾ Слова *ὑπερτέλειος* — сверхсовершенный и *πρωτέλειος* — пресовершенный, встрѣчаются въ сочиненіи Діонисія Ареопагита *Объ именахъ Божіихъ*, II, 10,—со схоліями святаго Максима.

видѣть большаго или меньшаго, такъ и въ Троицѣ по отношенію къ сущности и божеству, дабы уничтожить Аріанское безуміе, изъ за котораго и противъ котораго у насъ теперь брань. Отнюдь также и не сливаемъ и не смѣшиваемъ въ одну ипостась, но каждому лицу усвояемъ и въ дѣлахъ и въ именахъ соотвѣтственное различіе, чтобы изгладить заблужденіе Савеллія. Обѣ эти крайности дурны и влекутъ къ нечестію; мы же, говоря кратко, соединяемъ, благочестиво раздѣляя, и раздѣляемъ, боголѣпно соединяя, такимъ образомъ раздѣленіе въ ипостасяхъ мы объединяемъ общеніемъ природы. Соединенное сущностію и природой мы познаемъ въ различіи ипостасей, и въ томъ и въ другомъ случаѣ благочестиво и здраво разсуждая касательно великой, божественной и возвышенной тайны нашего богомудрія. Будучи поклонниками всесвѣтой и преестественной Троицы, служимъ ей въ святости и правдѣ вѣры, съ чистою и непорочною мыслію во всѣ дни жизни нашей.

19. Опираясь и утверждаясь на семъ краткомъ и простомъ богословіи, мы согласно ему исповѣдуемъ, что единый изъ единасущной и пребожественной Троицы, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ нашъ, сіяніе отчей славы, свѣтъ отъ свѣта, совершеннѣйшій образъ Отца, отображеніе Его ипостаси, во плоти пришелъ на землю и совершилъ бывшее ради насъ домостроительство; ибо Онъ, по своей благодати и милости, движимый неизреченнымъ чловѣколюбіемъ, не стерпѣлъ видѣть нашу природу въ окончательномъ порабоженіи жестокаго тиранна, но съ соизволенія Отца и дѣйствіемъ всесвѣтаго и живоначальнаго Духа, не лишаясь Отчей славы, не уменьшая ни въ чемъ Своего божественнаго достоинства, низвелъ Себя на добровольное уничиженіе. И вопло-

тившись отъ Духа Святаго и отъ всесвѣтой и истинно Богородицы Приснодѣвы Маріи, по душѣ и тѣлу предочищенной Духомъ, и содѣлавшись человекомъ, кромѣ грѣха, облекшись въ сію смертную, тлѣнную, осязаемую и описуемую природу, Одинъ и Тотъ же оказался состоящимъ изъ двухъ, т. е. изъ божества и человѣчества, и пребылъ совершеннымъ во всемъ и неизмѣняемымъ по божеству и непреложнымъ по человѣчеству, въ коемъ, обращаясь съ нами, врачевалъ преступленіе Адама Своею безгрѣшностію. Своими добровольными страданіями по плоти, животворящею смертію и боголѣпнымъ воскресеніемъ уничтоживъ тлѣніе, явившееся вслѣдствіе грѣха, Онъ даровалъ намъ нетлѣніе. Совлекши съ Себя смерть, Онъ воскресъ на третій день и содѣлался перворожденнымъ изъ мертвыхъ и, указуя человѣческой природѣ путь къ безсмертію, лишилъ невидимаго врага власти надъ нами. Совершивъ все это и претерпѣвъ, о чемъ повѣствуется въ священныхъ евангеліяхъ и и во что мы вѣруемъ, Онъ чрезъ это преобразилъ древняго Адама, обновилъ нашу природу и возвратилъ прежнее блаженство. Вознесшись на небеса и возсѣвъ на Отчемъ престолѣ, онъ вознесъ начатокъ нашего состава. Такъ мы, говоря кратко, исповѣдуемъ и утверждаемъ о совершеніи великаго и честнаго таинства божественнаго домостроительства.

20. Если же нужно разсмотрѣть сіе подробнѣе въ виду возникающихъ нѣкоторыхъ новшествъ, умышляющихъ противъ спасительнаго вочеловѣченія Бога Слова, то мы можемъ сказать еще слѣдующее. Единородный Сынъ и Слово Бога и Отца, будучи по природѣ Богомъ, рожденнымъ отъ Него прежде вѣковъ неизреченно и внѣвременно, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, Богомъ по природѣ, въ по-

слѣднія времена вѣка воспринялъ человѣческую природу и подобно намъ приобщился плоти и крови, ибо *Слово плоть бысть и вселися въ ны*, воспринявъ не просто плоть, но плоть одушевленную душою разумною. Одинъ и тотъ же Сынъ, будучи и послѣ воплощенія единосущнымъ Богу и Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству, удерживаетъ и сохраняетъ въ каждой изъ соединенныхъ въ одной и той же ипостаси природъ и послѣ единенія непреложныя, неизмѣняемыя и несмѣшиваемыя свойственныя имъ природныя различія качествъ. Это есть новое и досточудное смѣшеніе уничиженнаго божества и воспринятаго человѣчества. Изъ сего признается нами совершившееся единеніе ихъ по ипостаси. Послѣ воспринятія человѣчества досточудно рождается Богъ, ибо Слово, будучи всецѣлымъ Богомъ, соединяется со всецѣлымъ человѣкомъ, объединяясь въ тоже время въ единую сложную ипостась. Вслѣдствіе сего и Рождающая исповѣдуются у насъ собственно и истинно Богородицей, ибо безъ матери первично отъ Отца безначально Рожденный вторично рождается отъ нея безъ Отца (не въ томъ смыслѣ), что Божество Его получило здѣсь начало бытія, а въ томъ, что пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ, Онъ чрезъ воспріятіе усваиваетъ то, чѣмъ не былъ. И онъ содѣлался посредникомъ Бога и людей, будучи общникомъ каждаго изъ обоихъ естествъ, т. е. божескаго и человѣческаго, соединяя ихъ въ единствѣ лица, ибо соединенныя во едино природы образуютъ единого Христа, Сына и Господа. Однимъ признается нами состоящимъ изъ обоихъ (естествъ) Христосъ, поскольку постигается мыслію и созерцается зрѣніемъ, какъ по божеству пребывъ совершеннымъ и неизмѣняемымъ, такъ и по человѣчеству оставшись совершеннымъ и непреложнымъ. Безстрастный и безтѣлесный по бже-

ству, коимъ Онъ сверхъестественно творилъ чудеса, а также и нетлѣнный, неописуемый и безсмертный, Онъ въ тоже время страстенъ по человѣчеству, по которому естественно претерпѣлъ страданія, а также смертенъ, изображаемъ и описуемъ, поскольку Онъ явился человѣкомъ изъ сѣмени Давидова. Слово усволяетъ Себѣ страданія Своего храма, крестъ, смерть и прочее, что Оно удостоило домостроительно претерпѣть ради насъ. Проданные грѣху мы искуплены драгоценною кровію Его, которою Оно разрушило средостѣніе ограды, вражду плотію Своею, примиривъ небесное съ земнымъ и устроивъ единую церковь и торжество ангеловъ и людей на небѣ и на землѣ (Ефес. 2, 14). Итакъ, Слово едино въ томъ и другомъ (естествѣ). И хотя оно нисколько не страдало собственною Своею природою, однакоже о немъ говорится, что Оно страдало за насъ, конечно не божествомъ, а земною природою, ибо тѣло, претерпѣвшее страданія, есть собственное Его тѣло. Во всемъ Оно проявляетъ и достоинство божеской природы и униженіе человѣческой нищеты, чтобы воплощеніе Его не казалось призрачнымъ. И какъ пребываетъ Оно Богомъ въ человѣчествѣ, такъ и въ достоинствѣ божества Оно остается не менѣе человѣкомъ. Итакъ одинъ есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ Эммануиль.

21. Такъ мыслимъ мы о семъ потому, что пребываемъ въ границахъ правой вѣры. Мы возглашаемъ двойственность въ Немъ естествъ съ ихъ особенностями, ибо каждое изъ нихъ совершенно и безъ недостатка. Точно также мы возвѣщаемъ существенное соединеніе ихъ въ единствѣ лица ипостаснымъ единеніемъ. Не разсѣаемъ и не раздѣляемъ на двоицу сыновей единого Господа Іисуса Христа, на человѣка особо и на Бога особо и отдѣльно, ибо отвергаемъ

неразумное раздѣленіе душевреднаго человѣко-почитателя Несторія. Впрочемъ и не сливаемъ и не измѣняемъ ихъ, доводя до тождества единой природы, но сохраняемъ различія, присущія каждому изъ естествъ, неслитными и несмѣшанными, ибо отмечаемъ также и соединеніе безразсуднаго Евтихія вмѣстѣ съ Северіанами, которыхъ справедливо называютъ Акефалами (безголовыми). И какъ эти соединяють недостойно, такъ и тотъ (Несторій) раздѣляетъ нечестиво, такъ что одинаково заблуждались какъ Евтихій съ Несторіемъ относительно домостроительства, такъ и Савеллій съ Аріемъ въ ученіи о божествѣ.

22. Если мы исповѣдуемъ, что обѣ природы во Христѣ совершенны какъ по существу такъ и по ихъ природнымъ свойствамъ, то мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательно исповѣдывать и присущія каждой природѣ природное хотѣніе и дѣйствование, ибо необходимо при признаніи двухъ естествъ признавать двойными и эти. Иначе совершенство ихъ не можетъ быть соблюдено въ цѣлости, ибо они суть характерныя свойства природъ и невозможно найти природу, не обладающую хотѣніемъ и дѣйствованіемъ. Посему Онъ какъ желаетъ и дѣйствуетъ, по скольку Онъ Богъ, такъ желаетъ и дѣйствуетъ, по скольку Онъ человѣкъ, при совершеніи чудесъ и другихъ дѣлъ домостроительства. Однако они не противодѣйствуютъ другъ другу, но воспринятая природа покоряется и подчиняется воспріавшей. Поэтому, какъ не усматривается въ Немъ никакого несогласія и противорѣчія соединившихся естествъ, хотя они и противоположны (доказательствомъ сего служитъ то, что предметы разныхъ сущностей имѣютъ и различный образъ бытія, какъ это видно на вещахъ съ неодинаковою природою, почему необходимо, чтобы и соотвѣтствующія каждой сущности свойства хотѣнія

и дѣйствованія также различались между собою, ибо по этимъ свойствамъ мы пріобрѣтаемъ познаніе и о естествахъ, какъ скоро одинаковыя дѣйствованія могутъ быть только у одинаковыхъ естествъ): такъ должно представлять и способъ богомужнаго дѣйствованія во Христѣ, которымъ Онъ пользовался, обращаясь съ нами, и который мы выражаемъ уже описательно, соотвѣтственнымъ наименованіемъ двоицы естествъ указывая на двойство дѣйствованія, ибо способъ единенія (обоихъ естествъ во Христѣ) таковъ, что при немъ сохраняется ихъ различіе, причемъ должно признать, что каждое естество дѣйствуетъ въ общеніи съ другимъ. Поэтому мы отнюдь не проповѣдуемъ единое хотѣніе и дѣйствованіе въ божественномъ домостроеніи (т. е. во Христѣ, какъ вочеловѣчившемся Сынѣ Божіемъ), лишая каждое изъ естествъ присущихъ ему свойствъ, если только не желаемъ отвергнуть совершенство самаго естества, чтобы не подвергнуться недугу безумнаго и неистоваго Аполлинарія, вмѣстѣ съ коимъ мы должны осуждать и ученіе Сергія и Пирра о безволіи и бездѣйственности Истиннаго Слова ¹⁾. Такъ мы мыслимъ о честномъ и спасительномъ таинствѣ домостроительства, которое, хотя о немъ и разсуждаютъ, по словамъ богоноснаго мужа, остается неизреченнымъ, и хотя говорятъ о немъ, но оно остается непознаваемымъ. Исповѣдуемъ, что мы спасены посѣщеніемъ сего домостроительства. И вмѣстѣ со всѣми нашими священными предметами чтимъ и съ любовію пріемлемъ святыя и честныя его символы и знаки, которые подобно евангельской исторіи повѣствуютъ намъ о немъ, запечатлѣваютъ его и вызываютъ въ памяти совершенное изъ-за насъ Спаси-

¹⁾ т. е. моноелитскую ересь

телемъ снисхожденіе, какъ все это издревле и изначала мы благочестиво приняли чрезъ преданіе отъ отцовъ къ дѣтямъ.

23. Сохраняя эти символы, мы соблюдаемъ ихъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, но конечно отнюдь не воздаемъ имъ божескаго поклоненія, которое приличествуетъ единному Владыкѣ всѣхъ Богу, ибо всѣ въ духѣ наученные о; Богѣ знаютъ это различіе въ почитаніи,—знаютъ, какое подобаетъ воздавать поклоненіе Христу и Богу нашему и какое почитаніе подобаетъ удѣлять священнымъ иконамъ и чрезъ нихъ возносить честь къ первообразу. Кромѣ того мы чтимъ честныя иконы всесвѣтой пречистой госпожи нашей и истинной предстательницы Приснодѣвы Богородицы, [родившей по плоти Господа нашего. Іисуса Христа Бога безсѣменно, неизреченно и сверхъестественно. Равнымъ образомъ чтимъ иконы святыхъ ангеловъ и всѣхъ прочихъ святыхъ, отъ вѣка Ему благоугодившихъ. Благочестиво почитаемъ память ихъ и испрашиваемъ ихъ предстательства, ибо они живутъ въ Богѣ и дѣйствуютъ въ Немъ и по присутствующей имъ отъ Бога силѣ и благодати могутъ оказывать покровительство и помощь прибѣгающимъ къ нимъ и просящимъ ихъ. Что же можетъ быть возвышеннѣе и благочестивѣе этого исповѣданія и этой вѣры? Нѣтъ и отнюдь не будетъ иной вѣры кромѣ этой, которую одну только апостольское слово и называетъ вѣрою: *прежде же пришествія вѣры, подѣ закономъ стрегоми бѣхомъ, затворени въ хотящую вѣру открытися: тѣмъ же законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся: пришедшей же вѣръ уже не подѣ пѣстунномъ есмы: вси бо вы сынове Божіи есте вѣрою о Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 24—26), *уже аки котѣу имамы души твердо же и извѣстну и входящую во внутренній-*

шее завѣсы, идѣже предтеча о насъ вниде Христосъ (Евр. 6, 19—20). Что противъ этого могутъ возразить враги благочестія и обвинители истины? Мы знаемъ, чему мы поклоняемся, они же не знаютъ, чему мы поклоняемся. „Христіане поклоняются идоламъ“. Какая дерзость? Какое безуміе! Что можетъ быть безбожнѣе и нечестивѣе этихъ словъ? Легко видѣть, до какой нелѣпости доходятъ ихъ разсужденія, ибо держась своего богохульства, они оказываются вынужденными разсуждать такимъ образомъ: такъ какъ, отвергая относящееся къ Богу, они говорятъ, что христіане воздають почтеніе идоламъ, а поклоняющійся идоламъ поклоняется тому, что не существуетъ, согласно сказанному: *и служили не по естеству сущимъ богамъ* (Гал. 4, 8), то эти слова ихъ ведутъ къ тому заключенію, что, поелику мы поклоняемся Богу живому и истинному, то слѣдовательно они признають ничто иное, какъ то, что Богъ нашъ не есть Богъ.

24. Противъ такихъ богоборцевъ что же иное можно сказать отъ самой истины, какъ не воззвать вмѣстѣ съ великимъ Давидомъ, пользуясь глаголами говорящаго въ немъ Духа: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 13, 1),—и еще: *врагъ поноси Господеву и людѣ безумнѣи раздражиша имя Его* (Псал. 73, 18),—и: *брази Господа солгаша Ему и будетъ время ихъ въ вѣкъ* (Пс. 80, 16),—и: *сынове чуждѣи солгаша Ему и обетшаша и отхромаша отъ стезь своихъ* (Пс. 17, 46): *нѣсть имъ измѣненія, яко не убоиаша Бога* (Пс. 54, 20). Такъ и эти изрекають хулу на Бога и говорятъ: развѣ не возможеетъ Богъ? развѣ не возмогъ Онъ уготовать освобожденіе народу Своему? изъять изъ рабства и тлѣнія, избавить отъ власти тмы и призвать въ чудный свѣтъ Свой? или связать сильнаго и расхитить сосуды его? или взойти на высоту и плѣ-

нить плѣнъ? Такъ говорятъ неразумные противники истины, ибо *мужъ безуменъ не познаетъ, и неразумивъ не разумѣетъ сихъ* (Пс. 91, 7). Они не захотѣли принять ни наученія Господня, ни обратить слухъ свой къ божественнымъ реченіямъ и выслушать, какъ Богъ всяческихъ вѣщалъ гласомъ пророковъ: *еда не можетъ рука моя избавити, или не могу изъяти вые се, запрещеніемъ моимъ опустошу море, и положу руки пусты* (Ис. 50, 2), — и: *Азъ есмь заглаждай беззаконія твоя, и грѣхи твоя, и не помяну* (Ис. 43, 25). А также блаженнымъ и единымъ сильнымъ ясно познаемъ Его чрезъ апостольское ученіе (1 Тим. 6, 15). Но пусть пойдетъ далѣе слово наше какъ бы торнымъ и царскимъ путемъ и, если угодно, посмотримъ, за что Богъ укоряетъ пастырей и священниковъ, которые подъ закономъ жили не по закону, чрезъ одного изъ святыхъ. Онъ говоритъ: *священницы не рекоша, гдѣ есть Богъ, и держащій законъ не вѣдѣша мя, и пастыри нечествоваша на мя, и пророцы пророчествоваша въ Ваала, и идоломъ послѣдоваша* (Перем. 2, 8). Можно также видѣть описаніе божественнаго суда надъ ними и то, что Самъ Богъ будетъ судить ихъ и гнѣвно заповѣдуетъ касательно ихъ: *приидите во острова Хиттимъ, и видите, и въ Кидаръ послите, и рассмотрите прилежно, и видите, аще сотворена быша таковая: аще премѣниша языцы боги своя, и тѣи не суть боги: людие же мои премѣниша славу свою на то, отъ негоже не употребуются* (Пер. 2, 10).

25. А надъ пастырями, оказывающимися подъ благодатію, какія могутъ тяготѣть прещенія? Напротивъ, развѣ не услышимъ мы ясно такихъ словъ отъ Него: идите на сходбища епископовъ, посылайте (другихъ) на собранія священниковъ и смотрите, пребыли-ли они въ отеческой вѣрѣ, или же измѣнили дошедшее

до нихъ издревле благочестное исповѣданіе и оказались обвинителями самихъ себя? И даже помимо воли, побуждаемые и вынуждаемые самымъ дѣломъ, они обнаружатся, такъ что не будетъ нужды ни въ постороннихъ обвинителяхъ, ни въ какихъ либо обвиненіяхъ. И они должны будутъ отвѣчать и сказать: да, мы измѣнили славу нашу, не пребыли въ вѣрѣ нашей, не устрашили божественнаго алтаря, въ которомъ носили, держа на выѣ, священныя и евангельскія реченія ¹⁾ и не сохранили данныхъ нами тамъ обѣщаній, но оказались нарушителями всего, уклонились отъ прямого пути, стали двоедушными, нетвердыми во всѣхъ путяхъ своихъ и уподобились бушующей и вздымаемой бурѣ морской. Таково бѣдствіе невѣрія, что оно нигдѣ не имѣетъ ничего прочнаго и твердаго, но всегда мѣняется, колеблется туда и сюда. Говоря вообще, изъ старанія угождать людямъ мы перестаемъ быть рабами божіими: чего не подобаетъ и помыслить, это не страшимся даже высказывать, и помышленіемъ и расположеніемъ противорѣча мнѣнію Павла (Гал. 1, 10). Было бы справедливо и сообразно съ дѣломъ, чтобы провидѣвшіе угрожавшее намъ грядущее наказаніе за хуленія наши прибавили къ сказанному еще и то, что *седмицею отмстится отъ Каина, отъ Ламеха же семьдесятъ седмицею, какъ написано* (Быт. 4, 24). Усматривая въ этомъ изреченіи нѣчто устрашающее. можно съ правомъ сказать, что движеніе впередъ въ области грѣха

¹⁾ Объясненіе обычая полагать Евангеліе на главу рукополагаемаго даетъ между прочимъ Фотій въ своихъ извѣстныхъ „Амфилохіяхъ“ подъ номеромъ 165-мъ. Онъ говоритъ, что евангеліе возлагается на главу ставленника потому, что когда кто рукополагается главою другихъ, то необходимо, чтобы онъ имѣлъ власть и надъ своею главою и знакъ, что, становясь главою другихъ, онъ и самъ находится подъ общимъ главою всѣхъ Владыкой

подлежитъ большимъ мѣрамъ наказанія, такъ какъ Каинъ по своей неопытности въ дѣйствіяхъ и при отсутствіи обличенія за зло пребывалъ еще въ невѣдѣніи, не понималъ достаточно преступленія братоубійства и грѣхъ тогда ютился еще только какъ бы въ преддверіи. Убіиство же, слѣдовавшее послѣ этого, объявляется заслуживающимъ несравненно большаго наказанія, потому что убійца уже зналъ, что онъ дерзаетъ на преступленіе. Объ этомъ ясно давалъ знать примѣръ, имѣвшійся уже предъ глазами и подтвержденный божественнымъ рѣшеніемъ, каковымъ и былъ знакъ, данный Богомъ, чтобы отнюдь не былъ убиваемъ тотъ, кто долженъ былъ подлежать осужденію и наказанію, а напротивъ влачилъ бы горькое существованіе.

Нѣчто подобное случилось и въ наши времена. Впервые заблужденіе ихъ проявилось при нашихъ предкахъ. Преступленіе ихъ было меньше, и они могли пожалуй надѣяться на снисхожденіе Бога къ грѣху невѣдѣнія. Могло существовать даже нѣкоторое благовидное основаніе для оправданія, именно то, что догматъ и воззрѣніе церкви тогда не были еще изслѣдованы и уяснены вполне. Бывшее же послѣ сего (не будемъ этого отрицать) оказывается явно совершившимся уже при насъ самихъ, ибо не частно и не въ какой-нибудь малоизвѣстной и ничтожной части вселенной, но всенародно, на глазахъ у ангеловъ и людей и всей разумной и неразумной твари и предъ Богомъ, все содержащимъ въ десницѣ Своей, все видящимъ и надзирающимъ, отвергли мы все исповѣданіе наше ¹⁾. Вотъ вслѣдствіе этого-то намъ и угрожаютъ крайнія бѣдствія и несравненно большее

¹⁾ На соборѣ при Лѣвѣ Армянинѣ.

осужденіе, ибо мы позорно плѣнены уже послѣ многихъ изслѣдованій и величайшихъ изысканій, когда ученіе во всемъ блескѣ и свѣтѣ уже предлежало предъ нашими глазами. Это ученіе на основаніи многихъ свидѣтельствъ изъ боговдохновеннаго Писанія и отеческихъ твореній утвердилъ законно собранный второй божественный синадріонъ, священный и вселенскій соборъ въ Никее, этомъ всегда твердомъ въ благочестіи, главномъ и побѣдномъ городѣ Византскомъ. Соборъ этотъ былъ вполне достопочтенный и совершенно достаточный для полного удостовѣренія вѣры, ибо онъ былъ вселенскій, совершенно во всемъ свободенъ, внѣ всякаго навѣта и хулы, чистъ и неповиненъ ни въ какихъ несообразностяхъ. Созванъ онъ былъ совершенно правильно и законно, ибо согласно древле изданнымъ божественнымъ установленіемъ на немъ присутствовало и предсѣдательствовало не малое число отъ западнаго удѣла, т. е. стараго Рима. Безъ нихъ (римлянъ) ученіе, появляющееся въ церкви, издревле узаконенное каноническими установленіями и священными обычаями, никогда не можетъ получить одобренія или быть принято къ исполненію, такъ какъ они получили жребій начальствовать въ священствѣ и имъ вручено это достоинство отъ перво-верховныхъ апостоловъ.

Кромѣ того и изъ Византіи (новаго Рима, который теперь первенствуетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и, благодаря царскому достоинству, считается столицей) занимавшіе священныя кафедры и блиставшіе славою добродѣтелей, а также эти созданные изъ странъ восточныхъ заступившіе мѣста и слова касательно божественныхъ напихъ догматовъ отъ лица предстоятелей апостольскихъ престоловъ, святѣйшіе мужи, отличавшіеся и жизнію и разумомъ,—и наконецъ собравшіеся предъ

стоятели почти всей подсолнечной, направляясь къ единой цѣли—истинѣ, озаренные свыше сіяніемъ благодати, выказали согласіе между собою и единомысліе (Самъ Христосъ охранялъ этотъ миръ, ибо такъ именно повелѣваетъ издревле церковный законъ, что бы все сомнительное и спорное въ церкви Божіей рѣшалось и опрѣдѣлялось вселенскими соборами, съ согласія и одобренія архіереевъ, занимающихъ апостольскіе престолы) и такимъ путемъ разсѣяли прежде царившій мракъ заблужденія. Огражденные Духомъ Святымъ и вооруженные доспѣхами благочестія, они посѣкли головы беззаконныхъ враговъ и надлежащимъ образомъ подтвердили отъ вѣка бывшее у христіанъ и запечатлѣнное древностію въ церкви священное и честное ученіе, не вводя никакихъ новшествъ, не вымышляя ничего чуждаго и излишняго. Такъ движимые свыше и божественнымъ вдохновеніемъ, они приняли это ученіе какъ непоколебимое и безспорное, достославно увѣнчавъ себя силою истины. Это ученіе подтвердили и всѣ послѣдующіе богомыслящіе и украшенные православіемъ іереи, а также приняли и возлюбили благочестивые вѣрные цари и, наконецъ, усвоилъ весь народъ христіанскій, благоговѣнно въ немъ пребывавъ и, воспринявъ его, твердо содержитъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ¹⁾. И мы сами приняли его, какъ вполне православное, и подписали его, когда получали рукоположенія и назначеніе на священныя каеэдры. Да хранить же насъ Господь отъ того, чтобы мы презрѣли составленныя тогда священныя каноны и оказались невѣрными въ своемъ исповѣданіи, ибо, мысля безбожно и нече-

¹⁾ Седьмой вселенскій соборъ былъ въ 787 г.; слѣдовательно это сочиненіе Никифоромъ написано приблизительно въ 817 мѣ году.

ство, мы носимъ въ душахъ своихъ ихъ прещенія и осужденіе. Такъ, можетъ быть, если только они когда либо отрезвятся отъ опьяненія невѣріемъ и, овладѣвъ собою, будутъ взирать на истину, оплакивая свое душевное несчастіе, скажутъ они когда-нибудь. Мы же обратимся къ продолженію рѣчи и займемся предложеннымъ предметомъ.

26. *Священники твои*, говоритъ Писаніе, *облекутся правдою* (Пс. 131, 9). А священники чуждые — чѣмъ? Они облекутся стыдомъ, поелику хотятъ поклоняться идоламъ. Это облеченные въ священнической образъ, но отрeksiеся отъ христіанскаго ученія, предпочетшіе ему идольское паденіе, въ которое они впади, какъ сами о томъ говорятъ, одни добровольно смыкая глаза предъ блескомъ истины, а другіе какъ подверженныя невольной слѣпотѣ, — если когда-либо и они, какъ это исповѣдуются и дѣлается всѣми благочестивыми христіанами, принимали участіе въ почитаніи священныхъ иконъ, которыя изображаютъ человѣческое, видимое и описуемое естество воплотившагося ради насъ Бога Слова, а также обозначаютъ подвиги и борьбу святыхъ и избранныхъ Его, кои они совершили по любви къ Нему противъ враговъ Его. Они созерцали ихъ, какъ благолѣпныя украшенія священныхъ сосудовъ и священной одежды, которая надѣвается на божественную трапезу, — красуются и въ другихъ мѣстахъ — на завѣсахъ и коврахъ; достославными исторіями росписанъ священный храмъ и повсюду кругомъ ими увѣнчанъ. А какъ слово наше направляется къ священникамъ (не знаю, къ кому и къ какимъ), то благовременно спросить ихъ, какіе существуютъ у нихъ священные обряды и священнодѣйствуются таинства? И конечно сами они знаютъ, могутъ ли сказать, что имѣютъ какіе-либо иные об-

ряды и другія таинства, отличныя отъ нашихъ. Если же они имѣютъ наши таинства, поистинѣ высокія и небесныя, на которыя даже и ангелы взираютъ съ великимъ благоговѣніемъ и почтеніемъ, то для чего и на какомъ основаніи находясь въ алтарѣ храма и священнослова при евхаристіиной жертвѣ, говорятъ къ Богу Отцу всѣхъ: „отвративъ насъ отъ заблужденія идольскаго (говорится о Единородномъ), привелъ насъ къ познанію Тебя единого истиннаго Бога и Отца, стяжавъ насъ Себѣ въ народъ избранный ¹⁾“ и прочее что тамъ вслѣдъ за этимъ поется во время тайнодѣйствія?

27. Но какъ болтуны и глупцы, они подобно изступленнымъ и безразсуднымъ пустословятъ еще вотъ что: „еслибы Константинъ (Копронимъ) не избавилъ насъ отъ идолослуженія, Христосъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы намъ принести пользы. Зачѣмъ же поэтому, исповѣдуя, что мы освобождены отъ идоловъ Христомъ, снова поклоняются идоламъ у божественнаго жертвенника?“ Что и эти слова болтаютъ они по вдохновенію отца лжи, какъ я увѣренъ, каждому ясно, ибо они надѣются согласить въ одномъ исповѣданіи двѣ противоположности, другъ другу крайне враждебныя, разумѣю — ложь и истину. Они дошли до такого безумія и тупости, что не замѣчаютъ, что возвращаются въ кругъ пустыхъ умозаключеній и бесполезныхъ доказательствъ. И если они неразумно думаютъ, что въ томъ и другомъ отношеніи говорятъ правду, то имъ остается обвинить во лжи и евангеліе, ибо Христосъ говоритъ: *не можете двѣма господиномъ работати — Богу и Мамонѣ* (Лук. 16, 13). Эти же, увлеченные своими мнѣніями, должны

¹⁾ Слова эти читаются на литургіи Василія Великаго.

быть вынуждены работать Христу и Мамонѣ—Константину, составивъ единое изъ двухъ почитаніе, подобно тѣмъ, кои сочинили иппокентавровъ. Вотъ чѣмъ платятъ своему Благодѣтелю эти хулители людей достохвальныхъ, поклонники мрака вмѣсто свѣта, ненаставленные въ мудрости, неблагодарныя твари, порожденія лукаваго. Поэтому и къ нимъ вполне приложимо то, что было предвозвѣщено нѣкогда тѣмъ богоглаголивымъ языкомъ (2 Кор. 6, 14), ибо они думаютъ согласить совершенно несогласимое и непримиримое, бесконечно далеко другъ отъ друга отстоящее, насколько лучи солнца — отъ безсвѣтной, подземной пропасти, хотя это представляетъ лишь малое подобіе.

Затѣмъ пусть еще отвѣтятъ на наши вопросы о томъ, полагаютъ-ли они, что предстоятъ предъ божественной трапезой, когда совершаютъ безкровную и пречистую жертву, или же предъ трапезою демоновъ, услаждающихся тукомъ и кровію? Ибо согласно ихъ взглядамъ или, лучше сказать, глупости, нужно рѣшить вопросъ: полагаютъ-ли они, что находятся въ божественныхъ храмахъ или у идольскихъ жертвенниковъ? Да хранить насъ Богъ отъ того, чтобы мы, избличая дѣянія ихъ, не замарались, даже невольно, о нечистоту ихъ. Какое можно придумать оправданіе для нихъ? Что могутъ сказать противъ этого тѣ, которые смѣшиваютъ не смѣшиваемое, которые считаютъ свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, коихъ общеніе совершенно невозможно и немислимо? Кто изъ обладающихъ здравымъ разумомъ осмѣлится сказать, что служеніе и почитаніе Христа и нечистыхъ демоновъ могутъ существовать вмѣстѣ? Мракъ не можетъ выносить присутствія солнечнаго свѣта. Обратите вниманіе на нечестіе ихъ также и въ слѣдующемъ. Во

время освященія и обновленія священныхъ храмовъ служащими іереями возносятся Богу молитвы и прошенія, которыми испрашиваютъ ниспосланія Всесвятаго Духа и освященія храма и наполненія его вѣчнымъ свѣтомъ, а также, чтобы Онъ избралъ храмъ Своимъ жилищемъ, содѣлалъ его мѣстомъ обитанія славы Своей, украсилъ его божественными дарами, подавалъ въ немъ исцѣленіе страданій и изгнаніе демоновъ и содѣлалъ его святымъ святыхъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ храма бываетъ помазаніе божественнымъ миромъ и положеніе священныхъ мощей святыхъ. Неужели же противники наши думаютъ, что ихъ ученіе согласно съ этимъ? Развѣ священнодѣйствія, здѣсь совершаемыя, и ихъ странныя объясненія согласны и соединимы другъ съ другомъ? И кто настолько глупъ и неразуменъ, чтобы объ одномъ и томъ же домѣ говорить, что въ немъ изгоняютъ демоновъ и въ тоже время онъ есть ихъ жилище, что онъ оказывается святымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нечистымъ, что въ немъ осѣняетъ божественный Духъ и въ тоже время пребываетъ вражеская сила? А вѣдь они, вышедши за предѣлы всякаго безумія и умопомраченія, думаютъ именно такъ. Впрочемъ ихъ нечестіе не останавливается на этомъ: они отказываются даже полагать въ освящаемыхъ алтаряхъ святыхъ и священныхъ мощи святыхъ, за Христа боровшихся и до крови подвизавшихся, коихъ и ходатайства они презируютъ и отвергаютъ, согласно усвоенному ими ученію, ибо *непщевани быша во очію безумныхъ умрети, и вмѣнися озлобленіе исходъ ихъ, и еще отъ насъ шествіе сокрушеніе: они же суть въ мирѣ* (Прем. 3, 2). Посему во всемъ этомъ эти несчастные явно оказались беззаконствующими вотще.

Имъ кажется, что они хулятъ и оскверняютъ имя

Господне, на жертвенникъ возносятъ оскверненные хлѣбы и дерзаютъ говорить: *трапеза Господня осквернена есть, и возлагаемая брашна его ничтоже не быша* (Малах. 1, 21), въ чемъ, какъ мы знаемъ, обвинялись священники подзаконной религіи. Совершенно по заслугамъ пусть также услухать они то, что было сказано древнему Израилю: *доколы. храмлете на обѣ плѣснѣ* (3 Ц. 18, 21)? Подражая въ богопочтеніи тѣмъ (ветхозавѣтнымъ священникамъ), они презрѣли божественный законъ и спѣшатъ перейти къ святынямъ сосѣднихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи они оказались имѣющими настроеніе Самарянъ, которые и Господа боялись и Богамъ своимъ служили, что хотя и дурно было, однако они, кажется, совершали богослуженіе такъ, какъ это соотвѣтствовало тѣмъ, кому они поклонялись. Эти же, сливая, смѣшивая и соединяя вмѣстѣ то, что совсѣмъ не можетъ быть соединено и существовать рядомъ, о чемъ одна мысль есть уже крайнее богохульство, по своему невѣжеству и безбожію хотятъ воздавать имъ одну и ту же честь и поклоненіе. Въ виду того, что въ послѣднее время все выяснено и въ догматахъ и въ ученіяхъ, ихъ отнюдь нельзя уравнивать и съ Коринѣянами, которые только что отрезвились отъ идольскаго опьяненія, пребывали еще плотными и младенцами о Христѣ и нуждались въ молокѣ, а не въ твердой пищѣ (1 Кор. 3, 2). На это они не способны ничего возразить или представить какое-либо оправданіе. Нельзя также ихъ уравнивать съ Евреями, которые крѣпко держались іудейскаго и преданнаго отцами образа жизни, такъ что имъ требовалось *учитися, какъ писмена начала словесъ Божіихъ*, и нужно было *млеко*, а не *крѣпкая пища* (Евр. 5, 12). Если же они омрачились въ своихъ помышленіяхъ и обжуродѣло сердце ихъ

и они смежаютъ очи свои предъ лучами евангельской проповѣди и не въ состояніи познать различіе предметовъ, отъ насъ безконечно далекихъ и превосходящихъ всякое сравненіе, ибо они не умѣютъ различать между святымъ и сквернымъ, то пусть выслушаютъ, что откроетъ имъ священнослужитель евангелія, указывая на мракъ, облегающій ихъ души: *Аще ли же есть покровенно благовѣствованіе наше, въ гибнущихъ есть покровенно: въ нихъ же Богъ въка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, во еже не возсіати имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы* (2 Кор. 4, 3—4), — и еще; *не хочу васъ общниковъ оути бѣсомъ: не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую, не можете трапезъ Господней причащатися и трапезъ бѣсовстѣй* (1 Кор. 10, 20—21).

Можетъ быть, подумаютъ, что я оказываюсь суровымъ обвинителемъ и сверхъ мѣры преслѣдую извращенія этого многовиднаго заблужденія. Но я не перестану защищать истины до тѣхъ поръ, пока Виновникъ нашего спасенія поражается дерзкими рѣчами, какъ стрѣлами изъ лука, а церковь болѣе и болѣе подвергается осадѣ, ибо *ревнуя поревноваша, по Господь* (3 Цар. 19, 10), *ревность дому твоего снѣде мя, и: поношенія поносящихъ ти нападоша на мя* (Пс. 68, 10). Святые въ своихъ писаніяхъ будутъ согласны со мною. А они пусть не откажутся дать мнѣ ясные отвѣты на слѣдующіе вопросы. Чье тѣло и кровь, священнодѣйствуя, приносятъ они въ жертву? Если скажутъ, что — Христа, то кто же можетъ повѣрить имъ, когда они ниспровергаютъ дивное и спасительное для насъ воплощеніе, невѣжественно и нечестиво думая, что Слово восприняло плоть не такую, какова наша, нечестиво приписывая какую-то особую важность словамъ: *неописуемый и неизобразимый*, ложно

представляя дѣло согласно манихейскимъ бреднямъ? Если же они признають, что (приносятъ въ жертву) тѣло, то какъ въ одно и тоже время и отвергають его и священнодѣйствуютъ надъ нимъ? Но оставимъ это, ибо что они обыкновенно пустословятъ предъ невѣждами, то мы презираемъ какъ преисполненное пустословія и нелѣпости. Вѣдь, какъ беззаконники, они рассказываютъ намъ только всякій вздоръ, но не яко законъ Господа (Пс. 118, 85), и: *взыщши премудрость у злыхъ и не обрящши* (Притч. 14, 6) и: *мерзость Господи помыслъ неправедный* (Притч. 15, 26). Слова мудрецовъ мы слышимъ здѣсь. Что же скажетъ объ этомъ причастникъ неизреченныхъ тайнъ? Вѣдь не иное что слѣдуетъ примѣнять къ тѣмъ, кои болтають отъ пустого сердца и вѣщаютъ отъ духа противленія. Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе крови Христовы есть? Хлѣбъ, его же ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть (1 Кор. 10, 16). Кое бо причастіе правды ко беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тьмѣ? Кое же согласіе Христови съ вѣліаромъ? Или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ? Или кое сложеніе церкви Божіей со идолами? (2 Кор. 6, 15—16). А что такое идолъ и идоложертвенное, онъ самъ опредѣляетъ, говоря: *яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови* (1 Кор. 10, 20).

Такъ говоритъ тотъ, кто ясно открылъ намъ тайну вышняго и божественнаго ученія. Мы же перейдемъ теперь къ разсужденію о другихъ изъ нашихъ таинствъ. Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ, одержавъ побѣду надъ смертію, водрузивъ славное знамя противъ тираніи ада, укротивъ великаго кита, тридневенъ возсталъ изъ мертвыхъ, то, явившись ученикамъ, заповѣдалъ имъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*

(Мѡ. 28, 19). Они же тотчасъ разсѣялись по всей землѣ, которую озаряетъ солнце, и прошелъ по ней гласъ ихъ и до предѣловъ вселенной достигло слово ихъ. Такъ эти ловцы народовъ сѣтью слова живыми уловили тѣхъ, которые хотя немного подымались наверхъ изъ горькаго невѣрія. И первыми отъ обрѣзанія притекшіе къ проповѣди и таинству предвосхитили благословеніе благодати. Многіе, отвертившись отъ Еврейскаго невѣрія и оставивъ отеческіе обычаи, освободились отъ тяжести ига, подъ которой рабствовали закону, пока держались буквы, и приносятъ Богу всяческихъ вмѣсто подзаконнаго служенія поклоненіе въ духѣ и истинѣ. Вслѣдъ затѣмъ освободились отъ идольскаго безумія исторгнутые изъ Эллинскаго суевѣрія, жертвенниковъ и тука. Другіе, убѣгая варварскаго нелѣпаго служенія, были освобождены отъ властвовавшаго дотолѣ обмана діавольскаго. Изъ всѣхъ ихъ, сошедшихся во единое исповѣданіе вѣры, составилаь и устроилась каѡолическая Христова Церковь. И все вмѣстѣ приводимые къ познанію Троицы во имя Ея окрестились, причемъ нигдѣ не вкрадывалось никакое (которое не прилично называть) именуемое на небѣ и на землѣ имя. Поэтому и къ тайнствамъ нашимъ отнюдь нельзя приступать, какъ къ лишеннымъ святости, и невозможно думать, что они какъ-либо восприняли скверну нечистыхъ идоловъ. И потому говорящіе Духомъ Божиимъ не произнесутъ анаѣмы на Іисуса (1 Кор. 12, 3). Эти же безбожники и невѣры, если конечно не во имя Константина, но въ Троицу крестились (думаю, что они не станутъ отрицать этого, ибо въ противномъ случаѣ намъ не было бы нужды въ этихъ состязаніяхъ и борьбѣ, и они не доставили бы намъ такое множество дѣлъ), — пусть ясно отвѣтятъ намъ, откуда же у нихъ вкрались

идолы? И если они хранятъ неприкосновенной и цѣлой печать исповѣданія, то почему у нихъ на языкѣ всегда готово имя идоловъ?

28. И если въ смерть Христа крестившимся Христосъ не можетъ принести пользы, то развѣ эти не болѣе безразсудны, чѣмъ Евреи, не болѣе невѣрны, чѣмъ Элліны, и не болѣе безбожны, чѣмъ варвары? Ибо никто изъ этихъ послѣднихъ не осмѣливался обвинять Церковь Божію. Что можетъ быть больше этого нечестія? Какое слово способно представить столь великое ихъ неразуміе? Можетъ ли быть кто другой, который бы могъ избавить ихъ своею кровію отъ такого заблужденія? Развѣ можно называть ихъ не только уже епископами, но и просто христіанами? Посему они должны быть вынуждены искать другого крещенія для своего освященія и усовершенія, *распинающе Сына Божія себѣ, и обличающе* (Евр. 6, 6), хотя уже однажды они были просвѣщены, вкусили небеснаго дара и содѣлались причастниками Святаго Духа. Въ такомъ случаѣ, нуждаясь въ новомъ освященіи, они будутъ нуждаться и въ новомъ помазаніи и рукоположеніи, послѣ того какъ разъ отринули и отвергли прежнее. Иначе какъ же стали бы они сообщать другимъ освященіе, котораго не сохранили сами? Или какимъ образомъ тѣ, кои сами себя расхиротонисали, могутъ рѣшиться крестить и учить? Да и какъ наконецъ ихъ ученіе и крещеніе можетъ быть благопріятнымъ и достовѣрнымъ.

29. Къ сказанному надо прибавить слѣдующее, въ чемъ согласятся со мной и они, хотя обыкновенно все извращаютъ, все легко мѣняютъ и не имѣютъ никогда ничего твердаго. Когда кто-либо отъ нашей вѣры добровольно или невольно переходитъ въ другую религію, оскверняясь съ невѣрными язычниками,

вкушаетъ гнусную пищу или какъ-либо иначе отступаетъ отъ нашихъ обычаевъ, то божественныя постановленія церковныя повелѣвають, чтобы онъ,—сознавъ свой грѣхъ, и раскаявшись въ томъ, что сдѣлалъ дурного, въ покаяніи прибѣгъ къ церкви и объявилъ, что отвращается отъ неразумно и нечестиво содѣяннаго имъ,—ни въ какомъ случаѣ не вступалъ на помостъ божественнаго храма, но пребывалъ вдали отъ нашихъ собраний и удерживался отъ общенія въ божественныхъ таинствахъ. И для него назначается опредѣленное время, въ теченіе котораго онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ, при искреннемъ и усердномъ исповѣданіи допущенныхъ имъ прегрѣшеній, можетъ загладить свою вину. И только тогда онъ можетъ удостоиться причастія святынь и быть сопричисленъ къ вѣрнымъ. Итакъ, пусть скажутъ намъ они, утверждающіе, что поклоняются идоламъ, если они желаютъ быть причисленными къ христіанамъ, какой у нихъ установленъ способъ обращенія и время? Кто принимаетъ отреченіе отъ нечестія? Какимъ канонамъ они повинуются? И какъ у нихъ происходитъ исправленіе неразумныхъ и нечестивыхъ ученій и дѣйствій? И такимъ образомъ пусть разсудятъ, достойны-ли они священнаго стада. А пока будутъ бороться со Христомъ, да удалятся они отъ священной ограды и да будутъ отсѣчены, какъ гнилые и негодные члены, отъ стада Христова, дабы не заразили душепагубною болѣзнію и тѣхъ, которые здоровы и крѣпко держатся истиннаго исповѣданія.

30. Идолы и тѣ, которые, заблуждаясь, поклоняются имъ, раздѣляются на два разряда. Одни, по тупости и плотяности мысли останавливаясь только на явленіяхъ, и неспособные уразумѣть ничего бо-

лѣе, устремляютъ умъ свой на камни, деревья и прочую бездушную матерію и поклоняются только имъ. Другіе же, которые по видимому разсуждаютъ съ большимъ пониманіемъ и любомудріемъ, думаютъ, что въ статуяхъ обитаютъ нѣкія силы. Эти силы, равно какъ и изображенія боговъ, обыкновенно называютъ богами. Спрашивается, къ какимъ же изъ этихъ идолопоклонниковъ должны быть отнесены новые почитатели идоловъ? Если они вслѣдствіе крайняго невѣжества относятъ себя къ низшему разряду, то они впадаютъ въ явное скотство и неразуміе. Если же, поступая разумнѣе, выберутъ другой разрядъ, то они ввергнутся въ крайнее нечестіе и безбожіе. И за тѣмъ: нравится-ли имъ мужской полъ и въ немъ кто-нибудь особенно, напримѣръ Кроносъ, Зевсъ, Аполлонъ,—или женскій, напримѣръ Рея, Гера, Артемида? А также: признаютъ-ли они разряды среди нихъ, классъ первый и второй, преимущество однихъ предъ другими, разницу между ними и степени ихъ достоинствъ, чтобы если ужъ они принуждены язычествовать, то не упустили бы изъ виду превосходства однихъ надъ другими? Поистинѣ до изумительнаго безумія доходятъ они, если не хотятъ видѣть, не говоря о чемъ другомъ, того, что у каждого бога есть свой особый культъ, разные храмы, жертвы и изображенія. И какъ предметы поклоненія имѣютъ свойства совершенно одни съ другими не сравнимыя (ибо одни божественныя и досточтимыя, а другіе мерзостныя и демонскіе), такъ совершенно ясно различаются между собою богослуженіе и мѣста, гдѣ происходитъ почитаніе ихъ. Ихъ обряды, какъ исполненные тьмы и достойные мрака, и совершаются большею частію во мракѣ, въ подземныхъ убѣжищахъ и пещерахъ. Наши же таинства, такъ какъ мы ходимъ

во свѣтѣ лица Господня, во освѣщеніи божественнаго сіянія, открываются при свѣтѣ, ибо они сами свѣтъ.

31. Что касается изображеній, то такъ какъ заблужденіе принимаетъ множество формъ (ибо боговъ и демоновъ у нихъ много), они неизбѣжно имѣютъ много видовъ, и фигуры ихъ разнообразны и многочисленны, различны по виду, другъ на друга не похожи, и каждому богу усвоятся разныя изображенія. У насъ же христіанъ истина проста и едина и такъ какъ Христосъ единъ, то едина по виду и икона Его, и изображенія Его одинаковы, исходя всегда отъ одного первообраза подобно тому, какъ напимѣръ отъ одной печати получается много оттисковъ. И хотя по различію времени и условій мѣста они и отличаются нѣсколько по виду и формѣ и умножаются, но печать остается той же самой. Такъ и огонь остается однимъ и тѣмъ же, хотя отъ одной лампы зажигаются многія усердіемъ и вѣрою тѣхъ, которые ищутъ тутъ помощи и благодати. Каково же различіе въ жертвахъ, это трудно и представить, ибо какое можетъ быть сходство нашей безкровной и свѣтѣйшей жертвы съ тѣми мерзкими и безбожными сквернами?

32. Но разъ они, по ихъ же словамъ, поклонялись идоламъ, то почему же предметы ихъ поклоненія не гнѣваются на нихъ, ибо они служатъ имъ въ чужихъ храмахъ? Какимъ образомъ они выносятъ ихъ ярость? И естественно сердиться имъ, потому что имъ не возстановляютъ и не возобновляютъ тѣхъ храмовъ, которыми они владѣли въ древности и которые въ теченіе долгаго времени разрушились и сравнялись съ землей, такъ что отъ многихъ изъ нихъ не осталось и слѣда. Приходя туда, имъ необходимо чтить и украшать ихъ (боговъ) изображенія

и приносить подобающія имъ жертвы, — а также по обычаю вкушать отъ этихъ жертвъ, ѣсть тукъ ихъ и пить вино ихъ возліаній, обдаваемые дымомъ и запахомъ горящаго жира и мараясь грязью жертвенниковъ, — выдерживать зловоніе отъ нечистотъ, которыя всегда отвратительны для обонянія. И какъ не страшатся эти несчастные и душою и языкомъ столь безбожно смѣшивать и соединять вещи, раздѣленные такою преградою? И какъ Богъ терпитъ такое поношеніе? Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что въ ихъ обвиненіи насъ заключается двоякое преступленіе: во-первыхъ, борьба противъ правой вѣры, а во-вторыхъ, рѣчи ихъ, исходя изъ лжи, имѣютъ много спорнаго и сомнительнаго, оспаривая при этомъ другъ у друга первенство въ болтливости.

33. Христорборцы не устыдились честное изображеніе Спасителя нашего Христа и Бога называть идоломъ, а также болтать, что христіане почитаютъ священные иконы, какъ боговъ. Они дошли до такой степени одуренія и безумія, что не въ состояніи понять ни природы предметовъ чтимыхъ, ни уразумѣть воззрѣній почитающихъ, хотя это ясно подобно свѣту свѣтящихся предметовъ. Между тѣмъ богохульство гонитъ ихъ въ одну пропасть нечестія съ обѣихъ сторонъ. Такъ какъ мы прочно утверждены на основаніи правой вѣры, то для тѣхъ, которые тщатся мудрствовать по истинѣ и сохраняютъ здравый разумъ, совершенно ясно какъ ученіе о священныхъ иконахъ, такъ и поклоненіе имъ. Напротивъ, тѣ, подобно блуждающимъ неразумнымъ звѣрямъ, утверждаютъ, что нечистое и святое одно и тоже. И я не знаю, какъ они смоятъ позоръ съ лица своего, ибо онъ навсегда присталъ къ нимъ и неустранимъ. Какимъ образомъ они рѣшаются неразумно и невѣже-

ственно обвинять христіанъ, какъ будто послѣдніе безумствуютъ при почитаніи священныхъ предметовъ, вымышляя это по своему неразумію и отступничеству и сочиняя отъ себя несообразности. И эти несчастные и презрѣнные заслуживаютъ порицанія и отвращенія за свою безсовѣстность и безуміе не менѣе, чѣмъ за свое безбожіе. Даже всегдашніе враги нашей пречистой вѣры изъ Іудеевъ и Эллиновъ не пустословятъ такъ.

34. Таковы ихъ нелѣпости. Но мнѣ для обличенія лжи необходимо перейти на другой путь и на основаніи изреченій Духа, коимъ всячески подобаетъ повиноваться, оцѣнить, сколько правды ли или же вздора въ словахъ этихъ глупцовъ. Апостольская заповѣдь повелѣваетъ намъ не всякому духу вѣровывать, но испытывать, отъ Бога ли онъ, поелику и теперь уже многіе лжеучители, говоритъ, выступили (1 Іоан. 4, 1). Итакъ, посмотримъ, водятся ли они Духомъ Божіимъ и мыслятъ-ли они согласно и сообразно съ тѣми, кои говорили Духомъ Божіимъ. И если мы замѣтимъ, что они не сообразуются съ **оними**, то узнаемъ отсюда, что они— не Божіи, а антихристовы. И прежде всего, если угодно, пусть будутъ приведены древнѣйшіе по времени, а потомъ къ нимъ должны быть присоединены тѣ, которые достойно первенствовали въ церкви. Но всѣмъ имъ должны предшествовать, изреченія изложенныя и преподанныя Духомъ для всѣхъ вообще,—и притомъ изъ нихъ многихъ— только весьма немногія.

35. Такъ какъ они обвиняютъ Христа Бога нашего въ въ слабости и безсиліи, какъ будто Онъ оказался не въ состояніи освободить людей отъ эллинскаго заблужденія и напрасны были крестныя страданія и все совершенное Имъ домостроительство, и, воображая

доказать своими ложными разсужденіями тщетность божественной проповѣди, они обвиняють и проповѣдниковъ истины во лжи: то вотъ что (противъ сего) поетъ блаженный Давидъ на божественной лирѣ, настроенной Духомъ: *Яко Богъ велій Господь, высокъ и страшенъ, и царь велій по всей земли* (Пс. 94, 3). И еще: *воцарися Богъ надъ языки* (Пс. 46, 9). И: *упразднитесь и разумѣйте, яко азъ есмь Богъ: и вознесуся во языцехъ, вознесуся на земли* Пс. 45, 4). И: *сказа Господь спасеніе свое: предъ языки откры правду свою* (Пс. 97, 2). И: *видѣша вси концы земли спасеніе Бога нашего* (Пс. 97, 3). Какимъ же образомъ, когда и въ чемъ Богъ всяческихъ является Богомъ великимъ и царемъ великимъ по всей землѣ, проявилъ спасеніе Свое и предъ языками открылъ правду Свою, это легко познать отсюда людямъ истинно разумнымъ, устремляющимъ правую и неизвращенную мысль къ богопреданнымъ изреченіямъ. Вѣдь если Онъ мыслится какъ Богъ всяческихъ и Создатель, то уже (этимъ признается, что) Онъ и надъ всѣмъ царствуетъ и властвуетъ. *Владычествуй силою своею въкомъ* (Пс. 65, 7), *яко въ руцѣ его концы земли* (Пс. 94, 4). И: *вси поработаютъ ему* (Пс. 71, 11). Правда, это говорится какъ будто о нѣкомъ народѣ близкомъ Ему и Имъ особливо избранномъ, который познаетъ Его, какъ единого истиннаго Бога и Ему единому служить, ибо Богъ и въ этомъ смыслѣ называется Богомъ и царемъ нѣкоторыхъ, и древле познавался таковымъ только потомками Израиля, какъ сказано: *егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ. И бысть часть Господня, людіе Его Іаковъ: уже наслѣдія Его, Израиль* (Втор. 32, 8—9). И: *изъ всѣхъ языковъ избра васъ* (Втор. 14, 2). И: *людіе мои, приставницы ваши пожи-*

наютъ васъ (Ис. 3, 12). И: *мы людѣ твои и овцы пажити твоей* (Пс. 94, 7). И многое подобное сему говорится о немъ (народѣ) въ священныхъ изреченіяхъ, что можно считать не безъ основанія обычными особенностями языка, которыя употреблены для отличенія и отдѣленія Израиля отъ невѣрныхъ и безбожныхъ язычниковъ, (для обозначенія) его близости къ Богу. О язычникахъ же это никогда не могло быть сказано, ибо ихъ цари и подчиненный имъ народъ, поддавшись неразумію души и вслѣдствіе этого блуждая подобно неразумнымъ животнымъ, не познали истиннаго Бога, сотворившаго ихъ, даваго имъ дыханіе жизни, промышлявшаго о нихъ, а нарекли своимъ царемъ сатану, и поклоняясь каждый особо Богамъ и пагубнымъ демонамъ, раздѣленные и разсѣянные сообразно различіямъ въ вѣрѣ, они усвоили себѣ особыя религіи. Итакъ, поелику они не признали Бога всяческихъ царемъ, то не сдѣлались и народомъ близкимъ Ему, хотя и были Его твореніемъ и созданіемъ, Но вѣдь не всѣ народы Израиль и не вся земля Іудея, такъ что эти пророческія рѣченія не могутъ считаться исполнившимися именно на Израилѣ и Іудейской странѣ. Поэтому остается (признать), что эти изреченія разумѣютъ и говорятъ о насъ, призванныхъ къ познанію Бога изъ язычниковъ, или о католической и апостольской Церкви, которая распространилась всюду до предѣловъ земли и которая согласно исповѣдуетъ и почитаетъ единаго Бога Владыку всего, великаго Царя и Господа. Какое же время разумѣютъ эти изреченія? *Егда прииде кончина лѣта* и приблизилось царство небесное, *посла Богъ Сына Своего единороднаго, рождаемаго отъ жены* (Гал. 4, 4), содѣлавшагося человекомъ, во всемъ подобнымъ намъ кромѣ грѣха. И Онъ призвалъ всѣ народы къ позна-

нію Себя и освободилъ насъ отъ горестнаго рабства сильному врагу. Тогда-то вотъ и мы также, будучи язычниками, а не изъ народа, содѣлались народомъ Божиимъ и приобрѣли въ Немъ новое имя. Служащїи Мнѣ, какъ написано (Ис. 62, 2), прозовутся именемъ новымъ, которое будетъ благословенно во вѣки, ибо отъ Него мы называемся и суть христіане. И свѣтъ богопознанія возсіялъ для насъ, ибо сказано: *во свѣтъ языкомъ дахъ ты* (Ис. 49, 6). Итакъ, мы, народъ созданный, хвалимъ Господа, говоря съ Давидомъ: *яко царь нашъ велий Господь* (Пс. 94, 3), всѣ именуемъ Его Богомъ и исповѣдуемъ главою Церкви, которую Онъ искупилъ изъ язычниковъ кровію Своею, ибо Онъ стяжалъ насъ Себѣ въ народъ избранный, родъ святой, царственное священство, чтобы мы возвѣщали совершенства и славу Его (1 Петр. 2, 9). И всѣ народы теперь служатъ Ему, благословляются о Немъ всѣ племена земныя, поклоняются Ему всѣ колѣна народовъ, приходятъ и преклоняются предъ Нимъ всѣ народы и всѣ цари земные служатъ Ему, удаляются отъ отеческихъ обычаевъ, боговъ и господствующаго у нихъ безбожія и притекаютъ съ усердіемъ къ пречистой и непорочной вѣрѣ. Что же думаютъ объ этихъ изреченіяхъ противящіеся Духу? Если по своему неразумію они, можетъ быть, станутъ утверждать, что это было сказано объ Іудеяхъ, то *вѣдомъ во Іудеи Богъ: во Израили велие имя Его* (Пс. 75, 2), ибо здѣсь въ то время и народъ, и служеніе, и поклоненіе были ограничены. *Во Іерусалимѣхъ кланятися подобаетъ* (Іо. 4, 20), какъ было издревле установлено закономъ. Поэтому даже тѣ, которые нѣкогда плѣнными переселились въ Вавилонъ, повѣсивъ органы свои на вербахъ, говорили: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждой?* (Пс. 136, 4 и 2). Если же

по неразумію своему они вознамѣряются славу эту приписать Эллинамъ, то вѣдь эти послѣдніе *осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Занеже разумѣше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша* (Рим. 1, 20 — 21). Униженно повергались они предъ созданіями рукъ своихъ, служили твари вмѣсто Творца и сквернымъ демонамъ воздавали почтеніе подобающее Богу,—чѣмъ отличаются и всѣ прочіе (вмѣстѣ съ Эллинами) язычники. Но идолы язычниковъ, серебряные ли то или золотые, суть дѣла рукъ человѣческихъ, не могущія ни говорить, ни видѣть, ни двигаться.

Итакъ, отовсюду слѣдуетъ, хотя враги истины и не допускаютъ этого, что именно мы, христіане, получили этотъ удѣлъ, ибо Духъ повелѣваетъ намъ пѣть Господу *пѣснь нову* (пс. 97, 1) не въ Іерусалимѣ только или во Іудеѣ, этихъ малыхъ частицахъ вселенной, но во всякомъ мѣстѣ владычества Его, воздѣвая чистыя руки (1 Тим. 2, 8), служить Богу въ святости и правдѣ, когда явился намъ востокъ съ высоты и даровалъ намъ, народу Своему, познаніе спасенія во оставленіе грѣховъ нашихъ. Итакъ, мы, какъ народъ Его, знаемъ кличъ Его, ходимъ въ свѣтъ лица Его, и—всѣ народы вмѣстѣ — надѣемся на Него. И у христіанъ Богъ—не новый, но мы знаемъ одного и того же всегда Бога, ибо Азъ говоритъ, *Богъ первый, и во грядущая Азъ есмь* (Ис. 41, 4) *развѣ Тебе много Бога не знаемъ*, говоримъ мы Ему. *Сказа Господь спасеніе свое: предъ языки откры правду свою* (Пс. 97, 2). Какова же эта правда, о семъ выслушай Павла: *иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). А это есть Еммануиль. Итакъ, если мы, оправданные въ Немъ вѣрою, чрезъ Него искуплены, ибо *видѣша вси концы*

земли спасеніе Бога нашего (Пс. 97, 3), то ясно, что тѣ, которые говорятъ отъ своего чрева, а не отъ устъ Господа, и открываютъ уста свои для хуленій противъ Единороднаго, говорятъ отъ антихриста, какъ истинно думаетъ великій Іоаннъ (І Іоан. 2, 22), ибо они совершенно безумно говорятъ иное по сравненію съ изреченіями божественнаго Духа. Они никогда не пѣли пѣснь Господню, которая поется и земледѣльцами и торговцами и моряками и лицами всякаго достоинства, возраста и положенія—и потому они по справедливости могутъ считаться людьми болѣе невѣжественными и неразумными всѣхъ прочихъ. А вслѣдствіе этого они не могутъ быть названы и священниками: у нихъ совсѣмъ нѣтъ ничего священнаго, напротивъ—много невѣжества и неразумія; они подвергнутся посмѣянію и заслуженно понесутъ тяжкое наказаніе; они не въ состояніи уразумѣть тѣ божественныя изреченія, которыя ввѣрены священникамъ. *Мужъ безуменъ не познаетъ, и неразумивъ не разумѣетъ сихъ* (Пс. 91, 7). Посему, оказавшись говорящими не отъ божественнаго Духа, они слѣдовательно должны явиться говорящими отъ духа противнаго.

36. Такъ и пророкомъ воспѣвается согласное тому, что сказано нами, именно, что Церковь утверждена въ Богѣ и пребываетъ неподвижной: *Богъ посреда́ его, и не подвижится: поможетъ ему Богъ утро заутра* (Пс. 45, 6). Пусть безчисленное множество злобныхъ угрозъ со стороны беззаконниковъ изливается подобно наводненію, пусть духи злобы дышатъ яростнѣе, пусть разливаются потоки, бушующіе и пѣнящіеся теченіемъ нечестія: — Она основана на непоколебимомъ камнѣ, который есть Христосъ, ибо *вся, елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли* (Пс. 113, 11). Да постыдятся же беззаконники!

Затѣмъ мы должны привести и изслѣдовать изреченія и другихъ богоносныхъ мужей, или вѣрнѣе—говорившаго чрезъ нихъ Духа, дабы намъ знать, что изрекли они касательно занимающаго насъ предмета и дабы выяснилось, согласны ли съ ними рѣчи нашихъ противниковъ. Должно начать съ слѣдующаго: *И будетъ, говоритъ пророкъ, на мѣстѣ, на немъ же речеся имъ, не людѣ мои вы, сѣи тамо призовутся сынове Бога живаго* (Ос. 1, 10). Кто же это и о комъ говоритъ намъ пророческое слово, сему научаетъ насъ Петръ, удостоившійся наименованія блаженнымъ, получившій ключи царства небеснаго, основаніе и утвержденіе вѣры нашей, говоря: *вы же родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ. Иже иногда не людѣ, нынѣ же людѣ Божіи: иже не помиловани, нынѣ же помиловани бысте* (I Петр. 2, 9—10). Согласно съ этимъ говоритъ и Павелъ, причастникъ той же благодати и славы и стражъ тайнъ Христовыхъ: *да скажетъ богатство славы своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова во славу: ихже и призва не точію отъ іудей, но и отъ языкъ* (Рим. 9, 23—24), какъ и у Осіи говоритъ: *назову народъ не Мой народомъ Моимъ и не возлюбленную возлюбленною: будетъ, на мѣстѣ, на немъ же речетъ имъ, не людѣ мои вы, сѣи тамо прозовутся сынове Бога живаго* (Ос. 1, 9—10).

Такъ благородно мыслить двоица мудрыхъ учителей вселенной. Такъ какъ оба они (Петръ и Павелъ) оказываются согласными другъ съ другомъ въ отношеніи къ словамъ пророка (Осіи), какъ водимые безъ сомнѣнія однимъ и тѣмъ же Духомъ, и такъ какъ они свидѣтельствуютъ, что мы, призванные изъ Іудеевъ и язычниковъ къ познанію божественнаго свѣта и исторгнутые изъ мрака невѣдѣнія и древняго не-

вѣрія, получаемъ названіе людей Божіихъ и народа Божія; то не ясно-ли, что дерзающіе утверждать противное говорятъ отъ противнаго духа?

И затѣмъ опять тотъ же боговдохновенный мужъ въ духѣ возвѣщаетъ другое откровеніе: *и обручу тя въ правдѣ, и въ судѣ, и въ милости и въ щедротахъ: и обручу тя себѣ въ вѣръ, и увѣси Господа* (Ос. 2, 19). Что же скажутъ на это противники и супостаты воли Божіей? Если по грубости и плотяности своего ума и по приверженности къ буквѣ они будутъ относить эти пророчества къ народу іудейскому, то и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, они злоупотребятъ своею обыкнutoй ложью. Вѣдь такое толкованіе совершенно не вѣроятно, ибо все Іудейское пребываетъ не вѣчно и даже теперь Іудеи уже не сохранили свободы. Гдѣ ихъ царство и знаменитый городъ и славный храмъ? Гдѣ ихъ богослуженіе, узаконенныя жертвы и прочіе пышные обряды? Я не буду перечислять частности. Все это минуло и исчезло. Итакъ, синагога Іудейская не была обручена навсегда Богу, и невозможно, чтобы пророчество относилось къ нимъ. Отсюда добросовѣстный и разумный слушатель долженъ необходимо изъяснять и понимать ихъ въ приложеніи къ новому народу и церкви Христовой, которая обручена жениху Христу и имѣетъ Его всегда своимъ женихомъ, сожителемъ въ сердцѣ ея, раненномъ любовію Возлюбленнаго ея. Она не отступитъ отъ любви къ Нему во вѣкъ и никогда не послѣдуетъ за кѣмъ другимъ. При такомъ толкованіи каждый легко увидитъ истинность пророческаго слова, какъ это показываютъ и самыя дѣла и достовѣрный свидѣтель, представитель жениха, Павелъ, написавшій къ Коринѣской церкви слѣдующее: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представи Христови*

(2 Кор. 11, 2). — и писавшій также Ефесянамъ: *такъ Христосъ возлюбилъ церковь и себя предаде за ню... да очиститъ ю банею водною во глаголь, да представитъ ю себѣ славу церковь, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 25—27).

Что же вы скажете? Прѣзрите Павла и назовете его пустословомъ, между тѣмъ какъ въ немъ говорить Христосъ? Напротивъ, онъ высказываетъ совершенную правду, и церковь Христова сохраняется чистою отъ всякой идольской скверны, а вы лжете, какъ любители лжи, и, что вѣрнѣе и точнѣе, имѣете говорящимъ въ васъ антихриста. Слова же пророка (Осіи. 2, 19): *въ правдѣ и въ судѣ и въ милости (обручу тя)* находятъ свое исполненіе въ томъ, что *избавилъ насъ отъ власти темныя* (Кол. 1, 13) и освободилъ насъ отъ рабства тлѣнію (Рим. 8, 21), *зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ, и не вѣнняя имъ согрѣшеній ихъ* (2 Кор. 5, 19). Когда же это? *Егда благодать и человеколюбіе явился Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по своей его милости спасе насъ банею пакибытія, и обновленія Духа Святаго, егоже излиъ на насъ обильно, Иисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатию его, наследники будемъ по упованію жизни вѣчныя.* (Тит. 3, 4 — 7). И столь преизбыточествовало богатство благодати Его къ намъ, что кровію Своею примирилъ насъ съ Богомъ Отцемъ въ то время, когда мы были побѣждены нашими грѣхами. И не ходатай, не ангель. но Самъ Господь спасъ насъ. Мы же, право и искренно вѣруя, обогащаемся божественнымъ вѣдѣніемъ и на вѣки пожинаемъ духовные плоды божественнаго оправданія.

Также и другой изъ блаженныхъ пророковъ воз-

глашаетъ намъ въ Духѣ, говоря: *въ той день, глаголетъ Господь, соберу сокрушенную, и отринovenную прииму, и изже отринухъ. И положу сокрушенную во остатокъ, и отринovenную въ языкъ крѣпокъ, и воцарится Господь надъ ними въ горы Сионъ отнынѣ и до вѣка.* (Мих. 4, 6—7). На что и въ этихъ словахъ указываетъ пророкъ, это ясно для истинно мудрыхъ, наученныхъ изъяснять божественныя изреченія богоприлично, а не пристрастно. Онъ, какъ видно, внушаетъ намъ разумѣть тотъ день, когда приблизилось царство небесное и когда владычествующій и господствующій на небѣ и надъ всѣми Царь, пришедши на землю, обращался съ обитателями ея, дабы сотворить *обоя едино*, и примирить *небесное и земное* чрезъ крестъ Его, *средостѣнне огады разоривъ, вражду плотью Своею*, какъ сказано гдѣ-то божественнымъ Павломъ (Ефес. 2. 14—16; Колос. 1, 20). Итакъ, Цѣлитель скорбей нашихъ, Понесшій немощи наши и болѣзни за грѣхи наши, Возвѣстившій плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной Ниспославшій свѣтъ истиннаго вѣдѣнія, — вотъ Кто *собралъ сокрушенную* (Мих. 4, 16). Здѣсь можно разумѣть, конечно, всякую душу, которая унижается и повергается предъ произведеніями человѣческихъ рукъ и имъ воздастъ почтеніе, подобающее одному только Богу, ибо заблудшіеся не познали своего Творца и Господа. Ноги ихъ, неумѣвшія ходить прямо, наталкиваясь на преткновенія и кривизны нечестія, пронзаемыя терніями грѣха, подвергались на путяхъ ихъ сокрушенію и бѣдствіямъ, ибо они не знали пути мира. Таковы были всѣ вообще язычники, страдавшіе и сокрушенные невѣріемъ, которыхъ нѣкогда (Богъ) называлъ отверженными ради ихъ невѣдѣнія. Это потому, что Богъ, *презирая лѣта невѣдѣнія и по-*

вѣлѣвая встѣмъ покаяться (Дѣян. 17, 30), умилосердился, принявъ приходящихъ къ познанію Его путемъ евангельской проповѣди,—усыновилъ ихъ и нарекъ Своимъ народомъ,—содѣлалъ народомъ святымъ и сильнымъ, который уже никогда не будетъ немоществовать въ благочестіи. Связавъ сильного и одолѣвъ тиранна, Онъ, подобно побѣдителю, уносящему добычу, исхитилъ бывшихъ подъ властію его и избралъ Себѣ въ качествѣ первой добычи разбойниковъ, блудницъ и мытарей, такъ что они не находились уже въ угнетеніи подъ игомъ врага. Сокрушивъ иго біющаго, Онъ оставилъ ихъ за Собою, какъ священное наслѣдіе и святую синагогу. Надъ ними-то Онъ и царствуетъ во вѣкъ—надъ горой Сіономъ, то есть надъ Церковію Своею, какъ это всякому ясно. И не пресгнетъ это во вѣкъ и никогда не прекратится. Напротивъ, каждое поколѣніе людей, живущихъ въ своемъ вѣкѣ, будетъ познавать и поклоняться Христу Богу нашему, какъ Богу и Царю, и гнушаться всякой идольской скверны, ибо Онъ *съ нами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. 28, 20). Не разумѣющіе же этого пусть пустословятъ, на вѣки постыжаемые; но пусть знаютъ и то, что противъ церкви Христовой они говорятъ неразумное.

А что они говорятъ отъ сердца и пустословятъ отъ противнаго духа, пусть выступить и выскажетъ это другой изъ богоносныхъ мужей: *наполнися вся земля вѣдѣнія Господня, аки вода многа покры море* (Пс. 11, 9). Исходитъ вѣсть о божественномъ явленіи и протекаетъ до предѣловъ вселенной,—уловляется все множество народовъ и исполняется божественной славы и вѣдѣнія, такъ что *аки вода многа покры море*, то есть это множество и преизобиліе повсюду разливающейся благодати въ неоскудѣваемомъ изліяніи сооб-

щаемыхъ даровъ Святаго Духа, коихъ вѣрующіе удостоиваются въ спасительномъ крещеніи. Можетъ быть эти слова пророка указываютъ на благодать божественнаго омовенія, которымъ просвѣщаемые очищаются отъ сквернъ грѣха, ибо чрезъ троекратное погруженіе, при коемъ призывается пребожественная Троица, исповѣдуются троичность ипостасей и единство преестественнаго Божества, погружаются и спогребаются омытые чистой и святою водою и очищаются огнемъ Духа тѣ, которые были подобны морскимъ волнамъ, такъ какъ надъ ними прежде господствовало (подобное морской водѣ) горько-соленое невѣріе. Такъ sollevши съ себя ветхаго Адама, они облакаются въ новаго, созданнаго по Христу. Или же эти слова указываютъ на то безконечное множество поспѣшно откликнувшихся и притекшихъ на призывъ евангелія, которое можетъ превзойти таинственно даже море. Подобнымъ же образомъ открыты были древле богомъ обѣтованія патріарху Аврааму, по которымъ возвѣщенное ему потомство имѣло возрасти въ такой степени, что оно сравнивалось съ звѣздами небесными и пескомъ земнымъ. И дѣйствительно, не только море, но и всю вселенную наполняетъ наша вѣра, ибо всѣ, какъ наученные Богомъ и очищенные банею паки-бытія и обновленія Святаго Духа, преисполнены славы и вѣдѣнія Его, такъ что ото всего идольскаго не сохранили ни малѣйшаго слѣда и никакого знака. Такъ, исполненные внушеніями нечистаго духа, противники наши уловляются въ своемъ праздникѣ пустословіи противъ Церкви Христовой.

Пусть, далѣе, предстанетъ предъ нами и говоритъ и еще одинъ изъ богоносныхъ мужей. *Явится Господь на нихъ, и потребитъ вся боги языковъ земныхъ:*

и поклонятся ему кѣждо отъ мѣста своего вси острови язычестіи. (Соф. 2. 11). Что понятнѣе и яснѣе этого можетъ свидѣтельствовать о томъ, что явленное намъ сошествіе Бога-Слова имѣло для насъ величайшую важность и было весьма спасительно? Благодаря ему, мы, язычники, избавлены отъ заблужденій многобожія и познали единого истиннаго Бога Отца и егоже послалъ есть *Исуса Христа*, Господа и Бога нашего. Но принявшіе то неистовое и богоненавистное ученіе, до сихъ поръ еще удерживаемые непроглядною тьмою невѣжества, кажется, не были озарены лучами богопознанія. Эти слова заграждать также и безстыдныя уста Іудеевъ, хотя бы и пожелали они говорить, ибо по возвращеніи ихъ изъ Вавилона язычники, принявшіе вѣру въ Бога, совершали опредѣленное закономъ служеніе въ Іерусалимскомъ храмѣ. Но пророческое изреченіе предвозвѣщаетъ, что *поклонится кѣждо отъ мѣста своего*, что свойственно не закону, а евангельскому ученію, которое дѣйствительно распространилось по всѣмъ концамъ земли. И дѣйствительно, и симъ оправданнымъ вѣрою, явился *благодать Божія спасительная встѣмъ челоѣкомъ, наказующи насъ, да отвергнемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ: ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа: иже далъ есть себѣ за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 11—14). Даже демоны явленіе Спасителя, творившаго Божественныя чудеса, когда Онъ милосердствовалъ надъ Своими созданіями, узнавали по тому, что они испытывали, и невольно восклицали: *что намъ и тебѣ, Исусе, Сыне Божій? Пришелъ еси стѣмо прежде времени мучити насъ* (Мѡ. 8, 29). Ихъ

тираннія была устранена, ихъ власть совершенно уничтожена, и они въ предчувствіи предстоящаго имъ наказанія и геенны оплакивали, какъ преждевременныя пока, свои мученія. Эти же враги креста Христова ревностно воздерживаются даже отъ того, чтобы вмѣстѣ съ демонами говорить эти слова домоновъ. Послѣдніе, познавъ свое паденіе, хотя конечно и не выполнѣ чисто и не совсѣмъ ясно, даже при всемъ своемъ безстыдствѣ, пожелали публично признать свое поражение, впрочемъ недобровольно, а вынужденные властію Повелителя. Эти же являютъ себя выше осужденія тѣхъ, какъ расположенныя думать о себѣ нѣсколько больше и лучше, чѣмъ тѣ,—и потому, хотя и выполнѣ преданные имъ, однакоже не рѣшаются говорить, что власть ихъ уничтожена, или прекратить свое неистовство противъ насъ.

А какъ пророческія изреченія необходимо всегда исполняются, то каждый изъ вѣрныхъ поклоняется Богу *отъ мѣста своего, ибо вся земля да поклонится тебѣ*, какъ написано (Пс. 65, 4). Также и Апостолъ языковъ желаетъ, чтобы мы молились, *воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размысленія* (I Тим. 2, 8). И это ограниченное однимъ мѣстомъ поклоненіе прекратилось послѣ того, какъ къ намъ явился раздравшій рукописаніе, исполнившій законъ, обновившій для насъ благодать Господь всего. Развѣ Онъ не говорилъ этого женѣ Самарянокъ? *Ни въ горы сей, ни во Иерусалимѣхъ поклонитесь Отцу, но грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему. Духъ Божъ: и уже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться* (Іо. 4. 21, 23—24). А какъ истина и благодать возблистали всюду, то нѣтъ болѣе основанія, почему бы поклоненіе должно огра-

ничиваться мѣстомъ и совершаться по тому древнему чину, который былъ только сѣнію. Но какъ слово евангельское пронеслось и излилось на всей землѣ, такъ и (христіанской) образъ славословія и поклоненія распространился и расширился (повсюду). Или же можно понимать (слова пророка) такъ, что каждый изъ увѣровавшихъ становится мѣстомъ Божиимъ, ибо ему надлежитъ блюсти свою душу, очищать ее святою жизнію и добродѣтелями и такимъ образомъ готовить себя для обитанія Святаго Духа. Одолѣвъ матерію, побѣдивъ страсти, освободивъ умъ отъ развлекающихъ его и мимолетныхъ попеченій, онъ такимъ образомъ будетъ имѣть въ себѣ обитаніе Слова Божія, какъ сказано: *яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16). И: *яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тѣмъ будутъ люди* (Лев. 26, 2; 2 Кор. 6, 16). Подъ островами же языковъ что иное разумѣется, какъ не церкви, составленныя изъ язычниковъ, поднявшіяся изъ горькой воды невѣрія и получившія надежное утвержденіе въ Богѣ, какъ научили насъ служители Божественныхъ таинъ? Можно также съ правомъ сказать, что въ словахъ пророка описываются лежащія въ моряхъ дѣйствительныя острова, которые нѣкогда населялись народами, сжившимися съ безбожіемъ, ибо не только обитатели материка, но и эти также, принявъ спасительное ученіе, каждый поклоняются Богу всяческихъ отъ своего мѣста. Итакъ, если Самъ Христосъ и Богъ нашъ, Сама истина, признаетъ насъ истинными поклонниками, поклоняющимися Ему въ духѣ и истинѣ согласно евангельскимъ и пророческимъ словамъ, — ибо Одинъ и Тотъ же (Духъ) говоритъ въ нихъ воѣхъ, — то неужели съ пришествіемъ Его мы не избавились отъ языческаго безбожія и не

удалились отъ всякой идольской скверны, будучи въ тоже время во всемъ Его истинными поклонниками? Посему ложны рѣчи нашихъ прогивниковъ, и ясно и отсюда, что они говорятъ отъ противнаго духа и антихриста.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что говоритъ далѣе тотъ же богоносный мужъ, согласный и самъ съ собою и съ истиной. *Тогда обращаю къ людямъ языкъ въ родъ его, еже призывать всѣмъ имя Господне, работати ему подѣ игомъ единѣмъ. Отъ конецъ рѣкъ Эѳіопскихъ принесутъ жертвы мнѣ* (Соф. 3, 9—10). Согласно съ этимъ поетъ знаменитый Исаія, говоря: *языцы немощующіи скоро научатся глаголати миръ* (Ис. 35, 6), такъ какъ *языки возглаголютъ новы* (Мрк. 15, 17), какъ передаетъ божественное изреченіе. Итакъ, языки тѣхъ народовъ, нѣкогда изрекавшіе слова, исполненныя нечестія, и привыкшіе къ названіямъ и призываніямъ нечистыхъ демоновъ, Богъ обѣщаетъ переменить, освободивъ ихъ отъ столь гнуснаго занятія, такъ что они во всѣ роды пребудутъ чистыми и свободными отъ всякаго идольскаго слововыраженія и будутъ совершать непорочное и нескверное, подобающее Богу, разумное служеніе. Сказано (въ словахъ пророка) также, чтобы служили Ему подѣ однимъ игомъ, ибо извѣстно, что прежде человѣческая природа была отягощена многими родами ига: одни были подѣ игомъ однихъ боговъ, а другіе подѣ игомъ другихъ, по различію культовъ и религій, запряженные въ ярмо нечестія. Но когда съ неба пришелъ къ намъ Избавитель, тогда Онъ освободилъ отъ этого тягостнаго и многообразнаго ига, предложилъ Свое иго и влечетъ насъ къ послушанію и повиновенію евангельскому устроенію жизни, говоря: *возмите иго Мое, ибо оно благо и бремя мое легко* (Мѡ. 11, 29). Подкланяясь

съ готовностію подѣ это его оправданія, мы, вѣрные, служимъ Ему въ истинѣ, и чистосердечіи, и единой вѣрѣ и сему радуемся и величаемся, будучи научены что *благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плачь Іер. 3, 27). Нужно дивиться величію и милости Владыки всяческихъ, Который настолько обильно излилъ на насъ Свое милосердіе и благодать, что благоволилъ до послѣднихъ предѣловъ вселенной достигнуть спасительной проповѣди. Посему и отъ Эѳіопіи и отъ всѣхъ концевъ земли познавшими Его согласно непрестанно возсылается Ему хвала и славословіе. Пусть выслушаютъ это неразумные и познаютъ, что, клевета на Церковь Христову, они противятся Святому Духу, и убѣдятся, что говорятъ отъ противнаго духа.

Но послушаемъ слова другаго святаго мужа. *Красуйся и веселися дщи Сіоня, зане се азъ гряду, и вселюся посредъ тебе, глаголетъ Господь. И прибѣгнутъ языцы мнози ко Господу..... (и вселятся) посредъ тебе, и уразумѣши, яко Господь Вседержитель посла мя къ тебѣ* (Зах. 2, 10 — 11) Кто это грядый, о семъ пусть возвѣститъ Іоаннъ, великій Предтеча Спасителя нашего, посылавшій двухъ своихъ учениковъ сказать Господу; *ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Мѣ. 11, 3)? Получивъ отвѣтъ, онъ возгласилъ его Агнцемъ и Сыномъ Божиимъ (Іоан. 1, 36). Кромѣ того и Давидъ поетъ: *благословенъ грядый во имя Господне* (Пс. 117, 26). Сей пришедшій Спаситель говоритъ своимъ ученикамъ: *идѣже бо еста два, или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредъ ихъ* (Мѣ. 18, 20), и: *съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. 28, 20). Также другой пророкъ взываетъ: *вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богомъ, и тѣмъ будутъ Мнѣ людіе* (Лев. 26, 12 и 2 Кор. 6, 16). *Прибѣгнутъ языцы мнози, говоритъ пророкъ, ко Господу* (Зах. 2, 10—11). Когда же

это? Ясно, что тогда, когда настало время богоявленія и когда *прибѣгающіе* восклицаютъ: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ* (Пс. 89, 1). И эти, названные людьми Господними, поселятся въ Сіонѣ, то есть конечно въ Церкви, которая приглашается радоваться и веселиться при видѣ всего чрезмѣрнаго числа чадъ ея. Согласно съ этимъ и другой святой мужъ отъ лица Спасителя восклицаетъ: *благовѣстити нищимъ посла мя* (Ис. 61. 1). Мы вѣруемъ и проповѣдуемъ, что Сынъ Божій и Богъ домостроительно посылается Отцемъ въ человѣческомъ видѣ, ибо апостольское слово знаетъ Его, какъ Посланника и первосвященника исповѣданія нашего (Евр. 3, 1), Который былъ посланъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева (Мѡ. 15, 24). Но такъ какъ эти не познали и не приняли посланнаго Избавителя и Благодѣтеля, то посему ученики Его были посланы къ язычникамъ. Отсюда возсіалъ міру свѣтъ боговѣдѣнія, и мы освободились отъ рабства стихіямъ міра и избавились отъ всякой демонской власти. Итакъ, да заградятся всякія уста, глаголющія неправду на Бога, ибо если они отвергаютъ говорящихъ въ Духѣ пророковъ и апостоловъ, то всякому конечно ясно, что они отвергаютъ и Благовѣствуемаго ими, какъ они дѣйствительно и дѣлаютъ нечестиво и совершенно открыто. Но не оставляютъ они безъ обвиненія даже и пославшаго Отца Бога, ибо и на Него направляется ихъ неразумная клевета, (состоящая въ томъ), что Онъ въ ихъ глазахъ оказывается немощнымъ въ отношеніи къ опредѣленному Имъ же посольству. Тщетнымъ оказывается и тотъ древній и истинный совѣтъ, который совѣщался (Ис. 9, 6), какъ скоро *Великаго Советъ Ангелъ* оказался не въ состояніи совершить ничего. Да обратится же на главу незаконныхъ это

богохульство! И если они ожидаютъ другаго Искушителя (ибо таково ихъ пріятное желаніе), то они должны будутъ сопричислить себя къ Іудеямъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же они отъ нихъ будутъ отличаться, если совсѣмъ ничѣмъ не выражаютъ своего почтенія къ Пришедшему и не думаютъ, чтобы Онъ дѣйствительно являлся и принесъ пользу людямъ? Вѣдь и ихъ безумное богохульство стремится къ тому же самому.

37. Приди (на помощь) ко мнѣ и ты, доблестнѣйшій и блаженнѣйшій изъ пророковъ, и нынѣ, призвавъ Бога, воскликни громогласно и возгласи во всеуслышаніе то, что Духъ, свыше вдохновляющій, повелѣлъ изречь тебѣ. Скажи же мнѣ и богомудро возвѣсти слово: вѣдь изречешь ты, конечно, божественное. *Будетъ въ день онъ, глаголетъ Господь Вседержитель, потребую имена идоловъ отъ земли, и кому не будетъ ихъ памяти* (Зах. 13, 2). Тебѣ, боговѣстниче, какъ очищенному по тѣлу, душѣ и разуму, было очень легко научиться сему отъ Бога, возвѣстить другимъ и придать писмени для слѣдующихъ поколѣній истину и разъясненіе таинъ. Насъ же, здѣсь пребывающихъ, какъ это и естественно, объемлетъ сильное раздумье, что говорить сначала и что отложить до другаго времени. Что можемъ сказать по поводу этого? Кто способенъ въ виду приведенныхъ словъ достойно восхвалить безграничную и недосягаемую высоту Духа или Истины и представить чистоту и ясность Его откровенія? Кто въ должной мѣрѣ можетъ изобличить безуміе и безстыдство безбожниковъ? ибо что яснѣе и проще этихъ словъ, легче и пріятнѣе ихъ! Они блещутъ яснѣе солнечныхъ лучей, — и нѣтъ здѣсь нужды ни въ истолкованіяхъ, заключенныхъ въ длинные періоды, ни въ глубокомъ размышленіи для тщательнаго изслѣдованія и открытія сокрытаго и неяс-

наго, ни въ какомъ либо переложеніи, которое идетъ путемъ длинныхъ отступленій и разрѣшаетъ въ изреченіяхъ загадочное и малопонятное, ни въ изысканномъ сочетаніи выраженій для разъясненія приведенныхъ словъ. Простота, истинность и очевидность рѣчи пророка не допускаетъ, чтобы одни понимали ее такъ, а другіе послѣ усиленныхъ изысканій принимали ее иначе и, преслѣдуя свои цѣли, отменяли истину, насилывали смыслъ приведенныхъ словъ, злокозненно извращали его, распоряжались имъ по собственному усмотрѣнію, что нынѣ дѣлаютъ люди, преданные міру и подчиняющіеся желаніямъ злого духа.

На это что же услышатъ ослѣпившіе свои духовныя очи и заградившіе свои уши для реченій божественнаго Духа? Одержимые такимъ недугомъ неразумные и легкомысленные—слѣпцы зрите и глухіе слушайте. Кто настолько ослѣпленъ и глухъ или развращенъ въ душѣ, чтобы не воспринимать блеска свыше возсіявшихъ намъ словъ? Кто настолько слѣпъ и безчувственъ? Или кто не пожелаетъ слушать тѣхъ богозвучныхъ гласовъ, которые ясно и громко нѣкогда возгласили совершенное уничтоженіе идоловъ, если только онъ не объять мракомъ чувственного тупоумія. И еслибы объ этомъ захотѣли молчать люди, то возопіютъ камни, подвигнутые очевидностію дѣла. Впрочемъ душевная жестокость и безчувственность, кажется, настолько (овладѣла) ими, что превзошла даже жесткость и твердость камней. Какой же способъ защиты останется у нихъ?—Пожелаютъ ли удовольствоваться только своими мнѣніями или, думая вступить въ борьбу, изобрѣтутъ какой-либо лукавый способъ противленія истинѣ? Но кто, даже поощряя ихъ ложь, могъ бы принять это состязаніе? Гдѣ же можетъ быть назначено судилище, предъ которымъ

было бы изложено это дѣло? Какая ловкость величественныхъ ораторовъ и ходатаевъ, сказывающаяся въ быстромъ отысканіи доказательства? Какая убѣдительность сплетенія силлогизмовъ, подготовляющихъ обольщеніе и обаяніе? Какая сила геометрическихъ доказательствъ, представляющихъ изъ принятыхъ положеній необходимыя и неизбѣжныя заключенія? Кто изъ искусныхъ и проницательныхъ посредниковъ или судей, способный глубоко и разумно изслѣдовать значеніе представляемыхъ доказательствъ, тщательно разсмотрѣвъ рѣчи ихъ, вынесетъ приговоръ, утверждающій ихъ безбожныя измышленія? Никто не окажется столь неопытнымъ и невѣжественнымъ, никто—столь безразсуднымъ и глупымъ, чтобы рѣшиться вооружиться и противостать яснымъ словамъ, въ пользу которыхъ притомъ безспорно и непреодолимо со всею очевидностію свидѣтельствуетъ самый ходъ дѣлъ. Ни откуда не можетъ явиться имъ помощь, чтобы поддержать ихъ неправое и безбожное ученіе. Отдавъ предпочтеніе порочному благоденствованію въ этой жизни предъ добродѣтельнымъ бѣдствovanіемъ, они безразсудно и нечестиво навлекли на себя вѣчный позоръ и безславіе. Никто изъ тѣхъ, которые рѣшились жить благочестиво, не пожелаетъ не только что такъ разсуждать и учить, но даже и допустить такія мысли въ своемъ умѣ.

Какъ, когда и у кого совершилось уничтоженіе скверныхъ идоловъ, о семъ пусть выслушаютъ они прежде всего евангельскія изреченія, если только они вѣрятъ имъ. Истребитель идоловъ, уничтожившій заблужденіе, искупившій насъ отъ власти тьмы, избавившій отъ рабства тлѣнію, начальникъ жизни нашей, даровавшій намъ познаніе истины, Христосъ, Господь и Богъ нашъ, говоритъ слѣдующее Отцу и

Богу всяческихъ: *Отче, прииде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ Тя: якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный. Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истинного Бога и егоже послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17, 1 — 3). Потомъ опять: *явихъ имя твое человекомъ* (Іоан. 17, 6). И еще: *не о сихъ же молю токмо, тоестъ ученикахъ, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ. и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. 17, 20—21). Что яснѣе этихъ священныхъ словъ и лучше для познанія о Богѣ? Развѣ съ этого времени не извергнуто заблужденіе? Развѣ не упразднена власть демоновъ? Развѣ не уничтоженъ обманъ идольскій? Развѣ не исчезла держава зла? Кто настолько наивенъ и неразуменъ, чтобы не признать, что это такъ? *Да знаютъ Тебе единого истинного Бога и егоже послалъ еси Иисусъ Христа.* Этотъ гласъ обновилъ человѣческую природу, онъ очистилъ воздухъ, отверзъ намъ врата небесныя, предоткрылъ намъ входъ во святая святыхъ, сдѣлалъ людей со товарищами ангеламъ, разрушилъ средостѣніе ограды, Отца и Бога примирилъ съ нами, враждовавшими съ нимъ посредствомъ грѣха. *Явихъ имя твое человекомъ.* Прибавъ къ этому и слѣдующее: *потреблю идоловъ отъ земли, и ктому не будетъ ихъ памяти* (Зах. 13, 2). Итакъ, если истинны слова Спасителя и познаніе Бога и имя Его явлены и отпраздновано паденіе идоловъ, ибо Истина не можетъ обманывать, то ясно, что нечестивые говорятъ отъ противнаго духа.—Пусть выступитъ затѣмъ служитель евангелія, согласный съ этимъ божественнымъ пророкомъ, какъ вдохновляемый тѣмъ же Духомъ, — онъ, уча о яденіи идоло-

жертвеннаго, пишетъ къ Коринѣянамъ слѣдующее: *въмы, яко идолъ ничтоже есть въ міръ, и яко никтоже Богъ инъ, токмо единъ* (1 Кор. 8, 4). И это мнѣніе онъ старается подтвердить вездѣ.

Но чтобы онъ не казался стоящимъ въ противорѣчїи съ очевидными явленіями, ибо у безбожниковъ и безумцевъ существовали изображенія, которыя у нихъ назывались богами, онъ ради сего прибавилъ: *аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси или на земли*, однако не какъ существующіе въ дѣйствительности боги, а по одному только названію и лишь на словахъ, а не по бытію (1 Кор. 8, 5). Въ нихъ нѣтъ никакой силы, ибо они суть камни, дерево и бѣсы. Люди дивились не только величію и блеску небесныхъ свѣтилъ и вслѣдствіе этого поклонялись солнцу, лунѣ и сонму другихъ звѣздъ, какъ богамъ; но и безумно рѣшились почитать и прославить божескимъ наименованіемъ на землѣ нѣкоторыхъ демоновъ и людей, извѣстныхъ своими постыднѣйшими страстями и дѣлами.

38. Но это измыслили язычники и варвары. Мы же, обладая совершенною и твердою вѣрою, познаемъ единаго по существу истиннаго Бога, въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, честной и живоначальной Троицѣ, поклоняемаго и славимаго. И помимо сихъ иного Бога не знаемъ, да не будетъ! Вслѣдствіе сего мы и думаемъ, что идолъ есть ничто, равно какъ и идоложертвенное въ мірѣ. Итакъ, имена идоловъ, какъ мы показали, истреблены съ земли, какъ то провозгласилъ нѣкій мудрецъ древній, говоря, что *ниже бо быша отъ начала идолы, ниже будутъ во вѣки* (Прем. Сол. 14, 13). Но когда же это они *не будутъ*, если именно не теперь, когда пришелъ Освободившій насъ отъ идоловъ? Что же думаютъ о семъ тѣ, которые

напоминають теперь объ идолахъ? Если они скажутъ, что эти пророческія изреченія исполнились у Іудеевъ, то не тѣмъ ли болѣе — у христіанъ? Ибо насколько религія Іудеевъ превосходила суевѣріе язычниковъ, настолько то, чѣмъ владѣемъ мы, превышаетъ религію ихъ и превосходитъ возвышенностію и достоинствомъ. Законъ является серединою между нашимъ духовнымъ поклоненіемъ и идолослуженіемъ невѣрныхъ. Если же у язычниковъ и варваровъ, у которыхъ никогда не сіялъ свѣтъ богопознанія и которые были почитателями скверныхъ демоновъ, дѣйствительно господствовали ихъ глупые и безумные помыслы, то вмѣсто сего мученики Христовы, добробѣдные борцы истины, перенесли безчисленныя, не поддающіяся слову, подвиги и труды, выдержавъ противъ идольскаго заблужденія такую борьбу, какой (безъ помощи Божіей) не перенесла бы человѣческая природа. Этимъ они низложили дерзость лукаваго, при содѣйствіи божественной благодати и силы водрузили надъ врагомъ славныя побѣдныя знамена и легко и мужественно безъ всякаго усилія разрушали алтари и храмы. За сіе они совершенно справедливо удостоились неувядаемыхъ вѣнцовъ отъ раздаятеля наградъ Бога.

Итакъ, что же думать объ этихъ дивныхъ и славныхъ мужахъ, которые, подвизаясь на аскетическомъ поприщѣ, считали послѣднее для себя пріятнѣе, чѣмъ прочіе люди (считаютъ) мірскія удовольствія и роскошь и вслѣдствіе того содѣлались чудотворцами сверхъестественныхъ и необычайныхъ знаменій? А сколько изъ нихъ удалилось въ мѣста отдаленныя, проводили жизнь вдали отъ житейскихъ волненій, пріучали себя къ чрезмѣрной суровости пустыни, жили во плоти какъ безплотные и, ревнуя объ ангельскомъ житіи,

неукоризненно протекли поприще житейское, вслѣдствіе чего и содѣлались всѣ свѣточами міра? Во имя кого исцѣляли они болѣзни, не поддававшіяся чelовѣческому уврачеванію? Чѣмъ именемъ изгоняли они, какъ рабовъ, бѣсовъ съ великою легкостію и властію? (Совершали-ли они все это), принося жертвы идоламъ, или же напротивъ—прося Бога, поклоняясь Господу всяческихъ и Богу и призывая Его на помощь въ своихъ дѣяніяхъ? И намъ вполне истиннымъ кажется, что (совершали они это) силою и благодатію Дѣйствующаго и Давшаго власть и Сказавшаго ученикамъ: *яко приближися царствіе небесное: болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте* (Мѡ, 10, 7),—и: *именемъ моимъ бѣсы ижденутъ: языки возглаголютъ новы* (Мрк. 16, 17). Что-же могутъ возразить на это тѣ, кои идутъ противъ истины, это ясно. Такимъ людямъ, которые дерзаютъ на все, даже и на то, что они открывали свои уста для хуленій на Сына и усвоили себѣ одинаковый и сродный имъ образъ мыслей Фарисеевъ, не трудно объявить, что святые оказывались совершающими все это именемъ князя бѣсовскаго. Такъ какъ они, имѣя неискусный умъ (Римл. 1, 28) и выступая противъ того, противъ чего выступать не слѣдуетъ, расплываются въ тщетныхъ уметствованіяхъ, то пусть по заслугамъ выслушаютъ: *порожденія ехиднова, како можете добро глаголати, зли суще* (Мѡ. 12, 34)? *Аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашняя его* (Мѡ. 10, 25), какъ говорилъ Спаситель. Итакъ, какъ же возможно однихъ и тѣхъ же и почитать какъ господъ, и преслѣдовать и изгонять, какъ негодныхъ и дурныхъ рабовъ, откуда хотятъ, или привязывать и заключать, куда пожелаютъ? Такъ, по истинѣ, должно раздѣлиться на ся царство діавола.

Но очевидно, что эти нечестивцы отвергають какъ евангельскую исторію, такъ равно не признають и истинности божественной жизни и дѣянія святыхъ, записанныя въ священныя книги. Если же однако они считаютъ истинными пророческія предвѣщанія, ибо думать, что они ложны, мнѣ кажется, никогда не осмѣлится даже самъ діаволь, то пусть позаботятся показать, гдѣ и когда они исполнились. Если они обратятъ свои взоры къ будущему и вообразятъ имѣющее быть явленіе другого Христа, то они обманутся въ своихъ надеждахъ и справедливо подвергнутся отчаянію. А что съ явленіемъ къ намъ Бога всяческихъ, возвѣстившаго царствіе небесное, заблужденіе многобожія истреблено, и одинъ Господь и Богъ и Царь всѣми согласно почитается и славится, объ этомъ скажетъ тотъ же самый божественный пророкъ, и никто изъ здравомыслящихъ не будетъ противорѣчить ему: *и будетъ Господь въ царя по всей земли: въ день онъ будетъ Господь единъ, и имя его едино, обходя всю землю* (Зах. 14, 9). Въ этихъ и слѣдующихъ за ними словахъ онъ предугазалъ, что не только тѣ, которые приняли евангельское ученіе изъ народа Іудейскаго, но и паствы языческія, которыя нѣкогда не знали Владыку всѣхъ и Господа, воспріимутъ свѣтъ богопознанія и отвергнутъ идольское заблужденіе. И какое мѣсто лишено славы Божіей, если теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, истинно, что *полны небеса и вся земля славы Его* (ср. Ис. 6, 3)? Назоветь-ли кто Элладу, земли варварскія, будетъ ли перечислять Итальянцевъ или Германцевъ, Кельтовъ и Британцевъ, достигнетъ ли Ливійцевъ или страны Египетской, отправится-ли къ Арабамъ, Персамъ и Эіопамъ, къ Индійцамъ и Скиѣамъ, до предѣловъ міра на морѣ и сушѣ,—онъ вездѣ найдетъ имя Христова поклоняе-

мымъ и славимымъ. Евангельская проповѣдь уловила всѣхъ въ сѣти и познаніе честной Троицы устами тѣхъ, кои научили язычниковъ, всюду распространилось подъ солнцемъ и вездѣ водворилось познаніе одного и единого истиннаго Бога и Владыки всяческихъ. И народы громко взываютъ съ псалмопѣвцемъ, познавъ чрезъ вѣру силу и всемогущественное Его величіе: *аще възду на небо, ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси: аще возму крыль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница твоя* (Пс. 138, 8—9). Что точнѣе и яснѣе этихъ словъ указываетъ на почитаніе Бога?

39. Итакъ, пусть скажутъ намъ почитатели идоловъ, гдѣ есть и у кого храмы идоловъ и изображенія? Гдѣ празднества и таинства, гдѣ совершающіе ихъ и участвующіе въ нихъ? Гдѣ іерофанты ихъ, посвящающіе и посвящаемые въ эти таинства, — жрецы ихъ, не моющіе ногъ и спящіе на землѣ? ¹⁾ Гдѣ рвеніе служителей храмовъ къ благоустроению и украшенію послѣднихъ, дабы вычищенные алтари и храмы охотнѣе посѣщали сонмы божествъ, любящихъ обитать въ темныхъ капищахъ, какъ по истинѣ достойные мрака, — чуждающіеся свѣта и живущіе въ темныхъ пещерахъ? Гдѣ ихъ многолюдные праздники, закалатели быковъ и мелкаго скота, радующіеся пролитію крови, услаждающіеся приалтарною грязью и, что всего постыднѣе, убійствомъ дѣтей и мужей? Гдѣ чтимый ими Зевсъ, консулъ и владыка боговъ, — этотъ навозный богъ, какъ бы закрывающійся навозомъ, когда вопіютъ къ нему? Ужъ не

¹⁾ Разумѣются жрецы Зевса Додонскаго. Ахиллесъ въ Илиадѣ (16, 233—235) взываетъ:

„Зевсъ Пеласгійскій, Додонскій, далеко живущій владыка

„Хладной Додоны, гдѣ Селлы, пророки твои, обитаютъ,

„Кои не моютъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной. (Пер. Гнѣдича).

читится-ли и нашими сквернословыми ¹⁾ тотъ, о рожденіи котораго разсказываются невѣроятнѣйшія для благоразумныхъ людей басни, находящія себѣ однако же вѣру, не смотря на всю свою гнусность, у безумцевъ,—который былъ украденъ матерью, спасенъ посредствомъ подложеннаго вмѣсто него камня, охранялся хорами божествъ, неистовыми звуками и шумомъ, дабы отцеубійца сынъ могъ укрыться отъ дѣтоубійцы отца. И всякій исполнится благоговѣнія предъ Тѣмъ, Кто упразднилъ это многообразное заблужденіе, чары коего столь омерзительны и обманчивы. Богъ у нихъ, когда захочетъ, дѣлается птицей, оперяется, становится крылатымъ,—можетъ быть ему было болѣе пріятно быть по виду пушистымъ и перистымъ, чтобы не потерпѣть женѣлюбцу неудачи у возлюбленной. Иногда онъ является рогоноснымъ быкомъ съ красивыми копытами и длинными ушами, равно какъ бывалъ иной разъ и богомъ-козломъ, какъ обуреваемый одинаковою съ козломъ похотливостію — въ разное время онъ являлся въ разныхъ видахъ, прибѣгая, говорятъ, къ помощи волшебства и легко дѣлаясь всѣмъ, мѣнялъ и преображалъ свой видъ сообразно множеству и разнообразію своихъ страстей, чтобы благодаря этому позволять себѣ всякія мерзости и распутство. Слѣдовало бы ему принимать также и образъ лисицы, ибо это шло къ нему совершенно, какъ обладавшему хитростію и коварствомъ. Могъ бы онъ явиться предъ нами и подъ видомъ лягушки, ползающей въ болотной грязи, чтобы при устроеніи разныхъ своихъ козней оставаться незамѣтнымъ и самому въ свою очередь не подвергаться отъ кого-либо противокознямъ. Въ такомъ случаѣ почитаніе возда-

¹⁾ *καπρολόγος*; букв. говорящими навозъ, навозныя слова, навозословами. Намекъ на Капронима и его приверженцевъ.

валось бы ему болѣе и усерднѣе у людей неразумныхъ и далеко заблудившихъ отъ истины. улаждающихся праздными баснями, руководимыхъ вводящими въ обманъ бѣсами, изобрѣтателей лжи, дѣлателей неправды, увлекающихъ въ свои заблужденія повинующихся имъ.

Пусть покажутъ намъ Діониса ¹⁾ и Арея ²⁾, начальника браней, дышащаго гнѣвомъ и яростію, дѣло коего возбуждать гнѣвъ и ярость у сражающихся, и который самъ получаетъ раны отъ смертныхъ, дѣлается узникомъ и уловляется другимъ запачканнымъ сажеею богомъ при помощи мѣднаго сосуда и любовійныхъ сѣтей. Пусть окружаютъ позорнымъ и безстыднымъ почитаніемъ начальника пьянства, рожденного по мнѣнію глупцовъ странными родами, баснословными и смѣшными. Пьянствуя въ честь ~~женотому~~наго бога, неистовствуютъ предъ вакханствующими Менадами и Сатирами, скотоподобно пляшущими на праздникахъ его, и предъ всѣмъ достойнымъ этого пьянства. Пусть выступитъ передъ ними Гермесъ? ³⁾, кажется, самый любимый у нихъ богъ, такъ какъ считаютъ его богомъ корысти и изображаютъ купцомъ;— ибо и они одержимы одинаковымъ славолубіемъ и корыстолюбіемъ и, по видимому, культъ Гермеса имъ нравится изъ-за матерій и украшеній, а не по расположенію ихъ къ здоровому богочитанію. Пусть баснославятъ и дивятся рожденію Геркулеса, за каковое онъ называется тринощнымъ, и исчисляютъ тѣ многочисленные подвиги его, за которые безбожниками онъ почитался богомъ. Пусть выступитъ передъ ними доспѣхолобивая и войнолюбивая Аѣина „со щитомъ

¹⁾ Вакхъ.

²⁾ Марсъ.

³⁾ Меркурій.

драгоцѣннымъ, нетлѣвнымъ, безсмертнымъ“ ¹⁾, и прочимъ ея вооруженіемъ, внушающимъ страхъ и ужасъ, и повергаетъ въ боязнь всѣхъ зрителей, легко нападавая на ряды враговъ, помогая тѣмъ, которымъ покровительствуетъ, и мстя другимъ, отъ которыхъ отвращается, храбрая и гнѣвная въ отношеніи къ другимъ богамъ, заботящимся о непріятелѣ. Откуда явилось бы намъ рожденіе ея, еслибы славный художникъ Гефестъ ударомъ искусно не разрубилъ голову безсмысленнаго Зевсы, хотя разрубившій не получилъ обѣщаннаго за ударъ. Сама же эта дѣва, согласно еще большему легковѣрію, родила Эрихтонія двухприроднаго, — чудовище болѣе невѣроятное и смѣшное, чѣмъ всѣ прежнія. Пусть будетъ у нихъ премудрымъ и великимъ Салмоней, величавшійся предъ богами и гремѣвшій здѣсь на землѣ, изобрѣтшій новое искусство производить громъ и молнію. Впрочемъ за это высокомеріе въ отношеніи къ богамъ онъ получилъ возмездіе и былъ пораженъ Зевсомъ посредствомъ молніи.

Пусть покажутъ намъ мать боговъ Рею и непотребныя и постыдныя празднества въ честь ея и таинства, съ безстыдными страстями совершаемыя ей изступленными и бѣснующимися Фригійцами.—и тѣхъ изъ нихъ, которые ранятъ тѣло свое мечами, дабы, являясь окровавленными предъ демонами, выказать имъ тѣмъ большее почтеніе, а также тѣхъ, которые ободряютъ и ласкаютъ ихъ, чтобы израненные въ восторгъ легче переносили боли, побуждались къ новымъ пораненіямъ и рѣшались на скверныя и гнусныя дѣйствія. Не должны опускать они и баснословій о Деметрѣ ²⁾, въ лицѣ которой посвящались сѣ-

¹⁾ Илиады 2, 447.

²⁾ Церера.

менамъ таинственные обряды, совершавшіеся празднующими ночью, ибо достойны ночи и называвшіеся Деметровыми и Элевзинскими таинства, такъ какъ никто изъ допущенныхъ къ нимъ и посвященныхъ не долженъ былъ разглашать обрядовъ предъ непосвященными. Пусть покажется и Гера съ двумя колодами на ногахъ и съ неразрывными узами на рукахъ, въ такомъ положеніи низринутая съ неба и наказанная Зевсомъ, подвергшаяся этой казни изъ ревности къ Геркулесу, которому въ свою очередь грозила морская буря, насколько у Зевса была власть надъ вѣтрами и возможность повергнуть въ сонъ очарованнаго бога (Посейдона), дабы онъ въ бодрственномъ состояніи не оказалъ помощи бѣдствовавшему. Развѣ насъ могутъ устрашать нелѣпыя страшилища привидѣній Гекаты и Эмпусы, если бы даже и ~~можно~~ было принять ¹⁾ ихъ существованіе, коихъ одинъ видъ наводитъ страхъ и ужасъ? И хотя бы эти чудовищныя привидѣнія казались какой-либо чрезмѣрной величины, снабженныя какими-то драконьими головами, они исчезнутъ вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ всѣми измышленіями и баснями. Пусть представятъ и чтимую у нихъ молнію и сожженную богомъ громовержцемъ его возлюбленную, такъ какъ ревнивая Гера дала Семелѣ совѣтъ, или вѣрнѣе — навѣтъ, подсказавъ ей, какъ обойтись съ любовникомъ, чтобы въ благодарность получить отъ него губительную молнію. Мнѣ кажется, и сами они, если только у нихъ уцѣлѣлъ хотя малый остатокъ здравомыслія, должны опускаться, а не удостоивать памятованія эту самую мерзкую и отвратительную богиню, рожденную болѣе другихъ гнусно и постыдно, чест-

¹⁾ Вмѣсто $\delta\epsilon\chi\theta\eta$ можетъ быть надо читать $\delta\epsilon\iota\chi\theta\eta$: если бы и показались они

уемую безобразными и ужасными празднествами, которую древніе, гнушаясь ея любодѣйства, справедливо называли блудницей, общедоступной и мужелюбивой. Можетъ быть, они еще представляютъ намъ Додонскаго бога и извѣстный дубъ, изрекавшій вздоръ и внушавшій прорицателямъ произносить свои изреченія,—и также — ту статую, которая была поставлена на высотѣ и жезломъ ударяла въ мѣдный сосудъ, издавая стройные звуки, дабы она уже не считалась у нихъ безгласной, но многогласной и доброгласной. Гдѣ призрачный бредъ Дельфійскаго треножника? Гдѣ у нихъ изрекаетъ прорицательница Пифія, обольщавшая глупыхъ и трусливыхъ? Гдѣ баснословныя и воображаемыя привидѣнія Касталійскаго источника, навѣвавшіяся обитавшими тамъ демонами и также исчезающія въ дѣйствительности отъ легкаго дуновенія? Какъ скроется Дафна и какая земля, какъ сострадательная мать, приметъ ее въ лоно свое, дабы, убѣгая любовника, она могла сохранить цѣломудріе,—и какъ появится для него древо, соименное дѣвѣ, для утѣшенія его за неудачу въ любви? Гдѣ теперь тѣ двусмысленныя стихотворныя предсказанія прорицателя бога Локсія ¹⁾, которымъ довѣрившіе по незнанію и неразумію невѣжественно губили свою власть? ²⁾

40. Опуская все прочее, дабы при излишнихъ подробностяхъ изложенія и намъ не пришлось оскверниться и замараться этими беззаконіями и мерзостями, здѣсь закончимъ объ этомъ рѣчь свою, такъ какъ это уже и давно закончено и предано молчанію,—и извѣстно, какъ и почему, именно съ появленіемъ въ

¹⁾ *Λοξίας* дающій косвенные, двусмысленные отвѣты—эпитетъ Аполлона.

²⁾ Крезъ.

мірѣ Того, Кто предрекъ чрезъ пророка: *потреблю имена идоловъ отъ земли, и тому не будетъ ихъ памяти* (Зах. 13, 2), когда возсіяла благодать спасительнаго креста и божественная проповѣдь распространилась повсюду. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не всѣ идолы были изгнаны, низвергнуты и преданы глубинамъ забвенія? Ибо если они еще есть, то пусть покажутъ, гдѣ и у кого это? Если же ихъ нѣтъ (а ихъ нѣтъ), то зачѣмъ же напрасно укоряють христіанъ клеветники и обвинители истины, приписывая имъ то, чего они никогда ни дѣлали, ни помышляли? Если же они сами заблуждаются и преданы суевѣрію, то пусть нечестивцы сами себя и обвиняють, позорятъ и предають посмѣянію, ибо Церковь Божія непорочна и свободна отъ всякаго порицанія. А идолы молчатъ, ибо дѣйствительно молчанія и глубокаго забвенія достойны они. О, еслибы и эти (нечестивцы) подобно тѣмъ (идоламъ) хранили молчаніе! *Подобни имъ да будутъ творящии я, и вси надѣющіися на ня* (Пс. 113, 16); потому что молчать лучше и полезнѣе, чѣмъ говорить нечестиво и безбожно то, что не подобаетъ ни говорить ни мыслить тѣмъ, кои дѣйствительно любятъ лучшее. Кто въ самомъ дѣлѣ настолько легкомысленъ, чтобы принимать пустыя и неразумныя рѣчи ихъ? Кто настолько лишенъ смысла и обладаетъ столь извращеннымъ умомъ? Никто настолько не угодобился скоту и не спустился ниже скотскаго неразумія, нѣтъ никого даже среди одержимыхъ бѣсами и изступленныхъ, чтобы выносить ихъ болтовню и пустословіе. Но этимъ пусть забавляются дѣти язычниковъ, какъ древніе такъ и теперь язычествующіе у насъ. У насъ же да чтится Христосъ Богъ нашъ и да получаетъ поклоненіе отъ насъ въ духъ и истинѣ, какъ Богъ и человѣкъ одновременно. Да чтится и честная

икона Его достопоклоняемая, и да изображается, ибо по истинѣ изобразимо, описуемо и подвержено страданіямъ тѣло, которое воспринялъ Онъ отъ святой Приснодѣвы Богородицы, какъ скоро и Сама Она оказывается изобразимою и описуемою, хотя бы и не желали того безумцы. Тѣло же, хотя и изображается, не отдѣлимо отъ соединеннаго съ нимъ ипостасно Бога Слова, какъ не отдѣлялось оно отъ Слова, когда терпѣло страданія за насъ; ибо ничто таковое не можетъ содѣйствовать раздѣленію.

41. Но объ этомъ довольно. Пусть другой изъ боговидцевъ, вдохновляемый божественнымъ Духомъ, воскликнетъ къ тѣмъ, кои служили подъ закономъ и сѣнію: *нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не прииму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославися во языцехъ, и на всякомъ мѣстѣ приносится вѣнчаніе имени моему и жертва чиста: зане велие имя мое во языцехъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Малах. 1, 10, 11). Развѣ не видите, что древнее отмѣняется и для насъ предначертывается новое? *Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси* (Пс. 39, 7), поетъ великій Давидъ. *И: не прииму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (Пс. 49, 9). *И: новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавиждитъ душа моя* (Ис. 1, 13), восклицаетъ божественный Исаія. Этими словами онъ внушаетъ намъ отвращаться отъ кровавыхъ жертвъ, отъ безвременнаго соблюденія мѣсяцевъ, временъ и преданій. Итакъ, отсюда ясно, что Богъ всяческихъ уже прежде ввелъ ту чистую и непорочную жертву—служеніе въ духѣ и истинѣ, которой Онъ радуется и услаждается. Это подобающее и любезное Ему служеніе совершаетъ вся вселенная, какъ бы посвящая Ему всюду воню благоуханія. Гдѣ же такимъ обра-

зомъ тутъ мѣсто для почитанія идоловъ, и не (наблюдается-ли) напротивъ ихъ полное отверженіе и уничтоженіе? Что же вы говорите? Вѣрите-ли этимъ священнымъ словамъ? Они достаточны, чтобы осилить и укротить невѣріе ваше и жестокосердіе. Или вы хотите, чтобы мы призвали другихъ пророковъ Божіихъ для подтвержденія этихъ словъ? Они примутъ участіе и поддержать то, что раньше сказано, сдѣлають болѣе явнымъ ваше неразуміе и нечестіе и опредѣлятъ болѣе тяжелое и строгое наказаніе. Такъ какъ пророки имѣли общій, сообщенный имъ отъ Духа, даръ премудрости, то и въ своихъ изреченіяхъ касательно нашего спасенія, внушенныхъ имъ Богомъ, они оказываются единомысленными и согласными.

Итакъ, присоединяя къ приведеннымъ другія изреченія богоносныхъ мужей, освободимъ Христову Церковь отъ всякой клеветы и навѣта, а также представимъ положенія противниковъ, исполненныя всякаго неразумія и обмана. Призовемъ же въ священное собраніе это Исаію, громогласнѣйшаго изъ пророковъ, и пусть онъ, какъ очищенный божественнымъ углемъ, издалека прозирая духовными очами будущее, скажетъ: *будетъ въ послѣднія дни явлена гора Господня, и домъ Бога Іаковля на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ: и придутъ къ ней вси языцы, и пойдутъ языцы мнози и рекутъ: придите, взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога нашего, и возвѣститъ намъ путь свой и пойдемъ по нему. Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима: и судити будетъ посредѣ языкъ многихъ и изоблечитъ люди мнози* (Ис. 2, 2—4). А какіе это послѣдніе дни, о семъ возвѣститъ блаженный Павелъ, писавшій къ Евреямъ слѣдующее: *многочестны и многообразны дѣла Бога глаголаемый Отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дней сихъ гла-*

гола намъ въ Сынъ, егоже положи наследника вѣмъ, имже и вѣки сотвори (Евр. 1, 1—2). И еще: нынѣ же единою въ кончину вѣковъ, во отпущеніе грѣха, жертвою своею явися (Евр. 9, 26). И опять въ посланіи къ Галатамъ: егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего рождаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ: да подзаконныя испуитъ (Гал. 4, 4). А также къ Ефесѣ-намъ: сказавъ намъ тайну воли своея, по благоволенію своему, еже прежде положи въ немъ: въ смотреніе исполненія временъ, возглаголющая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли (Ефес. 1, 9—10). Равно и божественный Петръ, опора Церкви, сказалъ въ одномъ мѣстѣ такъ: яко не истлѣннымъ сребромъ или златомъ избавистеся отъ суетнаго вашего житія отцы преданнаго, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа, предузданнаго убо прежде сложенія міра, являшагося же въ послѣдняя лѣта насъ ради, иже его ради вѣруемъ въ Бога (1 Петр. 1, 18—20). Также сынъ грома, излучающій отъ себя божественный свѣтъ, говоритъ: дѣти, послѣдняя година есть: и якоже слышите, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша: отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть (1 Іоан. 2, 18). Но здѣсь кончимъ рѣчь о послѣднихъ дняхъ. Когда мы, съ приближеніемъ окончанія вѣка и съ нисхожденіемъ времени какъ бы къ западу, достигли близости конца міра, вотъ тогда-то и явилась славная и высокая гора и домъ Божій во очію всѣхъ.

Что же желаетъ сказать здѣсь слово сего божественнаго пророка? Не ясно-ли, что оно зоветъ насъ прямо къ божественному и возвышенному? Для принявшихъ Духа наиболѣе причислуетъ внимать и слѣдовать только сему, а не привязываться къ буквѣ и устремляться къ чувственному, направлять свой умъ въ высоту, обращать свою мысль къ наилучшему

и совершеннѣйшему и, отвлекаясь отъ земного и перстнаго, стрѣмиться къ тому, что выше видимаго, какъ къ лучшему. Итакъ, подъ явленной горою Господнею, говоря вообще, надо разумѣть славу, блескъ и величіе святой Церкви, а также то, что позлащаетъ и украшаетъ ее ярко и особенно благолѣпно, и именно чистоту евангельскаго ученія и превосходящую все возвышенное высоту догматовъ, возгласеніе и проповѣдь которыхъ ясно раздаются и громогласно звучать въ слухъ всѣмъ, совершая оглашеніе божественной тайны, въ теченіе вѣковъ сокрытой молчаніемъ и открытой въ Священномъ Писаніи. Тайна же эта есть домостроительство Спасителя нашего Іисуса Христа, которое Онъ человѣколюбно явилъ въ отношеніи къ человѣческому роду, какъ и познаніе и надежду на полученіе истекающихъ отсюда благъ. И если мы приступимъ къ одному изъ благовѣстниковъ, то услышимъ слѣдующее: *не приступите бо къ горѣ осязаемъ, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголю, егже слышавшии отрекошася, да не приложится имъ слово, не терпяху бо повелѣвающаго. Но приступите къ Сіонъской горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, и церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12, 18—24). Такимъ образомъ, какъ пророческое слово, такъ и апостольская проповѣдь возносятъ умъ нашъ къ небесному,—увѣщываютъ уразумѣвать и созерцать тамошнія красоты и взирать на торжество пребывающихъ въ нихъ и услаждающихся ими святыхъ,—а также вводятъ намъ и возвѣщаютъ евангельскіе богосіянныя и преславныя догматы. Домъ Божій оче-

видно есть Церковь Божія, какъ думаетъ божественный Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что должно знать, *како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15). Таковы души вѣрующихъ, очищенные правымъ ученіемъ и добродѣтельною жизнію, имѣющія въ себѣ обитаніе Бога всяческихъ, согласно сказанному: *вселюся въ васъ и похожду и буду имъ Богъ и они будутъ ми въ людѣ* (Лев. 26, 12).

Итакъ, божественный домъ утвержденъ на верху высокихъ горъ и въ виду тѣхъ проходящихъ, коихъ настроеніе и мысли возвышаются надъ земнымъ и и низменнымъ, озаряются святыми пророками и апостолами, на которыхъ, какъ на основахъ вѣры, Церковь Божія устрояется и утверждается. Вотъ къ этой-то горѣ и дому издалече стекаются языки, едва не по предварительному уговору, побуждая другъ друга къ восхожденію на нее, дабы имъ открылся тотъ путь, который они старались найти. Какой же это путь? Самъ Господь говоритъ въ евангеліи: *Азъ есмь путь и истина* (Іоан. 14, 6), и: *пути Господа и стези истинни* (Дан. 3, 27). О наставленіи на этотъ путь святые древле просили Бога всяческихъ (Пс. 118, 35). Итакъ, Церковь изъ язычниковъ, проходя этимъ путемъ и стезей прямой и легкой, отъ низменнаго невѣрія восходитъ на высокій подъемъ божественнаго вѣдѣнія и къ вышнему граду Іерусалиму, всегдашней отчизнѣ святыхъ: идя отсюда и проходя настоящее время, она надѣется опочить и успокоиться въ своей вѣрѣ. И каждый легко пойметъ неложность и истинность пророческихъ словъ, ибо въ священныхъ домахъ, то-есть божественныхъ храмахъ, разсѣянныхъ всюду по вселенной, благоустроенныхъ и сіяющихъ благолѣпно святостію и славою, уподобляющихся тѣ-

нистымъ горамъ, окруженныхъ высокими и зеленѣющими деревьями, очищаются отъ грѣховъ, освящаются по тѣлу и душѣ и исполняются божественной благодати всѣ тѣ, которые входятъ въ нихъ съ усердіемъ и благоговѣніемъ.

Итакъ, въ нихъ каждый разъ предъ собирающимися отъ всѣхъ языковъ и народовъ открываются божественныя тайны въ священныхъ чтеніяхъ и чрезъ оглашеніе и приносится спасительная и очистительная жертва за весь міръ, дарующая, какъ мы исповѣдуемъ, отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кои съ вѣрою и съ чистыми помышленіями приступаютъ и участвуютъ въ ней. И между тѣмъ какъ храмы умножались и расширялись, капища и алтари идоловъ ниспровергались и уничтожались, такъ что объ идольской сквернѣ не сохранилось даже памяти у вѣрныхъ, всегда отвращавшихся отъ всякаго языческаго и смертнаго образа мыслей. *Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима* (Иса. 2, 3). Изъ этого чувственного Іерусалима, который есть образъ Іерусалима вышняго, открыто исходитъ божественное ученіе, овладѣвшее всѣми предѣлами вселенной; въ немъ совершились всѣ тайны нашего спасенія. Но мы вѣруемъ, что насколько не-вещественное выше вещественнаго, настолько (евангеліе) превосходитъ въ сѣни и письмени заключенный законъ, который былъ изреченъ ангелами на горѣ Синаѣ. Отсюда (изъ Іерусалима) были отправлены и святые апостолы для наученія языковъ, рачищая для нихъ широкой, прямой и спасительный путь. *И разсудитъ среди людей многихъ* (Мих. 4, 3). Приступая къ благодатному ученію и научаясь должному, убѣждаемые самымъ существомъ дѣла, они тотъ часъ же осуждаютъ прежде господствовавшее невѣріе, сами обличая себя за неправу содѣланное,

и произнося добровольное осужденіе своихъ тайныхъ преступленій. Разумно и здраво гнушаясь вреда ихъ и опасности, они перемѣняются и съ усердіемъ стремятся къ лучшему, полезному и спасительному. А что попеченіе о рукотворныхъ идолахъ и упованіе на нихъ пришли въ упадокъ, и служеніе чтимымъ чрезъ нихъ бѣсамъ исчезло предъ лицомъ славы и силы снисшедшаго Спасителя, сокрушившаго и поправшаго земныя и низменныя помышленія прилежавшихъ идоламъ, это покажутъ дальнѣйшія слова богоноснаго мужа, ибо онъ говоритъ: *и рукотворенная вся скрываютъ, внесше въ пещеры, и въ расщелины каменій, и въ вертепы земныя, отъ лица страха Господня, и отъ крѣпости его, егда возстанетъ сокрушити землю* (Иса. 2, 18—19). Изъ этого для всѣхъ, желающихъ право мудрствовать, очевидно уничтоженіе и ниспроверженіе бѣсовскихъ кумировъ. Также и слѣдующее затѣмъ у пророка имѣетъ тотъ же смыслъ,—онъ прибавляетъ: *въ день бо оный изринетъ челоуѣкъ мерзости своя золотыя и серебряныя, яже сотвориша, да покланяются суетнымъ и нетопыремъ. Еже внити въ вертепы твердаго камене, и въ расщелины каменій, отъ лица страха Господня, и отъ славы крѣпости его, егда возстанетъ сокрушити землю* (Ис. 2, 20—21).

42. Если кто-либо пожелалъ бы спросить, въ какой же день челоуѣкъ отвергъ мерзости свои серебряныя и золотыя, то онъ ясно пойметъ, что это есть день, въ который Господь всяческихъ пришелъ въ міръ, Своимъ пришествіемъ связалъ сильнаго, плѣнилъ и расхитилъ сосуды его, то есть находившихся подъ властію его тиранніи, какъ написано (Мѡ. 12, 29). Поэтому, говоритъ, *прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или мать, пріиметъ силу Дамаскову, и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ* (Ис.

8, 4). Эти Дамаскъ и Самарія были столицами, одинъ стоялъ во главѣ тогдашней Сиріи и служилъ представителемъ Сирской державы, а другая главенствовала надъ десятью колѣнами Израилевыми. Оба они были полными идолопоклонниками, подчинены игу діавола, со всею силою и стяжаніями преданы идоламъ, весьма крѣпко держались бѣсовскаго заблужденія и находились во власти діавола, какъ бы собственный его храмъ какой и всецѣло ему отданное приношеніе. Въ этихъ городахъ, столичныхъ и отличавшихся нечестіемъ, пророческое слово какъ посредствомъ части указываетъ намъ на цѣлое, а именно— на удѣлъ язычниковъ и на увѣровавшихъ изъ обрѣзанныхъ. Такимъ образомъ родившійся для насъ Дитя и благоволившій младенчествовать ради насъ, ниспровергаетъ и отнимаетъ корысти врага и силу, то есть исторгаетъ изъ рукъ его все, что было подъ игомъ его и подчинено власти его. Такъ Самарія принимаетъ ученіе, отвергая отеческіе обычаи и законы. Тасъ и Антиохійцы заслужили быть и называться христіанами (Дѣян. 11, 16), хотя городъ этотъ весьма славился идольскимъ заблужденіемъ и превышалъ нечестіемъ многіе города, ибо въ немъ былъ построенъ храмъ Аполлона и царилъ славившійся кругомъ обманъ скрывавшагося тамъ бѣса. Христіане однако расхитили нечестиво скопленное богатство сатаны и ниспровергли золотыя и серебряныя статуи. Такъ и Коринѣяны Апостолъ языковъ обратилъ къ познанію истины и, указывая имъ на это, писалъ слѣдующее: *въстѣ, яко егда невѣрнии бѣсте, ко идоламъ безгласнымъ яко ведоми ведостеся* (1 Кор. 12, 2). Также и Аѳиняны, видя ихъ усердными въ отношеніи къ капищу и во всемъ благочестивыми, онъ отвлекъ отъ этого (идольскаго) капища (Дѣян. 17, 22). И другіе апостолы въ

другихъ мѣстахъ, подѣливъ между собою народы, кои находились во владѣнїи врага и составляли сокровища его, плѣненные имъ для исполненїя воли его ¹⁾, они расхитили ихъ и привели ко Владыкѣ всяческихъ въ качествѣ добычи и начатковъ. Вотъ въ это-то именно время и въ этотъ день они *изринули*, то есть признали мерзостію и оплевали рукотворныхъ идоловъ и изгнали ихъ изъ своихъ помышлений, такъ что никогда не допускали даже воспоминанїя о нихъ, и самую матерію, хотя бы многіе и считали ее драгоцѣнною, по сильной любви къ Богу, отвергли и презрѣли и возносятъ подобающую жертву единому Богу.

Итакъ, отвращаясь лжи и обмана идоловъ, они естественно и весьма благовременно устремляются къ твердому камню. Камень же этотъ, согласно нашему богومудрому ученію, есть Христосъ Богъ нашъ, ибо достигшій Его, насколько достигнуть былъ онъ самъ Христомъ (Филип. 3, 12), говоритъ: *яко отцы наши вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тсжде пиво духовное пиша, нїяку бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 1, 3 — 4). Имѣвшій также очищенное и просвѣщенное око духовное, говоритъ: *се полагаю въ Сїонъ камень претканиа, и камень соблазна; и всякъ вѣруяй въ онъ, не постыдится* (Иса. 28, 16 ср. Рим. 9, 33). То—ради соблазняющихся, а это—ради вѣрующихъ. Знаемъ, что и Моисей укрывался нѣкогда камнемъ и сокрытый онъ едва зрѣлъ оттуда задняя Божїя и изучалъ неясные символическіе знаки спасенїя (Исх. 33, 33). И божественный Давидъ также представляетъ себя намъ вознесеннымъ на камень (Пс. 26, 6; 60, 3). И

¹⁾ Θεσκαυροὺς τοὺς ἐσχατημένους εἰς τὸ ἐχεῖνον (т. е. ἐχθροῦ) θέλημα. по латин. ad Christi placitum.

многое другое мы знаемъ изъ Священнаго Писанія, что указываетъ намъ таинственно на эту Скалу, въ разсѣлины и пещеры Которой входятъ прибѣгающіе къ Ней. Что же нужно разумѣть подъ этими разсѣлинами и пещерами?—Высоту и тайны богословія и глубокія сокровенныя таинства домостроительства во Христѣ, ибо въ Немъ сокрыты всѣ сокровища вѣдѣнія и мудрости (Колос. 2, 3). Эти тайны явлены самовидцамъ отъ начала и служителямъ слова (Лук. 1. 2), а чрезъ нихъ, насколько возможно, и намъ, слѣдующимъ за ними. Изъ благовѣствовавшихъ объ этомъ Сынъ грома, вдохновляемый свыше и поднимавшій на высоту созерцанія честнѣйшій и неповрежденный умъ свой, Богомъ посвященный въ божественныя тайны, освѣтилъ для насъ оттуда совѣчное и равночестное бытіе. Слова со Отцемъ, разъясняя и уча, что въ началѣ было Слово и было Оно у Бога и было Оно Богомъ (Іоан. 1, 1). Другой, поскольку онъ былъ просвѣщенъ божественною благодатію, проникая глубину божественнаго сошествія, достойно повѣствовалъ о рождествѣ Христа, какъ оно происходило въ дѣйствительности (Матѣ. 1, 18 сл.). И можно сказать по всей справедливости, что въ настоящее время устрояется и является то, на что желали зрѣть и ангелы (1 Петр. 1, 12), какъ нѣкогда сокровенное отъ нихъ и недоступное имъ. Входящій чрезъ вѣру въ эти таинственные и неизреченныя разсѣлины и пещеры мудрости и скалы, пріобрѣтаетъ познаніе лучшаго и совершеннѣйшаго, направляется на спасительную стезю, оберегается и охраняется отъ опаляющаго и пагубнаго воздѣйствія злыхъ силъ, опаляющихъ и сожигающихъ глубины души, и озаряется разнообразными и многообразными дарами благодати. *Овому бо изъ приступающихъ дается слово премудрости, иному*

же слово разума о томъ же дусѣ: другому же вѣра, иному же дарованія исцѣленій, другому же дѣйствія силъ, а иному иное, и вообще вся сія дѣйствуетъ раздѣляя коемуждо яко же хочетъ (1 Кор. 12, 8—11),—откуда (вѣрующій) достигнетъ обителей многихъ и разнообразныхъ, уготованныхъ Отцемъ для тѣхъ, которые жили согласно Его призванію.

43. Итакъ, древле покорявшіеся суетѣ или поражались сіяніемъ золота, или же дивились блеску серебра и самой матеріи и идоламъ, сдѣланнымъ изъ нея для поклоненія неразумнымъ. Они впали въ такое отупѣніе и умопомраченіе, что безумно считали равнымъ и поклоненіе Богу и почитаніе ничтожныхъ животныхъ, какъ напримѣръ нѣгдѣ въ Писаніи мы слышимъ о мухѣ, почитаемой за Бога Акаронскаго. Потомъ наставники вселенной преподали имъ ученіе, и они увѣровали въ то, что, какъ Богъ, проповѣдуя сверхъестественное и необычайное, являя величіе божественной силы, совершилъ Онъ чудеснаго во время странствованія по землѣ, а также въ то, что благоволилъ Онъ, какъ человѣкъ, претерпѣть для нашего искупленія, облекшись въ уничиженіе и скудость нищеты нашей. Ощутивъ отъ сего страхъ Господень въ душахъ своихъ, безмѣрно пораженные славою и силою величія Его, возненавидѣли и предали они по смѣянію всякое заблужденіе и хранили души свои отъ всякаго матеріальнаго и чувственнаго образа мыслей. Научившись не дѣлать тварь Богомъ и не поклоняться творенію рукъ своихъ, они возносятъ подобающее поклоненіе единому Богу. Такимъ образомъ они не поклоняются и не служатъ, а напротивъ гнушаются и отвергаютъ бѣсовъ, избѣгаютъ, какъ мерзости. и отметають всякое почитаніе бѣсовъ. И потомъ они ожидаютъ страшнаго и великаго явленія Спаси-

теля нашего, когда во время всеобщаго воскресенія придетъ Онъ во славѣ Отчей съ ангелами святыми, чтобы сокрушить и наказать нечестивыхъ и гордыхъ, преданныхъ матеріи и мірскому, покорныхъ велѣніямъ міродержателя, и явить достойными нетлѣннаго блаженства и царства служителей Своихъ, возлюбившихъ явленіе Его.

А что люди, научившіеся этому и подъятые къ свѣту богопознанія, удалятся совершенно отъ суетнаго и чувственнаго, и у нихъ прекратится влеченіе къ бездушнымъ идоламъ, этому научить насъ тотъ же богоносный мужъ, говоря такъ: *уши вдадутъ на слышаніе, и сердце изнемогихъ вонметъ послушати, и языцы нѣмотствующіи скоро научатся глаголати миръ: и къ сему не рекутъ слуги твои: молчи. Юродъ бо юродивая изрѣчетъ, и сердце его тщетная уразумѣетъ, еже совершати беззаконная и глаголати на Господа прелесть* (Ис. 32, 3 — 6). Здѣсь пророческое слово предвозвѣщаетъ, что скоро научатся—уши изнемогающихъ внимать и слушать, а нѣмотствующіе языки—говорить. Подобно сему онъ же показываетъ способъ, какимъ немощное и убогое можетъ быть укрѣплено и исправлено. Какъ же это случится и осуществится? *Богъ нашъ, говоритъ онъ, придетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзнутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скачутъ хромыи, яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ, яко проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей, и безводная будетъ во езера, и на жаждущей земли источникъ водный будетъ* (Ис. 35, 4—6). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ подобное этому: *и услышатъ въ день оный гласи словеса книги (сея), и уже во тмѣ, и уже во мглѣ, очи слѣпыхъ узрятъ. И возрадуются нищии ради Господа въ веселіи, и отчаявшіися чловѣцы исполнятся веселія* (Ис. 29, 18—19). Не ясно-ли каждому,

что пророческое слово этимъ указываетъ на извращеніе души и на ея страсти, на ложныя и превратныя мысли, которыя древніе невѣжественные и неразумные люди, хромавшіе въ отношеніи къ истинѣ, совершенно отпавшіе отъ нея, непознавшіе и отвергшіе дѣйствительнаго и истиннаго Бога, предпочли правому и здравому ученію и болѣли заблужденіемъ многобожія. Эти слова надо понимать конечно не въ буквальномъ смыслѣ объ увѣчи тѣлесныхъ и чувственныхъ органовъ. Кто изслѣдуетъ заключающійся въ нихъ смыслъ, такъ легко найдетъ, что эти слова указываютъ на страсти и движенія душевныя, такъ какъ душа именно при посредствѣ этихъ тѣлесныхъ органовъ и членовъ все, что есть внутри человѣка, всякое сокровенное и зрѣнію недоступное желаніе устрояетъ, совершаетъ, осуществляетъ и скрытыми и темными намѣреніями пополняетъ и открываетъ свои стремленія и намѣренія. Поэтому, если кто имѣетъ ложное и ошибочное мнѣніе по религіознымъ вопросамъ и погрѣшаетъ въ оцѣнкѣ дѣйствій, то справедливо говорятъ, что онъ слѣпотствуетъ, или хромаетъ, или болѣетъ какимъ либо другимъ изъ перечисленныхъ недуговъ, хотя бы онъ не страдалъ ни зрѣніемъ, ни ногами, или разстройствомъ другой какой способности, или помраченіемъ мысли.

Въ такомъ видѣ Священное Писаніе представляетъ людей, одержимыхъ прежде невѣріемъ и безбожіемъ, но потомъ воспріявшихъ благодать исцѣленія, такъ что души, страдавшія прежде нечестіемъ, укрѣпляются и восстанавливаются и омраченныя безбожіемъ очищаются и просвѣщаются. А вслѣдъ затѣмъ по избытку вѣры освящаются конечно и самые члены, приобрѣтаютъ полное выздоровленіе и прекрасно служатъ имъ въ дѣлахъ благочестія и праведности предъ

Богомъ. Съ пришествіемъ Спасителя нѣкогда страдавшіе слѣпотою духовныхъ очей въ отношеніи къ истинному свѣту, теперь ясно видятъ правое, и каждый изъ прозрѣвшихъ говоритъ: *очи мои выну ко Господу, яко той исторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои* (Пс. 24, 15). Итакъ, они стремятся къ просвѣщенію умственныхъ очей, чтобы не уснуть въ смерть. Затѣмъ, прежде имѣвшіе закрытыми уши сердца, представляютъ ихъ открытыми и готовыми слушать благозвучный гласъ хвалы Его. Равнымъ образомъ невразумительные языки нѣмыхъ, которые нѣкогда стремились говорить нечестивое и непристойное, называвшіе богами глухихъ и бездушныхъ идоловъ, потомъ становятся внятными и отчетливыми, научаются вѣрою говорить о мирѣ, воспѣваютъ таинство Троицы и то, что „Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца“, ибо Онъ есть миръ нашъ (Ефес. 2, 14), и Богъ мира, и миру Его нѣтъ конца (Иса. 9, 7). Такимъ образомъ слово Божіе научаетъ помышлять о Богѣ день и ночь, говорить о силѣ Его, повѣствовать о чудесахъ и всегда возносить Ему разумное служеніе согласно тому, какъ сказано: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе* (Рим. 10, 10). Равнымъ образомъ и хромавшій нѣкогда въ хожденіи сердечномъ, содѣлавъ прямыми пути и стези свои, воспламеняемый превожделѣнною любовію ко Спасителю, стремительно скачетъ подобно жаждущему оленю и воспѣваетъ такъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сиче желаетъ душа моя къ Богу крѣпкому живому* (Пс. 41, 2). Такъ, говоря кратко, всѣ жаждущіе поспѣшаютъ къ источнику жизни и безсмертія Христу, всѣхъ призывающему и громкимъ гласомъ вопіющему: *кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37) и увѣщающему черпать изъ источника спа-

сенія (Иса. 12, 3). По сему душа, жаждущая спасенія въ Богѣ, напояется и утучняется, является благоденствующею и благоукрашенною, цвѣтетъ праведностію и благочестіемъ и всякими добродѣтелями и украшается всевозможною и дивною красотою. Таково состояніе душъ, получившихъ освобожденіе отъ невѣрія, и такимъ образомъ вполнѣ богоприличное и достойное любочестія и щедрости Благодѣтеля, вѣрнѣе же сказать—Его человѣколюбія.

А что явившійся Врачъ душъ былъ и врачомъ тѣлесъ, это показываетъ безчисленное множество исцѣленныхъ. Очищенные духовно по вѣрѣ въ Благодѣтеля они одновременно получали также и исцѣленіе страждущихъ тѣлесъ. Посему въ то время совершались великія и разнообразныя чудеса: слѣпымъ Онъ чудесно давалъ зрѣніе, очищалъ прокаженныхъ, хромымъ исправлялъ и укрѣплялъ ноги, разслабленныхъ и съ омертвѣвшими членами дѣлалъ здоровыми и подвижными, прещеніями изгонялъ множество бѣсовъ и освобождалъ одержимыхъ ими отъ жестокихъ припадковъ и страждущимъ другими недугами сообщалъ тѣлесную крѣпость и вообще исцѣлялъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ, какъ преблагій Богъ, сострадая Своему творенію, даруя также и освобожденіе отъ грѣховъ,—что болѣе и важнѣе,—ибо въ Его власти было отпущеніе людямъ прегрѣшеній ихъ. Также ученики Искупителя и Спасителя нашего, ставъ подражателями неизреченнаго человѣколюбія Его и получивъ отъ Духа даръ творенія подобныхъ же чудесъ, содѣлали здоровымъ ногами хромого, сидѣвшаго у такъ называемыхъ красныхъ вратъ храма (Дѣян. 3, 2 сл.), чтобы на немъ исполнилось пророчество, которое гласитъ: *скочитъ хромыи, яко елень* (Ис. 35, 6). Дѣйствовавшюю въ нихъ благодатію они

совершали и многія другія чудеса въ людяхъ и обращали ихъ къ познанію истины.

Итакъ, покоряющимся и благомыслящимъ даровано прощеніе. А что же Богъ далъ не покоряющимся истинѣ? Духъ безчувствія, глаза, чтобы не видѣть, и уши, чтобы не слышать (Рим. 11, 8), ибо они всегда поступали вопреки этимъ чувствамъ: слухомъ слушали и не разумѣли, видя, видѣли и не познали. Одебелѣло сердце ихъ, и ушами трудно слышать и очи свои смежили (Ис. 6, 10). И въ настоящее время, когда возобладала ложь, прежде просвѣщенные свѣтомъ истины добровольно ослѣпили свои мысленныя очи, закрыли уши сердца, покоряются силѣ заблужденія, такъ что не могутъ слушать пророческихъ изреченій, имѣющихъ смыслъ ясный и понятный, ибо что яснѣе словъ, приведенныхъ выше, или тѣхъ, которые сейчасъ будутъ приведены? Слова эти слѣдующія: *сія глаголетъ Господь Израилевъ: въ той день упова я будетъ человекъ на сотворшаго и очи его ко святому Израилеву воззрятъ, и не будутъ уповающе на трепещища, ниже на дѣла рукъ своихъ, яже сотвориша персты ихъ, и будутъ уповать на Святаго Израилева, и посякнутъ дубравы и мерзости ихъ* (Ис. 17, 7—8). Если бы духовныя очи ихъ не были ослѣплены и если бы уши ихъ не были закрыты, то мы сказали бы имъ: смотрите, слушайте, внимайте истинѣ и не противьтесь боговдохновеннымъ изреченіямъ. Теперь же имъ, одержимымъ крайнимъ безуміемъ, что сказать, если не то, что сказано въ Евангеліяхъ, а именно: если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то не послушаютъ, если бы кто возсталъ отъ мертвыхъ (Лук. 16, 31).

Но да посрамятся пустословящіе праздное! благо-разумные и здравомысленные должны вѣрить, что заблужденіе суетныхъ религій упразднено и уничто-

жено. Познавшіе Господа своего и Творца, Начальника своей жизни, исповѣдавшіе Его, какъ благодѣтеля (явившаго Себя) въ столькихъ знаменіяхъ, не стануть уже, возвращаясь на блевотину *свою*, говорить безумному, безчувственному и глуполу (идолу): ты нашъ богъ, ты сотворилъ насъ, управляешь нашею жизнію, владычествуешь надъ нами и наставляешь тому, что должно дѣлать и что нѣтъ; ибо что хуже и гнуснѣе этого.

Мнѣ кажется весьма благовременнымъ снова обратиться рѣчь къ призванію язычниковъ и размыслить о томъ, что объ этомъ говоритъ тотъ же богословъ: *страно Завулonya, и земле Невоалимля, и прочіи при морѣ живущіи, и объ ону страну Гордана, Галилея языковъ. Людіе ходящіи во тмѣ, видѣли свѣтъ велій: живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы* (Ис. 9, 1—2). Мудрый и боговдохновенный истолкователь этихъ пророческихъ словъ, ясно и весьма понятно излагая ихъ значеніе и указывая исполненіе пророчества, божественный апостолъ Матѳей, составившій для насъ евангельскую исторію, заложившій какъ бы корень и основаніе вѣры нашей, содѣлавшій яснымъ таинство воплощенія Спасителя нашего, изрекъ слѣдующее: *слышавъ Иисусъ, яко Іоаннъ преданъ бысть, отъиде въ Галилею. И оставъ Назаретъ, пришедъ вселися въ Капернаумъ въ поморіе, въ предѣлахъ Завулонихъ и Невоалимляхъ. Да сбудется реченное Исаіемъ пророкомъ глаголющимъ: земля Завулonya и Невоалимля, путь моря объ онъ полъ Гордана, Галилея языкъ, людіе съдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій, и съдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ. Оттолъ начатъ Иисусъ проповѣдати и глаголати: покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Мѳ. 4, 12—16).

Что рѣчь пророческая или евангельская, ибо и та

и другая имѣють въ виду одно и тоже, этими словами указываетъ на обращеніе язычниковъ къ свѣту истины, понять это не представляетъ большаго труда для тѣхъ, кто хочетъ и кто не совсѣмъ невѣжественъ въ боговдохновенномъ Писаніи. Люди, знакомые съ нимъ, знаютъ, что приверженцы языческаго неразумія сидѣли въ странѣ и сѣни смертной, скованные глубокимъ мракомъ невѣжества, омрачаемые тьмою грѣха, пока не освѣщенные еще божественнымъ свѣтомъ, омрачившіе души свои темнотою идолослуженія, что хуже и тягостнѣе смерти, ибо это есть смерть души и полное отсутствіе дѣйствительной жизни. Итакъ, для этихъ, говоритъ евангелистъ, пребывавшихъ во мракѣ невѣжества, возсіяла спасительная благодать, возшло солнце правды, разсѣявшее ночь безбожія, ибо Онъ ходилъ всюду, проповѣдуя покаяніе, дабы они (язычники) вышли изъ подъ власти начальниковъ мрака, презрѣли ихъ безсиліе и развращающее вліяніе, и были призываемы ходить во свѣтѣ лица Господа, говорящаго: *Азъ свѣтъ въ міръ приидохъ* (Іоан. 24, 46), и: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 9, 5), и: *еще кто ходитъ во дни не поткнется* (Іоан. 11, 9),—и дабы приступающіе къ Нему просвѣтились и лица ихъ не постыдились, какъ и божественный Павелъ заповѣдуетъ: *яко чада свѣта ходите: плодъ бо духовный есть во всякой благостыни и правдѣ и истинѣ* (Ефес. 5, 8),—и такимъ образомъ вполне уразумѣли, какъ обратились они къ Богу отъ идоловъ—служить Богу живому и истинному и ожидать съ неба Сына Его, Коего Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Для того, кто усердно утверждаетъ умъ свой этими священными изреченіями, легко уразумѣть подобныя же слова, возглашаемая богоноснымъ пророкомъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ говоритъ такъ: *будетъ въ день оный корень*

*Иессеовъ, и возстаяй владѣти языки, на того языцы упо-
вати будутъ* (Ис. 11, 10). Столь очевидное и всѣмъ
понятное пророчество, возвѣщаемое во всѣхъ предѣ-
лахъ вселенной и со всею ясностію открывшее намъ
прежде вѣкъ отъ Отца возсіявшаго Бога-Слово, въ
послѣднія времена вѣка родившагося отъ чреслъ
Давида по плоти, мнѣ кажется, не бевѣзвѣстно даже
невѣрующимъ и людямъ съ поврежденнымъ слухомъ.
Что можетъ быть яснѣе этихъ словъ для доказатель-
ства и раскрытія таинства домостроительства нашего
даже предъ людьми неразумными? Мы исповѣдуемъ,
что пречистая Богоматерь ведетъ родъ свой изъ корня
Иессеева и отъ сѣмени Давида. Отъ нея возшелъ по-
добно цвѣту Спаситель по плоти. Сверхъестественно
родила она Бога и человѣка одновременно, почему
и именуется нами собственно и истинно Богородицею.
И это подтверждается дѣвственнымъ рожденіемъ, со-
вершенно не описуемымъ, ибо Христосъ, родившись
необычнымъ для людей образомъ, и послѣ рожденія
сохранилъ неповрежденнымъ дѣвство родившей.

44. Какую власть пріобрѣлъ Онъ и какъ Онъ бу-
детъ владычествовать надъ язычниками, объ этомъ
возгласитъ тотъ же пророкъ, движимый божествен-
нымъ Духомъ: *царя со славою узрите* (Ис. 33, 17), и:
*азъ возставихъ имъ съ правдою царя, и вси путіе его
правы. Сей созиждетъ градъ мой, и плѣнній людей мо-
ихъ возвратитъ, не по мздѣ, ни по даромъ, рече Гос-
подь Саваоѣ* (Ис. 45, 13). И еще: *приведу миръ на князи
его, миръ и здравіе ему. И веліе начальство его, и мира его
нѣсть предѣла на престолѣ Давидовѣ, и на царствѣ
его, исправить е, и заступити его въ судѣ и правдѣ.
отнынѣ и до вѣка: ревность Господа Саваоѣ сотворитъ
сія* (Ис. 9, 7 — 8). Что этими словами указывается
Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, отъ

вѣка повелѣвающій въ державѣ Своей Христосъ Богъ нашъ, этого, я думаю, не станетъ оспаривать никто изъ познавшихъ (явленное намъ) таинство (воплощенія). Вѣдь для всякаго ясно, что Онъ именно, а не другой кто, воздвигнуть для насъ въ Царя праведнаго и спасающаго, Который научилъ насъ божественной правдѣ. Также Онъ содѣлался для насъ, по словамъ апостола, *премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). Это Онъ, конечно, создалъ градъ Божій,—не земной и не имѣющій вѣчнаго основанія, а напротивъ, градъ, имѣющій устои, подъ которымъ богоприлично разумѣется вышній Іерусалимъ, коего украстель и устроитель есть Богъ и въ коемъ церковь первородныхъ, на небеси написанныхъ, пребываетъ вмѣстѣ съ вышними силами. А что Онъ возвратитъ плѣненіе людей Своихъ, ~~какихъ~~ именно людей и какъ, касательно этого подлежитъ выслушать слѣдующее. Нѣкогда по истинѣ мы были людьми, не знавшими Творца и Господа, отрицавшими отъ принадлежности Ему и совершенно чуждыми служенія Ему вслѣдствіе неразумія, происшедшаго отъ грѣха и лукавства обладавшаго нами діавола. Мы были подчинены игу врага и находились въ его распоряженіи, какъ рабы и плѣнники, лишенные свободы и принужденные служить ему.

Но такъ какъ было невозможно, чтобы милосердый Богъ не призрѣлъ на твореніе Свое, то является Икупитель, Который не нуждался во внѣшнемъ выкупѣ и дарахъ, но уничижилъ Себя (Филип. 2, 7) и въ качествѣ выкупа за всѣхъ насъ отдалъ животворящую спасительную кровь Свою. Претерпѣвъ ради насъ страданія и крестъ, Онъ *взошелъ на высоту и сѣдѣлъ*, возвративъ плѣнъ нашъ (Еф. 4, 8). Избавивъ насъ отъ Халдейской власти пагубныхъ бѣсовъ и изъ-

явъ изъ руки варварскаго духовнаго тиранна, Онъ стяжалъ насъ въ народъ Свой и начальствуетъ и царствуетъ надъ нами во вѣки. Этого никто не станетъ отрицать, развѣ только кто болѣетъ Іудейскимъ невѣріемъ и безстыдствомъ, нося еще въ душѣ своей уже упраздненное покрывало (2 Кор. 3, 13 сл.), не желая разстаться съ своимъ неразуміемъ и поэтому будучи еще не достоинъ взирать на божественныя таинства. И если кто усумнится и скажетъ, что пророческое слово въ царѣ нашемъ указываетъ на нѣкоего человѣка, который получить власть надъ Іудеями, то пусть отъ насъ и отъ самой истины выслушаетъ, что, согласно преданію самаго Священнаго Писанія, послѣ возвращенія Іудеевъ изъ Вавилона, среди нихъ не являлось никого, кто носилъ бы царскую діадему, которой короновались прежние цари, и никто не сидѣлъ на престолѣ съ знаками царскаго достоинства, какъ именно предопредѣлили Богъ всяческихъ гласомъ пророковъ. Съ того времени они пребывали подъ властію начальниковъ народа и священниковъ. Отсюда ясно, что пророческая рѣчь указываетъ намъ не на это плѣненіе Вавилонское, такъ какъ извѣстно, кѣмъ и какъ Іудеи были освобождены изъ Вавилонскаго плѣна и возвращены назадъ въ Палестину, что ясно описано въ повѣствованіяхъ объ этихъ событіяхъ. Посему понимать пророческія слова въ приложеніи къ тѣмъ временамъ нѣтъ основанія. И мы, насколько то знаемъ, какъ вѣримъ и какъ рассказывали намъ отцы наши, на которыхъ мы весьма крѣпко опираемся, заявляемъ, что это именно мы суть тѣ, коихъ Богъ собралъ во едино изъ язычниковъ, кои непоколебимо уповали на Него и избавлены Господомъ, которыхъ Онъ освободилъ отъ руки невидимыхъ враговъ и изъ мѣстъ мрака и сѣни

смертной собралъ насъ съ востока и запада, съвера и моря въ то время, какъ мы, благодаря ухищреніямъ нашего врага, блуждали въ безводной пустынѣ невѣрія и были лишены спасительныхъ водъ благочестія. И именно намъ, изливая свыше дождь милосердія, Онъ даровалъ благодать богопознанія.

А что въ пророческомъ словѣ Спаситель предвозвѣщенъ какъ имѣющій возсѣсть на престолѣ Давидовомъ, въ этомъ пусть убѣдитъ неразумныхъ Ангелъ (Лук. 1, 26 сл.), если только они не отвергають и повѣствованія евангельскія, какъ отвергають другія рѣченія Святаго Духа. Сошедъ съ небеси и благоговѣствуя пречистой Приснодѣвѣ Матери главизну общаго спасенія всего міра, онъ предвозвѣстилъ, что имѣющій родиться отъ нея Спаситель всѣхъ наречется Сыномъ Вышняго, пріиметъ престолъ Давида и царству Его не будетъ конца, — предвозвѣстилъ также, что Онъ будетъ великъ съ воспринятымъ Имъ естествомъ, ибо зналъ Его какъ существующаго нынѣ и прежде и всегда и какъ великаго и надъ всѣми сущаго Бога. Итакъ, Эммануиль, Царь царей, обладающій многими народами, содѣлался и человѣкомъ, но при этомъ сохраняетъ Свое превосходство надъ всѣми, обладаетъ (божественною) властію и достоинствомъ, блистаетъ совершенствами божества и во плоти, хотя добровольно и уничижилъ себя, допустивъ Свое божественное снискшество и облекшись въ нашу нищету, дабы мы обогатились божествомъ Его. Итакъ, необходимо, чтобы лицо Спасителя нашего Христа пребывало (и главенствовало) во всемъ. И если Онъ поставленъ царемъ и притомъ такимъ именно царемъ, то слѣдуетъ конечно и подобаетъ, чтобы были и соотвѣтствующіе начальники, и народы подчинялись Ему, и не просто народы, но всѣ народы, ибо Онъ

Царь всѣхъ и Господь, и какъ на небѣ со Отцемъ, такъ и на землѣ Онъ есть Владыка всяческихъ и Властитель. Посему и сказано: *и возстая владычи языки, на того языцы уповати будутъ* (Ис. 11, 19), хотя бы и не желали того по Іудейски мыслящіе, такъ что пусть уже окончательно отвергнуть и отринуть то, что воспѣвается на всякомъ языкѣ и въ чемъ является намъ лице Царя, говорящаго: *Азъ же поставленъ есмь царь отъ него надъ Сіономъ горою святою его* (Пс. 2, 6), и: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Пс. 2, 8). Перейдемъ затѣмъ и къ другимъ изреченіямъ богоноснаго мужа. Онъ говоритъ: *Азъ Господь призывахъ тя въ правдѣ* (Ис. 42, 6) и: *дамъ тя въ завітъ рода, во свѣтъ языкомъ, отверзсти очи слѣпыхъ извести отъ узъ связанныхъ, и изъ дому темницы стѣдущія во тмѣ* (Ис. 42, 6—7). И опять: *дахъ тя въ завітъ рода, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (Ис. 49, 6), И еще: *се дахъ тя въ завітъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже устроити землю и наслѣдити наслѣдія пустыни: глаголюща сущимъ во узехъ, изыдите, и сущимъ во тмѣ, открыйтеся* (Ис. 49, 6—9). *Приближается скоро правда твоя, и изыдетъ яко свѣтъ спасеніе твое, и на мышцу мою языцы надѣются будутъ* (Ис. 5, 1—5). И еще: *Сіона ради не умолчу, и Іерусалима ради не поущу, дондеже изыдетъ, яко свѣтъ правда моя, и спасеніе мое яко свѣтило разжжется. И узрятъ языцы правду твою, и царіе славу твою, и прозовутъ тя именемъ новымъ, имже Господь назоветъ е. И будеши вънецъ доброты въ руцѣ Господни, и діадима царствія въ руцѣ Бога твоего. И не прозовешия кому оставленъ, и земля твоя кому не наречется пуста* (Ис. 62, 1—5). Если же кто обратится ко временамъ болѣе отдаленнымъ, то увидитъ, что чаянія язычниковъ возлагались на Спасителя всѣхъ

и Икупителя Христа и предвозвѣщались уже древле, ибо патріархъ Іаковъ, благословляя колѣно Іудово, говорилъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему, и той чаяніе языковъ* (Быт. 49, 10). Извѣстно, что Господь возсіалъ отъ Іуды.

Итакъ, если истинны слова святыхъ, а они дѣйствительно истинны, ибо все въ подобающее время исполнились, то они не упразднятся и не потеряютъ силы, такъ какъ имѣютъ опору и подтвержденіе въ евангельскихъ повѣствованіяхъ. Господь пришелъ, чтобы исполнить законъ и пророковъ, и объявилъ, что изъ нихъ ничего не преидетъ, пока все не будетъ исполнено (Матѳ. 5, 17 сл.), показавъ Собою болѣе самосовершителя, чѣмъ учителя, въ этомъ исполненіи. Итакъ, язычники не обманулись въ своемъ стремленіи къ истинной вѣрѣ, и посему ухищренія діавола были не въ силахъ отдалить ихъ отъ любви и вѣры призвавшаго ихъ Царя. А потому ничтожны, пусты, всякой лжи и нечестія исполнены слова противниковъ нашихъ. И если кто будетъ искать порядка, какой бываетъ тамъ, гдѣ есть царь и подданные, тотъ пусть научится изъ слѣдующаго: *въ той день будетъ Израиль третій во Египтянѣхъ, и во Ассиріанѣхъ благословенъ на земли, юже благослови Господь Саваоѣхъ, глаголя благословенни людіе мои, иже во Египтъ, и иже во Ассиріахъ, и наслѣдіе мое Израиль* (Ис. 19, 24—25). Въ лицѣ названныхъ народовъ пророческая рѣчь указываетъ полноту языковъ, призванныхъ къ святому ученію. Последнее третье мѣсто занимаетъ Израиль, тогда какъ Ассиріецъ, хотя отправляется издалека и изъ чужой и варварской страны, предупреждаетъ и предвосхищаетъ вѣру во Христа, поклоняется Ему, когда Онъ тѣлесно былъ еще младенцемъ и принималъ по-

четные дары, своимъ числомъ и значеніемъ соотвѣтствовавшіе совершеннымъ Имъ видамъ Его служенія ¹⁾. Второе мѣсто занимаетъ Египтянинъ, съ пришествіемъ бѣглеца отвергшій бѣсовское заблужденіе (Матѣ. 2, 13 сл.). Послѣ него третьимъ приступаетъ Израиль, призываемый къ сему проповѣдью Его, какъ о томъ предали составившіе для насъ евангелія апостолы Господни.

45. Не трудно убѣдиться въ томъ, что и апостольское ученіе согласно и одинаково съ пророческимъ и какъ бы идетъ по одной и тойже стезѣ съ нимъ,— то есть, относительно вѣры и исповѣданія нами того, что Спаситель управляетъ языками, или Церковью изъ язычниковъ, и царствуетъ надъ нею, что Онъ есть ея глава, и Ему подобаетъ царствовать, пока враговъ Своихъ положить подъ ноги Свои, и что Онъ содѣлаетъ наслѣдниками царства уповавшихъ на Него. Пусть выскажетъ это Апостолъ язычниковъ, бывшій ихъ предводителемъ. *Хочу васъ увѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть (1 Кор. 1, 11, 3). И затѣмъ: да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія, въ познаніе его: просвѣщаема очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія его, и кое богатство славы достоянія его во святыхъ, и кое преслѣующее величество силы его въ насъ върующихъ по дѣйству державы крѣпости его, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ его отъ мертвыхъ, и посадивъ одесную себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣхъ семъ, но и во грядущемъ. И вся покори подъ нозѣ его: и того даде главу выше всѣхъ церкви, Яже есть тѣло*

¹⁾ т. е. золото, ладонь и смиренію въ соотвѣтствіе Его царскому, первосвященническому и пророческому служенію. (Матѣ. 2, 11).

его, исполненіе исполняющаго всяческая во вѣхъ (Ефес. 1, 17—23). И: тѣмъ же и Богъ его првознесе и дарова ему имя, еже паче всякаго имени: да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 9). И: въ томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлеснѣ. И да будете въ немъ исполнены, иже есть глава всякому началу и власти (Кол. 2, 9—10). И еще: истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ него всяческая, иже есть глава Христосъ: изъ него же все тѣло составляемо и счицаемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣртвѣ единенія коеяждо части, возвращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію (Ефес. 4, 15—16). И: земнѣ мужъ глава есть женѣ и Христосъ глава церкви (Ефес. 5, 23).

Показавъ, что Христосъ есть глава и власть надъ вѣми; святой Апостолъ выставляетъ Его царемъ и представляетъ раздаятелемъ царства увѣровавшимъ въ Него, когда говоритъ: тѣмъ же царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, еюже служимъ благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ (Евр. 12, 28). И: благодаряще Бога и Отца призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ, иже избави насъ отъ власти темныя, и престаи въ царство Сына любви своея, о немъ же имамы избавленіе кровію его и оставленіе грѣховъ (Кол. 1, 12—13). А какъ сыны, собратья и сонаслѣдники, сами мы должны имѣть въ виду, яко нынѣ открыся святымъ его апостоламъ и пророкамъ Духомъ: яко быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и спричастникомъ обѣтованія его о Христѣ благоговѣствованіемъ, емуже быхъ служитель (Ефес. 3, 5—7). Держѣ же писахъ вамъ, братіе моя, отъ части, яко воспоминаѣ вамъ, за благодать, данную ми отъ Бога, во еже быти ми служителю Иисусъ Христову во языцѣхъ,

священнодѣйствующу благоустройство Божіе, да будетъ приношеніе еже отъ языкъ благопріятно и освящено Духомъ Святымъ (Римл. 15, 15—16). Потомъ: не пріятне бо духа работы наки въ боязнь: но пріятне духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: авва Отче. Самый духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, наслѣдницы же Христу (Римл. 8, 15—17). Затѣмъ: тѣмъ же убо нѣси рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ (Гал. 4, 7). Согласно съ этими словами говоритъ и другой богословъ: даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, върующимъ во имя его (Іоан. 1, 12). Къ этому пусть прибавитъ служитель евангелія: яко вы есте тѣло Христово, и уди отчасти (1 Кор. 12, 27). Подобаше бо ему, его же ради всяческая и имже всяческая, приведшу многи сыны во славу, начальника спасенія ихъ страданьми совершити. И святей бо и освящаеміи, отъ единого вси: ея же ради вины не стыдится братію нарицати ихъ глаголя: возвѣщу имя твое братіи моей, посреди церкви воспою тя (Евр. 2, 10—12). И еще: ихъ же предувѣдъ, тѣхъ и представи сообразныхъ быти образу Сына своего, яко быти ему первородну во многихъ братіяхъ (Рим. 8, 29). Сверхъ того: въ немъ же лишии хотя Богъ показати наслѣдникомъ обѣтованія непреложное совѣта своего, ходатайствова клятвою: да двѣма вещми непреложными, въ нихъ же невозможно солгати Богу, крѣпкое утѣшеніе имамы прибѣгшии ятися за подлежащее упованіе. (Евр. 6, 17—18). И еще: глаголю же Христа Іисуса служителя бывша обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отцевъ: а языкомъ по милости, прославити Бога, якоже есть писано: сего ради исповѣмся тебѣ во языцѣхъ Господи, и имени твоему пою. И наки глаголетъ: возвеселитесь языцы съ людьми его. И наки: хвалите Господа вси языцы,

и похвалите его вси людѣ. И наки Исаіа глаголетъ: будетъ корень Иессеовъ, и востаяй владѣти надъ языки: на того языцы уповаютъ (Рим. 15, 8—12).

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что свя-
тый Апостолъ говоритъ не только объ одномъ и томъ
же, но и одними и тѣми же словами съ пророкомъ.
И кто можетъ возражать противъ этого? Даромъ по-
милованные Богомъ, изъ безбожниковъ сдѣланные
боголюбцами, твердо стоя въ вѣрѣ, они славословятъ
Бога, а не идолопоклонствуютъ, какъ то представ-
ляется неистовствующимъ безумцамъ. Развѣ они мо-
гутъ сожалѣть о дарованіи имъ столькихъ благъ, ко-
торыми блещутъ, ибо удостоились чрезъ вѣру сдѣ-
латься чадами и наслѣдниками Божиими, быть тѣ-
ломъ Христа и Его членами, какъ устремляющіеся
къ вѣчной славѣ,—сожалѣть настолько, чтобы, оста-
вивъ благодать и сіяніе всего этого, приложиться
мраку и заблужденію? И если безбожники совершенно
отринуть это, то мы съ своей стороны вѣруемъ на
столько, чтобы дивиться божественному человѣколю-
бію Спасителя и открыто признавать, что по преизбы-
точеству благодати и величію силы Своей Онъ во
время сошествія исхитилъ изъ тиранніи діавола не
однихъ только живыхъ. Но, явившись и прежде уже
пребывавшимъ во узахъ ада, жившимъ нѣкогда во
времена невѣдѣнія въ безбожіи и нечестіи, одержи-
мымъ мракомъ, темнотою и неразрѣшимыми узами,
Онъ проповѣдалъ имъ и исхитилъ ихъ изъ подъ вла-
сти сильнаго врага. И это было уже предсказано про-
роческими устами, ибо Христосъ является *глаголющимъ
сущимъ во узахъ, изыдите, и сущимъ во тмѣ, откры-
теся* (Ис. 49, 9). А что это въ свое время дѣйстви-
тельно исполнилось, объ этомъ разскажетъ верховный
изъ учениковъ Христа въ словахъ: *зане Христосъ еди-*

ною о грѣсѣхъ нашихъ пострада, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови: умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ: о немже и сущимъ въ темницѣ духовомъ сошеде проповѣда, противльшимся иногда (1 Петр. 3, 18—19). Получивъ благовѣстіе о таинствѣ спасенія и принявъ проповѣдь Спасителя, будучи притомъ лишены всякаго движенія и дѣятельности, безъ всякой надежды на возможность что-либо предпринять, и не смотря на то благомысленно отнесшіеся къ столь дивнымъ и великимъ благодѣяніямъ—они, полагаю, являются сильными порицателями этихъ нечестивцевъ, поскольку и они оказываются оскорбленными на ряду съ живущими,—или вѣрнѣе—не выносятъ дерзости хулителей на Икупителя. И это конечно потому, что по чрезмѣрному нечестію своему они должны обвинять въ идолослуженіи даже и души уже ранѣе отшедшихъ (въ адъ людей),—чрезъ что, мнѣ кажется, вина ихъ увеличивается и по справедливости подлежитъ большому наказанію. Но оставимъ тѣхъ, которые осуждены приговоромъ живыхъ и мертвыхъ, и, преслѣдуя цѣль нашего предпріятія, перейдемъ къ дальнѣйшему.

46. Слѣдуетъ выслушать то, что Онъ въ качествѣ Царя языковъ обѣщалъ сдѣлать Своимъ подданнымъ какъ бы въ воздаяніе и награду за повиновеніе Ему и вѣру въ Него. *И сотворитъ Господь Саваоѣъ, говорилъ пророкъ, всѣмъ языкомъ: на горѣ сей испіютъ радость, испіютъ вино. Помажутся миромъ на горѣ сей* (Ис. 25, 67). Развѣ что-либо изъ всего этого не исполнилось? Этими словами преподается намъ прежде всего наставленіе касательно священныхъ таинствъ Божественнаго дара и благодати, — таинствъ пріобщенія честной крови Спасителя нашего Христа и освященія въ божественномъ крещеніи. Посему про-

рокъ снова заповѣдуетъ имъ веселиться въ виду щедрости призывающаго, говоря: *возвеселися неплоды не-раждающая, возгласи и возопій нечревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имуція мужа* (Ис. 54, 1). А чѣмъ воздадутъ притекшіе на благодатный призывъ, объ этомъ ясно говоритъ тотъ же пророкъ: *въ то время принесутся дары Господу Саваоу отъ людей оскорбленныхъ и отторженныхъ, и отъ людей великихъ, отнынѣ и въ вѣчное время* (Ис. 18, 7). Подъ дарами же что можно разумѣть иное помимо духовной жертвы хвалы и разумнаго служенія, возносимаго Богу всѣми, составляющими Церковь изъ язычниковъ, каковую Онъ пріемлетъ, какъ воню благоуханія?

О томъ, что Онъ воздастъ имъ и какими дарами почтитъ ихъ, пророкъ еще говоритъ: *веду я въ гору святую мою, и возвеселю я въ дому молитвы моея: всесо-жженія ихъ и жертвы ихъ будутъ пріятны на третищѣ моеи: домъ бо мой домъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ* (Ис. 56, 7). Я не думаю, чтобы кто-либо изъ новоявленныхъ Іудеевъ дошелъ до такого безумія, чтобы понять, что этими словами указывается на служеніе, совершаемое въ одномъ мѣстѣ, именно въ Иерусалимѣ, ибо кто настолько глухъ, что не слыжалъ, какъ пророки отъ лица Бога всяческихъ провозгласили, что жертвоприношенія животныхъ и мяса упразднены и отмѣнены и замѣнены служеніемъ людей, призывающихъ Бога и жречествующихъ духовно? *Что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь: исполненъ есмь всесо-жженій овнихъ, и туки агнцевъ, и тхове юнцевъ и козловъ не хочу. Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Ис. 1, 11)? (Онъ говоритъ также), что не терпитъ новомѣсячій и субботъ (Ис. 1, 13). Объ этомъ же, прозирая въ духъ, пишетъ и псалмопѣвецъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, всесо-*

женій и о грѣсъ не взыскалъ еси (Пс. 39, 7). Еще: не прииму отъ дому твоего тельцевъ, ниже отъ стада твоихъ козловъ (Пс. 49, 9). И: аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: всесожженія не благоволиши (Пс. 50, 18). Но онъ предлагаетъ духовныя жертвы, заповѣдуя: пожри Божови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя (Пс. 49, 14). Яснѣе же выражаютъ это послѣднія слова (Иса. 56, 7) пророка, ибо говоря *всѣмъ языкомъ*, пророкъ этими словами обозначаетъ не частное и мѣстомъ ограниченное, изъ Израильтянъ состоящее, собраніе, но каѳолическую и превышую всякаго числа Церковь. Что собранія народовъ, принадлежащихъ царю, пребываютъ въ чистомъ общеніи съ Пречистымъ, и путь ихъ чистъ, ибо они не мараютъ себя нечистотами и сквернами идольскихъ жертвъ,—касательно этого также слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что говоритъ пророкъ: *не преидетъ тамо нечистый, ниже будетъ тамо путь нечистъ: разстѣяніи же пойдутъ по нему* (Ис. 35, 8). Что Церковь изъ языковъ очищена и освящена, это подтверждаетъ и глашатай языковъ, когда говоритъ, что они храмъ Божій, домъ Бога и Духъ Его живетъ въ нихъ. Тако Христосъ возлюби церковь и себе предаде за ню: да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголь, да представитъ ю себѣ славу церковь, не имущу скверны или порока, или ничто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна (Ефес. 5, 25—26). И въ другомъ мѣстѣ: и далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Тим. 2, 14). И: воздвигий Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенныя тѣла ваша, живущимъ Духомъ его въ васъ (Рим. 8, 11). И: Моисей убо вѣренъ бѣ во всемъ дому его, якоже слуга, во свидѣтельство глаголатися имѣвшимъ (Евр. 3, 5). И въ

другомъ мѣстѣ: не въстѣ ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Бога: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы (1 Кор. 3, 16—17). И еще: или не въстѣ, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ сятаго Духа суть, егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои? Куплени бо есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесахъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія (1 Кор. 6, 19—20). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ясно, что вѣрующіе во Христа и пріятьшіе Духа благодати чрезъ очищеніе въ божественномъ крещеніи достойны быть и именоваться храмомъ Божиимъ,—и, слѣдовательно, утверждающіе, что они поклоняются идоламъ, оказываются храмомъ бѣсовскимъ. Если же нѣтъ общенія у храма Божія съ идолами, то ясно, что теперешніе сыны гордыни, въ которыхъ дѣйствуетъ духъ противленія, лаютъ на истину, когда, противоборствуя Святому Духу, утверждаютъ, что христіане почитаютъ идоловъ, и дерзаютъ заявлять, что они становятся храмомъ бѣсовскимъ. Для изобличенія этого есть много священныхъ изреченій, которыя опредѣляютъ страшное наказаніе имъ отъ Бога. Такъ, представитель Жениха Церкви, дивно соединяя и связывая ее съ женихомъ Христомъ, скрѣпляя это соединеніе и связь, говоритъ, что она есть тѣло Христа и члены порознь (1 Кор. 12, 27), что многіе суть одно тѣло; именно когда мы причащаемся одного и тогоже хлѣба таинства благословенія, мы становимся одно съ Нимъ чрезъ вѣру. Разъясняя таинство возвышенными и благоприличными соображеніями на примѣрѣ чело-вѣческаго супружества, онъ говоритъ слѣдующее: *такъ должны суть мужіе любить своя жены, яко своя тѣлеса. Любяй бо свою жену, себе самаго любитъ: никтоже бо когда свою плоть возненавидѣтъ, но питаетъ и*

и грѣетъ ю, якоже и Господь церковь. Зане уди есмы тѣла его, отъ плоти его и отъ костей его. Сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ жемъ своей, и будета два въ плоть едину. Тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во церковь (Ефес. 5, 28—32).

47. Итакъ. пусть выступаютъ дѣлатели беззаконія и покажутъ, почему и на основаніи какихъ боговдохновенныхъ изреченій они нечестиво отдѣляютъ Церковь отъ единенія со Христомъ? Какимъ образомъ сонаслѣдники Христа, составляющіе одно съ Нимъ тѣло, могутъ служить статуямъ, почитаемымъ невѣрными? И какъ могли бы говорить истину тѣ, кои находятся въ согласіи съ ложью? Пусть поразмыслятъ, не считаютъ-ли они и самого Христа сквернымъ и нечистымъ, благодаря Его сонаслѣдникамъ и тѣлесному единенію Его съ ними, и тѣмъ довершать свое богохульство. Они не стыдятся и не покрываются позоромъ, презирая и отвергая изрѣкавшихъ тайны Святымъ Духомъ святыхъ пророковъ и апостоловъ,—но, напротивъ, хвастаясь беззаконными и нечестивыми пророками и учителями, изрѣкающими отъ собственного чрева. Ихъ скверныя и гнусныя рѣчи они привлекаютъ для подтвержденія своего заблужденія. *Причастники кумировъ Ефремъ положи себѣ соблазны, избра хананеевъ* (Ос. 4, 17—18), читаемъ мы. Но чтобы христіане были причастниками и общниками идоловъ, объ этомъ до нынѣ мы не слыхали ни отъ кого, за исключеніемъ тѣхъ, которые бѣснуются противъ славы Христа и право чтущихъ и покланяющихся Ему. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо нечестивцы обычно навѣтуютъ противъ всего хорошаго и злоумышляютъ на истину, дабы они могли затемнять худобу своего ученія. Справедливо

сказано святыми мужами, что скрытое зло хуже явнаго.

48. Не осмѣливаясь открыто высказывать свое нечестіе, чувствуя чрезмѣрность поношенія нашей религіи и думая укрыться отъ многихъ тѣмъ, что они якобы не оскорбляютъ Самого Христа, если попираютъ божественное изображеніе Его, что же придумали они? Зная, что природу вещей измѣнять нельзя, но что по названіямъ вещи часто не различаются, они обращаются къ различію наименованія и, какъ истые приверженцы идоловъ, не убоялись принадлежащее бѣсовскимъ кумирамъ имя прилагать къ чистой иконѣ Спасителя нашего Христа и Бога, называя ее идоломъ, а почитающихъ ее, какъ это подobaетъ христіанамъ, именуя идолопоклонниками, дабы мнимымъ открытіемъ извращенія вѣры нашей поколебать твердость и постоянство ея у нихъ. Допустивъ такимъ образомъ явное беззаконіе, они безстыдно взвели клевету на Христа и неразумно и дерзко обвиняютъ наше правое и неложное ученіе. Но даже и язычники славятъ милосердіе Божіе, хотя и недавно вышли изъ невѣрія и приняли благодатное ученіе; а эти, кои нынѣ именуются христіанами, и изъ нихъ особенно тѣ, коимъ, какъ думается имъ, ввѣрено достоинство священства, не ужасаются въ душѣ, не удерживаютъ своего языка, не боятся чрезмѣрной хулы, когда себя и всѣхъ другихъ христіанъ, удѣлъ Божій и наслѣдіе Христа, называютъ наслѣдіемъ нечистыхъ бѣсовъ. И если бы они себѣ однимъ приписывали отступничество и нечестіе, то они почитались бы только самыми жалкими и презрѣнными изъ людей. Теперь же, воздвигая свои нечистивые языки противъ всѣхъ вообще причастниковъ дивной и истинной вѣры нашей, развѣ они не навлекутъ на себя

гнѣва Божія, какъ подлежащіе тягчайшимъ наказаніямъ?

Но обратимъ слово наше къ пророческимъ изреченіямъ. Итакъ, людямъ всѣхъ народовъ, языковъ и родовъ со всей земли, острововъ и моря, подданнымъ одного царя, знающимъ, призывающимъ и почитающимъ одного Господа, Бога и Владыку слѣдуетъ называться и именоваться однимъ именемъ и именно именемъ своего Владыки. Посему пророкъ говоритъ: *работающимъ мнѣ наречется имя новое, еже благословится на земли, благословятъ въ Бога истиннаго* (Иса. 65, 15—16). Что могутъ сказать на это неразумные?

А мы—что?—То, что Христосъ и Богъ нашъ, содѣлавшись человѣкомъ, принялъ имя, которое обозначаетъ одинаково и то и другое изъ соединенныхъ естествъ, какъ освятившее Божество, такъ и освященное человѣчество, такъ что подъ однимъ словомъ познается и двоица соединенныхъ естествъ и ипостасное изъ нихъ соединеніе единого лица. Итакъ, есть всѣ основанія, чтобы крещенные въ это имя и запечатлѣнные получили отъ Него свое прозваніе и были христіанами, отмѣчаясь и именуясь всѣ однимъ и тѣмъ же именемъ, поскольку они носятъ вѣрнѣйшіе признаки союза (со Христомъ). И эти признаки и имя есть полнѣйшая наша собственность, хотя бы погруженные въ опьяненіе нечестія они и не выносили его. По сей причинѣ и Церковь вполнѣ богоприлично есть и называется Христовою, людьми стяжанія, народомъ святымъ, родомъ избраннымъ, царственнымъ священствомъ, славнымъ наслѣдіемъ Божиимъ, удѣломъ Господнимъ, вервиемъ наслѣдія Его, виноградникомъ Господа Саваоѳа, чадами возлюбленными, истинными братьями, вѣрными рабами, хра-

момъ Божиимъ, наслѣдниками царства, причастниками небеснаго призванія и разумными овцами верховнаго Пастыря. Посему же и возвѣщаемъ совершенства Его, призвавшаго насъ изъ тмы въ чудный свѣтъ Свой, именуемъ и исповѣдуемъ Его Богомъ и Царемъ, Господомъ, Творцемъ, Спасителемъ, Искупителемъ и воспѣваемъ еще и другими именами. Такъ, являя себя истинными поклонниками Троицы, презираемъ и отвергаемъ всякое бѣсовское заблужденіе, ненавидимъ и гнушаемся всякаго идольскаго обмана и подвергаемъ анаѣмѣ тѣхъ, кои не поступаютъ и не исповѣдуютъ такъ. Таково наше исповѣданіе. Но возвратимся къ рѣчи противъ нечестивыхъ, отъ коей мы уклонились.

49. Что же скажете вы? „Царь Сей великій и великолѣпный, Коего великолѣпіе превышаетъ небеса, имѣющій державу надъ всѣмъ и обладающій безпредѣльною властію, ибо ежедневно мы исповѣдуемъ, что царству Его нѣтъ конца,—Господь ангеловъ, Владыка небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, Творецъ всякой твари, приводящій все изъ небытія къ бытію,—развѣ Онъ можетъ царствовать и властвовать еще надъ чѣмъ? Но отъ этого Царя отступили люди, противъ коихъ по справедливости можно бы возбудить обвиненіе въ побѣгѣ, пустыми остались царскіе чертоги, а люди передались другому царю“. Такова рѣчь непокорныхъ, которые потому, можетъ быть, и не могутъ подчиняться царству Христову, что имѣютъ царемъ Мамону. Но пусть они расскажутъ намъ, какъ совершилось это отпаденіе. Надо изслѣдовать причину этой перемѣны. Если люди добровольно вышли изъ подчиненія Владыкѣ, то или потому, что Онъ не былъ въ состояніи управлять, или потому, что не имѣлъ силы защищать ихъ. Въ дѣйствительности же

напротивъ, господствуя отъ вѣка въ державѣ Своей, Онъ наполняетъ небо и землю, и въ рукѣ Его всѣ предѣлы земли. Онъ называется Богомъ *еже спасати* и Богомъ спасенія нашего. Онъ родился ради насъ— Господь и Спаситель, и нѣтъ никого спасающаго помимо Его. Или они отрицаютъ, что Онъ богоприлично промышляетъ и управляетъ нами? Но Онъ заставляетъ солнце сіять надъ добрыми и злыми и дождитъ надъ праведными и неправедными? Онъ посылаетъ дождь утренній и вечерній, и даетъ пищу всякой твари. Онъ говоритъ: *Отецъ мой досель дѣлаетъ, и азъ дѣлаю* (Іоанн. 5, 17), указывая этими словами на Свое попеченіе и промышленіе о насъ. Или развѣ они не признаютъ величія Его? Но Онъ есть Царь великій по всей землѣ, и величію Его нѣтъ конца. Власть Его, можетъ быть, частная, ограниченная и опредѣленная временемъ? Но царству Его нѣтъ конца, и Ему поклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Или Онъ имѣетъ нужду въ разумѣ? Но разума Его нѣтъ числа, и никто не позналъ умъ Господень. И если думаютъ, что Онъ не внимлетъ намъ и не печется о насъ, то кто говоритъ голосомъ святыхъ: „Не хочу смерти умирающаго, чтобы обратился онъ на путь свой и жива была душа его. Въ одно и тоже время Я говорю нечестивому: „смертію умереть“ и: „обратись отъ пути своего, исполни законъ и правду, ходи въ заповѣдяхъ жизни, и будешь живъ и не умрешь; и всѣ грѣхи твои, коими согрѣшилъ, не помянутся?“ Или есть у Бога какой либо недостатокъ мудрости и правды? Но кто могъ бы измѣрить бездну премудрости, точнѣе — самопремудрости? Премудростію Онъ распростеръ небеса, основалъ землю и все вообще сотворилъ премудростію. А что Онъ благъ и имѣетъ и прочее все, за что всѣми

восхваляется и славится,—зачѣмъ касаться величія Божія, превышающаго умъ и слово и дерзать на невозможное? Да не впадемъ случайно по недостатку разума и осмотрительности въ пропасть безумія подобно нечестивымъ!

Итакъ, пусть они пустословятъ и скажутъ, чѣмъ Богъ ослабляется и удерживается до такой степени, что, изнемогая и отказываясь отъ дѣятельности, оставляетъ власть Свою втуне? Или лучше, какъ мы говоримъ, что есть такого, чего Богъ не превышалъ бы и не превосходилъ? Какое слово представить безмѣрное величіе Его, безконечную, могущественную, неизмѣримую власть, безграничную силу владычества надъ всѣмъ? И чтобы изъ желанія этими жалкими словами превознести Высокое намъ не умалить Его неизреченное господство надъ всѣмъ и владычество, которое все превышаетъ и превосходитъ безъ всякаго сравненія и подобія, недоступно и непостижимо ни для кого, не поддается никакому уму и слову, какъ составляющее исключеніе среди всего видимаго, невидимаго и всѣхъ именъ этого вѣка и будущаго,—воздержимся отъ этого, какъ превышающаго наши силы. Но если Онъ, не добровольно лишившись Своихъ правъ, превратился въ подданнаго, то Онъ конечно подвергся насилію и владыка оказывается подъ властію тиранна. Но кто же тираннъ, отнявшій у Него власть? Тотъ, кто дѣлается тиранномъ, долженъ быть сильнѣе и превосходитѣе постольку, поскольку онъ обладаетъ преимуществомъ побѣдителя и побѣды. Въ дѣлахъ видимыхъ и человѣческихъ, когда противники и воины вступаютъ въ битву и скрещиваютъ руки, плодомъ оружія и трудовъ пользуются оказавшіеся болѣе доблестными, какъ побѣдившіе въ сраженіи и взявшіе въ плѣнъ непріятеля, вслѣдствіе

чего они приносятъ большую долю добычи и доспѣховъ, получаютъ весьма много оружія, или опустошаютъ вражескую страну и заставляютъ на будущее время побѣжденныхъ, какъ обращенныхъ въ рабство, платить дань. Но война, возбуждаемая невидимыми врагами, которые вызвали теперь у насъ бурю противъ вѣры, не можетъ надѣяться достигнуть ничего подобнаго, ибо смятеніе, вызываемое той и другой войной, не одинаково. Врагъ нападаетъ на насъ не для того, чтобы овладѣть нашими вещами внѣшними, но для того, чтобы разорить и подчинить себѣ всѣхъ насъ, т. е. разумныя души и управляющій человѣкомъ умъ, и убѣдить насъ называть царемъ и исповѣдывать богомъ врага Божія и подчиняться его душепагубнымъ и гнуснымъ велѣніямъ, такъ чтобы не одному ему быть осуждену на геенну, а увлечь съ собою въ огонь вѣчный и сонаслѣдниковъ своихъ. Вѣдь это было исконнымъ дѣломъ завистливаго и беззаконнаго демона—лишить насъ уготованныхъ намъ благъ и сдѣлать насъ соучастниками своего паденія. Какъ оставшійся безъ подданныхъ, онъ лишень начальства и достоинства и устранень отъ власти. У него должно остаться одно только имя, да и то, вѣроятно, совершенно исчезнетъ. Посему слава его превратится въ убожество и безобразіе, ибо гдѣ нѣтъ подданныхъ, тамъ развѣ можетъ быть царь? Почему? Потому что ему не надъ кѣмъ будетъ царствовать. Такъ злосчастные, усердно угождая бѣсу, думаютъ осилить царство Христа и насъ отдалить отъ божественныхъ догматовъ. Но пусть выслушаютъ боговдохновенныя слова: *яродъ бо яродивая изречеть, и сердце его тщетная уразумѣтъ* (Ис. 32, 6).

50. И что можетъ быть неразумнѣе или суетнѣе этого? По истинѣ тщетное замыслили они противъ

Христа, и суетны ихъ предпріятія и намѣренія, какъ порожденія ихъ нездраваго и извращеннаго мышленія, дѣйствительнаго юродства и глупости, а вѣрнѣе—крайняго нечестія и безбожія. Ничто подобное не должно приходить даже и на умъ только человѣку, такъ что безумно разсуждаютъ и нечестиво поступаютъ тѣ, кои доводятъ власть Бога надъ всѣмъ до такой немощи и уничиженія. Что же можетъ быть нелѣпнѣе и безбожнѣе этого? Но беззаконники, какъ и подобаетъ, воздвигаютъ еще новое обвиненіе противъ царства Христова. Между тѣмъ какъ слѣдуетъ воздавать ему наивысочайшія почести, они не стыдятся доводить его до крайняго безславія и униженія, дабы, отнявъ у Него подобающее Ему, какъ Богу, достоинство, показать Его умаленнымъ, лишить Его божескихъ свойствъ, представить простымъ человѣкомъ, подобнымъ намъ, и отстранить Его отъ причисляющей Ему надъ всѣмъ власти. Къ такимъ неразумнымъ и безбожнымъ выводамъ послѣдовательно приходитъ ихъ ученіе. Но эти невѣжды и безумцы не размыслили о томъ, какъ можетъ быть такимъ Тотъ, кто связалъ сильнаго, расхитилъ сосуды его и укротилъ ярость противъ насъ, какимъ образомъ плѣнившій невидимаго тиранна и разрушившій неприступную державу, могъ въ свою очередь оказаться ограбленнымъ и побѣжденнымъ? Неужели Онъ потерпѣлъ это по слабости или по небреженію къ пріобрѣтенному—и это послѣ столькихъ страданій и трудовъ, и при томъ такъ, что вмѣстѣ съ державою у Него отнимается и принадлежащее Ему промышленіе о насъ и попеченіе? Итакъ, тщетна была борьба Его, и напрасно выдержалъ Онъ сраженіе съ противникомъ. Можетъ быть Онъ возымѣетъ нужду въ другихъ подвигахъ и трудахъ, не освободится отъ заботъ,

причиняемыхъ врагомъ, подумаетъ нѣкогда о другомъ Своемъ воплощеніи и приметъ другой крестъ и страданія, послѣ чего Онъ будетъ уже пользоваться и соотвѣтственнымъ всему этому почитаніемъ? Если Христосъ упразднилъ идолопоклонство и это упраздненіе было уврачеваніемъ душъ нашихъ, а послѣ того зараза снова усилилась и возвратилась, то не должно ли потребоваться опять второе лѣчение? Такъ это бываетъ и при тѣлесныхъ болѣзняхъ. Если врачъ хочетъ лѣчить присущій недугъ болящаго, онъ составляетъ лѣкарства, соотвѣтствующія болѣзни. Затѣмъ случается, что то, что казалось лѣкарствомъ, становится разрушительнымъ и смертоноснымъ, какъ скоро положеніе не улучшается, а ухудшается. Въ такомъ случаѣ врачъ неизбѣжно будетъ волноваться и усиленно прибѣгать къ другимъ способамъ приготовления лѣкарства. Если и это окажется неудачнымъ, онъ прибавитъ еще иное и будетъ продолжать опыты безъ конца. Но эти дѣйствія его будутъ уже не лѣченіемъ, а недоумѣніемъ и ошибками и увеличеніемъ страданій больного. Равнымъ образомъ, и посмѣяваясь надъ домостроительствомъ Спасителя нашего Христа, эти несчастные хотятъ установить мысль, что оно не имѣло ничего дѣйствительнаго и прочнаго. Обращаютъ въ шутку они и наши таинства, ни сколько, по видимому, неотличая ихъ отъ театраль-ныхъ представленій.

Мы же, сохраняя истину и удерживая вѣру и значеніе того, что дѣйствительно есть на самомъ дѣлѣ, говоримъ: побѣда Побѣдителя тиранна и смерти Христа настолько велика, что погибельный драконъ, по своей ненасытимости устремившійся противъ самого Христа, сдѣлалъ нападеніе на Явившагося, ибо чело-вѣческое естество представлялось ему приманкой, и

съ сильною надеждою, схвативъ какъ нѣкую добычу, пожрать это, подпавшее (его искушенію, человѣческое естество Христа), но приманутый удою божества, самъ попадаетъ и, удушаемый тяжелою пищею, противъ воли изbleвываетъ и тѣхъ, коихъ древле растерзалъ и поглотилъ. При этомъ прежде бывшіе его легкой добычей и пріятной пищею приняли отъ Побѣдившаго міръ и Разрушившаго гордую вражескую державу лукаваго власть попирать змѣй и скорпіоновъ и всю вражескую силу. Они также притянутъ дракона удою, отцѣпять пищу отъ пасти его, вдѣнуть кольцо въ ноздри его и проколятъ губу крюкомъ, хотя бы, уловленные сѣтями заблужденія, по ихъ же словамъ, они и воздавали неразумно почтеніе связанному, пронзенному и битому. По истинѣ несчастные эти не стараются разсуждать или понимать. Вслѣдствіе этого они надмѣваются противъ истины и дерзаютъ на то, на что не могутъ дерзать даже варвары и язычники. Что же скажутъ они, услышавъ слова, ясно возглашаемыя въ евангеліяхъ Царемъ нашимъ и Пастыремъ: *овцы моя гласа моего слушаютъ, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея* (Іоанн. 10, 27. 28), и что *Отецъ далъ Ему власть надъ всякою плотію* (Іоан. 17, 2), и что *все, что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ* (Іоан. 16, 15). *И моя вся твоя суть, и твоя моя: и прославились въ нихъ* (Іоан. 17, 10). Мы вѣруемъ, что Единородный имѣетъ все вмѣстѣ со Отцемъ. Какимъ же образомъ Онъ прославленъ, если побѣжденъ и умаленъ? Какимъ образомъ лишенъ власти Тотъ, Кто сіяетъ Отчимъ величіемъ и участвуетъ съ Нимъ во власти, простирающейся на все? Объ этомъ враги Господа не размышляютъ, ибо пребываютъ подъ властію другого князя вѣка сего. Они сочувствуютъ идолопоклонству, ибо уже отъ начала замыслили они

противленіе евангельскому ученію. Мы же никогда не устанемъ бороться съ ихъ неистовствомъ и неразуміемъ.

Что говоритъ Спаситель? *Входяй двери, пастырь есть овцамъ. И егда овцы своя ижденетъ, предъ ними ходитъ: и овцы по немъ идутъ, яко въдятъ гласъ его. По чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа* (Іоан. 10, 2—5). А что (дѣлаютъ) эти безумцы? Такого пастыря они представляютъ слабымъ и немощнымъ, лишеннымъ пастырскаго искусства или потому, что Онъ безсиленъ управлять овцами, или потому, что овцы противъ воли его расхищаются волками, или же добровольно оставляетъ стадо. Напрасно, по видимому, предлагается и дверь, ибо она не даетъ никакой безопасности: ни для того, кто войдетъ, ни для того, кто выйдетъ, нѣтъ спасенія. И развѣ есть такое наказаніе и гибель, которыхъ бы не заслуживали эти слова и болтовня? Затѣмъ: *Азъ есмь пастырь добрый и знаю моя, и знаютъ мя моя, и душу мою полагаю за овцы моя* (Іоан. 10, 14—15). Эти слова разверзаютъ съ обѣихъ сторонъ пропасть богохульства для тѣхъ, которые по неразумію и невѣжеству осуждаютъ одинаково и Пастыря Христа и овецъ. Невѣрующими Ему окажутся они и тогда, когда Онъ говоритъ, что душу Свою полагаетъ за овецъ Своихъ, такъ что они должны утверждать, что Его спасительныя страданія или совѣмъ не имѣли мѣста, или были какъ бы воображаемыми и призрачными, и говорить, что повѣствуемое составившими для насъ евангелія написано напрасно. Все это чьего безумія и нечестія достойно помимо ихъ? Христосъ говоритъ: *и нынѣ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16). Эти же стараются уда-

лечь изъ подъ Его власти и отъ общенія съ Нимъ уже познавшихъ Его и собравшихся вокругъ Него, чтобы перевести ихъ къ начальнику своего заблужденія діаволу. И Христосъ сказалъ бы имъ, какъ страдающимъ безуміемъ Іудейскимъ: *вы не въручите: нѣсте бо отъ овецъ моихъ. Овцы моя гласа моего слышатъ, и азъ знаю ихъ, и по мнѣ грядутъ. И азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея. Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца моего. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 26—30). Эти—по истинѣ мыслящіе и поступающіе по іудейски, какъ камнями, богохульными словами бросаютъ и поражаютъ Христа, ибо они, насколько это имъ по силамъ, уничтожили Его, лишили Его власти надъ всѣмъ, опредѣлили, чтобы Онъ понесъ пораженіе, рѣшивъ между прочимъ, что и другія изреченія евангелій ложны. Отцу же своему антихристу они приписываютъ и славу побѣды, водрузивъ въ видѣ славнаго трофея для него собственную гибель.

51. По видимому, они уже не далеки отъ того, чтобы насильственно подчинить чуждой власти даже и Отца и Бога всяческихъ и отстранить Его отъ власти надъ всѣмъ, такъ какъ должны утверждать, что вмѣстѣ съ Сыномъ, лишенъ власти и Онъ, если Сынъ говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма*; соцарствуетъ же Онъ Отцу во вѣки. Должны утверждать они, что и Духъ Святой изрекъ чрезъ апостоловъ ложное, когда одного изъ нихъ вдохновилъ говорить, что *избави насъ отъ власти темныя, и представи въ царство Сына любви своея: о немъ же имамы избавленіе кровію его, и оставленіе грѣховъ: иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ вся твари* (1 Колос. 1, 13—15);

а другому внушилъ писать: *вы же родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой святъ: иже иногда не люди, нынѣ же люди Божіи: иже не помиловани, нынѣ же помиловани бысте* (1 Петр. 2, 9—10). Согласно съ этими словами звучить и евангельская рѣчь: *и святъ во тмѣ свѣтитсѣ, и тма его не обгьятъ* (Іоан. 1, 5). Достойные же мрака думаютъ, что онъ былъ удаленъ и обгьятъ. Они утверждаютъ, что это было сказано напрасно, что празднословить тотъ, кто говорить о призванныхъ изъ тмы въ божественный и чудный свѣтъ,—о тѣхъ, кои нѣкогда были не народъ, а теперь стали народомъ Божіимъ, и кои были не помилованными стали помилованными. Напрасно, по видимому, пролита и кровь Христа и внесенъ выкупъ за насъ, какъ вѣруемъ и проповѣдуемъ. Такъ толкаетъ ихъ въ пропасть гибели богохульное и нечестивое ученіе. Кромѣ сего пусть и иной изъ богоглаголивыхъ, подъявъ тотъ же трудъ, придетъ на помощь прежде сообщенному и изречетъ нѣчто таковое: *во дни оны и во время оно нарекутъ Іерусалима престолъ Господень, и соберутся (къ нему вси языцы во имя Господне во Іерусалимъ и не пойдутъ) кому во слѣдъ похотей сердца своего злѣйшаго* (Іерем. 3, 17). Такъ говорить божественный пророкъ. Такъ какъ мы часто уже объясняли подобныя слова, то я не думаю, чтобы нужно было возвращаться къ этимъ объясненіямъ. Но я не хотѣлъ бы опустить то, что пророкъ говорить далѣе, потому что рѣчь его даетъ много истиннаго для изъясненія нашего предмета, много сроднаго и сходнаго съ нашими мыслями, что мы и увидимъ при внимательномъ наблюденіи. Когда же, спрашивается, и съ кѣмъ Богъ заключить нѣкогда завѣтъ, и что въ имѣющихъ быть данными

законахъ будетъ ново, исправлено, лучше законовъ древнихъ и много полезнѣе,—гдѣ и когда эти законы будутъ назnamenованы, и какою силою будетъ совершаться руководство ими?

52. А говоритъ онъ слѣдующее: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и заветѣю дому Израилеву и дому Іудину заветъ новъ, не по завету, егже заветѣхъ отцемъ ихъ, въ день, въ онъже емшу ми за руку ихъ, извести я изъ земли Египетскія, яко тѣи не пребыша въ заветъ моему, и азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ Господь. Яко сей заветъ, его же заветѣю дому Израилеву, по днѣхъ онѣхъ, глаголетъ Господь: дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и тѣи будутъ ми въ люди. И не научитъ кійждо ближняго своего, и кійждо брата своего глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ мя отъ мала даже и до великаго ихъ: яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ не помяну ктому* (Іер. 31, 31—34). Такъ говоритъ истолкователь Духа. Кто не слыхалъ этихъ боговдохновенныхъ словъ? Проповѣдь богоносныхъ мужей всюду разнесла ихъ на сушѣ и морѣ. Кто настолько неразуменъ и простъ, чтобы ни во что вмѣнять реченія Духа и прилежать изобрѣтеніямъ діавольскаго искусства? Какого обличенія и наказанія они не заслуживаютъ. Пусть на это отвѣтитъ кто-либо изъ тѣхъ, кто любитъ правду въ словѣ. Что можетъ быть справедливѣе и яснѣе этихъ словъ (пророка)? Развѣ они не изобличаютъ легкомысліе безумцевъ? Развѣ они не вызываютъ благочестія нашего ученія? Не предвозвѣстили-ли они новый заветъ, который вручило намъ явившееся спасительное Слово? Не предназначаютъ-ли они законовъ жизни по Богѣ, благодаря коимъ мысли имѣющихъ воспринять это ученіе будутъ освѣщены и просвѣщены, а сердца имѣющихъ обра-

тятся къ нему очистятся отъ древней скверны и грѣха? На этихъ-то сердцахъ и будетъ, какъ они предвозвѣстили, начертанъ божественный законъ. Не они ли предначертали, что ветхій человѣкъ будетъ совлеченъ, а новый обновится духовно? Не представляютъ-ли они нашего сродства Богу и близости къ Нему, предуказуя, что мы суть народъ Его и наслѣдіе святое и что мы будемъ имѣть самозаконное и самовозвѣщенное божественное вѣдѣніе? Не представляютъ-ли они Бога милостивымъ къ неправдамъ нашимъ и не помнящимъ беззаконій нашихъ и не предвозвѣстили-ли они милости и милосердія, которое Онъ явилъ въ отношеніи къ намъ? И, что всего главнѣе, говоря кратко, не предутвердили-ли они фундаментъ и основаніе святой вѣры нашей? Было бы совершенно справедливо рукоплескать этимъ словамъ и увѣнчать ихъ полнымъ признаніемъ, ибо они низвергаютъ гордыню нечестія и заграждаютъ уста безстыднымъ. По истинѣ слѣдовало посреднику и служителю этихъ словъ справедливо и достойно получить названіе сострадательнѣйшаго за его большія скорби и обильныя слезы, который былъ вѣдомъ Богу прежде зачатія и освященъ въ самой утробѣ. И что милосерднѣе и чище этой души?

Но время обратиться къ изъясненію пророчества. *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Иудину завѣтъ новъ.* Дни нужно разумѣть не иные, какъ тѣ, которые другими пророками называются послѣдними, хотя здѣсь и говорится неопредѣленно,—и въ которые Слово Божіе пребывало съ людьми во плоти, ибо въ концѣ вѣковъ открылась тайна Христова и принесла съ собою законы и новый завѣтъ. Если не такъ, то пусть противники истины укажутъ намъ иное время, послѣдующее въ

отношеніи къ этому пророчеству, и покажутъ иной завѣтъ,—и тогда мы умолкнемъ. Но пока они указать этого не въ состояніи (и никогда не смогутъ), наши толкованія должны считаться твердыми, и истинное ученіе возглашаться безбоязненно. Дома же Израилевъ и Іудинъ кто иные, какъ не тѣ, которые могутъ, насколько то доступно человѣку, созерцать чистѣйшимъ умомъ Бога и приступать къ Нему съ чистымъ и неповрежденнымъ исповѣданіемъ вѣры?

Ближайшимъ образомъ и въ буквальный смыслъ слова эти могли относиться къ Израилю и Іудѣ, чтобы тѣмъ, кои еще пребывали плотскими и хвалились знакомъ обрѣзанія, не показалось, будто обѣтованія, данныя отцамъ, не исполнились. Какъ и Спаситель говорилъ женѣ Финикіянкѣ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѣ. 15, 24). Когда они не приняли Его, Онъ потомъ перешелъ къ язычникамъ, къ которымъ перешло и обѣтованіе и благословеніе.

Но, если угодно, теперь полезно снова призвать и представить служителя новаго завѣта, который пронесъ имя Христова предъ народами и царями, который искусно, благопотребно и благовременно писалъ къ Евреямъ, воспользовавшись этими самыми божественными изреченіями. Пусть онъ, сравнивая и обсуждая значеніе того и другого завѣта, скажетъ: *аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* (Евр. 8, 7). Почему же не непороченъ первый? Потому что, говоритъ, *ничтоже совершилъ законъ: приведеніе же есть лучшему упованію, имже приближаемся къ Богу* (Евр. 7, 19). Итакъ, вслѣдствіе этого требовался другой завѣтъ и лучшій, который нуженъ былъ и необходимъ для спасенія человѣка, для оправданія приступающаго съ вѣрою и для дарованія очищенія

древнихъ прегрѣшеній. И этимъ завѣтомъ содѣлалась изобильная благодать евангельскаго законоположенія. И какое различіе посредниковъ въ томъ и другомъ завѣтѣ. Тамъ священники приносили дары и кровавыя жертвы за себя и за вины народа (Евр. 9, 7), которыя не могли уничтожить грѣховъ, ибо были служеніемъ еще только въ образѣ и сѣни небснаго, какъ было сказано Моисею (Евр. 9, 25). Здѣсь же служеніе гораздо лучше и несравненно выше, при столь лучшихъ обѣтованіяхъ, насколько истина выше сѣни. Нашъ Архіерей, Глава и Апостолъ исповѣданія нашего (Евр. 3, 1), Христосъ Богъ нашъ, однажды вознесши Себя для спасенія грѣшниковъ, отдавъ Себя въ жертву и бывъ закланъ по плоти, пребываетъ во вѣки архіереемъ, возсѣлъ одесную Бога, ожидая времени, когда враги Его будутъ положены къ подножію ногъ Его (Евр. 10, 12—15), ибо единымъ приношеніемъ Онъ совершилъ на вѣки освящаемыхъ (Евр. 10, 14). Свидѣтельствуешь же намъ о семъ, говоритъ апостолъ, Духъ Святый (Евр. 10, 15).

Но эти нечистые и нечестивые не выносятъ изреченій Духа. Изрыгая великую нечистоту и скверну изъ своего гнуснаго сердца, они болтаютъ, выдавая за истину, что Христосъ не совершилъ ничего и что удостоенныя благодати не получили освященія. Такъ пусть же они, изрыгая отъ нечистаго духа, уразумѣютъ, и притомъ надлежащимъ образомъ, эти слова: *не по завѣту, егоче завѣщашъ отцемъ ихъ въ день, въ оньже емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли египетскія* (Іер. 31, 32). Эти слова издревле, какъ бы молча и загадочно предвозвѣщали прекращеніе ветхаго завѣта, какъ указывало на это и древнее сокрушеніе скрижалей. Когда Израиль освобождался отъ тиранніи Египетской, тогда начертывался законъ на

каменныхъ скрижаляхъ, было видно дымящуюся гору и странныя знаменія небесныя. Все это нужно было для младенчествуящаго и вслѣдствие этого нуждавшагося въ устрашеніи стихіями народа, дабы недавно вышедшіе изъ чужой страны отвращались отъ варварской грубости и направлялись къ познанію Бога, отгоняя языческое суевѣріе. При этомъ посредствомъ скрижалей Писаніе можетъ быть указываетъ на жестокость и грубость каменнаго сердца ихъ, почему они и укорялись, какъ народъ жестоковыйный, имѣющій шею съ желѣзными жилами и склонный ко всякому непослушанію и противленію (Иса. 48, 4).

Когда же Господь Богъ нашъ восхотѣлъ освободить насъ отъ власти злого тиранна и уничтожить иго грѣха нашего, то ничего страшнаго, подобнаго тому, наблюдаемо не было. Совершитель нашего спасенія, обходя землю, кроткій и смиренный сердцемъ, безъ всякаго шума и страха, выказывая, напротивъ, простоту и доступность, проповѣдывалъ въ синагогахъ спасительное ученіе, исполнялъ всякими благодѣяніями желавшихъ слушать Его, не предлагалъ писаныхъ законовъ, не отдѣлялъ ушами на этой видимой и попираемой ногами землѣ никакого про странства, не передавалъ во владѣніе ничего временнаго и преходящаго, но проповѣдывалъ царство небесное, давалъ богатство неотъемлемое, благовѣствовалъ неизреченную радость, исцѣлялъ всякую болѣзнь и немощь въ людяхъ, доставляя приступающимъ съ вѣрою все, что подавать было достойно божественнаго челоувѣколюбія. Подобаешь сказать еще о преизобильномъ дарованіи Духа. Посредствомъ всего этого проявлялись благость и сила Дѣйствовавшаго и Дававшаго. Почему и пророкъ предсказалъ: *не по за-*

въ ту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ, ибо касательно евангельскаго законоположенія онъ далѣе прибавляетъ: *дая законы мои въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я*. Законы благодати—не въ хартіи и чернилахъ, какъ на это прикровенно указываетъ и апостолъ, говоря: *посланіе наше вы есте, написанное въ сердцахъ нашихъ, являеми, яко есте посланіе Христова служеное нами, написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива, не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердца плотныхъ* (2 Кор. 3, 2—3), ибо написаны не на бездушномъ веществѣ, а начертаны Духомъ перстомъ и тростию Бога на сердцахъ существъ разумныхъ, хранящихъ ихъ въ истинѣ и чистотѣ; и они очищаютъ душу и умъ. Законодатель нашъ не предалъ намъ никакого рукописанія, ибо божественные законы внѣдряются въ нашихъ душахъ дѣлами, а не письменами, дѣйственной силою своею, а не буквами, именно въ явленіи Духа. Такъ въ словахъ пророка предудказаны евангельскіе дары.

Развѣ это не есть прекрасная и плодородная земля, богатая и плодоносная пашня, принявшая въ себя божественное сѣмя, когда Сѣятель вышелъ сѣять сѣмя ученія, плодоносящая въ тридцать, шестьдесятъ и даже въ сто разъ, что составляетъ самый высшій и обильный плодъ? Точными писцами этихъ законовъ и служителями оказались божественные апостолы, сподобившіеся большаго, чѣмъ Моисей, созерцанія и служенія, которые дерзновенно величаютъ себя, говоря: *Богу бо есмы споспѣшники: Божіе стяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. 3, 9). Если это истинно, какъ оно и есть, то какъ не стыдятся безумцы вопреки апостольскимъ и пророческимъ изреченіямъ суесловить, что антихристъ, разрушивъ и завладѣвъ зданіемъ Божиимъ, опустошилъ ниву и дѣйствующему въ нихъ

духу даровалъ побѣду. По истинѣ пожнуть несчастные колосья съ полей своихъ.

Затѣмъ: *въ сердцахъ ихъ напишу я*. Здѣсь пророкъ представляетъ сердца принявшихъ евангельскія заповѣди вмѣсто каменныхъ скрижалей какъ бы блистающими и прозрачными столбами, на которыхъ божественные законы начертываются не на поверхности, но проходятъ въ глубину, проникая до самыхъ внутреннихъ областей сердца, гдѣ они сохраняются вѣчно неизгладимыми и не поддающимися никакому времени. Отсюда легко понять каждому, что насколько велико различіе законовъ, настолько разнится и достоинство наставляемыхъ (законами). Итакъ, стоя въ этомъ завѣтѣ и вѣруя, что въ немъ мы утверждены и охраняемы, мы считаемъ себя достойными быть народомъ Божиимъ и заявляемъ, что избираемъ для себя Богомъ Бога нашего и исповѣдуемъ Его дерзновенно, съ открытымъ лицомъ, съ чистымъ сердцемъ и съ нелицемѣрными мыслями.

Итакъ, если первый завѣтъ не былъ совершенъ по причинамъ указаннымъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ явиться послѣ него новый совершенный, во всемъ безукоризненный, знаменитый и превосходный, увѣнчанный небесною славою, какъ такой, который все обновляетъ и усовершенствуетъ и даруетъ намъ главнѣйшее изъ благъ — оправданіе и спасеніе. Итакъ, да удалятся беззаконствующіе тщетно и да престанутъ отъ всякаго богохульства и пустословія, и да заградятся всякія уста, говорящія неправду противъ нашего спасенія. Если же враги благочестія не прекратятъ своей клеветы, то пусть ищутъ другой завѣтъ, противоположный этому, пусть совѣщаются между собою и принимаютъ виновника его и законодателя, которымъ будутъ посвящены въ тайнства заблужде-

нія и который имѣетъ слѣдующій образъ: *противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, его же есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякій силъ и знаменіихъ и чудесъхъ ложныхъ, и во всякій лсти неправды, въ погибающихъ, Его же Господь убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего* (2 Тессал. 2, 4—10). Насъ же богатая даромъ божественнаго вѣденія настолько обильно и преизбыточно, что мы дерзновенно, какъ и предвозвѣщено, говоримъ: *не научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа* (Іер. 31, 34). Откуда же они узнаютъ это? *И будутъ, сказано, вси научени Богомъ* (Іоан. 6, 45). И: *все, что творите, во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). И причина: *яко вси познаютъ мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. 31, 24).

Отрезвитесь пьяницы отъ вина нечестія вашего и внемлите пророку, громко и ясно зывающему: не одинъ или двое, рабъ или свободный, богачъ или бѣднякъ, начальникъ или подданный, царь или обыкновенный человѣкъ, или просто тотъ или этотъ, но всѣ, говорить, *познаютъ мя отъ мала и до великаго ихъ*. Кого же познаютъ? Творца и Владыку ихъ, дающаго имъ дыханіе жизни, Промыслителя и Вседержителя, Благодѣтеля, всѣмъ премудро управляющаго и направляющаго, дарующаго всѣмъ бытіе и благополучіе,—познаютъ не чуждыхъ боговъ, поклонятся не дѣламъ рукъ своихъ, не скажутъ камню или дереву: ты насъ создалъ, но всѣ познаютъ Меня, *отъ малаго до великаго ихъ познаютъ Меня*,—не пребудутъ въ невѣденіи, не поклонятся діаволу и не воздадутъ почитеніе твари вмѣсто Творца. (Но дѣйствующій чрезъ служителей своихъ возглашаетъ имъ—своимъ служителямъ—чтобы они противопоставили столь яснымъ

словамъ истины свою ложь и заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, что принявшіе этотъ новый завѣтъ, много лучшій прежняго, возвратились къ почитанію идоловъ?) Итакъ, говоритъ, всѣ познаютъ Меня, ибо какъ это чувственное солнце освѣщаетъ всю видимую землю, такъ Солнце правды Христосъ Богъ нашъ для всѣхъ возсіялъ лучи боговѣденія чрезъ Евангеліе, просвѣтилъ мысль всѣхъ насъ и исполнилъ божественнаго вѣдѣнія и благодати.

А кто такіе эти, пусть сами скажутъ. Если они присоединятся къ намъ, то станутъ мыслить согласно съ истиной и нами, какъ запечатлѣнными печатью Христа Бога нашего и именующимися Его именемъ. Если же они пойдутъ къ противному, то это есть явно дѣйствіе нечистаго духа. Пусть же научатъ этихъ невѣждъ и неучей дѣти въ храмѣ, когда они сами собою совершали это, взывая: *Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!* (Мѡ. 21, 9). Пусть устыдятъ ихъ дѣти язычниковъ, которые выказывали великое и удивленія достойное усердіе, любили бесѣды Іисуса и просили учениковъ Его привести ихъ къ Нему (Іоан, 12, 20 сл.). Вѣдь народъ Іудейскій Богъ всяческихъ обвинялъ голосомъ пророковъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ, говоря: *позна волю стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего: Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша* (Иса. 1, 3), какъ бы видя, что невѣжество и неразуміе ихъ превышаетъ грубость неразумныхъ животныхъ. О насъ же, на которыхъ снизошелъ свыше даръ вѣдѣнія и которымъ пророкъ усволяетъ блаженство и благословенія, какъ отгнавшимъ неразуміе ихъ и невѣжество, онъ ясно предвозвѣстилъ, что мы познаемъ Его. И достовѣрность этого пророческаго слова подтверждается неоспоримымъ явленіемъ истины въ самыхъ дѣлахъ (фактахъ).

Да устыдятся же наконецъ опирающіеся на ложь и нечестиво и невѣжественно вопіющіе противъ праваго ученія христіанъ, *яко наполни вся земля вѣдѣнія Господня* (Ис. 11, 9). И: *полны суть небеса и земля славы Его* (Иса. 6, 3, — Авв. 3, 3 ср. Сир. 42, 16). Вездѣ по всей вселенной прославляется святая вѣра наша.

А что пророкъ потомъ прибавляетъ къ сказанному, въ этомъ является неизреченное милосердіе Божіе и неизслѣдимое богатство милости Его къ намъ: *милостивъ буду неправдамъ ихъ* (Іер. 31, 34). Что выше и священнѣе этихъ словъ, пріятнѣе и отраднѣе ихъ? Между тѣмъ какъ во власти Его было наказать, разверзнуть пасть геенны, нанести многіе невыносимые удары, страшныя и внезапныя смерти за многія и безчисленныя прегрѣшенія, Онъ не угрожаетъ, не наказываетъ, не повелѣваетъ землѣ разступиться и поглотить всѣхъ, но побѣждаетъ милосердіе. *Милостивъ буду*, говоритъ, *неправдамъ ихъ*. Мы, это испытавшіе и въ это вѣрующіе, ежедневно возносимъ Спасителю побѣдную и благодарственную пѣснь и славословіе, поя и воспѣвая: *кто возглаголетъ силы Господни? слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Кто въ силахъ возвѣститъ милости Его и чудеса? Какой языкъ можетъ достойно восхвалить величіе Его благодѣяній? Какое слово можетъ сравняться съ величіемъ дарованныхъ Имъ благъ? Не только не наказалъ и не предалъ гееннѣ, но былъ милостивъ къ неправдамъ нашимъ и, что превосходитъ все и превышаетъ всякое слово, совершилъ для насъ таинство спасительнаго домостроительства. Какимъ же образомъ? Не наказалъ, но Самъ былъ наказанъ, не нанесъ ударовъ, но Самъ уязвленъ *быхъ въ дому возлюбленнаго своего* (Зах. 15. 6), *плечи свои вдахъ на раны и*

ланитъ свои на заушенія (Иса. 50, 6), наконецъ принялъ позорную смерть на крестѣ, презрѣвъ поношеніе и пригвоздивъ на крестѣ рукописаніе противъ насъ, дабы избавить насъ грѣха и освободить отъ власти тьмы—Одинъ и Тотъ же жрецъ и жертва, закаляющій и закалаемый за насъ, приносимый въ жертву и приводящій къ Богу и Отцу народъ Свой. Посему мы искуплены изъ подъ власти врага, познали Отца чрезъ Сына и являемся истинными поклонниками Троицы. Чуждые же сей благодати, забывшіе все это и закрывшіе уши и очи сердца своего для столь честнаго и дивнаго, пусть покланяются и почитаютъ, что хотятъ. А каково и сколь важно то, что прибавляетъ богоносный пророкъ потомъ: *и грѣховъ ихъ не помяну ктому* (Іер. 31, 34)? Здѣсь умъ приходитъ въ смущеніе, впадаетъ въ великое недоумѣніе. предпочитаетъ нѣмоту и молчаніе, ибо не можетъ вступить на неизслѣдимые пути судовъ Божіихъ. Одно и единственное средство можетъ найти онъ, чтобы освободиться отъ недоумѣнія, это—возглашать вмѣстѣ съ зрителемъ и учителемъ неизреченныхъ таинъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко не испытани судове его, и неислѣдовани путіе его* (Рим. 11. 33).

53. Все это даровалъ намъ Спаситель чрезъ божественное рожденіе въ святомъ крещеніи (омовеніи), которое совершаетъ полное очищеніе душъ и приносить освобожденіе отъ грѣховъ. Я по крайней мѣрѣ очень чту эти слова, дорожу ими и привѣтствую ихъ, такъ что мнѣ пріятно и отрадно приводить ихъ себѣ на память и исполняться радостію, думая о нихъ, находить облегчающее лѣкарство противъ грѣховъ, обращаться къ благимъ надеждамъ, избѣгать отчаянія и познавать милосердіе и благость Божію. Вѣдь они представляютъ забвеніе прегрѣшеній нашихъ и явля-

ютъ Владыку и Творца милостивымъ и прощающимъ и, говоря вообще, представляютъ нашего Законодателя виновникомъ нашего спасенія. Таковы заповѣди и наставленія нашего закона и Законодателя.

Если же есть нужда въ поэзи, дабы разцвѣтить и болѣе оразнообразить рѣчь нашу и украсить ее бѣльшими словами Богоносныхъ, подобно тому какъ и искуснѣйшіе живописцы, стараясь создать хорошій и красивый образъ, украшаютъ поверхность его блестящими матеріалами и яркими красками, убираютъ и отдѣлываютъ для сохраненія наибольшаго сходства, ибо чрезъ образы мы познаемъ первообразы,—то призовемъ другаго боговдохновеннаго мужа, который согласенъ со всѣмъ раньше сказаннымъ, и пусть онъ придетъ на священное собраніе Богоносныхъ, войдетъ на божественное ристалище, совершитъ состязаніе, окончитъ бѣгъ благочестія,—этотъ таинственныхъ и дивныхъ видѣній и небесныхъ силъ зритель и таинникъ, пусть нѣчто прибавитъ къ тому, что раньше сдѣлано въ домѣ премудрости, торжествуя надъ нечестіемъ и беззаконіемъ проклятыхъ и, чтобы не отсутствовать ему среди этого священнаго собранія, пусть зазвучитъ подобно киварѣ, по которой ударяетъ Духъ Святой, и вмѣстѣ съ другими пророками, удостоившимися также славнаго дара, скажетъ: *сія глаголетъ Господь: се азъ поемлю весь домъ Израилевъ отъ среды языковъ, аможе внидоша, и соберу я отъ всѣхъ сущихъ окрестъ ихъ, и введу ихъ въ землю Израилеву, и дамъ я въ языкъ на земли моей, и въ горахъ Израилевыхъ* (Іез. 37, 21—22). Что сей святой пророкъ, движимый божественною благодатію, посредствомъ этихъ словъ ясно предуказываетъ намъ таинство воплощенія Спасителя всѣхъ насъ Христа, этого, я думаю, не будетъ оспаривать никто, имѣющій хотя сколько нибудь ума.

А какъ эти слова согласны съ прежде приведенными, то и нѣтъ нужды въ подробномъ разъясненіи содержанія ихъ, потому что часто подобное же разъяснялось подробно выше. Но такъ какъ эти слова, взятые въ историческомъ смыслѣ, относятся къ плотскому Израилю, то чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые нынѣ усвоили себѣ грубость іудейскаго образа мыслей, не возражали дерзко противъ истинности предвозвѣщеннаго, мы считаемъ себя обязанными, во всемъ идя по слѣдамъ святыхъ учителей церкви, отвѣтить на безсмысленныя и глупыя вопрошанія неразумныхъ и сказать, что въ сѣни и прообразахъ это было предначертано и о нихъ, ибо божественное промысленіе проявлялось и по отношенію къ нимъ. Но дѣйствительно и истинно слова эти исполнялись въ спасительное пришествіе Христа Господа, ибо Онъ преизобильно излилъ на насъ струи Своего человѣколюбія.

54. Онъ собралъ насъ, то есть духовнаго Израиля, ставшихъ чадами обѣтованія патріарха Авраама, и искупилъ насъ крестомъ Своимъ отъ власти врага, созвалъ изъ разныхъ странъ евангельскою проповѣдію и привелъ въ землю Израилеву, подъ которой богоприлично разумѣть Церковь Христову, и оградилъ ее высокими и таинственными горами. т. е. возвышенными догматами богословія. Весьма ясно этому научаетъ насъ пророкъ въ слѣдующихъ словахъ: *и князь единъ будетъ во встѣхъ сихъ царемъ, и не будутъ тому въ два языка, ни раздѣлятся тому на два царства* (Іез, 37, 22),

55. Кто настолько невѣжественъ и неразуменъ, чтобы не согласиться и не признать, что здѣсь ясно и рѣшительно указывается только наше состояніе? Никто не можетъ отнести этихъ пророческихъ словъ къ

Зоровавелю, если только пожелаетъ слѣдовать голосу достославныхъ мужей. Вѣдь Зоровавель послѣ возвращенія плѣнныхъ Іудеевъ не былъ поставленъ царемъ только что освобожденнаго отъ рабства народа, а былъ только вождемъ народа и руководилъ соотечественниками. Поэтому нѣтъ основанія прилагать къ нему эти слова. Царемъ же истиннымъ въ собственномъ смыслѣ является царствующій надъ всѣмъ и владычествующій Христосъ Богъ нашъ, Который царствуетъ надъ нами во вѣки, возсѣдая на Своемъ престолѣ, обладая неизмѣнною властію и не отъемлемою славою, какъ и говоритъ пророкъ: *ты пребывай во вѣкъ, мы же погибающіи во вѣкъ* (Вар. 3, 3),

И мы подчиняемся Ему и всѣ пребываемъ подъ властію одного Царя, исповѣдуя и возглашая съ открытымъ лицомъ и дерзновеннымъ сердцемъ Его одного Богомъ и Господомъ. Вслѣдствіе этого нѣтъ ни раздѣленія, ни возстанія среди Его подданныхъ. И не подобаетъ каждому быть подданнымъ какого либо другаго царя, дабы вслѣдствіе разнообразія многочисленныхъ мнѣній и нечестивыхъ мыслей не распасться на нелѣпыя и проклятыя секты и не податься мерзостямъ идольскимъ. Возможно ли это, если мы признаемъ одного и единаго истиннаго Царя и научены поклоняться Ему? Яснѣе сдѣлаетъ это для насъ слѣдующее изреченіе: *и очищу ихъ, и будутъ ми въ люди, азъ же буду имъ въ Бога* (Іез. 36, 25 и 28).

Кто же очищаетъ и кто очищаемые, легко понять, если выслушать слова апостола, изъ которыхъ научаемся касательно Спасителя нашего Христа, что Онъ *очищеніе собою сотвори грѣховъ нашихъ* (Евр. 1, 3) и что *такъ возлюбилъ церковь и себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною во глаголь* (Еф. 5, 25). И въ другомъ мѣстѣ: *ждуще блаженнаго упова-*

нія, и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: иже далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себе люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Тит. 2, 13—14). И еще: *аще* бо кровь козлія и телчая и пепелъ юнчий кропяцій оскверненныя освящаетъ къ плотскѣй чистотѣ: кольми паче кровь Христова, иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ во еже послужити намъ Богу живу и истинну (Евр. 9, 14—14). И: кровь Иисуса Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (1 Іоан. 1, 7), пишетъ ученикъ Спасителя. Очищенные Имъ отъ ветхой закваски, мы содѣлались въ Немъ новымъ тѣстомъ.

Затѣмъ: *И рабъ Мой Давидъ князь средѣ ихъ, и пастырь единъ будетъ въсѣхъ, и Давидъ рабъ Мой князь ихъ будетъ во вѣкъ* (Іез. 37, 24). Божественный пророкъ провозглашаетъ и показываетъ здѣсь происхожденіе Христа Бога нашего отъ Давида по плоти столь ясно, что нельзя было даже самимъ Іудеямъ, необрѣзаннымъ сердцемъ и привыкшимъ грѣшить, дойти до такого огрубенія нравовъ и извращенія мысли, чтобы противиться столь яркому и ясному сіянію истины. Поэтому они (противники) вынуждаются избрать одно изъ двухъ: или безстыдно и дерзко говорить противъ пророческихъ словъ, или исповѣдать Христа Царемъ и Богомъ всѣхъ, поклонить Ему покорную выю и участвовать вмѣстѣ съ нами въ поклоненіи Ему, дабы не называться напрасно именемъ Христа, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности быть недостойными этого названія. Уклонившись съ праваго пути и услаждаясь превратною и грубою ложью, они оказываются едва ли не болѣе невѣрующими и неблагодарными чѣмъ Іудеи, отказываются слушать эти священные

слова, закрываютъ чувства души для апостольской проповѣди и пытаются зачеркнуть пророческія изреченія, хотя и вопреки очевидной истинѣ. Итакъ, они должны наконецъ сковать свой необузданный и христороборный языкъ, облечься стыдомъ и прекратить хулы на святое исповѣданіе наше.

Пусть же скажутъ они намъ, кто есть тотъ, кого пророкъ возглашаетъ царемъ? И если они откажутся отвѣчать, опасаясь, какъ бы отъ соприкосновенія съ истиной не подвергнуться имъ крайней опасности, какъ нападающимъ на Царя и Бога, то мы, довѣряя говорившему чрезъ божественнаго пророка Духу и всюду слѣдуя прямому смыслу боговдохновеннаго Писанія, скажемъ, что Господь славы, едиnorodный Сынъ Бога и Отца, блистая Своими божественными совершенствами и нисколько не уменьшая божественнаго превосходства, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ былъ, но оставаясь съ Своими по природѣ присущими Ему совершенствами, по Своей неизреченной милости низвелъ Себя въ уничиженіе и не презрѣлъ войти въ мѣру твари, облекшись въ зракъ раба, чтобы родъ человѣческій, увлеченный обманомъ врага въ погибельное паденіе, преобразился въ начальное состояніе славы и благосостоянія, принявъ участіе въ присущемъ Ему блескѣ, и чтобы естество наше прославилось вслѣдствіе единенія съ божественной природой. Итакъ, поелику Онъ содѣлался подобнымъ намъ человекомъ, произросъ по порядку рожденія изъ чреслъ корня родоначальника Давида, Давидъ же былъ царемъ, то посему и Христосъ, пребывая по природѣ Богомъ и послѣ воплощенія облекшись въ тоже самое достоинство власти и владычества надъ всѣмъ, совершенно справедливо называется царемъ всяческихъ, ибо Онъ дѣйствительно есть Царь и такъ име-

нуется. Давидомъ Онъ называется, какъ человѣкъ, и рабомъ именуется не какъ Богъ, ибо есть Владыка и Господь всѣхъ, а вслѣдствіе принятія рабскаго естества, которое воспринялъ Онъ добровольно по человѣколюбію. Итакъ, ведя Свой родъ по плоти отъ сѣмени Давида, Онъ есть нашъ князь и будетъ имъ во вѣки,—и притомъ Онъ есть вѣчный Царь, Коего изощренныя и блестящія стрѣлы (поражаютъ) сердце враговъ его.

И если эти упрямцы станутъ противиться, то пусть самъ Давидъ научить ихъ, воспѣвая: *и сядетъ Господь царь во вѣки* (Пс. 28, 10). И: *воцарится Господь во вѣки, Богъ твой Сионе въ родъ и родъ* (Пс. 145, 10)) И: *рече Господь Господеву моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. (Пс. 109, 1). Итакъ, невѣроятно, или вѣрнѣе невозможно, примѣнять это къ сыну Салаѳіиля, ибо онъ не принималъ знаковъ царскаго достоинства и не получалъ царскаго вѣнца, а былъ только правителемъ и вождемъ народа. Какъ человѣкъ, намъ подобный, онъ былъ пораженъ смертію, и правленію его наступилъ конецъ. Такимъ образомъ у Іудеевъ не было царскаго достоинства, и родъ Давидовъ не получалъ у нихъ царства. Царствуетъ же родившійся отъ сѣмени Давидова по плоти, но по божеству едиnorodный Сынъ Бога и Отца. Развѣ не тоже говорилъ пресвятой и пречистой Дѣвѣ божественный Гавріиль, когда ободрялъ ее: *не бойся Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревъ и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ. Сей будетъ велий, и сынъ Вышняго наречется: и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствія Его не будетъ конца* (Лук. 1, 30—32). Итакъ, со всею истинностію слова пророка относятся къ Гос-

поду и Богу нашему, Коего власть и держава вѣчны, слава непрестанна, никогда и никакимъ образомъ не прекращалась и не уменьшалась, но пребываетъ во вѣкъ. Если же эти несчастные не признаютъ Владыку всяческихъ Христа Царемъ, то они не должны признавать Его и Пастыремъ, совершенно отчуждая себя и отъ царства и отъ стада Его и клевета на христіанъ, будто они думаютъ одинаково съ ними.

Но эти сыны противленія, чтобы не оставалось у нихъ никакого основанія и предлога къ противорѣчію, пусть выслушаютъ не иного кого, какъ самого Спасителя, говорящаго: *Азъ есмь пастырь добрый, душу Свою полагая за овцы, и знаю моя, и знаютъ Мя моя. И ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. 10, 14—16). Кто же окажется такимъ противникомъ истины, такимъ врагомъ и супостатомъ Христа и словъ Его, чтобы дерзко бороться и выступать противъ евангельскаго ученія? Вѣдь изъ этихъ словъ становится яснымъ, что они воздвигаютъ войну не противъ людей, а противъ самого Творца и Виновника всяческихъ.

Потомъ пророкъ говоритъ: *и утвержду имъ завѣтъ миренъ, и завѣтъ въченъ будетъ съ ними* (Іез. 37, 26). Даръ мира наиболѣе всего угоденъ и приличествуетъ Богу. И это ясно показалъ намъ Спаситель, когда по собственному хотѣнію шелъ на вольную смерть, намѣреваясь подъять за насъ крестную и кровавую смерть, между тѣмъ какъ собраніе убійцъ Іудеевъ нечестиво измышляло козни противъ Него. Итакъ, когда Онъ, намѣреваясь отойти отсюда къ Отцу, какъ это обычно для завѣщателя, давалъ наставленія ученикамъ, видѣлъ ихъ печальными по поводу этого, объатыми недоумѣніемъ и желавшими спрашивать,

зачѣмъ это должно случиться съ ними, Онъ мудро даровалъ имъ утѣшеніе въ скорби общаніемъ Утѣшителя и потомъ обогатилъ ихъ даромъ мира, какъ наилучшимъ и отмѣннымъ, ибо прибавилъ: *миръ оставляю вамъ, Миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27). Такимъ образомъ лучшими обѣтованіями Онъ успокоивалъ смущеніе душъ ихъ, не переставая удерживать ихъ отъ страха и унынія, поднималъ и ободрялъ ихъ мысли, увѣщевалъ къ бодрости и мужеству, оживляя ихъ вѣру въ Него, дабы они не соблазнились безславіемъ и скорбями отъ имѣвшихъ наступить страданій, но имѣли твердую и непобѣдимую вѣру въ Того, Кто являлъ часто силу и величіе Своего божества многими знаменіями и чудесами.

56. Такъ, собственную кровію, которую Онъ имѣлъ скоро пролить во время спасительныхъ страданій, Онъ установилъ для насъ новый завѣтъ мира; *идже бо завѣтъ*, говоритъ апостолъ, *смерти нужно есть вноситься заветующаго* (Евр. 9, 16). Въмѣстѣ съ тѣмъ этимъ завѣтомъ Онъ обновилъ благодать и общалъ людямъ вѣчныя и никогда не оскудѣвающія блага, источенныя крестомъ и животочивымъ ребромъ Его. Такъ думаетъ и служитель новаго завѣта. Когда онъ начиналъ говорить о молитвѣ читателямъ посланія ко евреямъ, онъ сказалъ слѣдующее: *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго крвiю завета вѣчнаго, Господа нашего Иисуса Христа, да совершитъ вы во всякомъ дѣлѣ блазъ* (Евр. 13, 20—21). Развѣ Онъ не есть миръ нашъ, посредникъ между Богомъ и людьми, чрезъ Коего мы примирились съ Отцемъ, бывъ Его врагами изъ за грѣха, если конечно надо вѣрить апостолу, который говоритъ: *той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, и средостѣніе ограды разоривый: вражду плотію своею, законъ за-*

повѣдей учении упразднивъ, да оба созиждетъ собою во единого человека, творя миръ: и примиритъ обоихъ въ единомъ тѣлѣ Божии крестомъ, убивъ вражду на немъ. И пришедъ благовѣсти миръ вамъ далнимъ и ближнимъ: зане тѣмъ имамы приведение обои во единомъ дусѣ ко Отцу (Ефес. 2, 14—18). Также въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: въ немъ благоизволи всему исполненію вселитися, и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ, умиротворивъ кровію креста его, чрезъ него, аще ли земная, аще ли небесная (Кол. 1, 19—20).

Итакъ, мы признаемъ и всегда будемъ признавать устроившаго для насъ миръ и дарующаго намъ истекающія изъ него блага Царемъ и Господомъ и поклоняясь будемъ прославлять Его. Этимъ мы и нынѣ улаждаемся и освящаемся, и пребываемъ въ упованіи удостоиться по благодати Его еще лучшаго и совершеннѣйшаго. Тѣже, которые пустословятъ, что этотъ завѣтъ не принесъ пользы, пусть ожидаютъ другой новый и прилежать будущему его устроителю (дѣволу), ибо и теперь уже воздають ему рабское почтеніе, дабы сдѣлаться въ будущемъ вѣкѣ участниками жребія, уготованнаго ему и вмѣстѣ съ нимъ отпавшимъ силамъ. Если бы они имѣли очи способные видѣть, уши способныя слышать, и здравый разумъ, то безъ сомнѣнія поняли бы, что гдѣ Богъ—посредникъ и ходатай, тамъ и утвержденный Имъ миръ—благой, вѣчный и неизмѣнный, отнюдь не можетъ оказаться бездѣйственнымъ или ослабленнымъ. Посему не можетъ быть ни смятенія, ни раздѣленія, ни распаденія царства, и удостоившіеся этихъ величайшихъ благъ не могутъ перейти подъ другую власть, ибо это есть дѣло брани, борьбы и безчинія. Поэтому они оказываются пустословами и напрасно поносятъ христіанскую религію.

Да смолкнуть же наконецъ и да сокроются мыслящія столь невѣжественно и неразумно, ибо что дерзнуть сказать они, когда услышатъ дальнѣйшія слова богоноснаго мужа: *и дамъ освященіе посреди ихъ во вѣкъ, и будетъ вселеніе мое въ нихъ, и буду имъ Богъ, а они будутъ ми людѣ* (Іезек. 37, 27). О комъ это сказано? *Испытайте писаній, нѣкогда изрекъ Спаситель народу Іудейскому, и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. 5, 39). Если же безумцы захотятъ и теперь предпочитать еврейское и къ евреямъ относить пророческія слова, то пусть ясно услышатъ, что *освященіе* (*τὰ ἅγια*) Іудеевъ утеряло свое значеніе, ибо не было вѣчно, а являлось только прообразомъ и сѣнью нашего истиннаго *освященія* и пришло къ концу съ пришествіемъ истины. Наше же *освященіе* стоитъ во вѣки и пребываетъ твердымъ и непоколебимымъ, ибо основано на неподвижной скалѣ. Пусть же скажутъ намъ противящіяся рѣченія Духа, какимъ образомъ при нашемъ *освященіи*, на вѣки данномъ Богомъ, могло оказаться поклоненіе нечистымъ идоламъ? Ибо *кое общеніе святу ко тьмѣ? Или кое есть сложеніе церкви Божіей со идолами?* (2 Кор. 6, 16). Напротивъ, народы познали Освящающаго, ибо содѣлались причастниками божественнаго вѣдѣнія и истекающаго отсюда освященія, какъ это показываютъ далѣе слѣдующія слова: *и увѣдятъ языцы, яко Азъ есмь Господь освящай я* (Іезек. 37, 28). Эти же, будучи лишены божественнаго освященія, наполнивъ души свои всякими преступленіями и нечистотами, съ извращеннымъ умомъ, хулятъ освящающаго Бога и своею незаконною мыслію пустословятъ, что нечисты также и освящаемые.

57. Способъ же, коимъ освящаются причастники благодати, описываетъ намъ опять мудрый Павелъ:

и святей бо, говорить, и освящаемъ, отъ единого вси (Евр. 2, 11). Изъ сего можно понять, на какую высоту благъ возвелъ Онъ увѣровавшихъ чрезъ это единеніе и общеніе, откуда истекаетъ для нихъ освященіе, ибо и Христосъ освящающій и освящаемые, увѣровавшіе въ Него, воѣ отъ Бога всяческихъ и Отца. Онъ освящаетъ, какъ глава, начальникъ спасенія, какъ податель всякаго освященія и Господь. Они же (т. е. освящаемые) освящаются, будучи обновляемы причастіемъ благодати Его, облакаясь въ Него чрезъ божественную баню возрожденія; *елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Затѣмъ указывая на то, что намъ слѣдуетъ зависѣть отъ одного, и выставляя на видъ источникъ, откуда происходитъ наше благополучіе и блаженство, призываетъ насъ какъ бы къ ближайшему родству и братству, когда продолжаетъ: *ея же ради вины не стыдится братію нарицати ихъ, глаголя: возвѣщу имя твое братіи моей, посредѣ церкви воспою тя* (Евр. 2, 11 — 12). Такъ величаетъ ихъ и вѣнчаетъ почестями, большими человѣческихъ, ибо что можетъ быть божественнѣе и блаженнѣе сего? И ясна причина, почему они содѣлались братьями. Поелику Онъ, будучи Богомъ, не презрѣлъ облечься въ униженіе наше по своему безпредѣльному милосердію и благодати, дабы возвыситъ насъ нищею Своею, то по сему мы обогатились тѣмъ, что содѣлались братьями и чадами, какъ онъ сейчасъ скажетъ: *се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ: понеже убо дѣти приобщившася плоти и крови, и той приискреннь приобщися тѣхъже* (Евр. 2, 13—14). Вотъ этихъ-то, облекшихся во Христа, освященныхъ Имъ и удостоившихся, по вышесказанному, именоваться братьями и чадами, какъ не утрашили несчастные называть идолопоклонниками?

Изъ этого можно заключать, не восходитъ-ли поруганіе, вслѣдствіе общенія въ братствѣ и сыновствѣ, и дальше, о чемъ не слѣдовало бы даже и говорить людямъ, знающимъ Бога, изъ страха предъ хулою на Первороднаго и Отца, если бы они не были лишены совсѣмъ пониманія и разума. Лучше молчаніемъ пройти многое, что произноситъ христорборный языкъ ихъ, какъ вредоносное и неразумное. Отрицающіе братское единеніе во Христѣ, отвергающіе достоинство всыновленія, никогда не облакавшіеся во Христа или совлекшіе Его съ себя, по ихъ собственному о себѣ заявленію: какъ могутъ они научиться этому и испытать и стать причастниками благодати освященія? Вѣдь если они уклонились къ отрицанію этого, то должны оказаться лишенными благоползнаго и плодоноснаго. Таковы хульные словоизверженія ихъ неразумія и суетности.

58. Но обратимся къ своему предмету. Пусть остальной изъ пророковъ (т. е. Даніиль) закончить сей священный и стройный хоръ и какъ бы вѣнецъ возложенъ будетъ на богоустроенное зданіе и довершитъ домъ премудрости, весьма искусно и божественно воздвигнутый и прекрасно Духомъ устроенный: и украшенный. Раздѣляя священные труды, теперь пусть поработаетъ вмѣстѣ съ прежде подвизавшимися и на подобіе печати да приложится ко всему прежде изложенному „человѣкъ Божій, мужъ желаній“ (т. е. Даніиль), сокровищница даровъ Духа, открыватель глубокихъ тайнъ, изслѣдователь неизреченнаго, наставникъ варваровъ, укротитель звѣрей,—хотя онъ не усмирить ли звѣрское и дикое невѣріе и этихъ нечестивцевъ. Предстанъ же прозорливѣйшій и проницательнѣйшій изъ пророковъ, являсь изъ Вавилона и изъ варварской страны и, вдохновляемый разумъ-

ніемъ и мудростію свѣше, объяви намъ, что напечатлѣли въ твоёмъ чистомъ умѣ и неповрежденной мысли ночныя созерцанія божественныхъ видѣній, доставившія ясное откровеніе истины, и внятнымъ языкомъ и громкимъ голосомъ провозгласи Царя нашего и Господа, обладающаго безпредѣльною властію и вѣчною славою, и сокруши безуміе нечестивцевъ и своевольниковъ. Вѣдь ты, какъ знаемъ, ясно возглашалъ и излагалъ сновидцу Халдею непонятное въ его сновидѣніяхъ и разрѣшалъ ему недоумѣнное, возвѣщая такъ: *и во днѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не расыплется, и царство его людемъ инѣмъ не останется, истинитъ [и развѣетъ] вся царства, то же станетъ во вѣки* (Дан. 2, 44). И: *видѣхъ во снѣ ноцію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ Человѣчь идый бяше, и даже до Вѣтхаго денми дойде, и предъ него приведся: и тому дадеся власть и честь и царство, и вси людѣ, племена, и языцы тому поработаютъ: власть его власть вѣчная, и царство его не расыплется* (Дан. 7, 13—14).

Таковы слова пророка. А что говорятъ отверженные? Главное заблужденіе ихъ состоитъ въ томъ, что они извращаютъ реченія Св. Духа. Затѣмъ, Бога Отца они представляютъ погрѣшающимъ въ знаніи и предвѣдѣніи собственныхъ дѣяній. Наконецъ, они говорятъ, что царство Единороднаго разруσιμο, какъ неспособное пребывать вѣчно, — что Ему не дано власти, что языки и племена не поклоняются Ему и не служатъ, — что Онъ не стяжалъ и не исхитилъ людей у Тиранна, и, говоря кратко, думаютъ совершенно противоположно пророку. Выражая все это въ немногихъ словахъ, они соорудили величайшую хулу противъ божественной славы, нечестиво и безбожно дерзнувъ называть христіанскую религію идолопо-

клонствомъ и усвоивъ другимъ и себѣ такое (богохульное) мнѣніе. И какъ не устрашились и не содрогнулись въ душѣ эти безразсудные противники столь яснымъ и недвусмысленнымъ (изреченіямъ)? Какъ осмѣлились они съ безстыднымъ лицомъ и омраченнымъ сердцемъ возстать противъ славы Спасителя? И откуда такая смѣлость у приверженцевъ этого богоненавистнаго и нелѣпаго ученія? Если бы пророческое слово провозглашало просто только власть и царство Бога всяческихъ безъ ближайшаго опредѣленія, то они тѣмъ яростнѣе и смѣлѣе вооружились бы на пріемлющихъ православные догматы христіанства, коварно выставляя противъ нихъ свои пустыя и неразумныя рѣчи, и, подобно идущимъ на ловитву, привязавшись къ неопредѣленности выраженія, признали бы царство Христа измѣримымъ и ограниченнымъ. Но такъ какъ къ слову *царство* прибавлено *вѣчное и не разрушимое* и что оно *не преидетъ*, то развѣ этимъ не налагается узда на ихъ необузданный языкъ, дабы *заградились всякія уста, глаголющія неправедная* противъ Царя вѣковъ? Тотъ, кто царствуетъ отъ вѣка и до вѣка и всегда, не можетъ быть лишенъ власти и славы, и никогда люди, подчиненные Ему и познавшіе Его, не перейдутъ къ другому Царю. И тотъ, къ какому они могли бы перейти, не есть и отнюдь не будетъ лучше. И такъ какъ Онъ не подчиненъ тиранніи, не ограбленъ и не отторженъ отъ власти, то посему никто изъ подвластныхъ Ему къ идоламъ не приступаетъ и почестей демону не воздаетъ, ибо всѣ *они* Спасителя всѣхъ насъ признаютъ Богомъ и Господомъ всяческихъ, и Ему поклоняются: Ему *всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца, Аминь* (Филип. 2, 10). Итакъ, и

отсюда явствуется, что христорборцы говорятъ отъ противнаго духа, такъ какъ изрекаютъ противоположное и противорѣчащее реченіямъ Божественнаго Духа.

59. Пусть поразмыслятъ эти своевольники и о томъ, что имя *царь* принадлежитъ не къ числу словъ, употребляемыхъ просто и безотносительно, а къ числу такихъ, которыя берутся въ отношеніи къ чему-нибудь и въ соединеніи съ чѣмъ-либо. Нельзя представить царя безъ тѣхъ, надъ кѣмъ онъ царствуетъ. Нѣтъ начальника безъ тѣхъ, надъ коими начальствуютъ. Необходимо при употребленіи одного изъ этихъ понятій подразумѣвать и другое, равно какъ и устраненіе одного требуетъ устраненія другого. При такомъ взаимоотношеніи этихъ именъ они оказываются соединенными и связанными другъ съ другомъ такъ, что ни это безъ того не мыслимо, ни то безъ этого не можетъ быть. Итакъ, если истинны богооткровенія, бывшія отъ Святаго Духа святымъ пророкамъ, а они конечно истинны, то Христосъ Богъ нашъ, называемый въ нихъ Царемъ, есть Царь надъ кѣмъ-либо, и конечно надъ тѣми, которые находятся подъ царственною властію Его. Какъ Богъ и Создатель всяческихъ, Онъ есть Царь всѣхъ, ибо Онъ царствуетъ въ державѣ Своей вѣчной и всѣ суть слуги Его, и *царство Его царство вѣкъ вѣковъ, и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. 144, 13). А такъ какъ мы вѣримъ въ Него и признаемъ Его, держась истиннаго исповѣданія Его, то Онъ есть Царь надъ нами христіанами, ибо мы—народъ избранный, царское священство (Тит. 2, 14; 1 Петр. 2, 9), наследіе вѣчное и, говоря кратко, стяжаніе Его изрядное и исключительно Ему принадлежащее. Таково благодатію Божіею положеніе насъ православныхъ. И благовременно и надлежащимъ образомъ пользуясь отно-

сящими сюда божественными откровениями, мы найдемъ въ нихъ *толикъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрный и надежный, такъ что для насъ, любящихъ истину, просвѣщенныхъ духомъ Святымъ и руководимыхъ Его дарами, согласіе нашихъ священныхъ и богодухновенныхъ догматовъ звучитъ стройно, гармонично и музыкально и торжествуетъ надъ неразумніемъ, глупостію и непристойностью ихъ лживой болтовни, какъ внушеніемъ отступнической (антихристовой) силы и порожденіемъ незаконныхъ и нечестивыхъ мыслей,—и какъ бы начертаннымъ на столбѣ выставляетъ ихъ нечестіе. Такъ наконецъ отовсюду изобличаемые, они, какъ водимые духомъ заблужденія, да будутъ отгнаны отъ божественнаго сонма и двора нашего христіанскаго.

Но такъ какъ зло неустанно и неудержимо, то оно не можетъ никогда остановиться само по себѣ, а всегда идетъ впередъ и не обрѣтаетъ остановки своего движенія, подобно бушующему рѣчному потоку, который, выступивъ изъ береговъ, если попадетъ на какое либо покатое и крутое мѣсто, уже ничто не можетъ сдержать сильной стремительности его теченія, такъ что онъ легко низвергаетъ все падающее на пути и уноситъ съ собою. Такимъ образомъ, когда оно войдетъ въ души, разъ отрекшіяся отъ общенія съ добромъ, оно не прежде прекратитъ истребленіе и уничтоженіе, пока не достигнетъ послѣднихъ предѣловъ гибели. Нѣчто подобное случилось и здѣсь. Весьма быстро распространяясь, зло поразило души этихъ нечестивцевъ и привело ихъ къ пропасти невѣрія и отчужденія отъ Бога. Изошривъ коварные языки свои прежде всего противъ Христа, они не знаютъ насыщенія своей дерзости къ Нему, не перестаютъ клеветать на христіанскую религію, а

напротивъ постоянно умножаютъ зло, такъ что послѣдующее становится хуже предшествовавшаго, сочиняютъ много клеветы противъ одушевленныхъ храмовъ Духа. Но не останавливаются и на этомъ, а простираютъ свои нечестивыя руки и противъ неодушевленныхъ божественныхъ храмовъ. По истинѣ они являютъ, что души ихъ суть храмы бѣсовъ, если думаютъ, что къ идоламъ надо приступать, какъ къ Богамъ. Такимъ образомъ они и здѣсь даютъ доказательство своего отчужденія отъ праваго ученія, ибо нѣтъ общенія свѣта со тьмою и соединенія храма Божія съ идолами, такъ что не въ словахъ только обнаруживается хула ихъ, но злодѣйство ихъ выступаетъ уже и на дѣлѣ, и безславіе ихъ не только раздается въ ушахъ, но и выставляется на видъ предъ глазами всѣхъ.

60. Итакъ, развѣ не отрицаютъ и не обвиняютъ они божественную и неизреченную славу и силу,—развѣ не поносятъ ученіе боговдохновенныхъ мужей и богослововъ? Но въ то же время развѣ дѣлаютъ они меньше того, что пустословятъ,—развѣ уклоняются выказать поступки, равные ихъ богохульству или даже превосходящіе его? Нисколько. Напротивъ, мы видимъ теперь умножающимся и возрастающимъ то, чего древле, какъ извѣстно, не могъ и въ чемъ былъ побѣжденъ отецъ лжи—дѣволъ. Прежде онъ воздвигалъ нечестивыхъ поднимать противъ церкви только словесную брань и сплеталъ множество ересей среди христіанъ, а теперь не только словами, но и добавляя то, чего не доставало, — посредствомъ дѣяній безчинствуетъ противъ божественныхъ храмовъ и прочихъ священныхъ мѣстъ, стремясь уничтожить ихъ красоту и благолѣпіе, дабы злодѣйство ихъ было засвидѣтельствовано и тѣми и другими (словами и

дѣлами). Они, проклятые, неистовствуютъ противъ священныхъ и божественныхъ образовъ и символовъ спасительнаго домостроительства и воплощенія Бога слова, — стараются обезобразить украшенія священныхъ храмовъ и уничтожаютъ рисунки священныхъ повѣствованій, безразсудно соскабливая честныя изображенія. О, безуміе! О, дерзость и безстыдство! Все, надъ чѣмъ трудились благочестивѣйшіе и боголюбивѣйшіе изъ христіанъ, высшіе іереи, цари, всѣ знатные и прочіе усерднѣйшіе радѣтели благочестія, воспламеняемые горячею любовью и теплою вѣрою во Христа и святыхъ, и что украсили рисунками изъ священной исторіи, — священные и божественныя изображенія, которыя они начертали въ воздвигнутыхъ ими Богу всяческихъ храмахъ, насколько это соотвѣтствовало предмету каждаго изображенія, — эти несчастные не устрашились низвергнуть и насмѣяться. Иной не повѣрилъ бы, что они мыслятъ такъ преступно и безбожно и досадовалъ бы на горечь и тяжесть нашего обвиненія, если бы самолично не видѣлъ ихъ на дѣлѣ совершающими это. Такимъ образомъ въ подтвержденіе безбожности своихъ словъ они имѣютъ беззаконіе своихъ дѣйствій. Послѣ этого развѣ они не оказываются дѣйствительными идолопоклонниками? Они такъ безстыдно неистовствуютъ противъ храмовъ Божіихъ, какъ будто они посвящены и принадлежатъ къ другой религіи, а какова она, это они должны знать. Какъ заставляетъ заключать послѣдовательность, они отвергаютъ Господа нашего Іисуса Христа, Бога всяческихъ, и потому напрасно удерживаютъ имя христіанъ, ибо они опираются на ложномъ основаніи, и усвоивъ себѣ и украшаясь пустымъ названіемъ, они обладаютъ только формою звуковъ, отрицая выражаемое ими значеніе. Посредствомъ дѣлъ

своихъ они являютъ себя чуждыми и непричастными (обозначаемому названіемъ) предмету. Но беззаконіе ихъ и еще болѣе умножится, какъ это должно слѣдовать изъ самаго предпріятія ихъ.

61. Такъ какъ на священныхъ иконахъ пишется изображеніе животворящаго креста, то притворяющіеся въ этомъ случаѣ и утверждающіе, что они принимаютъ крестъ, уничтожаютъ также и его, потому что неистовство ихъ въ сущности одинаково направляется противъ обоихъ (противъ изображенія креста и противъ самого креста). И зачѣмъ они представляются, что ненавидятъ одно, когда и то и другое оказывается освященнымъ отъ Одного и Того же? Точно также они относятся и къ священнымъ сосудамъ, въ которыхъ совершаются святыя и животворящія тайны Христовы,—зачѣмъ къ одеждамъ, которыя украшены честными изображеніями, и, наконецъ, къ поклоняемымъ крышкамъ евангельскихъ книгъ, и такимъ путемъ разрушаютъ и само евангеліе. Въ самомъ дѣлѣ, что иное можно видѣть, какъ не упраздненіе или и разрушеніе у нихъ евангелія? Чѣмъ отличается начертанное внутри отъ изображаемаго совнѣ, когда одна и таже мысль и содержаніе созерцается и тамъ и здѣсь? Поэтому, если досточтимое одно, то должно быть досточтимымъ и другое, иначе необходимо уничтожать то и другое. Вотъ мы видимъ многія изъ этихъ честныхъ книгъ, приготовленныхъ, какъ засвидѣтельствовано, трудами древнѣйшихъ благочестивыхъ и боголюбивыхъ мужей,—которыя, будучи раскрыты, представляютъ намъ уроки священной исторіи отчасти чрезъ каллиграфическое искусство, а отчасти показываютъ тѣже дѣянія при помощи искусства живописанія. И то не имѣетъ значенія больше, чѣмъ это, ибо рѣчь одна въ обоихъ и оба научаютъ

и приводить въ память спасительное домостроительство Бога Слова. Что слово возглашаетъ чрезъ прочтеніе написаннаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣніе показываетъ посредствомъ изображенія повѣствованій. Отсюда, если кто отвергаетъ часть, то онъ долженъ отвергнуть и цѣлое, ибо цѣлое состоитъ изъ частей. Если что здѣсь смущаетъ неразумныхъ и можетъ колебать ихъ слабую мысль, то пусть ихъ соблазняетъ уже и то, что одно начертывается болѣе тонкими письменами и красками (т. е. буквами), а другое изображается болѣе густыми чертами съ раскрашенными фигурами,—и по самому матеріалу они оказываются весьма различающимися между собою.

62. Если разсмотрѣть это еще внимательнѣе, то окажется, что нарисованное имѣетъ преимущество предъ написаннымъ, потому что это привлекаетъ къ себѣ одинъ слухъ, а то—и зрѣніе. И хотя и этимъ скоро, но тѣмъ еще скорѣе доставляется познаніе предмета, поскольку зрѣніе быстрѣе и убѣдительнѣе слуха, потому что то, что мы видимъ, предшествуетъ тому, что мы слышимъ. Изъ того, чему мы научаемся чрезъ слухъ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе забвенія, многое утрачивается и темнѣетъ; предметы же, воспринятые зрѣніемъ, напечатлѣваются въ душѣ прочнѣе и чрезъ воспріятіе чувствъ передаются чувствительнымъ сторонамъ нашей души. Кромѣ того нарисованное преимуществуетъ предъ написаннымъ потому, что, руководя мудрыхъ и простыхъ, приносить одинаковую пользу всѣмъ, — и поселянинъ-ли или горожанинъ получаетъ одинаковую пользу,—а также потому, что скорѣе приводитъ къ таинству сошествія человеколюбиваго Спасителя нашего. Часто чтеніе не имѣетъ значенія для простеца, потому что онъ лишенъ образованія и не знаетъ грамоты. И какъ

при слуханіи слова значеніе возглашаемаго не ограничивается слухомъ, ибо смыслъ говоримаго переносится на вещи, такъ и созерцаемыя на изображеніяхъ исторіи не останавливаются на одной только зрительной способности глазъ, но созерцаніе видимыхъ (образовъ) тотъ часъ же переводитъ или возводитъ умъ зрителя къ высшему и главнѣйшему, не позволяя священному дѣйствию останавливаться на символахъ, но отъ этого чувственнаго, близкаго намъ и обычнаго увлекая или вознося къ духовному и къ тому, что ими обозначается. Посему, созерцая какъ бы самыя (обозначаемые образами) предметы, каждый увлекается ими, оказывается благодаря символамъ какъ бы въ присутствіи ихъ, охватывается стремленіемъ къ добру, наполняется одушевленіемъ, возбуждаетъ душу и считаетъ себя находящимся въ лучшемъ, чѣмъ прежде, настроеніи и состояніи.

63. Итакъ, искусство это въ вспомошествованіе евангельскому ученію изначала было предано послѣдователями этой религіи и вѣры, т. е. христіанами. Божественный промыслъ и благодать устроили такъ, чтобы одно подкрѣпляло другое, ибо они связаны между собою и, какъ происходящія изъ одного и того же начала, взаимно сообщаютъ другъ другу помощь и пользу. Но евангельское ученіе оказалось совершенно бесполезнымъ для этихъ безумцевъ, ибо иначе они явили бы плодъ послушанія и разумнія. И такъ какъ ученіе упало только въ ихъ уши и, пробывъ тамъ немного, разсѣялось вмѣстѣ съ движеніемъ воздуха, то оно не вошло и не проникло въ глубину сердца, не отпечатлѣлось на скрижаляхъ мысли. Итакъ, напрасно они признаютъ и говорятъ отъ евангелія. Являясь скорѣе отрицателями евангельскихъ догматовъ, они не избѣгутъ слѣдуемаго

за это осужденія. Всюду они оказываются нарушителями евангелія. А что можетъ быть нечестивѣе и безбожнѣе этого? Поступая такъ, они выказываютъ себя страдающими ненавистью ко Христу и святымъ, ибо подняли противъ нихъ жестокою и непримиримую брань. Это признаетъ каждый, желающій немного размыслить. Они негодуютъ и выходятъ изъ себя даже при одномъ только воспоминаніи, что они видѣли ихъ начертаніе и образъ, такъ какъ знаютъ, что воздаваемое имъ (почтеніе) относится къ изображаемымъ, ибо мысль созерцающихъ направляется къ тому, что начертано. Они не гнушались бы иконъ и не ниспровергали бы ихъ, если бы не враждовали противъ первообразовъ и не завидовали той пользѣ, которую они приносятъ почитающимъ ихъ. Они борются изо всѣхъ силъ, двигая по пословицѣ всякій камень, и измышляютъ всякія средства, чтобы уничтожить ее, такъ какъ по истинѣ тяжело видѣть имъ Христа на иконѣ. Безъ сомнѣнія тяжело имѣть предъ глазами и созерцать то, что разъ возненавидѣли, и вызывать въ памяти то, что оно являетъ. Отсюда упорное устраненіе того, что причиняетъ печаль.

И рѣчи ихъ едва не возглашаютъ громко слѣдующее: *уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего: возвѣщаетъ намъ разумъ имѣти Божій, и отрока Господня себе именуетъ: бысть намъ на обличеніе помысленій нашихъ: тяжекъ есть намъ и къ видѣнію, яко неподобно инымъ житіе его, и отмычны стези его: въ поруганіе влѣчникомъ ему, и удаляется отъ путей нашихъ яко отъ нечистотъ: блажитъ послѣдняя праведныхъ, и славитъ отца имѣти Бога. Увидимъ, аще слова его истина, и искусимъ еже сбудутся ему. Аще бо есть истинный*

Сынъ Божій, защититъ его, и избавитъ отъ руки противящихся: досажденіемъ и мукою истяжимъ его, да увѣмы кротость его, и искусимъ беззлобство его. Смертію поносною осудимъ его, будетъ бо ему разсмотрѣніе отъ словесъ его. Сія помыслиша и прельстишася: ослѣпи бо ихъ злоба ихъ, и не увѣдѣша таинъ Божіихъ, ниже мзды уповаша преподобія, ниже присудиша чести душамъ преподобнымъ. Яко Богъ созда человека въ неистлѣніе, и въ образъ подобія своего сотвори его (Прем. Сол. 2, 12—23). Такъ говорятъ нѣкоторые послѣдователи новаго язычества, поревновавшіе беззаконію древнихъ Іудеевъ, состязаясь съ ними въ причиненіи жестокой и тягостной обиды Праведнику, наполняя ненавистью къ Нему душу свою и выказывая себя на дѣлѣ истинными Іудеями. И такъ какъ святъ и праведенъ Господь, то ближе къ истинѣ будетъ сказать, что слова тѣ съ правомъ могутъ быть относимы ко Христу и не могутъ быть понимаемы иначе, ибо Онъ есть, какъ написано, основаніе праведныхъ, глава и начатокъ всего праваго, источникъ всякой правды и податель всякаго освященія, *иже бысть намъ отъ Бога Отца правда, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30).

Такъ проникательно и вѣрно предвозвѣстилъ одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, прозорливѣйшій, одаренный свыше способностію разумѣнія и мудрствованія, предвидѣвъ ихъ вражду и неистовство противъ Господа нашего и Бога и обнаживъ ихъ крайнюю злобу. И чего не думали сдѣлать эти несчастные, усвоившіе настроеніе суеты и злобы, презрѣвшіе и забывшіе страхъ Божій и вѣру въ Бога? Такимъ образомъ изъ настоящаго становится яснымъ, что если бы имъ случилось жить въ то время, когда Христосъ, вочеловѣчившись, обращался съ людьми, то они допустили бы въ отношеніи къ Нему болѣе страшное и

гнуемое, чѣмъ тогдашніе Іудеи. Но такъ какъ теперешнее время не позволяетъ такъ поступать съ Нимъ, то нынѣ они изливаютъ свой гнѣвъ и ярость противъ Его образа, надъ которымъ и проявляютъ свои безчинства и неистовства. Мнѣ кажется, что они дерзко вопіють: „если бы мы возвратили времена отцовъ, то мы пополнили бы то, что они опустили, мужественно выказывая нашу храбрость и настойчивость въ преслѣдованіи Праведника и обличая тѣмъ ихъ слабость и вялость; мы подвергли бы Его болѣе суровымъ истязаніямъ и поношеніямъ, такъ что поразили бы бездѣйствіе ихъ и обвинили бы ихъ въ перадѣніи за то, что они совсѣмъ ничего или мало съ Нимъ сдѣлали. Посему благовременно, чтобы бичуемый и поносимый сказалъ имъ: *сынове есте избившихъ пророки: и вы исполните мѣру отцевъ вашихъ* (Матѳ. 23, 31—32).

64. Мы слышимъ, какъ они, страдая ненавистью ко Христу, говорятъ: „тяжело намъ видѣть Христа на иконѣ“. Кому уподобить ихъ? Говорятъ, что пантеры питаютъ природную ярость къ человѣку и обычно бросаются преимущественно на глаза людей. Поэтому забавляющіеся яростію звѣря показываютъ ему на бумагѣ изображеніе человѣка, и звѣрь съ страшнымъ бѣшенствомъ разрываетъ бумагу, какъ человѣка, и тѣмъ выказываетъ свою ненависть къ нему. Такъ и эти свою ненависть ко Христу выказываютъ на иконѣ Христа. И такъ какъ они не въ силахъ коснуться Его тѣлесно за Его отсутствіемъ, то изъ ненависти къ Нему они подобно пантерѣ бросаются на икону Его, терзая и разрушая ее. Такимъ образомъ бѣснованіе ихъ противъ изображеній Его показываетъ, что они богоборцы и подняли брань противъ Христа. Вѣдь они до такой степени презираютъ и уничтожа-

ютъ все Христово и христіанское — обычаи, законы, таинства и древнее христіанское преданіе, отмѣчен-
ное давностію и поэтому чтимое людьми благомысля-
щими. И кто изъ людей благочестивыхъ, боголюби-
выхъ и воспитанныхъ въ православной вѣрѣ не
прослезится и не восплачетъ при видѣ святыхъ хра-
мовъ и алтарей, поругаемыхъ и полуразрушенныхъ,
лишенныхъ украшеній,—тѣхъ алтарей, которые без-
честятъ, и низвергаютъ, оскверняютъ мерзкими ру-
ками и гнусно поносятъ богоборными языками. И
какъ если бы кто увидалъ срѣзанные лепестки пре-
красныхъ цвѣтовъ на прекрасной зелени цвѣтущей
травы,—или скошенные жателями разнообразныя по
окраскѣ и формѣ цвѣты, обильно растущіе въ цвѣ-
тущемъ саду: такъ и здѣсь онъ узритъ уничтоженіе
вмѣстѣ съ украшеніемъ и памяти и почтенія, „ибо
не можетъ быть и рѣчи о храмѣ, котораго не укра-
шаетъ изображеніе“, сказалъ одинъ изъ древнихъ и
боголюбивыхъ мужей (Исидоръ Пелусіотъ. Письма.
Кн. IV, 73). Отсюда не безъ основанія можно сказать,
что это слово считаетъ изображенія такую же при-
надлежностію священныхъ храмовъ, какъ жертвы,
молитвы и все, въ нихъ совершаемое. Но никто дру-
гой не предастъ ихъ проклятію лучше священнопѣвца,
который говоритъ: *Господи во градъ твоємъ* (разумѣя
вышній Іерусалимъ) *образъ ихъ* (т. е. память о нихъ)
уничтожиши (Пс. 72, 20), какъ и они тщатся изгла-
дить образъ Твой и память изъ Твоихъ храмовъ и
Твоей Церкви. Пусть онъ также воспоетъ, оплакивая
теперешнее наше бѣдствіе: *Боже, не языцы приидоша*
въ достояніе Твое, но люди болѣе жестокіе и враждеб-
ные, чѣмъ язычники, которые тщатся превзойти ихъ
въ злодѣйствѣ противъ святыхъ Твоихъ. Нося свя-
щенническую одежду, но скрывая волка подъ овчей

шкурой, они осквернили храмъ Твой святой и алтари Твои, Господи силъ, наполнили безчиніемъ и безчестіемъ.

65. Но посмотримъ, если угодно, какое есть у нихъ основаніе для этого и какова причина того, что они дошли до такого беззаконія и безбожія. Они говорятъ, что покланялись чуждымъ богамъ, осуждая тѣмъ самымъ свое идолопоклонство. Такимъ образомъ они какъ бы отрекаются отъ прежняго и выдаютъ себя за людей, признающихъ въ ошибкѣ касательно того, что они прежде худо дѣлали. Думая отстранить отъ себя позоръ и заблужденіе, они дерзаютъ утверждать то, чего не могли бы утверждать и безумные, а именно, что такимъ путемъ они спасаютъ славу и честь священныхъ храмовъ, какъ бы уничтожая идоловъ и изглаждая и очищая въ нихъ позоръ. На самомъ же дѣлѣ они врачуютъ болѣзнь болѣзнію и впадаютъ въ большую, чѣмъ прежде, пропасть зла. И какъ каждый грѣшникъ готовъ извинять себя, такъ и всякій безбожникъ скоръ на оправданіе. Принимая видъ благочестія, обнажаютъ они однако лице нечестія, выступая противъ священной вѣры нашей. Они стараются укрыться отъ многихъ тѣмъ, что какъ будто отвергаютъ вредное мнѣніе, не зная, что этимъ подвергаютъ себя болѣе тяжелому и суровому осужденію. Можетъ быть скажетъ кто-либо изъ болѣе умѣренныхъ у нихъ въ нечестіи, придумывая подходящее и благовидное оправданіе: „мы стараемся изгнать употребленіе иконъ съ тою цѣлью, чтобы нѣкоторые изъ людей простыхъ и необразованныхъ, не зная должнаго, по своему невѣжеству не стали считать ихъ за боговъ, блуждая около одной бездушной матеріи, на ней останавливая свой умъ и не представляя ничего сверхъ видимаго“. На это

защитники правой вѣры могутъ отвѣтить: „если бы ты велъ себя честно и хранилъ святыни въ неприкосновенности, твоя рѣчь представляла бы нѣкоторую убѣдительность, ибо надлежитъ учить и руководить невѣдущихъ, дабы они воздавали должное почтеніе и не выходили изъ предѣловъ подобающаго почитанія. Но ничего такого тобою не сдѣлано. Вѣдь если ты видѣлъ, что иконы почитаются не какъ слѣдуетъ, то тебѣ подлежало бы заставлятъ почитать ихъ, какъ подобаешь. Въ самомъ дѣлѣ, не справедливо, надо съ этимъ согласиться, изъ за того, что невѣжды недостойно приступаютъ къ святынямъ, безчестить послѣднія, какъ нельзя изъ за того, что нѣкоторые неправо обоготворяютъ небо и то, что подъ небомъ, противопоставляя Творцу тварь, безчестить творенія Божіи. А ты безстыдно презираешь, сокрушаешь, разрушаешь и попираешь ногами святыни. И развѣ ты не сожигаешь душу свою, предавая ихъ огню? Развѣ не опаляешь и не расплавляешь свой умъ? Развѣ не впадаешь въ безуміе, простирая нечестиво руки свои на алтарь? Отсюда становится яснымъ, что ты самъ идешь на себя и какъ песъ опять возвращаешься на свою блевотину безбожія. Таково ихъ нечестіе и неразуміе.

66. Между тѣмъ слово истины подобно свѣту сіяетъ для людей разумныхъ; и честныя изображенія, которыми поддерживается памятованіе святыхъ, священны, преполезны для почитающихъ святыни и исполняютъ ихъ благодати подобно тому, какъ и нечистое наполняетъ нечистыхъ скверною, ибо дѣйствіе того и другого одинаково. Итакъ, иконы вызываютъ почтеніе къ священнымъ храмамъ, а не исполняютъ ихъ скверны, согласно возвышенной и божественной философіи одного изъ нашихъ отцовъ

богослововъ. Но до какого беззаконія и неразумія доходятъ ихъ рѣчи и дѣянія, сдѣлаемъ это очевиднымъ и изъ слѣдующаго. Прежде всего укажемъ на то, чего и они, какъ думаю, не станутъ отрицать, если сердцемъ и умомъ еще не совсѣмъ удалились отъ истины. Разумѣемъ именно то, что Моисеевъ законъ данъ былъ людямъ отъ Бога, какъ бы нѣкое промежуточное средостѣніе ограды, раздѣляя и отдѣляя ихъ отъ всѣхъ (народовъ), разсѣянныхъ и далеко отстоявшихъ отъ нихъ, удерживалъ ихъ отъ всего злого и пагубнаго, какъ и отъ скверны и суеты лжеименныхъ боговъ,—обращалъ и руководилъ къ лучшему и несравненно болѣе высокому и приводилъ къ познанію истиннаго Бога. На время онъ допускалъ для тогдашнихъ людей жертвы неразумныхъ животныхъ, вслѣдствіе слабости подзаконныхъ, ихъ постоянной склонности къ худому и соотвѣтственно древнему обычаю приносить въ жертву животныхъ, этимъ путемъ приводя ихъ къ повиновенію и послушанію, дабы постепенно пріучаясь къ болѣе совершенному состоянію, они перешли къ жизни лучшей и благочестивой.

Но такъ какъ законъ ни въ чемъ не давалъ совершенства, напротивъ навлекалъ гнѣвъ ради прегрѣшеній, не вслѣдствіе тяжести узаконеній, а по худости согрѣшавшихъ (онъ былъ немощенъ, такъ какъ всѣ были подъ грѣхомъ, но онъ приводилъ къ познанію грѣха, чѣмъ изобличалась слабость природы и удобопреклонность ея ко злу), то онъ нуждался въ усовершенствующемъ и направляющемъ къ лучшему. Посему *неможное закона, въ немже немоществоваше, Богъ, Сына Своего пославъ, осуди грѣхъ, ибо мы оправданы во Христѣ вѣрою* (Римл. 8, 3). Это совершила благодать снисшедшаго на землю и жив-

шаго по плоти среди людей Слова. Чрезъ это мы искуплены отъ грѣха, избавлены отъ всякаго діавольскаго заблужденія и лжи, освобождены отъ поклоненія твари вмѣсто Творца, научены поклоняться самому единому Богу всяческихъ и воздавать Ему подобающее почтеніе и служеніе. Итакъ, благодать Христова возобновила намъ совершенство и преуспѣяніе вѣры, восполнивъ недостатокъ закона. *Не приходѣтъ разорити законъ, но исполнити* (Мѣ. 5, 17), говоритъ Христосъ. И насколько усовершенное превосходитъ усовершенное, каждому безъ сомнѣнія ясно, потому что безъ всякаго прекословія меньшее благословляется большимъ (Евр. 7, 7), и то, что отличается достоинствомъ, выше того, что находится въ услуженіи, насколько творецъ выше творенія, или строитель выше строенія и горшечникъ—глины, *яко законъ Моисеевъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христосъ бысть*, Который содѣлалъ изъ насъ чадъ, не *отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужскія, но отъ Бога* Духомъ рожденныхъ, какъ възываетъ великій гласъ истины Іоаннъ (Іоан. 1, 17. 13).

67. Къ чему же говоримъ это?—Къ тому, что если законъ святъ и заповѣдь свята, по Павлову божественному изреченію (Рим. 7, 12), и они оказываются гораздо несовершеннѣе благодати, то какъ велика эта благодать! И если законъ выше идолослуженія, то какъ благодать, высшая закона, можетъ возвратиться къ идолопоклонству? Какимъ образомъ получившіе въ свою власть благодать сыноположенія могутъ подлежать обвиненію въ идолопоклонствѣ? Безумцы не восхотѣли уразумѣть этой благодати. Мнѣ кажется, они дѣлаютъ нѣчто подобное тому, какъ если бы кто-либо, разсуждая о міровыхъ стихіяхъ, призналъ за истину, что огонь и вода суть край-

ности и обладают противоположными свойствами, и именно—первому усвоить бы тепло и сухость, а второй удѣлилъ холодъ и сырость, въ качествѣ же середины каждой изъ этихъ двухъ противоположностей ввелъ бы воздухъ, бывающій теплымъ и сырымъ. Затѣмъ, желая изслѣдовать ихъ свойства, которыми они подобны и различаются между собою, онъ сталъ бы дѣлать заключенія неискусно и невѣжественно. Приписывая каждой стихіи не присущее ей по природѣ качество, но отождествляя все противоположное и несовмѣстимое, перенося принадлежащее отдѣльно каждой изъ противоположностей на другую и опуская стихію посредствующую, сталъ бы качество огня приписывать водѣ и думать, что вода есть тепло и сухость. Если поступающій такимъ образомъ достоинъ посмѣянія, какъ заблуждающійся относительно вещей; очевидность которыхъ свидѣтельствуется чувствами, то сколь болѣе достойны смѣха считающіе божественную благодать идолопоклонствомъ? Или точнѣе — сколь большаго нечестія и безбожія исполненными справедливо считать ихъ за то, что они возстаютъ не противъ какого-либо не важнаго предмета, а противъ самаго главнаго, послѣ чего уже нѣтъ ничего болѣе высшаго — противъ святой и неоврежденной вѣры нашей. О, божественное правосудіе, отъ коего ничего не сокрыто, неподкупное и всевидящее, проникающее все видимое и мыслимое! О, неизреченная глубина судовъ Божіихъ! О, божественное долготерпѣніе и неизслѣдимое снисхожденіе! Доколѣ же, скрывая гнѣвъ на нечестивцевъ, будешь терпѣть настоящее? Когда же явишься для суда надъ дерзостями согрѣшающихъ противъ Тебя?

68. Слушай небо,—приклони ухо земля,—и внемли вся тварь! Законъ святъ и заповѣдь свята, справед-

лива и блага. Прекрасно. Но если свято то, что доставляет намъ божественное вѣдѣніе въ степени слабой и недостаточной, какъ бы подъ покровомъ буквы и сѣни, то сколь святѣе и божественнѣе благодать, дарованная намъ Богомъ Словомъ? Она несравненно выше закона, доставляетъ намъ болѣе ясное и возвышенное откровеніе Троицы въ духѣ и истинѣ, посвящаетъ и научаетъ насъ истинному и чистому познанію единого Бога и поклоненію Ему, возрождаетъ въ высшее сыноположеніе Духомъ и ясно возвѣщаетъ надежду царства небеснаго. Но враги благодати все это объявили идолопоклонствомъ: до такой нелѣпости довело ихъ нечестіе! Такъ увлекаемые жалкими разсужденіями въ неразуміе и суету выходятъ они изъ границъ здраваго разума!

Притомъ: законъ имѣя только тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей, своими ежегодными жертвами, которыя постоянно приносились, никогда не могъ сдѣлать совершенными людей подзаконныхъ. Посему и не прекращалось приношеніе жертвъ. И однако законъ святъ, хотя и не могъ сдѣлать совершенными жившихъ по нему. И заповѣдь свята, хотя она имѣла только тѣнь будущаго, а не самый образъ вещей.—Что же такое самыя вещи, которыхъ законъ былъ сѣнію, т. е. благодать и истина, бывшія чрезъ Іисуса Христа, объ этомъ пусть скажетъ необузданный языкъ новыхъ язычниковъ.

Затѣмъ: законъ ничего не усовершеналъ и однако былъ святъ. А что же Христосъ, Который (Евр. 10 14) *единѣмъ приношеніемъ совершилъ есть на вѣки освящаемыхъ* (ибо Онъ есть совершитель вѣры нашей, на Кого взираемъ)? Новоявленные Іудеи пусть снова распинаютъ Его.

Что дальше (говорять они), мы (потомъ) разсмотримъ

римъ. А (теперь) опять обратимся къ словамъ Павла и возможно внимательнѣе рассмотримъ, насколько наше служеніе выше и превосходитѣе подзаконныхъ священниковъ и ихъ священнодѣйствій. Подзаконные священники, поскольку они, какъ люди, были облечены немощію, не только за народъ, но уже и за самихъ себя приносили узаконенныя жертвы (Евр. V, 2, 3). Нашъ же Первосвященникъ и Апостолъ исповѣданія нашего не имѣетъ нужды, какъ тѣ, дѣлать это каждодневно сперва за свои грѣхи, а потомъ за грѣхи народа, ибо Онъ совершилъ это однажды, принеся (въ жертву) самого Себя, и возсѣлъ одесную величествія на небесахъ, предтечею за насъ вошедъ во внутреннѣйшее за завѣсу и содѣлавши въ архіереемъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову (Евр. 7, 27 и 6, 19—20). Притомъ тѣхъ было много, ибо смерть прерывала и возбраняла имъ жить. А этотъ, какъ пребывающій во вѣки, имѣетъ и священство не преходящее; посему и можетъ всегда спасать входящихъ чрезъ Него къ Богу (Евр. 7, 23—25). Тѣ служили образу и тѣни небснаго и ежегодно входили во святая святыхъ съ чужою кровью. А этотъ получилъ служеніе тѣмъ превосходитѣе, чѣмъ лучшаго Онъ ходатай завѣта (Евр. 8, 5—6), первосвященникъ будущихъ благъ въ большей и совершеннѣйшей скиніи нерукотворенной,—и не съ кровію козловъ и тельцовъ, но со Своею кровію вошелъ однажды во святое святыхъ и приобрѣлъ вѣчное искупленіе (Евр. 9, 11—12). Онъ Самъ былъ и священникъ и жертва, почему и открылъ намъ святая святыхъ, отверзъ для всѣхъ врата небсныя и содѣлалъ ихъ доступными, легко и удобно проходимыми.

Какое различіе лицъ—Христа и Аарона съ его преемниками, совершенно не сходныхъ! Какое без-

предѣльное и безконечное разстояніе между ними и какое различіе жертвъ! Тамъ приносилась кровь безсловесныхъ животныхъ, а здѣсь приносится кровь пречистаго Агнца, вземлющаго грѣхъ міра. Различны, сверхъ того, завѣты и skinii. Тамъ было рукотворное и временное, уничтожаемое временемъ, не имѣющее прочности и, говоря вообще такое, что уже обветшало, устарѣло и посему исчезло. Здѣсь же не рукотворное и временное, но постоянное и вѣчное, всегда обновляемое, никогда не измѣняемое, не уменьшаемое и не уничтожаемое. Кромѣ того необходимо различать служеніе и жертвы. Тѣ были тучныя и плотскія,—какъ бы въ образахъ предначертывая и представляя грядущее и истину, онѣ не имѣли (и не давали) совершенства. Наши же, совершаемыя въ духѣ и истинѣ, усовершенствуютъ приносящихъ чрезъ нихъ Богу жертву хвалы, и чрезъ нихъ непрестанно зываютъ: авва Отче (Рим. 8, 15). И еслибы совершенство, говорить (апостолъ), достигалось посредствомъ Левитскаго священства (ибо для сего данъ законъ народу), то не было бы нужды возставать иному Священнику по чину Мелхиседекову, ибо законъ ничего не довелъ до совершенства, но вводится лучшая надежда, посредствомъ которой мы приближаемся къ Богу (Евр. 7, 11 и 19). Точно также жертвы и приношенія не могли сдѣлать служившаго совершеннымъ по совѣсти. Затѣмъ: кровь тельцовъ и козловъ и пепелъ телицы, окропляя участвовавшихъ, освящали къ плотской чистотѣ. Чѣмъ же должны считать наши противники кровь Христа, очищающую совѣсть отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному (Евр. 9, 13—14)? Неужели (будутъ считать ее) не освящающею и не очищающею. Будучи нечистыми въ своей совѣсти и

мертвыми по дѣламъ своимъ, они навѣрно дерзнутъ сказать: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“. Пусть же они говорятъ и дѣлаютъ это, а мы перейдемъ къ дальнѣйшему разсужденію.

69. Итакъ, *имѣяше*, говоритъ апостолъ, *первая скинія оправданія служенія* (Евр. 9, 1). Какія же? Въ ней былъ свѣтильникъ, трапеза и предложеніе хлѣбовъ. Какъ же называлась? Святое. (Евр. 9, 2). А что такое наша скинія? Какъ называется она у враговъ благодати? Конечно, она много лучше той и священнѣе. Что же иное можно сказать, какъ не то, что различіе ходатаевъ въ достоинствѣ столь же велико, сколь велико различіе истины отъ образовъ и тѣни? Какъ же наша скинія именуется ими? Не святою, о богохульство, но скверною и нечистою, имѣющею не *оправданія служенія*, а мерзости идолослуженія.

Такова дерзость богоборныхъ языковъ: они не оказываютъ благодати почтенія даже равнаго закону, но считаютъ ее постыдною и мерзкою, хотя тамъ ходатаемъ и служителемъ былъ рабъ и слуга Моисей, а здѣсь Владыка Моисея и Господь всяческихъ, служитель святости и скинии истинной, которую *воздвигъ* Богъ, а не человѣкъ. И Тотъ, Кто тамъ, законодательствовалъ, какъ Богъ, здѣсь Онъ же ходатайствуетъ, какъ человѣкъ и содѣлавшись подобнымъ намъ. Тамъ первосвященникъ—Ааронъ съ потомками своими, а здѣсь самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, первый и великій Архіерей, по исповѣданію нашему и вѣрѣ нашей. И свѣтильникъ тамъ, сдѣланный изъ золота, свѣтилъ людямъ, жившимъ еще подъ закономъ и сѣнію; здѣсь же свѣтъ истинный, грядущій въ міръ, который преслѣдуется тьмою, но не осиливается ею. Онъ освящаетъ каждого человѣка, грядущаго въ міръ, и осіяваетъ ходящихъ во свѣтъ и

блистаніи благодати. Трапеза тамъ была сдѣлана изъ негнющаго дерева и покрыта чистымъ золотомъ; здѣсь же она устрояется изъ самаго драгоцѣннаго у насъ вещества, освящается самою божественною жертвою, украшается Духомъ Святымъ и на ней совершаются таинства богослуженія въ духѣ и истинѣ. И каждый вѣрующій можетъ содѣлать духовную трапезу изъ своего сердца, тщательно омывъ и очистивъ его, дабы оно могло свято принимать приходящее Слово, Которое духовно на ней возлежитъ и таинственно потребляется. Тамъ прѣсный хлѣбъ съ горькими травами, приправленный травою какъ бы соу-сомъ какимъ, употребляется тѣми, коимъ было повелѣно вкушать травы во время прообразовательной пасхи. Здѣсь же снисшедшее съ неба Слово даруетъ людямъ пищу, сообщающую безсмертіе, чрезъ которую они получаютъ жизнь вѣчную. Оно заквасило въ Себѣ тѣсто наше и непреложно смѣшало его съ блескомъ Своего божества. Тамъ приносились въ жертву безсловесныя животныя, кровь которыхъ текла вокругъ присутствующихъ и окропляла ихъ въ освященіе и очищеніе тѣла, причемъ приносившимъ въ жертву быковъ или овецъ назначались (отъ жертвъ) части въ знакъ оправданія. Здѣсь же за насъ закалается славная жертва, честною и безцѣнною кровію, которой мы запечатлѣваемся и очищаемся отъ всякой скверны и всякой нечистоты какъ души такъ и тѣла.

И такъ, если символы святы, то развѣ не тѣмъ болѣе священны и святы самыя вещи, которыхъ символами они служатъ? Но такъ какъ безумцы эти не поняли и не могутъ сказать: „какое общеніе Христа съ веліаромъ или свѣта со тьмою, или какое единеніе храма Божія съ идолами (ибо они не заботятся

о чистотѣ вѣры нашей, о правотѣ преданныхъ намъ отцами догматовъ и объ изслѣдованіи священнаго Писанія), то они и не боятся врачевнику нашу (храмъ) называть идольскимъ капищемъ.

Но возвратимся снова къ скинии.

За второю завѣсою, говоритъ Апостолъ, была скинія, въ которой, кромѣ другихъ святынь, находились ковчегъ завѣта и очистилище, сдѣланныя изъ негнющихъ деревъ и обложенныя чистымъ золотомъ. Это (отдѣленіе скинии) называлось святое святыхъ. (Евр. 9, 3—4). Наша же скинія святѣе и божественнѣе Святаго святыхъ. Въ качествѣ ковчега она имѣетъ пресвятое и животворящее тѣло Спасителя нашего Христа, прообразно предуказуемое ковчегомъ въ его негнющихъ деревьяхъ, которыми какъ бы въ сѣни обозначается его безгрѣшность и преобразуемость къ нетлѣнію и безстрастію, когда силою соединившагося съ нимъ Слова, упразднившаго смерть и уничтожившаго тлѣніе, Оно, посѣтивъ страны ада, явилось выше смерти, и, побывавъ въ тлѣнныхъ мѣстахъ, пріяло славу нетлѣнія.

Какъ бы золотомъ блестящимъ Оно покрыто и осіяно существенно соединеннымъ съ нимъ божествомъ. Также и очистилищемъ для насъ Богъ Отецъ содѣлалъ самого Христа, ибо Онъ есть очищеніе наше (1 Іоан. 2, 2) и Отецъ такъ возлюбилъ насъ, что послалъ Сына Своего для очищенія грѣховъ нашихъ (1 Іоан. 4, 10). Но что все это въ глазахъ людей съ извращенною мыслию и по причинѣ грѣховъ умершихъ по душѣ? Почтеніе часто слѣдуетъ оказывать со страхомъ и трепетомъ соединеннымъ молчаніемъ по отношенію къ святымъ. А эти пусть вопятъ съ обычною и пріятною имъ дерзостію.

Но здѣсь, какъ я думаю, надо признать благовре-

меннымъ замедлить слово, хотя бы нѣкоторымъ это и могло показаться отступленіемъ, — и поразсудить немного о томъ, что было въ скиніи, дабы это послужило въ обличеніе невѣжества и нечестія безумцевъ, а вѣрнымъ истинѣ въ подкрѣпленіе.

70. Апостолъ говоритъ, что надъ ковчегомъ были херувимы славы, осѣняющіе очистилище (Евр. 9, 5). Но на это да позволено будетъ высказать предъ Апостоломъ такое недоумѣніе: „что говоришь, Павле? Херувимы ли это? Что мы знаемъ о нихъ? Вѣдь изъ всѣхъ блаженныхъ и пренебесныхъ круговъ они получили отъ Бога самый первый и ближайшій къ Нему чинъ и удѣлъ, дабы достойно и праведно воздавалась имъ дань прославленія, какъ существамъ, ближайшимъ Богу и потому первымъ отъ Него осіяваемымъ и украшаемымъ невещественнымъ и премірнымъ свѣтомъ? Вѣдь этого сказать ты не можешь (о херувимахъ ковчега). Что же это были? Соболаговоли изречь ясно и сдѣлай возможно точное разъясненіе о нихъ, возведя, сколь доступно намъ, грубую, плотяную и долу обращенную мысль нашу къ тѣмъ простымъ и божественнымъ созерцаніямъ, отъ которыхъ тебѣ было сообщено таинственное восхищеніе и восхожденіе до третьяго неба. Можетъ быть, тебѣ было показано нѣчто болѣе святое и высокое, чѣмъ Моисею, что ты оставилъ въ просвѣщеніе богомудрымъ ученикамъ твоимъ для божественнѣйшаго наученія тѣхъ, которые способны вмѣстить такое знаніе? Ты скажешь, безъ сомнѣнія, какъ это мы хорошо знаемъ, именно то, что божественные Херувимы по природѣ существуютъ безвидными и что они не могутъ быть видимы для человѣческой природы. Однакожь они суть силы безтѣлесныя и пресвятыя, окружающія Бога и первыми отъ Бога осіяваемыя

слуги перваго свѣта, чистѣйшіе духи, или какъ бы огонь невещественный и безтѣлесный. *Творяй*, сказано, *ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Ис. 103, 4. Евр. 1, 7). Это говорится вообще и одинаково о всѣхъ небесныхъ силахъ, кои по благодати Творца получили безсмертіе и нетлѣнность своей природы. Тѣ же Херувимы, которые находились надъ ковчегомъ и тѣнію своихъ крыльевъ покрывали очищенное, суть вещественны по своей сущности и тѣлесны. Они были сдѣланы изъ чистаго золота, чеканные и кованные, прекрасно устроенные человѣческими руками съ высокимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла, выдѣланные изъ самыхъ лучшихъ и пригодныхъ кусковъ золота, почему они и представляются въ разныхъ видахъ.

Прибавъ къ этому, для полноты и стройности разсужденія, что тѣ херувимы, которымъ это имя прилагается въ собственномъ смыслѣ, суть духовныя и умственные сущности, отъ пресущной и всезидательной Причины получившія вѣчную и духовную жизнь, усвоивъ ее вмѣстѣ съ своею разумно-духовною сущностію,—силы духовныя и энергіи ипостасныя, премірныя умы, невещественныя, безстрастные и безтѣлесныя, преестественно разумѣвающіе все, осіяваемое Богомъ, просто и единообразно, все вмѣстѣ и непосредственнымъ созерцаніемъ. Предано также, что они многоочити, ибо обращены къ Богу и непосредственно созерцаютъ то, что имъ прямо отъ Бога открывается, такъ какъ они выше всякаго образа и вида и не причастны имъ. Какъ не матеріальные и безтѣлесныя, они безпространственны и неосязаемы, не измѣримы количественно, по величинѣ и качественно, и вслѣдствіе этого чужды тлѣнія и совершенно свободны отъ всякаго измѣненія. Стоявшіе же

въ скиніи, сдѣланные изъ золота херувимы, не суть умы, ни духовны, не имѣютъ ни ума, ни чувствъ, ни суть что либо подобное. Они совершенно лишены жизни, всякой силы и способности къ дѣйствію, тѣлесны и вещественны, хотя бы это и былъ чистѣйшій и блестящій металлъ. Будучи тѣлами и состоя изъ матеріи и формы, они естественно имѣли образъ и видъ, почему и не оказались свободными отъ уничтоженія и измѣненія. Такъ какъ они имѣютъ троякое измѣреніе, то они количественны и воспринимаются по ихъ величинѣ и количеству. Кромѣ того святѣйшимъ херувимамъ присуще движеніе: они приходятъ въ движеніе, когда дѣйствуютъ мыслію, они постоянно и непрерывно наполняются любовью къ Богу, непреодолимо тяготѣютъ къ Богу и не посредственно и прежде всѣхъ воспринимаютъ сіяніе божественнаго свѣта. Они приближаются другъ къ другу, не сливаясь, и удаляются, приходятъ къ тому, что подчинено имъ, ради промысленія и благодѣтельствованія. Они содѣйствуютъ тѣмъ, кои нуждаются въ нихъ, руководствуютъ и направляютъ ихъ къ божественному и возвышенному. Впрочемъ они обладаютъ и постоянствомъ, будучи тверды и неизмѣнно обращены къ Богу, не отступаютъ отъ своего богоподобнаго состоянія и постоянства, но пребываютъ и обращаются въ одномъ и томъ же положеніи вѣчнаго блаженства. Этимъ же вещественнымъ херувимамъ не присуще движеніе, у нихъ нѣтъ жизни, ни ума, ни чувства, нѣтъ ни склонностей, ни стремленій, ни желаній. Они не перемѣняютъ мѣста, не двигаются и для движенія нуждаются въ помощи другихъ. Они стоятъ тамъ, гдѣ поставлены и устроены, и свое мѣсто занимаютъ не сами собою: они бездушны и безчувственны и нуждаются въ человѣкѣ, который

бы поставилъ и укрѣпилъ ихъ, гдѣ захочетъ. Затѣмъ, истинные херувимы обладаютъ рѣчью, такъ какъ они существа словесныя. Рѣчь ихъ не подобна нашей, которая при посредствѣ голосовыхъ органовъ исходитъ отъ свойственнаго намъ жизнетворнаго дыханія, образуется отъ колебаній воздуха и чувственно воспринимается слушающими. Такъ какъ они обращаются другъ съ другомъ, какъ существа нематеріальныя, несложныя, простыя и безтѣлесныя и знаютъ помышленія другъ друга, то они и сообщаются другъ съ другомъ при посредствѣ молчаливаго слова, которое (для нихъ) понятнѣе всякой внѣшней рѣчи. Эти же херувимы, сдѣланные изъ золота и матеріала бездушнаго и безсловеснаго, суть и безсловесны, и неразумно заводить рѣчь объ ихъ рѣчи. Тѣ, будучи причастниками обильнаго богоначальнаго свѣтоизліянія, насколько возможно, подражаютъ божественному образу и подобію и стремятся умопостигаемо и премірно къ уподобленію божественному первообразу. Эти же получаютъ блескъ, свойственный только матеріи, и имѣютъ образъ, несходный съ первообразомъ. У тѣхъ самое имя показываетъ полноту вѣдѣнія, его неоскудѣваемость и преизобиліе въ нихъ мудрости по причинѣ обильнаго и неизсякаемаго свѣтоизліянія. Вслѣдствіе сего имъ присуща способность созерцанія, они богоподобно устремляются на высоту всякаго превышняго созерцанія и знанія и всегда наполнены божественнымъ и чуднымъ свѣтомъ. Посему то имъ сначала возсіяваетъ откровеніе мудрыхъ словесъ, исходящихъ отъ Божественнаго Начала на благопромышленіе. Будучи, насколько это возможно, причастниками божественнаго вѣдѣнія, они сверхъестественно познаютъ многія божественныя и превышнія тайны, пищей для нихъ служить сіяніе простаго и блаженнаго свѣтоявленія, ко-

торое ближе и первѣе всего изливается на нихъ изъ лучей Верховнаго Свѣта. И такимъ образомъ они, какъ богоподобнѣйшіе, удостоиваются чиноначалія, высшаго всѣхъ премірныхъ умовъ. По той же причинѣ они, будучи первѣе всѣхъ удостоиваемы Богоначальною Сверхсущностію причастія богословскаго вѣдѣнія, передають его стоящимъ ниже ихъ существамъ. Такимъ образомъ они суть провѣщатели божественнаго молчанія, являющіе собою неизреченность сверхсущной тайны, и непрестанно и немолчно воспѣвають благодать Божию священною и трисвятою пѣснію. Эти же (херувимы) носятъ только одно названіе, но не имѣють участія ни въ откровеніи, ни въ вѣдѣніи, ни во всемъ другомъ, о чемъ сказано выше. Кромѣ того тѣ суть образы богоначалія, являющіе собою тайный и невидимый свѣтъ, уподобляющіеся, насколько то возможно, божественному и боговидно воспріемлющіе въ себя все сіяніе божественнаго свѣта, слѣдовательно, общники того, чѣмъ является въ своемъ существѣ то, чего они приобщаются. Они суть второй свѣтъ, человѣколюбивый и благодатный, пречистое и нескверное сіяніе перваго свѣта, благоприлично представляющіе подобіе перваго свѣтоноснаго божественнаго образа. Они познають также не только духовное въ себѣ самихъ, но и чувственное, впрочемъ не чувственно, а духовно, по особому наставленію присущей имъ божественной силы, познавая не вещественно и мысленно. Эти же, сдѣланные изъ золота, суть слабые и несходные образы образовъ, весьма различающіеся отъ представляемаго ими первообраза. И ничего они не знаютъ, ибо какъ могутъ они знать, будучи таковыми, хотя, какъ тщательно вычеканенные и высѣченные, они и издають яркій блескъ и сильное сіяніе. И такъ, почему же и ради

чего ты называешь ихъ херувимами, хотя они никоимъ образомъ не причастны по существу премірнымъ силамъ?

Это, повторю, не моя рѣчь, и не мною первымъ такое названіе придумано и къ нимъ приложено. Это гласъ боговидца и законодателя Моисея, древле возвѣщенный, имѣющій за себя древнее свидѣтельство Священнаго Писанія и потому достопріемлемый. Если нужно говорить точнѣе, то это гласъ самого Бога, повелѣвающаго Своему рабу, когда Онъ начертывалъ и показывалъ ему планъ древней скиніи, поелику скинія имѣла нѣсколько слабыхъ подобій и изображеній небесныхъ и высшихъ чиновъ, представленныхъ въ фигурахъ, ибо *виждь*, говоритъ, *да сотвориши по образу показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 25, 40). Это для того, чтобы Богъ всяческихъ былъ представляемъ и какъ Господь херувимовъ. И какъ они, будучи непосредственно и прежде всѣхъ просвѣщаемы, выполняютъ служенія въ небесныхъ обителяхъ и благодѣтельныя распоряженія божественнаго промысла передаютъ стоящимъ ниже ихъ, такъ это же по снисхожденію Божію подражательно устроится и для живущихъ на землѣ тѣми, которые уподоблены имъ. Посему и законодателю повелѣвается устроить ихъ съ возможнымъ тщаніемъ, ибо удостоившійся богозрѣнія отсюда получалъ божественныя откровенія, такъ какъ ему было поручено служить и пешись о народъ, ввѣрено было руководительство и власть надъ нимъ. Поэтому и записано въ распоряженіяхъ относительно ковчега завѣта въ священной книгѣ, именуемой *Исходъ сыновъ Израилевыхъ*, что Богъ повелѣлъ такъ: *да сотвориши очистилище покровъ отъ злата чиста: двою локтей и полъ въ долготу локтя же и полъ въ широту. И сотвориши два херувима злата*

изваянна, и возложиши я отъ обоихъ странъ очистилища. Да сотворятся херувимы, единъ отъ страны сея, и другій отъ страны другія очистилища: и сотвориши два херувима на обоихъ странахъ. Да будутъ херувими распростирающе крила верху, соосѣняюще крилами своими надъ очистилищемъ, и лица ихъ ко другъ другу, на очистилище будутъ лица херувимска. И да возложиши очистилище на кивотъ верху, и въ кивотъ вложиши свидѣнія, яже далъ тебѣ. И познавъ буду тебѣ сттуду, и возглаголю тебѣ сверху очистилища между двѣма херувими, иже суть надъ кивотомъ свидѣнія, и по всѣмъ елика аще заповѣда тебѣ къ сынамъ Израилевымъ (Исх. 25, 17 — 23). Глухіе пусть откроютъ слухъ свой и неразумные пусть приложатъ умъ свой: это слова и велѣнія Бога. И не могутъ сказать, что это было дѣло Моисея, человѣческое измышленіе, созданіе нашего искусства, ибо Богъ узаконяетъ, Богъ повелѣваетъ. Кто усумнится въ этомъ? Пусть смотрятъ: здѣсь нѣтъ ничего загадочнаго, неяснаго, скрытаго, аллегорическаго: этихъ бездушныхъ, безчувственныхъ, совершенно неподвижныхъ, устроенныхъ изъ бездушной и безсловесной матеріи, отличающихся только блескомъ и сіяніемъ по виду, чистотою матеріала и искусствомъ художника, Богъ всяческихъ удостоилъ названія, одинаковаго съ названіемъ свѣтѣйшихъ херувимовъ, живыхъ, дѣятельныхъ и всегда подвижныхъ силъ. Не иконами херувимовъ, не подобіями, не изображеніями, но пользуясь однимъ и тѣмъ же именемъ, Богъ, отдавая повелѣнія, нарекъ ихъ чистымъ и яснымъ названіемъ херувимовъ. Да устыдитъ упрямыхъ и не покоряющихся истинѣ то, что здѣсь имя херувимовъ употреблено и произнесено семь разъ—число, считающееся священнымъ въ боговдохновенномъ Писаніи,—дабы и величіе Возвѣстив-

шаго и священный характеръ этого числа сдѣлалъ это безспорнымъ, дабы также если безбожники будутъ отвергать обычаи христіанскіе и подражать Іудеямъ, они представлялись болѣе невѣрными и упорными, чѣмъ послѣдніе, ибо Іудеи никогда не дерзали безчестить херувимовъ именемъ идоловъ, хотя часто, забывъ божественную религію, они заблуждались и служили идоламъ. Они были для нихъ честными, покланяемыми и почитаемыми, настолько чтимыми, что никто изъ простыхъ людей по страху и благоговѣнію не входилъ во святое святыхъ. Только въ первую часть скиніи входили священники для совершенія богослуженія, ибо эта часть была открыта и доступна для многихъ. Слѣдовавшая же за нею часть, не была ни для кого доступна и прикосновенна, за исключеніемъ только одного раза въ годъ, когда первосвященнику дозволено было входить въ нее для совершенія предписаннаго закономъ.

И такъ, пресвятыя силы изображаются по божественному повелѣнію; распростертыя надъ кивотомъ золотыя изображенія получаютъ одно и тоже имя съ святыми первообразами; совершенно сообразно съ истиной предлагаются образы неизобразимыхъ, начертанія не начертаемыхъ. Согласно съ богомудрыми отцами нашими, славными вождями церкви, слѣдуетъ утверждать, что такъ какъ мысль наша не въ состояніи подняться до непосредственнаго духовнаго созерцанія и нуждается въ свойственныхъ ей естественныхъ пособіяхъ, которыя дѣлаютъ доступными намъ образы безобразныхъ и сверхестественныхъ созерцаній, то это есть дѣло божественной благодати и отеческаго попеченія, что блаженныя пренебесныя силы являются предъ нами въ изобразимыхъ символахъ, которые возводятъ умъ нашъ, нуждающійся въ вещественной

помощи, къ подражанію, насколько возможно, и созерцанію ихъ свойствъ.

„Но, скажутъ, допустимъ, что херувимы скииніи получили свое названіе отъ Бога; почему же надо усвоить имъ и соотвѣтствующую славу? Потому прежде всего, что это есть повелѣніе Божіе. А что повелѣваетъ и дѣлаетъ Богъ, то достойно почтенія, ибо ничто праздно и тщетно отъ Него не исходитъ. Разумѣть это можно изъ исторіи творенія: *и видѣ Богъ, говоритъ бытописатель, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Затѣмъ, развѣ не славно то, въ чемъ открывается и познается Богъ? Что славнѣе божественнаго пребыванія или тѣхъ мѣстъ, въ коихъ Онъ въ цѣляхъ промысленія обитаетъ? Откуда слава горы Синая, и страхъ, и запрещеніе приступать къ ней? Почему Моисей, касаясь божественной земли, слышалъ: *мѣсто бо, на немъ же ты стоишь, земля свята есть* (Исх. 3, 5). Ему было повелѣно отрѣшиться отъ всего земнаго и плотскаго, что показываетъ между прочимъ и снятіе сапогъ.

71. Почему, опуская другое, досточтимыя мѣста въ Іерусалимѣ, въ которыхъ Спаситель совершалъ великія и божественныя дѣла и за насъ претерпѣлъ страданія, для всѣхъ любезны и дороги? А что имя, прилагаемое къ какимъ-либо вещамъ, можетъ передавать славу свою и благодать, объ этомъ мы узнаемъ отъ Господа, Который говоритъ въ Евангеліи: *пріемляй пророка, во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ: и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику пріиметъ. И иже аще напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Мѡ. 10, 41). Такъ и херувимы, раздѣляя имя херувимовъ небесныхъ, приобщаются славѣ ихъ. Пусть познаютъ

эти невѣжды и неразумцы ту благодать и силу, какія получаютъ отъ имени нарекаемые имъ, ибо и наши божественные храмы и дома, какъ посвященные Богу, носятъ имя Его; о чемъ также свидѣтельствуется приуроченная къ каждому изъ нихъ память какого-либо изъ святыхъ. Слѣдуетъ замѣтить также и то, что если херувимы, поставленные въ менѣе важномъ мѣстѣ, т. е. въ первой части скинии, назывались святыми, то въ сколь лучшемъ мѣстѣ пребывали и большей славы достойны тѣ, которые были помѣщены и сопричислены къ важнѣйшей части скинии, называвшейся *святое святыхъ*? Если же наследники позора станутъ противорѣчить и этому, то пусть же они утверждаютъ и то, что и лицо Моисея не было прославлено.

Кому же вѣрять? Моисею и Павлу, которые удостоились боговидѣнiя и которымъ ввѣрены тайны возвышеннаго богословія, или же этимъ, которые отъ нечистоты изрыгаютъ скверную и гнусную болтовню, преждевременные роды неразумныхъ звуковъ изъ фальшиваго ума? И если они не вѣрятъ Павлу, который такъ говоритъ объ этомъ, то они не христiане; а если не вѣрятъ Моисею, то и не Евреи; если же, наконецъ, не вѣрятъ и самому Богу, то они не язычники и не варвары, а гораздо нечестивѣе и безбожнѣе ихъ.

Это краткое изслѣдованіе о херувимахъ мы сдѣлали потому, что нѣкоторые изъ отступниковъ вѣры въ виду того, что православные принимаютъ ихъ въ качествѣ первообраза иконы Христа, уже не убоялись за одно съ иконами поносить и уничижать и ихъ, богоненавистно изливая ругательства и подвергая посмѣянiю и поношенiю установленiя Божiя. Итакъ, если изображенiя рабовъ Божіихъ, разумѣю херуви-

мовъ (ибо они у великаго Апостола и у всѣхъ православныхъ прославляются и называются рабами Божиими и тварями), то пусть скажутъ эти безумцы, какъ священное изображеніе Господа всяческихъ, который есть Господь и херувимовъ и обладаетъ всякою тварію, будетъ подвергаться пренебреженію или презрѣнію, а не удостоиваться, напротивъ, величайшей славы и почтенія? Какого порицанія заслуживаетъ тотъ, кто большаго лишаетъ подобающаго ему почтенія и не воздаетъ ему чести, приличествующей меньшему? Развѣ онъ не исполненъ крайней глупости? Это не могло придти на умъ даже неразумнымъ, обладающимъ нетвердымъ языкомъ и не умѣющимъ правильно говорить. Такого полного и крайняго поруганія не допустили бы и люди въ припадкѣ сильнаго умопомраченія.

Впрочемъ, божественные херувимы, будучи простыми и невещественными, безвидными и безобразными и поэтому безтѣлесными, не ограничиваются какимъ либо чувственнымъ пространствомъ, какъ безтѣлесные по природѣ, о чемъ ранѣе мы говорили. Если же иногда слышимъ, что Ангелы Божіи видимы тѣлесно, то ничего другого нельзя предполагать кромѣ того, что они въ такомъ видѣ исполняютъ порученное имъ служеніе въ отношеніи къ людямъ, и вслѣдствіе того, что природа ихъ намъ недоступна, они являются подѣ формою символическою. Потому и говорится, что они находятся въ пространствѣ: дѣлая предвѣщанія въ одномъ мѣстѣ, они не дѣйствуютъ въ другомъ, ибо вездѣприсутствіе есть свойство одной только божеской и непостижимой природы. Это не мѣшаетъ ангеламъ быть безтѣлесными. Нельзя также думать, что образы звѣрей или скотовъ или крылья птицъ выражаютъ существо премірныхъ силъ. И однако

по божественному велѣнію, ибо этого желаетъ Богъ, въ очахъ Коего все легко и возможно, они такъ описывались и изображались.

А Христосъ Богъ нашъ, облекшійся въ нищету нашу, принявшій эту грубую, вещественную и земную плоть, усвоившій Себѣ зракъ раба, смертную, описуемую и ограниченную природу,—почему Онъ не можетъ быть изобразимъ и описуемъ? Поскольку Онъ содѣлался человѣкомъ, подобнымъ намъ, былъ видимъ людямъ во плоти и обращался съ нами, Онъ пишется и изображается, приче́мъ совершенно не вообразимо, чтобы разъ соединенная съ Нимъ ипостасно плоть при ея описаніи могла отдѣляться и разлучаться отъ Божества, сколько бы ни болтали безумцы. Что могло бы вызвать это (раздѣленіе)? Никоемъ образомъ не можетъ быть доказано, что это раздѣленіе естественно. Или нужно допустить, что и Слово страдало во время страданій плоти, было обрѣзано при ея обрѣзаніи, умерло съ нею и вслѣдствіе единенія претерпѣло все, что свойственно страстной и смертной природѣ—но что неразумнѣе и нечестивѣе этого? Или пусть признають, что Имъ было воспринято естество, отличное отъ нашего, дабы для нихъ, какъ не имѣющихъ ни въ чемъ съ Нимъ общенія, спасеніе стало не мыслимымъ и не допустимымъ. Или же безумцы пусть утверждаютъ, что воплощеніе было призрачнымъ и кажущимся согласно бреднямъ Манихеевъ, которымъ они слѣдуютъ, такимъ образомъ совершенно его отменяя. И такъ, что же? Развѣ не у всѣхъ православныхъ христіанъ отъ начала богоявленія и спасительнаго воплощенія Христосъ пишется и изображается, какъ это показываютъ дѣйствительность и сама истина? Свидѣтельствуетъ объ этомъ также и долгота прошедшаго времени и без-

численное множество изображавшихъ и изображаемыхъ, весьма благочестиво и благоприлично выставляемыхъ предъ глазами всѣхъ, ясно въ слухъ всѣхъ взывая о благодати Спасителя, проявленной въ отношеніи къ намъ, разъясняя тайну воплощенія и снисшествія, научая не менѣе, чѣмъ святое евангеліе, проповѣдуя достославныя дѣянія святыхъ и дивныя ихъ подвиги и открыто посрамляя упорство и невѣріе отмечающихъ это. *Ибо вся права разумѣвающимъ, и права обрѣтающимъ разумъ* (Притч. 8, 9). И кто настолько жалокъ, тупъ умомъ и неразуменъ, чтобы противиться столь ясной истинѣ? Почему же начертаніе, получившее такое названіе (иконы Христа), недостойно почитанія и прославленія? Ничего нѣтъ несообразнаго въ томъ, чтобы это называть Христомъ, какъ и тѣ херувимами. Какая причина препятствуетъ икону называть такъ? На ней взирающіе читаютъ имя Христосъ, она имѣетъ подобіе вида Его, насколько рука живописца подчиняется его таланту и средствамъ изобразительнаго искусства. У насъ должны, согласно апостольскому слову, почитаться даже золотые херувимы, о коихъ здѣсь должна закончиться наша краткая и ограниченная рѣчь. Но она бодро и рѣшительно будетъ продолжена о тѣхъ невѣждахъ. Можно поистинѣ удивляться глубинѣ ихъ неразумія и глупости, ибо ни сама природа вещей и очевидность, ни согласное признаніе всѣхъ, ни отсутствіе въ общемъ мнѣніи сомнѣнія не убѣдили ихъ принять должное. Если бы они были причастны правому ученію, и могли отказаться отъ упорства невѣжества, то должны были бы изъ ясныхъ откровеній и изъ того, что доступно чувствамъ всѣхъ, размысливъ о дѣлѣ, познать истину и усвоить правду. И какъ простые рисунки, согласно съ тѣмъ, что мы

наблюдаемъ, много ниже не только первообразовъ, но и цвѣтныхъ изображеній, испещренныхъ яркими красками, такъ если мы въ соотвѣтствіе съ этимъ и пользуясь аналогіей, уразумѣемъ, что херувимы, созерцаемые только во внѣшнемъ образѣ и имѣющіе только тѣнь закона, а не самый образъ вещей, святы и достойны почитанія, согласно апостольскому ученію, то развѣ не заслуживаютъ тѣмъ большаго почитанія и прославленія наши святыни, которыя имѣютъ больше и содержатъ саму истину? Но эти безумцы не удостоиваютъ ихъ даже чести, равной съ тѣми. Они такъ далеки отъ усвоенія лучшаго и полезнаго, что неразумно стремятся къ усвоенію противнаго. Они подобны людямъ, которые въ глубокой темнотѣ идутъ неровной, крутой, усѣянной терніями и шипами дорогой, и которымъ приходится подвергаться безчисленнымъ опасностямъ, вызываемымъ паденіемъ отъ недосмотра, и тяжкимъ ушибамъ. Такъ и эти, попавъ во мракъ невѣрія и невѣжества, подвергнувъ себя преткновеніямъ клеветы и поношеній, которыми, какъ камнями, несчастные бросаютъ въ воплощеніе Спасителя, безъ сомнѣнія поранятъ острыми грѣха свои души, какъ ослѣпшіе для православнаго ученія.

72. Но престанемъ говорить о Моисеѣ и другихъ древнихъ. Теперь я перехожу къ изображеніямъ временъ гораздо позднѣйшихъ, къ порѣ наивысшей славы Іудеевъ. Храмъ Соломона былъ безъ сомнѣнія славенъ, какъ домъ Бога и дѣло Его воли. Какъ велико было то роскошное и славное сооруженіе мудраго и могущественнаго царя! И могло ли быть иначе съ предпріятіемъ Соломона. При щедрости, роскоши и громадныхъ издержкахъ онъ работалъ съ величайшимъ тщаніемъ для своей извѣстности и славы. По-

томъ по его разрушеніи былъ воздвигнуть другой, славою и великолѣпіемъ устройства превосходившій прочіе. Это удостовѣрить пророческое слово: *зане вѣлія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первая и на мѣстѣ семъ дамъ миръ, глаголетъ Господь Вседержитель, и миръ души въ снабдѣніе души всякому зиждущему еже возставити церковь сію* (Агг. 2, 10). Такими словами научаеъ насъ божественный пророкъ, пользуясь сравнительнымъ оборотомъ рѣчи и подтверждая въ тоже время, что и перваго храма строеніе было замѣчательно. Такъ какъ древній народъ Израильскій впалъ въ безуміе и согрѣшилъ противъ Творца и благодѣтеля Бога, забывъ данныя ему чрезъ Моисея заповѣди, жизнь беззаконную и противную Богу предпочетши жизни по закону, то онъ оскорбилъ божественную правду и поэтому понесъ тяжесть небеснаго гнѣва и наказаніе за грѣхи. Непріятели, нападавъ въ разныя времена, расхищали ихъ города и населеніе. Такимъ образомъ подпавъ подъ власть враговъ варваровъ, удаленные отъ отеческихъ обычаевъ, они плѣнными принуждены были жить на чужбинѣ. Послѣднее наказаніе они понесли, когда пришли Вавилоняне и столь достославный городъ послѣ осады былъ опустошенъ, великолѣпныя и прекрасныя постройки сдѣлались добычею варварскаго огня, царскіе дворцы и знаменитый храмъ Соломона погибли, а святыни ихъ были расхищены нечистыми руками враговъ. Но потомъ плѣнные, взысканные божественнымъ челоуѣколюбіемъ и выполнивъ свыше опредѣленное для нихъ время плѣненія, избавились отъ оковъ, получили свободу, возвратились въ отеческую землю и согласно прежнимъ о нихъ пророчествамъ стали имѣть своихъ вождей и начальниковъ. Въ это время предводительствоваѣли народомъ Зарававель,

сынъ Салаѳіиля, и Іисусъ, сынъ Іоседека, называвшійся великимъ первосвященникомъ. Тогда имъ Богомъ чрезъ пророка повелѣно было со всякимъ усердіемъ и поспѣшностію обновить и возстановить городъ и построить храмъ. И тотчасъ безъ промедленія повелѣніе стало выполняться, чему благопріятствовало время, щедрые дары Персовъ, а также содѣйствовалъ и трудъ работавшихъ надъ постройкой, которые только недавно возвратились въ отеческую дорогую землю. Храмъ такимъ образомъ былъ законченъ, и, будучи единственнымъ, онъ вызывалъ удивленіе. Къ нему стекались отовсюду Іудеи, приносили въ немъ жертвы и культъ всей религіи сосредоточивался въ немъ, ибо такъ повелѣлъ законъ Моисея. Въ немъ совершалось закланіе безсловесныхъ животныхъ, пролитіе крови, очищеніе окропленіемъ, очищеніе осквернившихся пепломъ телицы, ибо служили грубой буквѣ и не обращали тогда вниманія на духовное созерцаніе. И тѣмъ не менѣе храмъ былъ прославляемъ.

73. Теперь опять посмотримъ на наши храмы, каковы они, въ какомъ состояніи и какъ на нихъ смотрятъ враги истины. Съ наступленіемъ времени, когда явилась Божественная благодать Спасителя нашего Христа, когда распинателями былъ разрушенъ Храмъ святѣйшій святыхъ и послѣ трехъ дней возсталъ снова, когда была достигнута цѣль божественнаго домостроительства, когда прошло древнее и пришло новое, миновала тѣнь и явилась истина (ибо то все было ея образомъ), съ того времени упраздняется храмъ, прекращается слава, кончается служеніе, перестаетъ законъ жертвъ, минули приношенія безсловесныхъ животныхъ, остановилось пролитіе крови, уничтожился запахъ дыма и тука и, говоря вообще, все древнее обветшало и устарѣло. А извѣстно, къ

чему идетъ то, что ветшаетъ и старѣетъ. Все это смолкаетъ и упраздняется, когда закалается новая Жертва, вводимая вмѣсто всѣхъ и за все, и когда проливается драгоцѣнная кровь Пречистаго Агнца за спасеніе всѣхъ. Но если упраздняемое исполнено славы, то послѣдовавшее за возсіявшей благодатію и истиной, которая отмѣнила ветхое, развѣ не превосходитъ и не преисполнено гораздо большей славы и чести? Однакожь начальники идольскаго бѣснованія, водимые заблужденіемъ и ожесточеніемъ, по своему тупоумію не думаютъ сравнивать эти съ тѣми, а напротивъ, блуждая, удаляются отъ истины и, неразумно толкая самихъ себя, приходятъ къ своему излюбленному заблужденію. Вѣдь храмы есть и у насъ, — что же сказать о нихъ? Они такъ же многочисленны, какъ и велики. Изъ нихъ нѣкоторые по великолѣпію и величинѣ превосходятъ тотъ древній храмъ. О семъ свидѣтельствуется то, что находится предъ глазами въ неисчислимомъ количествѣ во всей вселенной. Если бы кто пожелалъ обнять множество ихъ числомъ, то увидѣлъ бы, что онъ считаетъ песокъ морской или слѣдитъ за вздымающимися волнами. А сколь обильно и богато блещутъ они благодатію и святостію, въ этомъ отношеніи ихъ совсѣмъ нельзя сопоставлять съ тѣмъ древнимъ храмомъ. За это говоритъ настоящее положеніе дѣлъ. Но эти такъ совсѣмъ и не уразумѣли божественнаго, преславнаго и предивнаго. Почему же и какимъ образомъ? Потому, что они не различаютъ святаго отъ сквернаго, не понимаютъ, что нѣтъ никакого соприкосновенія храма Божія съ идолами и нѣтъ общенія свѣта со тьмою. Вслѣдствіе этого они облекшись въ неправду и нечестіе, *помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ: неправду въ высоту глаголаша* (Пс. 72, 8), безславно стра-

даютъ отъ жажды мірскихъ наслажденій и неразумно болтаютъ языкомъ въ пользу идоловъ. Разъ закрывъ уши для всего добраго, они не выносятъ слушать и Евангельскія реченія, которыми укорялъ Спаситель фарисеевъ, обвинявшихъ божественныхъ учениковъ въ несоблюденіи закона, говоря: *или нѣсте чли въ законѣ, яко въ субботы священницы въ церкви субботы скверняютъ, и не повинни суть? глаголю же вамъ: яко церкви болѣе есть здѣ* (Мѣ. 12, 5—6). И затѣмъ: говорю вамъ, что и *мужіе Ниневитстїи востанутъ на судъ съ родомъ симъ, и осудятъ его: яко покаяшася проповѣдью Іониною: и се болѣ Іоны здѣ. Царица Южская встанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ и: яко прииде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломону: и се болѣ Соломона здѣ* (Мѣ. 12, 41—42).

74. Прежде всего нужно замѣтить, что слова *болѣ здѣ*, употребленныя въ каждомъ изъ приведенныхъ выраженій, обозначаютъ не мѣсто, но показываютъ, на сколько новое, устроенное Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, превосходитъ, превышаетъ, заключаетъ въ себѣ несравненно больше того, что было удивительнаго въ храмѣ временъ Соломона и другихъ древнихъ, и своими дѣйствительными преимуществами далеко возвышается надъ тѣмъ, о превосходности чего и отмѣнности часто говорилось. Въдѣ чрезъ это намъ преданы божественныя тайны воплощенія, людямъ открываются небесныя обители, является благодать сыноположенія, царство небесное входитъ внутрь насъ, отовсюду отгоняется идольскій и бѣсовскій обманъ. И что еще?—Богъ обитаетъ съ людьми. Что можетъ быть болѣе и выше этого? А если кто помыслить о мѣстѣ, то что лучше и божественнѣе того мѣста, гдѣ Богъ во плоти является? Ничего подобнаго не было въ древности. Но хотя

это и такъ и, можно сказать, дивнѣе дивнаго, однако не поддается исчисленію то, что и сколько измышляютъ и говорятъ теперь враги евангелія. Ну и пусть они открываютъ словесную брань противъ Бога, пусть осмѣиваютъ тайну воплощенія, пусть презираютъ и безчестятъ главизну нашего спасенія, услаждаются поношеніемъ, ибо души ихъ исполнены идольскаго заблужденія. Они достойно и справедливо будутъ именоваться *родомъ невѣрнымъ и прелюбодѣльнымъ*, какъ усвоившіе любезное и родственное имъ настроеніе и невѣріе фари́сейскаго безстыдства и неразумія. И если древнее и худшее было чтимо, то почему же наше новое не должно получить признанія преимущественнѣе и предпочтительнѣе и удостоиться того прославленія и почитанія, которымъ оно достойно пользуется со стороны правомыслящихъ? Достойно вниманія и то, что древній храмъ тотъ устроится по божественному повелѣнію; сами же возвратившіеся изъ плѣна нечестиво небрегли о немъ. Посмотримъ же, чѣмъ является въ очахъ Божіихъ тотъ древній, теперь развалившійся и сравнявшійся съ землею, храмъ. Онъ весьма укоряетъ ихъ за нерадѣніе о постройкѣ, обвиняетъ ихъ чрезъ пророка, понуждаетъ сильными угрозами. Что же именно говорилъ Онъ? Кажется, не лишне, опуская многое, припомнить немного. Написано такъ: *сего ради сѣе глаголетъ Господь Вседержитель: зане храмъ мой есть пущъ, вы же течете кійждо въ домъ свой. Сего ради удержится небо отъ росы, и земля оскудитъ изношенія своя. И наведу мечъ на землю, и на горы, на пшеницу, и на вино, и на елей и на вся, елика износитъ земля: и на человеки, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ. И слыша Зоровавель Салавіилевъ, отъ колѣна Іудова, и Іисусъ Іоседековъ, іерей великій, и вси прочіи людіе*

гласъ Господа Бога своего, и словеса Аггея пророка, яко посла его Господь Богъ къ нимъ, и убоишася людѣ отъ лица Господня. И рече Аггей въстникъ Господень въ въстницѣхъ Господнихъ людемъ глаголя: азъ есмь съ съ вами, глаголетъ Господь. И воздвиже Господь духъ Заровавеля Салавилева отъ колѣна Іудова, и духъ Іисуса Іоседекова іереа великаго, и духъ прочихъ всѣхъ людей, и внидоша, и творяху дѣла въ храмъ Господа Вседержителя (Агг. 1, 9—14).

Таковы угрозы древнимъ, которые не брегли о храмѣ,—таковы и обѣтованія усердно радѣвшимъ о немъ. А что же теперь будетъ съ тѣми, которые не только не радятъ строить, но усиливаются опустошать и разорять то, что благоприлично, красиво и благочестиво существуетъ,—и не одинъ храмъ, а безконечное и неисчислимое множество, и не храмъ, предоставленный кровавымъ жертвамъ, кажденіямъ и испеченнымъ хлѣбамъ, окуриваемый тукомъ и назначенный для рабствовавшихъ буквѣ, плотскимъ еще и преданнымъ земному, а храмы, благоухающіе духовнымъ служеніемъ и жертвами хвалы, пріятными Богу, назначенные для людей, водимыхъ Духомъ Божиимъ и прилежащихъ небесному. И если Богъ гнѣвается и угрожаетъ Іудеямъ, согрѣшившимъ въ меньшемъ, то развѣ Онъ не явится гнѣвнымъ мстителемъ за большіе грѣхи и преступленія и не подвергнетъ большимъ и тягчайшимъ наказаніямъ! Подобнымъ образомъ Богъ всяческихъ и чрезъ другихъ святыхъ пророковъ обличалъ нерадѣвшихъ о служеніи святого храма. Они даютъ понять, что (за это нерадѣніе) останавливается изліяніе облаковъ, земля дѣлается безплодной, поднимаются междоусобныя смятенія, угнетается насиліе, опустошаетъ мечъ, какъ это бываетъ во время смутъ и нашествія непріятеля.

Здѣсь приточное слово благовременно можетъ воскликнуть: *о веселящихся о злыхъ, и радующихся о развращеніи злыхъ* (Притч. 2, 14).

75. Обращаемся къ главной сторонѣ богоборнаго ученія. Въ чемъ состоитъ она? Господа славы Христа Бога нашего они лишаютъ достоинства Божества, явно отстраняютъ Его отъ отчей славы, оставляютъ только простымъ человѣкомъ, подобнымъ намъ, проповѣдуютъ, что божественное вочеловѣченіе не принесло намъ никакой пользы и спасенія, что мы не избавились отъ древней клятвы, не освободились отъ заблужденія и власти діавола, что мы одержимы прежнимъ обманомъ и доселѣ болѣемъ незнаніемъ Творца. Они снова впадаютъ въ такой мракъ нечестія, какъ скоро останавливаются на своей жалкой выдумкѣ о неописуемомъ, что, разъ уклонившись отъ спасительнаго исповѣданія, погрѣшаютъ въ тоже время противъ самой сущности вѣры. Одно изъ трехъ: Христосъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ, или не могъ спасти. Кто допускаетъ что-либо подобное, тотъ оскорбляетъ величіе божества. Если Онъ подпадаетъ подъ одно изъ этихъ трехъ условій, то Онъ не Богъ. Но это является оскорбленіемъ и богохульствомъ не только противъ Единороднаго, но послѣдовательно направляется и противъ самого Бога и Отца всяческихъ, а также и противъ Духа Святаго, ибо Тотъ благоволилъ спасительному снисшествію Слова, а Этотъ споспѣшествовалъ ему. Благоволеніе Отца такимъ образомъ осталось не достигшимъ цѣли, а содѣйствіе Духа не дѣйствительнымъ. Уничтожается также и апостольская проповѣдь. Величайшее безбожіе допустить это даже въ мысли, а не только исповѣдывать и учить.

76. Изъ многихъ нелѣпостей, которыя отсюда слѣ-

дуютъ (ибо это есть величайшее и чрезмѣрное нечестіе) мы отмѣтимъ немногія, опуская большинство. Если Онъ не умѣетъ спасать, то Онъ не могъ бы и вызвать къ бытію изъ несущаго. А если бы Онъ не вызвалъ, то Онъ не былъ бы благъ. И если бы Онъ не спасъ, то не долженъ былъ и вызывать къ бытію, ибо какая польза для вызываемаго къ бытію, если оно не спасается? Если же Онъ не благъ, то Онъ и не Богъ и не могъ бы быть чѣмъ либо другимъ, ибо вызывать къ бытію есть свойство благодати. Какимъ же образомъ Тотъ, Кто не можетъ спасать, избѣжить слабости невѣдѣнія? Или чѣмъ Онъ будетъ отличаться отъ тварей, если оказывается незнающимъ чего-либо? Онъ не только не будетъ Богомъ, но окажется ниже даже нѣкоторыхъ тварей, ибо пророки и многіе другіе благочестивые мужи относительно многаго изъ настоящаго и будущаго были просвѣщены *свыше*. И если Онъ не знаетъ, то будетъ конечно ниже ихъ. Если Сынъ Божій говоритъ Богу Отцу: *и моя вся твоя суть, и твоя моя: и прославихся въ нихъ* (Іоан. 17, 10), и если Онъ не знаетъ всего, то неизбѣжно, что и Отецъ не знаетъ всего, а это есть верхъ *недѣлности* и нечестія. Затѣмъ, лишенъ ли Онъ вѣдѣнія по природѣ, или кѣмъ либо? Если Онъ лишенъ вѣдѣнія насильственно кѣмъ-либо другимъ, то этотъ другой будетъ отважнѣе и сильнѣе Его. Если же Онъ не знаетъ по природѣ, то Онъ никогда и не узнаетъ, ибо качества, присущія по природѣ, существуя сами собою, не привходятъ извнѣ и не измѣняютъ природнаго, такъ какъ особенность природы состоитъ въ неизмѣняемости природныхъ свойствъ. Итакъ, надежда спасенія у нихъ погибаетъ, если не будетъ возложена на другого, ибо тотъ, кто не можетъ спасти теперь, не будетъ въ состояніи сдѣлать это и въ

будущемъ. Какъ же они останутся невинными и чистыми, разъ они впади въ безбожную ересь такъ называемыхъ агноэтовъ, которые учатъ, что Христосъ не знаетъ часа и дня кончины міра (Мѡ. 24, 36). О семъ Спаситель говорилъ божественнымъ ученикамъ для удостовѣренія Своего человѣческаго естества,—или же отклонялъ отвѣтъ потому, что имъ не было полезно слышать и знать объ этомъ, ибо они спрашивали сверхъ должнаго и хотѣли знать болѣе, чѣмъ могли вмѣстить,—или же мудро хотѣлъ показать Себя скорѣе не знающимъ, чѣмъ знающимъ и скрывающимъ, и тѣмъ опечалить (учениковъ),—или помышлялъ полезно и какъ Богъ о чемъ другомъ. Какъ Богъ, Слово и Премудрость, Онъ, конечно, зналъ все. Не удивительно, что слѣдуя во всемъ своимъ учителямъ Аріанамъ, они держатся и этихъ нечестивыхъ мыслей, ибо тѣ при прочихъ безбожныхъ измышленіяхъ обвиняли Христа въ невѣдѣніи.

77. Если же Онъ, будучи въ силахъ спасти, не хотѣлъ (этого сдѣлать), то они обвиняютъ Его въ порокѣ ненависти, гораздо болѣе тяжеломъ, чѣмъ первый. И какъ Онъ можетъ быть Богомъ, подвергаясь чему-либо? Вѣдь подвергаться чему-либо, значитъ измѣняться. Измѣненіе же состоитъ въ переживаніи Богомъ разныхъ состояній. Какимъ же образомъ можетъ быть Богомъ то, что измѣняется? Если же Онъ не восхотѣлъ спасать, то зачѣмъ вызывалъ къ бытію изъ несущаго? Онъ не долженъ былъ вызывать того, чего не хотѣлъ спасать. А если вызываетъ, но не спасаетъ, то, какъ бы раскаяваясь въ этомъ, Онъ оказывается противорѣчащимъ Самому Себѣ. Какъ же это возможно? И если вызывать къ бытію есть свойство блага, то и спасать также. Уничтожать же и погублять есть свойство не блага, а зла. Противоположность блага есть

зло. Не возможно, чтобы относительно одного и того же въ одно и тоже время имѣли силу противоположныя утвержденія. Какимъ же образомъ возможно въ Богѣ то, что не имѣетъ мѣста въ тваряхъ, ибо многимъ тварямъ благоугодно бываетъ и то и другое, т. е. какъ производить что-либо, такъ и заботиться объ этомъ и для спасенія и сохраненія этого употреблять свои заботы и силы. Такое предположеніе допустмо только въ томъ случаѣ, если они считаютъ Сына ниже тварей. И какъ Онъ можетъ быть названъ виновникомъ благъ, если не хочетъ первѣйшаго изъ благъ—спасенія? Затѣмъ, если Онъ не спасаетъ, то и не промышляетъ, ибо о чемъ бы Онъ сталъ промышлять, если не существуетъ спасаемаго? Промышленіе имѣетъ въ виду что-либо. Если же Онъ промышляетъ, не желая спасать, то Онъ самъ себѣ будетъ противорѣчить. Это будетъ тоже, что сказать, что Онъ желаетъ того, чего не желаетъ. Затѣмъ, если Онъ не промышляетъ, то Онъ не благъ, а если не благъ, то Онъ не будетъ имѣть отношенія ни къ чему изъ сущаго отъ Него и поэтому не будетъ виновникомъ сущаго. Такъ уничтожается промысль. А если отвергнуть промысль, то какъ же можетъ существовать благоустройство въ человѣческихъ отношеніяхъ? И если какая другая тварь есть, ибо ни порядка не будетъ въ существующемъ, ни согласія и соразмѣрности не окажется, то откуда же правильное и стройное теченіе явленій, при отсутствіи промысла? Какимъ образомъ люди праведные будутъ прославлены, а злые наказаны? И какимъ образомъ грѣхи будутъ обличены, а добрыя дѣла получатъ похвалу? Законъ и божественное судилище не имѣютъ силы. Устраняются царство небесное и геенна, изъ коихъ первое уготовано для праведныхъ, а вторая для грѣш-

никовъ. Такимъ образомъ ни добро не будетъ объявляться и похваляться ни зло—уличаться и осуждаться. Въ такомъ случаѣ настанетъ смѣшеніе и безпорядокъ во всемъ. Если же скажутъ, что промыслъ существуетъ, хотя Создатель и не управляетъ, то необходимо указать другую промыслительную причину, которой сущее управляется. И эта причина или подобна Создателю, или противоположна. Если подобна то въ другой нѣтъ нужды, если же противоположна, то противоположныя причины будутъ бороться и уничтожать одна другую. Тогда какъ же удержится или сохранится что-либо изъ сущаго? И чѣмъ (такой образъ мыслей) будетъ отличаться отъ нечестія Манихеевъ, которые безбожно вводятъ два начала. Если же, желая спасти, Онъ не возмогъ, то это произошло или отъ слабости природныхъ способностей и силъ,—и это будетъ недостатокъ, болѣе сильный, чѣмъ другіе,—или же Ему воспрепятствовалъ другой, подвергъ Его тиранніи и побѣдилъ силою, но тогда препятствующій будетъ мужественнѣе и славнѣе. Но мы исповѣдуемъ, что божественная слава принадлежитъ Тому первому, а богохульство пусть падетъ на головы христорбцевъ. Немошь не есть свойство Божіе. Въ противномъ случаѣ Богъ устраняется не только отъ спасенія, но лишается славы, подобающей Богу и во всемъ другомъ, чего они нечестиво домогаются.

78. Таковы, говоря кратко, исполненные беззаконія и безбожія выводы изъ нечестивыхъ рѣчей ихъ. Останавливаясь на нихъ болѣе значитъ показать себя соучастниками ихъ беззаконія. Посему опуская прочее и отвращаясь отъ невыносимой скверны ихъ блевотины, обратимся къ правымъ истиннымъ догматамъ и къ свѣту истины. Итакъ, мы исповѣдуемъ

и громогласно проповѣдуемъ, что Христосъ по природѣ есть истинный Богъ и Сынъ Божій, но по преизбытку благодати снизошелъ въ мѣру тварей и, вѣдая, желая и будучи въ силахъ спасать, дѣйствительно спасъ насъ, избавилъ отъ діавольскаго заблужденія и даровалъ намъ благодать боговѣдѣнія. И такъ какъ Онъ есть мудрость Бога Отца, то нѣтъ ничего, чего бы Онъ не зналъ. Вѣдь Онъ есть Творецъ всего сущаго и ничего изъ сотвореннаго Имъ не лежитъ внѣ Его вѣдѣнія. *Богъ, говоритъ Писаніе, премудростію основа землю, уготова же небеса разумомъ* (Притч. Сол. 3, 19) и: *вся премудростію сотворилъ* (Пс. 103, 34), и: *въ немъ суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. 2, 3). Онъ есть податель мудрости и всю разумную природу умудрилъ премудро творческою силою, ибо премудрости и разума Его нѣтъ числа (Пс. 146, 5). И если Онъ самъ говоритъ: *вся елика имать Отецъ моя суть* (Іоан. 16, 5), и: *яко же знаетъ Мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (Іоан. 10, 15), и: *никтоже знаетъ Отца токмо Сынъ* (Мѣ. 11, 27), то знающій большее изъ всего, не можетъ, конечно, не знать и меньшаго. Думать и вѣрить не такъ и противоположно этому не только есть богохульство, но и невозможно. Для того, кто зналъ все прежде бытія, что можетъ быть внѣ всего, чего бы онъ не зналъ? Отсюда всѣми, которые знаютъ Бога, согласно и единогласно Ему усвоется имя Спасителя. Это означаетъ также и имя Іисусъ, получившее въ дѣйствительныхъ дѣлахъ (Христа) подтвержденіе и доказательство своего значенія. А что Онъ, вѣдая спасать, и хотѣлъ спасать, въ этомъ насъ убѣждаютъ прежде всего слѣдующія слова: *вся елика восхотѣ Господь сотвори на небеси и на земли* (Пс. 113, 11). Писаніе затѣмъ убѣждаетъ насъ, что древнюю истинную волю Отца о спасеніи

выполнилъ великаго совѣта Ангелъ, воля Коего ни въ чемъ не отлична отъ воли Отца; напротивъ, Онъ Самъ есть эта воля, и премудрость и сила и прочее. И развѣ Онъ не добровольно спасалъ, когда говорилъ: *душу мою полагаю о себѣ и область имамъ наки пріяти ю* (Іоан. 10, 17—18); *Азъ есмь пастырь добрый, полагаяй душу свою за овцы* (Іоан. 10, 1). Какимъ образомъ Онъ, если не спасалъ, не хочетъ смерти грѣшника, но—чтобы онъ обратился съ пути неправого и жить (Іез. 33, 11)? Посему, желая спасать, Онъ промышляетъ. Итакъ, промышленіе простирается на все и управляетъ примѣнительно ко всякой твари. Это доказываетъ и чувство и прирожденный намъ законъ и разумъ, обращая который на сущее, мы наблюдаемъ въ немъ правильный и потребный порядокъ, положеніе и движеніе, за что пѣсноловіями прославляемъ подобающимъ образомъ величіе Создателя. А что Онъ, вѣдая и желая спасать, въ состояніи сдѣлать это, кто настолько неразуменъ, безсмысленъ и погруженъ въ пропасть невѣрія, чтобы не признать этого, когда онъ слышитъ Апостола, проповѣдующаго *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24). И: *велий Господь нашъ и велия крѣпость Его* (Пс. 146, 5). И: *Богъ нашъ Богъ еже спасати* (Пс. 67, 21). И: *Господь крѣпокъ и силенъ* (Пс. 23, 8). И: *Господь силъ* (Пс. 23, 10). И: *се Богъ нашъ съ крѣпостію идетъ* (Пс. 40, 10). И: *мышца силы Господа* (Пс. 88, 11). И: *еда не можетъ рука моя избавити, или не могу изыяти* (Пс. 50, 2). И: *Господь сотворивый землю въ крѣпости своей, устроивый вселенную въ премудрости своей, и разумомъ своимъ простре небо* (Іерем. 10, 12). Итакъ, какъ же спасается все, что чрезъ Него начало быть (Іоан. 1, 3), если Онъ не можетъ спасать? Ибо если Онъ не можетъ спасать, то не можетъ и

творить все изъ ничего. И: *всяческая тѣмъ и о немъ создашася, и той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ немъ состоится* (Колос. 1, 16 — 17). Какъ же Онъ носить все глаголомъ силы Своея (Евр. 1, 3), если Онъ не можетъ спасать? Какъ же Онъ свяжетъ сильнаго и расхититъ сосуды его? Кто есть блаженный и единый сильный? Кто же это, если не Тотъ, кого ангелъ благовѣствуетъ намъ съ пастырями: *яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь, во градъ Давидовъ* (Лук. 2, 11). *Не ходатай, ниже ангелъ, но самъ Господь спасе насъ* (Ис. 63, 9), Который вѣдаетъ, желаетъ и можетъ спасти насъ. Такъ мы должны исповѣдывать и вѣрить и молить, чтобы во всѣ времена такъ было. Но почему же, — оставляемъ подробную рѣчь, чтобы не перейти мѣру, — они отвращаются отъ истинныхъ святыхъ догматовъ и, толкаемые страстью къ міру, переходятъ на трудный и тяжкій путь безбожія? *Сіи путіе суть творящихъ беззаконіе* (Притч. 1, 19), ибо написано: *аще не вѣрите, ниже имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Посему и эти, не имѣя вѣры, не постигли значенія тайны Христовой. И: *близъ тебѣ есть глаголъ вѣры, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоѣмъ* (Второзак. 31, 14). Но они не восхотѣли. *И даде имъ Богъ духъ усыпленія, очи не видѣти и уши не слышати* (Рим. 11, 8). Посему они не познали, что безъ вѣры нельзя угодить Богу. *Взрвати бо подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его мздовоздатель бываетъ* (Евр. 11, 6).

79. *Есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). И всѣ, водимые Духомъ Божиимъ, укрѣпляя и утверждая умъ свой во всемъ лучшемъ, получая вѣру, какъ награду за благомысліе, *вѣрою разумѣваютъ совершитися въкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр.

1, 3), какъ думаетъ изрѣкшій это. Вѣрою, говоритъ онъ, Авель получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ предъ Богомъ, а также Ной, Авраамъ и Моисей. А послѣ нихъ святые, подобно имъ, благоугодили Богу тою же вѣрою. Изъ нихъ одни побѣждали царства, получали обѣтованія, оказывались сильнѣе огня, звѣрей и враговъ. Другіе были побиваемы камнями, бичуемы, подвергаемы пыткамъ, пребыли непобѣдимыми и выказали себя твердыми въ вѣрѣ. И тѣ, которые не получили обѣтованія, не получили бы и свидѣтельства праведности, если бы они не вѣрили. Вѣрою море раздѣляется, солнце останавливается, рѣка удерживается, стѣны сами падаютъ, и многое другое, какъ мы знаемъ, совершается ею. Увлекаемые же противнымъ, устремляющіеся въ пропасть невѣрія, далеко отгнанные отъ святыни, чуждые совершенства по вѣрѣ колеблются, какъ младенцы, *скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи челоувчестій, въ коварствѣ козней лщенія, ходя въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, сущи отчуждени отъ славы Божіей, за невѣжество сущее въ нихъ, за окаменение сердецъ ихъ* (Ефес. 4, 14, 17 — 18). Посему они не достигли единенія вѣры, познанія Сына Божія, уподобившись въ мысляхъ и настроеніи тѣмъ невѣрнымъ, которыхъ заклиналъ Богъ, что они не войдутъ въ покой Его (Пс. 94, 11) по невѣрію ихъ. За это они заслуженно осуждены ученикомъ Спасителя, какъ люди двоедушные, не твердые во всѣхъ путяхъ своихъ, подобные волнѣ морской, поднимаемой и разгоняемой вѣтромъ (Іак. 1, 6 и 7). Имъ же онъ повелѣваетъ сокрушаться и плакать и рыдать и превращать смѣхъ свой въ плачъ и радость въ сокрушеніе (Іак. 5, 1). Но невѣріе и нечестіе ихъ не опорочить вѣры нашей и не упразднить Писанія.

80. И такъ какъ Писаніе священно и свято, и вѣра наша права и непорочна, а они не въ силахъ взирать на свѣтъ истины, ибо глаза ихъ не способны воспринимать блескъ сіяній, и, страдая слухомъ, они не въ состояніи выносить звуковъ и голосовъ, то посему они осуждены, исключены изъ числа христіанъ и отчуждены. Но постараемся еще яснѣе показать ихъ невѣріе, почерпая опять изъ сокровищницы апостольскихъ реченій. Апостолъ, бывшій для всѣхъ всѣмъ, устрояя жизнь вѣрующихъ, наставлялъ ихъ какъ во всемъ, что подаетъ жизнь и спасеніе, такъ и смягчалъ ихъ нравы и обычаи поученіемъ и касательно употребленія пищи, дабы недолжное употребленіе ея не привело къ дурному концу, ибо это для несовершенныхъ и только что обратившихся къ евангельской вѣрѣ могло быть поводомъ къ соблазну, отъ ~~кого~~ ^{кого} могли бы погибнуть тѣ, за которыхъ умеръ Христосъ; а для немоществовавшихъ еще вѣрою это было бы препятствіемъ къ совершенству и служило бы яснымъ доказательствомъ того, что ихъ помыслы не очистились. Это и случилось тогда съ увѣровавшими отъ обрѣзанія (іудеями), старавшимися ~~тщательно~~ ^{тщательно} соблюдать Моисеевы постановленія о ~~пищѣ~~ ^{пищѣ}. Посему апостолъ говоритъ: *вѣтъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Иисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему, что скверно быти, оному скверно есть* (Рим. 14, 14). Что это такъ, прекрасно научаетъ насъ и евангельское изреченіе, гласящее: *не входящее въ уста сквернитъ человека* (Мѣ. 15, 11). Не станемъ теперь говорить о томъ, что было открыто божественному Петру, когда онъ видѣлъ сходящее къ нему съ неба полотно, привязанное за четыре угла, и когда гласъ взывалъ къ нему, чтобы онъ закололъ и ѣлъ, что тамъ было. И когда онъ отказался, такъ какъ то

ему казалось нечистымъ, и отвратился отъ необычной пищи, то снова получилъ откровеніе, что нѣтъ ничего нечистаго въ томъ, что очистилъ Богъ (Дѣян. 10, 11—15).

На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ пусть каждый разсудить, откуда исходитъ ученіе ихъ подложнаго догмата о нечистотѣ и оскверненіи. Въдѣ если то, что входитъ внутрь чрева, удаляется и извергается путемъ выдѣленій чрезъ созданныя природой отверстія, человѣкъ, не чуждый священныхъ заповѣдей и не лишенный пониманія истины, не станетъ считать сквернымъ и нечистымъ, какъ принадлежащее къ собственной природѣ этого предмета. А если, напротивъ, оскверняетъ и грязнитъ свою душу тотъ, кто считаетъ нечистымъ что-либо изъ опредѣленнаго намъ Богомъ въ пищу, добровольно допуская въ себѣ недугъ слабой вѣры и хромая при отысканіи истины, ибо имѣетъ ложный взглядъ на пищу и пускается въ ея различеніе: то неужели же считающій нечистымъ то, что являетъ намъ собою образъ и подобіе тѣла Господня и приводитъ на память Его божественное и спасительное воплощеніе, не осквернитъ и не загрязнитъ свою душу и тѣло и вслѣдствіе сего не сдѣлается сквернымъ и гнуснымъ, такъ какъ онъ не считаетъ ихъ равными даже названнымъ предметамъ, но ставитъ ихъ гораздо ниже? Затѣмъ, если дерзнувшій усвоить употребленію пищи оскверненіе или нечистоту припишетъ этимъ нѣчто. достойное порицанія, Творцу, приведшему все изъ небытія въ бытіе, то ясно, до какой дерзости и поношенія дойдетъ тотъ, кто станетъ ругаться надъ приличествующими Самому Создателю всѣхъ, поскольку Онъ содѣлался подобнымъ намъ человекомъ, священными и чистыми изображеніями.

Если поэтому усвоившіе ошибочный взглядъ на пищу не избавятся отъ порицанія и обвиненія, то чему ужасному не подвергнутся оскорбляющіе Бога въ главномъ предметѣ нашей вѣры? Итакъ, святыни, какъ и подобаетъ, справедливо должны находиться въ достойномъ ихъ почтеніи у правомыслящихъ. Тѣже, которые неразумно хромаютъ въ этомъ, по справедливости будутъ считаться скверными и нечистыми, ибо они оскверняютъ то, что Богъ прославилъ, и противятся апостольскому вразумленію. Вѣдь и сомнѣвающійся, если вкушаетъ, то осуждается, потому что, приступая (къ пищѣ) съ сомнѣніемъ, развѣ онъ не можетъ считаться хуже невѣрнаго? Затѣмъ, все, что не отъ вѣры, есть грѣхъ, поскольку дѣло касается и пищи, ибо этимъ открывается не природа вкушаемаго, а несвобода и недоброкачественность вѣры вкушающаго. Ничто не создано Творцомъ всяческихъ, что не достойно всякой похвалы въ глазахъ тѣхъ, которые усвоили здравыя и правильныя понятія о вещахъ. Посему думать, что есть что-то нечистое изъ сотвореннаго Богомъ, совсѣмъ глупо, какъ скоро все сотворенное Имъ есть *добро зело*. А что касается догматовъ, то грѣхъ невѣрія является не отъ изслѣдованія евангельскаго ученія (ибо оно непорочно, свято и божественно), а отъ неразумія и гордости неразумцевъ. Такъ какъ они къ святынямъ приступаютъ безъ вѣры, то погрѣшаютъ и считаютъ нечистымъ то, что свято, и поэтому совершенно заслуженно могли бы быть названы жрущими идоламъ, какъ неспособные различать между святымъ и нечистымъ. Слѣдовательно священные иконы не должны быть отвергаемы ради невѣрія нечестивцевъ. Пусть же они вводятъ невѣрную вѣру. Мы и до сего дня такой не знали. А насколько догматы разнствуютъ

съ пищей, настолько конечно различно и осужденіе погрѣшающихъ въ отношеніи къ нимъ. Итакъ, не желая знать то, что полезно, они дѣйствительно оказались и отпали отъ божественнаго и будутъ считаться врагами Божиими.

81. Все это доказываетъ, что по своему неразумію и невѣжеству они невѣруютъ, оказываются съ не-искуснымъ и оскверненнымъ умомъ, далеко отстоятъ отъ религіи христіанской и, какъ необрѣзанные сердцемъ, не войдутъ въ собраніе Господне. Безстыдно возставая противъ всего, съ мѣднымъ лбомъ, непреклоннымъ и жестокимъ сердцемъ, они выступили врагами христіанъ, дерзко и упорно отвергая свыше преданныя, какъ письменно такъ и устно, законоположенія и тайны и выказывая себя ругателями всего, относящагося къ религіи. Ихъ не убѣдило ни евангельское, ни апостольское, ни пророческое слово, не устыдили ихъ догматы отцовъ и учителей Церкви, не вразумило ихъ никакое другое, исходящее отъ Духа, наученіе, не смягчили ихъ увѣщанія отцовъ духовныхъ и плотскихъ, не вызвало въ нихъ благоговѣнія ни множество божественныхъ храмовъ, наполняющихъ всю землю и блещущихъ древностію и святостію, ни множество, не поддающееся описанію и исчисленію, священныхъ сосудовъ, благоприлично украшенныхъ священными изображеніями, ни вѣра и любовь къ Богу строителей и блюстителей, ни усердіе приносящихъ. Все это, подлежащее взору всѣхъ и очевидное, едва не издастъ гласа, ясно и громко проповѣдуя великое и честное таинство воплощенія Христа и ревность и теплоту любви и вѣры въ Него. Но что особенно достойно удивленія, такъ это то, что ихъ не устратила, помимо всего прочаго, продолжительность времени, коимъ все утверждается

и отъ коего все оказывается получающимъ силу природы. Теперь прошло уже восемь столѣтій съ того времени, какъ все это предано, возоблададо и держится на протяженіи всего этого времени до сихъ поръ, какъ бы необузданно ни неистовствовали беззаконники.

82. И развѣ это не явное безуміе и безсмысліе? Что скажутъ они о прежде жившихъ и отсюда отшедшихъ? Неужели они всѣ были идолопоклонниками и совершенно лишились спасенія? Но какъ же въ такомъ случаѣ окажется истиннымъ для нихъ Христосъ, сама Истина? Какъ могли бы они вѣрить Ему, когда Онъ говорилъ: *въ дому Отца моего обители многи суть* (Іоан. 14, 2), тоестъ многія различенія и раздѣленія достоинствъ, ибо какъ многочисленны роды жизни, такъ не одинаково для cadaго изъ жившихъ и воздаяніе, которое измѣряетъ соотвѣтствующими наградами Тотъ, Кто испытуетъ это и всѣмъ раздаетъ по достоинству. Вѣдь много различныхъ жребіевъ въ будущемъ блаженствѣ. Но можетъ быть, и это не вѣрующіе ни во что будутъ отвергать, какъ басню, ~~ибо~~ какимъ образомъ достигшіе до конца этого вѣка и какъ бы предѣла жизни, гораздо менѣе достойные людей прежнихъ, могутъ наполнить безчисленное множество тѣхъ обителей? Гдѣ будутъ розданы награды и вѣнцы тѣмъ, кои до крови подвизались за православную вѣру? Я думаю, что даже дѣти Іудеевъ и слушающіе это изъ другихъ народовъ весьма посмѣялись бы надъ ними. Всѣ вѣдь стараются держаться своей религіи, какъ написано: *аще премъшиша языцы боги своя, и ти не бози суть* (Іер. 2, 11) и *не языкъ ли къ Богу своему (взыщеть)?* (Иса. 8, 19). Изъ людей одни только христіане (если можно называть христіанами тѣхъ, которые приняли христіанство

только по имени, а не на дѣлѣ) несчастные безбожно и дерзко нападаютъ на христіанскую вѣру и, какъ святотатцы, отвергаютъ ея священные символы. Но, богоненавистнѣйшіе и безбожнѣйшіе, послушайте вы всѣ, кто такъ думаетъ и мыслитъ: такъ-ли вы должны относиться къ Творцу? Творецъ по неизреченной благодости вызвалъ тебя изъ небытія къ бытію, снова составилъ тебя впавшаго въ грѣхъ, страданіемъ плоти своей пріялъ смерть и ради тебя подвергся позорнѣйшему наказанію, уничижилъ Себя до смерти, смерти же крестной (Филип. 2, 11), и пролилъ Свою кровь, чтобы Собою искупить тебя, преданнаго грѣху, чтобы уничтожить идоловъ, избавить тебя отъ идольскаго безумія и заблужденія, освободить отъ тиранніи врага, чтобы призваніемъ къ Себѣ спасти отъ плѣненія и даровать изначальное совершенство. И ты дерзаешь это противъ Спасителя? Онъ страдаетъ за тебя, а ты Его поносишь? Онъ распинается, а ты Его ругаешь? Что же отличаетъ тебя отъ распинателей? Въ чемъ не сходиствуешь съ богоубійцами? Напротивъ, развѣ ты не превосходишь ихъ злобою? Тѣ осудили и убили Распятаго разъ, а ты вмѣсто того, чтобы поклоняться Благодѣтелю и исповѣдывать величіе столь великаго благодѣянія, каждый день распинаешь, поносишь и помышляешь на Него зло, бросаешь въ Него оскорбительными словами, какъ Іудеи—камнями, и не опускаешь ничего самаго сквернаго и нечестиваго говорить, дѣлать и беззаконствовать противъ Бога.

Весьма хорошо описалъ слѣпоту душъ вашихъ великій Исаія, говоря: *не увѣдаша смыслити, яко отемнѣша очи ихъ, еже видѣти, и разумѣти сердцемъ своимъ* (Ис. 44, 18). *Глаголахомъ неправду и не покорихомся и поучихомся отъ сердца нашего словесемъ непра-*

веднымъ (Ис. 59, 13). Уничжая и отвергая, такимъ образомъ все домостроительство Спасителя нашего Христа, они въ сущности выказываютъ себя идолопоклонниками. Мы же, здраво и благочестиво вѣруя въ Него, благоприлично покланяемся святынямъ, почитаемъ древне-преданныя намъ священныя изображенія и воздаемъ имъ подобающее почтеніе, ибо они святы, и честь покланяемыхъ мы относимъ къ первообразу, не допускаемъ ни въ какомъ случаѣ думать о нихъ что-либо оскорбительное, посему и да не отрицаемъ что-либо изъ подобающаго имъ почтенія. Съ вѣрою и полнымъ убѣжденіемъ мы приступаемъ къ святымъ и вслѣдствіе этого не можемъ почитаться идолопоклонниками, какъ говорятъ тѣ богоненавистники и одержимые невѣріемъ. Напротивъ, съ великимъ учителемъ истины мы взываемъ: *исповѣдуемо велія есть благочестія тайна: Богъ явился во плоти, оправдася въ Душѣ, показася Ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцехъ, вѣровавъ въ міръ, вознесся въ славу* (1 Тим., 3, 16).

Если можно признать насъ достойно подвизавшимися за святую нашу и непорочную вѣру, то благодареніе Богу, дарующему просящимъ слово въ отверженіе устъ ихъ. Если же подвергнемся преслѣдованіямъ, то благо пострадать со Христомъ, удостоиваясь, если это не много сказать, идти по стопамъ святыхъ учителей нашихъ,—во славу Самого Христа, истиннаго Бога нашего, и въ честь святой Церкви Его,—Ему подобающъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ и пресвятымъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Предисловіе къ слѣдующимъ 26 свидѣтельствамъ.

Оканчивая состязаніе о непорочной и пречистой вѣрѣ нашей и избобличая безразсудство дерзко возстающихъ противъ истины, мы вооружили поборника правой вѣры мечемъ Духа—боговдохновенными изреченіями, дабы онъ пребылъ неуязвимымъ въ то время, какъ нечестивые постоянно бросаютъ остріями лжи и поражаютъ правое ученіе вѣры стрѣлами дерзкихъ рѣчей. Такъ какъ у насъ есть образецъ и какъ бы установлено правило, какъ люди, на то поставленные и благочестиво изучающіе священные догматы наши, должны обращаться съ ученіемъ вѣры нашей, то мы, насколько возможно кратко, изложимъ это правило, дѣлая извлеченія изъ боговдохновеннаго Писанія, черпая также изъ ученія избранныхъ и славныхъ отцевъ нашихъ — извлеченія, которыя послужатъ къ напоминанію и пользѣ со смиреніемъ и вниманіемъ читающихъ оныя. Нѣкоторыя мѣста мы постарались кратко изложить имъ въ нижеслѣдующемъ прибавленіи, дабы они не претерпѣли одинаковой участи съ непокоряющимися истинѣ. Послѣдніе, какъ любители лжи, всегда съ неудовольствіемъ относящіеся къ изслѣдованію истины, одни по невѣрію, а другіе объятые невѣжествомъ, впали въ пропасть нечестія. Рабствуя своимъ собственнымъ желаніямъ, они стараются по своему великому неразумію и непониманію, пытаются составить свое собственное мнѣніе, а ясные и правые догматы вѣры извращаютъ неприличными, праздными и пустыми вопросами. Отсюда и въ родоначальники себѣ берутъ и учителями выставляютъ тѣхъ, кои древле были поборниками нечестія и безбожія и кои возможно далѣе были отгнаны соборною Церковью. И богословы наши, свыше

наставляемые, назвали безбожіемъ ересь тѣхъ, коихъ они взяли себѣ въ помощники и вооружились противъ Церкви. Правомыслящіе же, какъ послушные ученики евангелія, да не увлекаются сверхъ должнаго въ излишнія изысканія, ибо ученіе вѣры должно быть принимаемо простымъ сердцемъ. Особенность вѣры состоитъ въ томъ, чтобы безъ излишней пытливости приступать къ предмету вѣры, принимать его простою мыслию и по добровольному влеченію, а не требовать доказательствъ,—и воздерживаться отъ словесныхъ состязаній, совершенно бесполезныхъ и скорѣе причиняющихъ душамъ не малый вредъ. Это — занятіе еретиковъ,—искусство эллиновъ, которые, занимаясь суесловіемъ и противною болтовней, наполняютъ вздоромъ себя и своихъ ближнихъ, все бьютъ воздухъ и совершенно уклоняются отъ истины. Невозможно выразить, сколько безумія и невѣжества въ томъ, чтобы бороться съ признаннымъ и очевиднымъ. Богомыслящіе же пусть благоразумно и смиренно приклоняютъ ухо свое къ наученіямъ Духа для принятія вразумленія касательно такихъ предметовъ, ибо вмѣщаетъ ихъ одна только вѣра, свободная отъ человѣческихъ мудрствованій, а также святая любовь къ божественному въ душевно-расположенныхъ къ нему,—дабы имъ пожать обильный плодъ порожденій своего благопослушанія отъ Того, Кто можетъ цѣнить это, въ благой надеждѣ получить своевременно славное воздаяніе.

Изъ святаго евангелія отъ Іоанна. Иисусъ, услышавъ, что бывшаго слѣпого выгнали вонъ, и нашедши его, сказалъ ему: ты вѣруешь ли въ Сына Божія? Тотъ отвѣчалъ и сказалъ: а кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него? Иисусъ сказалъ ему: но ты видѣлъ Его, и Онъ говоритъ съ тобою. Онъ же ска-

залъ: вѣрую, Господи! и поклонился Ему (Іоан. 9, 35—38).

Оттудаже. Потому не могли они вѣровать, что, какъ сказалъ еще Исаія, народъ сей ослѣпилъ глаза свои, и окаменилъ сердце свое, да не видятъ глазами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы я исцѣлилъ ихъ (Ис. 6, 10). Сіе сказалъ Исаія, когда видѣлъ славу Его, и говорилъ о Немъ. Впрочемъ и изъ начальниковъ многіе увѣровали въ Него; но ради фариисеевъ не исповѣдывали, чтобы не быть отлученными отъ синагоги. Ибо возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божію (Іоан. 12, 39—43).

Оттудаже. Вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте (Іоан. 14, 1).

Изъ посланія святаго Апостола Павла къ Римлянамъ. Повѣрилъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность (Быт. 15, 6). Воздаяніе дѣлающему вмѣняется не по милости, но по долгу. А не дѣлающему, но вѣрующему въ Того, Кто оправдываетъ нечестиваго, вѣра его вмѣняется въ праведность. Такъ и Давидъ называетъ блаженнымъ человѣка, которому Богъ вмѣняетъ праведность независимо отъ дѣлъ: „Блаженъ, чьи беззаконія прощены, и чьи грѣхи покрыты; блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнитъ грѣха“ (Пс. 31, 1, 2).

И еще: А праведность отъ вѣры такъ говоритъ: не говори въ сердцѣ твоёмъ: кто взойдетъ на небо? то есть, Христа свести (Второз. 30, 12). Или кто сойдетъ въ бездну? то есть, Христа изъ мертвыхъ возвести (Рим. 10, 6—7).

И еще: Сердцемъ вѣруютъ къ праведности, а устами исповѣдуютъ ко спасенію (ст. 10).

И еще: Сомнѣвающійся, если ѣстъ, осуждается, по-

тому что не по вѣрѣ, а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ (Рим. 14, 23).

Его же изъ посланія къ Коринѳянамъ. Чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей (1 Кор. 2, 5).

Его же изъ посланія къ Евреямъ. Мы же не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ ко спасенію души. Вѣра же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ. Въ ней свидѣтельствованы древніе. Вѣрою познаемъ, что вѣка устроены Словомъ Божіимъ, такъ что изъ невидимаго произошло видимое. Вѣрою Авель принесть Богу жертву лучшую, нежели Каинъ; ею получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ, какъ засвидѣтельствовалъ Богъ о дарахъ его; ею онъ и по смерти говоритъ еще. Вѣрою Енохъ переселенъ былъ такъ, что не видѣлъ смерти, и не стало его; потому что Богъ переселилъ его. Ибо прежде переселенія своего получилъ онъ свидѣтельство, что угодилъ Богу. А безъ вѣры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и ищущимъ Его воздастъ. Вѣрою Ной, получивъ откровеніе о томъ, что еще не было видимо, благоговѣя приготовилъ ковчегъ для спасенія дома своего; ею осудилъ онъ (весь) міръ и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ. Вѣрою Авраамъ повиновался призыванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе; и пошелъ, не зная, куда идетъ. Вѣрою обиталъ онъ на землѣ обѣтованной, какъ на чужой, и жилъ въ шатрахъ съ Исаакомъ и Іаковомъ, сонаслѣдниками того же обѣтованія; ибо онъ ожидалъ города, имѣющаго основаніе, котораго художникъ и строитель Богъ. Вѣрою и сама Сарра, (будучи неплодна) получила силу къ принятію сѣмени, и не по времени воз-

раста родила; ибо знала, что вѣренъ Обѣщавшій. И потому отъ одного, и притомъ омертвѣлаго, родилось такъ много, какъ много звѣздъ на небѣ, и какъ безчисленъ песокъ на берегу морскомъ. Всѣ сїи умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій; а только издали видѣли оныя, и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ; ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества. И еслибы они въ мысляхъ имѣли то отечество, изъ котораго вышли; то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то есть, къ небесному; посему и Богъ не стыдится ихъ, называя Себя ихъ Богомъ, ибо Онъ приготовилъ имъ городъ. Вѣрою Авраамъ, будучи искушаемъ, принесъ въ жертву Исаака, и, имѣя обѣтованіе, принесъ единокровнаго, о которомъ было сказано: въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя. Ибо онъ думалъ, что Богъ силенъ и изъ мертвыхъ воскресить. Почему и получилъ его въ предзнаменованіе. Вѣрою въ будущее Исаакъ благословилъ Іакова и Исава. Вѣрою Іаковъ, умирая, благословилъ каждого сына Іосифова, и поклонился на верхъ жезла своего. Вѣрою Іосифъ, при кончинѣ, напомнилъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ, и завѣщалъ о костяхъ своихъ. Вѣрою Моисей, по рожденіи, три мѣсяца скрывается былъ родителями своими; ибо видѣли они, что дитя прекрасно, и не устались царскаго повелѣнія. Вѣрою Моисей, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери Фараоновой, и лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божиимъ, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе, и поношеніе Христово почелъ большимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища: ибо онъ взиралъ на воздаяніе. Вѣрою оставилъ онъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго, ибо онъ, какъ бы

видя невидимаго, былъ твердъ. Вѣрою совершилъ онъ Пасху и пролитіе крови, дабы истребитель первенцевъ не коснулся ихъ. Вѣрою перешли они Чермное море, какъ по сушѣ: на что покусившись, Египтяне потонули. Вѣрою пали стѣны Іерихонскія, по седмидневномъ обхожденіи. Вѣрою Раавъ блудница, съ миромъ принявъ соглядатаевъ, (и проводивъ ихъ другимъ путемъ), не погибла съ невѣрными. И что еще скажу? не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Геденѣ, о Варакѣ, о Сампсонѣ, и Іефеѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и (другихъ) пророкахъ, которые вѣрокъ побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли чужихъ; жены получали умершихъ своихъ воскресшими; иные же замучены были, не принявъ освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе; другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ; умирали отъ меча; скитались въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли. И всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго: потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства (Евр. X, 39—XI, 40).

Его же изъ посланія къ Ѳессалоникійцамъ. Итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ (2 Ѳессал. 2, 15).

Его же изъ посланія къ Евреямъ. На кого же негодовалъ Онъ сорокъ лѣтъ? Не на согрѣшившихъ ли,

которыхъ кости пали въ пустынь? Противъ кого же клялся, что не войдутъ въ покой Его, какъ не противъ непокорныхъ? Итакъ видимъ, что они не могли войти за невѣріе (Евр. 3, 17—19). Посему будемъ опасаться, чтобы, когда еще остается обѣтованіе войти въ покой Его, не оказался кто изъ васъ опоздавшимъ. Ибо и намъ оно возвѣщало, какъ и тѣмъ: но не принесло имъ пользы слово слышанное, не растворенное вѣрою слышавшихъ (Евр. 4, 1—2).

Его же изъ посланія къ Римлянамъ. Тѣмъ, которые постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ ищутъ спасенія, чести и безсмертія, жизнь вѣчная; а тѣмъ, которые упорствуютъ и не покоряются истинѣ, но предаются неправдѣ, ярости и гнѣву. Скорбь и тѣснота всякой душѣ человѣка, дѣлающаго злое (Рим. 2, 7—9).

Изъ книги пророка Исаіи. Если вы не вѣрите, то потому, что вы не удостовѣрены. И продолжалъ Господь говорить къ Ахазу, и сказалъ: проси себѣ знаменія у Господа, Бога твоего. проси или въ глубинѣ, или на высотѣ. И сказалъ Ахазъ: не буду просить, и не буду искушать Господа. Тогда сказалъ Исаія: слушайте же, домъ Давидовъ! развѣ мало для васъ затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего (Ис. 7, 9—13).

Изъ книги пророка Аввакума. Праведный своею вѣрою живъ будетъ (2, 4).

Изъ книги притчей Соломоновыхъ. Милость и вѣра да не оскудѣваютъ тебѣ (Пр. Сол. 3, 3). Мерзость предъ Господомъ уста лживыя, а говорящія истину благоугодны Богу (Пр. Сол. 12, 22). Милостынями и вѣрами очищаются грѣси (Притч. Сол. 15, 27).

Святаго Отца нашего Іоанна Златоуста изъ слова на Благовѣщеніе. Посланъ Гавріиль указать Сущаго на тронѣ и въ вертепѣ. Посланъ воинъ, возглашаю-

щій тайну Царя,—тайну, познаваемую вѣрою, а не доступную пытливому изслѣдованію,—тайну, воспринимаемую вѣрою, а не изъясняемую,—тайну для поклоненія, а не для обсужденія,—тайну богословія, а не науки,—тайну исповѣдуемую, а не измѣряемую.

Его же изъ толкованія посланія къ Римлянамъ на слова (гл. X, 6): *яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ и прочее, что приведено выше*. Чтобы Іудеи не сказали: какъ мы можемъ обрѣсти большую праведность, когда не обрѣли и меньшей, Апостолъ показываетъ, что легчайшій путь есть вѣра, и что этотъ путь требуетъ вѣры сердцемъ, (исповѣдуемой) словами. Зная же, что помышленія часто противятся вѣрѣ, и что ихъ слѣдуетъ усиленно отгонять, онъ говоритъ: *да не речеши въ сердцы твоємъ*, т. е. не думай сомнѣваться и говорить въ себѣ: какъ это возможно? Ибо особенность вѣры состоитъ въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всякой земной послѣдовательности, искать сверхъестественнаго и принимать все (исходящее) отъ силы Божіей.

Святаго Кирилла Александрійскаго изъ толкованія посланія къ Римлянамъ на тѣже слова. Апостолъ благополучно опредѣляетъ, какова должна быть вѣра наша. Она должна допускать, что у Бога все неукоризненно и все прекрасно устроено Имъ. Сомнѣваться же во всемъ и попускать себѣ впадать въ бездѣтельное двоедушіе достойно всякаго презрѣнія. Равнымъ образомъ излишне и весьма опасно пытливое изслѣдованіе того, что восходитъ за предѣлы и превышаетъ нашъ разумъ. Какимъ образомъ можно бы было объяснить то, что неизреченно устроится Богомъ? И есть ли такое око сердца, чтобы оно могло разсматривать Бога? Даже болѣе, кто будетъ въ состояніи понять того, кто рѣшился бы говорить и повѣство-

вать о безпредѣльно насъ превышающемъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ предлагалъ нѣкогда Никодиму ученіе о духовномъ возрожденіи и говорилъ такъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще кто не родится свыше, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5), потомъ къ этому прибавилъ дальнѣйшія слова. Когда же Никодимъ совсѣмъ ничего не понималъ, тогда Христосъ, показывая, что грубому человѣческому уму совершенно недоступна высота заключающихся здѣсь мыслей, говоритъ: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете?* И сверхъ того прибавилъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко, еже въмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ: и свидѣтельства нашего никто же пріемлетъ* (Іоан. 3, 11—12). Итакъ, неизслѣдимо то, что выше насъ. И если истинно, что мы согласно написанному, даже *яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ* (Прем. Сол. 9, 16), то развѣ не необходимо признавать, что въ томъ, что превосходитъ наше пониманіе, совершенно необходима вѣра, не сопутствуемая пытливостію и не сопровождаемая пустыми вопросами? Вѣдь въ такихъ предметахъ особенно цѣнится благоразуміе.

Его же изъ второй книги діалоговъ съ Ерміемъ. Не слѣдуетъ принятое вѣрою испытывать смѣлыми изысканіями: вѣра не подлежитъ изслѣдованію. Какъ *упованіе видимое нѣсть упованіе уже, еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Римл. 8, 24), такъ и вѣра, изслѣдуемая и не имѣющая неизслѣдимаго, не была бы вѣрою, подобно приведенной въ примѣръ надеждѣ. То, что читается вѣрою, свободно отъ всякаго испытанія.

Святаго Іоанна Златоуста изъ толкованія посланія къ Римлянамъ. *Могущему же васъ утвердити по благовѣствованію моему, и проповѣданію Іисусъ Христову, по*

откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя, явшіяся же нынѣ, писанны пророческими, по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры во всѣхъ языкахъ познавшіяся. Говоря о проповѣди Іисуса Христа, то есть о томъ, что Онъ проповѣдывалъ, рѣчь показываетъ достовѣрность проповѣди, ибо она, говоритъ Апостолъ, есть евангельское ученіе, а не наше. И никому, говоритъ, эта тайна прежде насъ не была извѣстна. Предопредѣлена она была древле, а открылась нынѣ пророческими писаніями. Итакъ, не бойся отступить отъ закона, ибо этого хочетъ законъ, это предсказано издревле. И не изслѣдуй, почему явлено теперь. Это совершилось по повелѣнію Бога, и нужно не испытывать эту тайну, а покоряться ей. Вѣра требуетъ послушанія, а не изслѣдованія, особенно когда повелѣваетъ Богъ.

Его же изъ толкованія втораго посланія къ солунянамъ.

Тѣмъ же убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ (гл. 2, 15). Отсюда открывается, что Апостолы не все предали въ посланіяхъ, но также и безъ письмѣни. Однако же то и другое одинаково достовѣрно. Посему и церковное преданіе считаемъ достовѣрнымъ. Существуетъ преданіе, не ищи ничего болѣе. Словами этими Апостолъ показываетъ, что много было колебавшихся.

Его же изъ толкованія посланія къ Евреямъ на слова (V, 1): *всякъ бо первосвященникъ, отъ чловѣкъ приѣмъ* и прочее. Посему мы вѣру восприняли, дабы не быть вынужденными впадать въ безчисленныя ереси и подвергаться затрудненіямъ. А если кто рѣшится или прибавить, или убавить что изъ нея, это мы должны считать подложнымъ. И какъ тѣ, кои даютъ пра-

вила, не требуютъ безконечно провѣрять ихъ, а повелѣваютъ держать данное, такъ и относительно догматовъ.

Святаго отца нашего Василия изъ толкованія на Псаломъ стопятнадцатый. *Вѣровахъ тѣмъ же воззлаголахъ: азъ же смирихся зѣло. Азъ же рѣхъ во изступленіи моемъ: всякъ человекъ ложь.* Впереди слова о Богѣ должна идти вѣра. Вѣра влечетъ душу къ признанію скорѣе, чѣмъ логическія изслѣдованія,—вѣра, являющаяся не отъ геометрической очевидности, а отъ воздѣйствія Духа. И немного послѣ: необходимо, чтобы начала каждой науки принимались безъ изслѣдованія, потому что не возможно, чтобы тѣ, кои спорятъ о первыхъ началахъ, правильно и по порядку въ состояніи были дойти до конца. И это можно видѣть даже на свѣтскихъ наукахъ. Если не допустить первыхъ истинъ въ геометріи, то нельзя выводить послѣдующаго. И кто оспариваетъ первыя и элементарныя начала въ ариѳметикѣ, тотъ преграждаетъ путь къ дальнѣйшему. Равнымъ образомъ и начала врачебной науки для врачей не доказуемы. И во всякой другой научной области, которая идетъ къ цѣли методично и по порядку, невозможно требовать доказательства первыхъ предположеній, но необходимо, чтобы, допустивъ безъ провѣрки начала выводныхъ наукъ, слѣдили за тѣмъ, что изъ нихъ вытекаетъ. Точно также и тайна богословія требуетъ признанія вѣрою безъ изслѣдованія. Подобаешь, говорить Апостоль, вѣровать, что Богъ есть, а не спрашивать и спорить, что Онъ такое. И если безъ сомнѣнія *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1. 6), то не старайся видѣть то, что лежитъ далеко, и не подвергай сомнѣнію ожидаемое потому, что не можешь достигнуть его знаніемъ. И немного

спустя: и всякій, выступающій говорить и не имѣющій вѣры, будетъ говорить вздоръ, ибо рѣчь его не будетъ имѣть никакого предмета. Посему начало мудрой рѣчи есть вѣра, твердо насажденная въ сердцѣ говорящаго.

Его же изъ книги противъ Евномія, гдѣ онъ показываетъ, откуда произошло невѣріе.

Правы путіе Господни, и праведни пойдутъ въ нихъ: а нечестивіи преткнутъ въ правыхъ (Осіи 14, 11). И къ удивленію, тоже самое, изъ чего извлекаютъ пользу здравые въ вѣрѣ, вредитъ *недугующимъ о стяжаніяхъ и словопреніяхъ* праздныхъ, какъ сказалъ апостолъ (1 Тим. 6, 4)! А что злонамѣренно и съ пытливостію, особенно же съ невѣріемъ, предлагать вопросы о Богѣ—есть душевная болѣзнь, сіе всякому извѣстно. Вѣдь если не вѣрятъ самому **всесвѣтому** Богу въ томъ, что относится къ Нему Самому, то послушаютъ ли Его пророковъ и апостоловъ, говорящихъ въ божественныхъ Писаніяхъ о Немъ и объ имѣющихъ уповать на Него? И немного послѣ: ты предлагаешь вопросы съ тѣмъ, чтобы найти не вѣру, а безвѣріе. Это справедливо, по написанному: *«злохудожну душу не увидетъ премудрость»* (Прем. Сол. 1, 4). *Вѣрова же Авраамъ Богови, и вѣрися ему въ правду: и другъ Божій наречеся* (Іак. 2, 23). Другомъ Божіимъ блаженный Авраамъ именуется и есть, другъ по вѣрѣ, другъ по послушанію Богу. А ты—врагъ по невѣрію и преслушанію предъ Богомъ. *Вѣрова же Авраамъ Богови*; вѣровалъ, какъ онъ, и не невѣровалъ, какъ вы. Посему онъ—другъ, а вы—враги. *Враги Господни солгаша ему* по написанному (Пс. 80, 26).

Святаго Отца нашего Григорія Богослова изъ слова о святомъ крещеніи. Если Богъ утверждаетъ договоры людей, являясь посредникомъ, то сколь опасно ока-

заться нарушителями договора, который мы заключили съ самимъ Богомъ, и виновными не только въ другихъ прегрѣшеніяхъ, но и въ лжи предъ Истиной! И нѣсколько послѣ: не мудрствуй и не умышляй противъ своего спасенія. И если мы обманываемъ другихъ, то себя обмануть не можемъ. Шутить надъ собою весьма опасно и неразумно. И немного спустя: сохрани для меня написанное, во времена измѣничивыя оставаясь неизмѣннымъ въ неизмѣнномъ предметѣ.

Святаго Григорія, епископа Нисскаго, изъ сочиненія о твореніи челоѣка гл. 23. Вѣдь и Авраамъ и другіе патріархи имѣли желаніе видѣть лучшее и не переставали искать небесное отечество, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 11, 14); и однако они пока еще обрѣтаются въ надеждѣ этой благодати. *Богу лучше что о насъ презрѣшу, да не безъ насъ совершенство примутъ* (Евр. 11, 40). Поэтому, если оказывается промедленіе для тѣхъ, кои издали одною вѣрою и надеждою видѣли лучшее и радовались. какъ свидѣтельствуеть Апостолъ (Евр. 11. 13), принимая несомнѣннымъ достиженіе надежды и достовѣрнымъ обѣтованіе, то чтоже дѣлать многимъ изъ насъ, для которыхъ не остается надежды на лучшее, благодаря жизни нашей? Нужно замѣтить также, что Григорій въ главѣ 19-й говоритъ, что невѣріе съ прочими душевными болѣзнями, которыя онъ перечисляетъ, походитъ на ярость неразумныхъ животныхъ, которая (въ людяхъ) возрастаетъ отъ содѣйствія разума.

Его же глава 24. Слыша слова Писанія, что все отъ Бога, мы вѣруемъ сему, а какъ было въ Богѣ, этого мы не считаемъ нужнымъ изслѣдовать, какъ превышающее нашъ разумъ, вѣруя, что для божественной силы все возможно — и создавать несуществую-

щее и сущему по изволенію усвоить качества. Отсюда мы послѣдовательно полагаемъ, что сущему для происхожденія изъ несущаго достаточно силы Божественнаго хотѣнія. Такимъ образомъ, если мы и отнесемъ къ одной и той же силѣ и преобразование существующаго, то не допустимъ вѣры во что-либо неподобающее.

Святаго Отца нашего Діонисія, епископа Аѳинскаго, изъ книги IV-й объ именахъ Божіихъ, гл. 24. Писаніе называетъ погрѣшающими въ вѣдѣніи тѣхъ, кои немоществуютъ или явнымъ незнаніемъ или недѣланіемъ добра, а равно вѣдающихъ волю (Божію), но не творящихъ ея,—слушающихъ, но немоществующихъ въ вѣрѣ и дѣланіи добра. А нѣкоторые даже и не желаютъ и думать о добродѣтели, по развращенію или по слабости воли.

Святаго Аѳанасія изъ слова противъ единомыслениковъ Павла Самосатскаго и о вѣрѣ, что Христосъ одинъ. Апостолы тотчасъ, изшедши, согласно проповѣдали Христа Сына Божія. И послѣ нѣсколько: какая нужда вопрошать и состязаться? Вѣрить нужно, почитать и поклоняться. И немного послѣ: я не спрашиваю, какимъ образомъ одинъ и тотъ же страстенъ и безстрастенъ, Богъ и человѣкъ, дабы, изслѣдуя какъ и отыскивая способъ, мнѣ не потерять подлежащаго намъ блага. Прежде всего слѣдуетъ вѣрить и славить, а потомъ просить утвержденія этого свыше, а не добиваться его снизу. Во второмъ или третьемъ словѣ противъ Аріанъ тотъ же отецъ говоритъ: если кто, задаваясь вопросами о Богѣ, встрѣтитъ недоумѣніе, то онъ не долженъ и отказываться отъ вѣры въ Писаніе: лучше недоумѣвая молчать и вѣрить, чѣмъ не вѣрить ради недоумѣнія.

Сказанное я считаю достаточнымъ для напомниманія

и, немного будетъ сказать, для удостовѣренія охотно внимающихъ божественному и ревнующихъ о вѣрѣ. Но каждый изъ вѣрныхъ и благоразумныхъ, трудолюбиво изслѣдуя эти вопросы, можетъ собрать и больше свидѣтельствъ какъ изъ священнаго Писанія, такъ и изъ священныхъ трудовъ богоглаголивыхъ отцовъ нашихъ. Эти свидѣтельства увѣщаютъ къ простому образу вѣры и убѣждаютъ нехитростно съ доброю совѣстью держаться чистоты правыхъ догматовъ, возвѣщая полученіе совершенныхъ наградъ за таковыя труды отъ Спасителя всѣхъ насъ и Владыки Христа истиннаго Бога нашего.

Святаго отца нашего
НИКИФОРА,
патріарха Константинопольскаго,
КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

со времени послѣ правленія Маврікія

Послѣ убіенія императора Маврікія царскою властью овладѣлъ Фока, совершившій это убійство. Въ его правленіе дѣла христіанъ пришли въ такое разстройство, что народъ въ пѣсняхъ повторялъ, что Персы разоряли Римскую державу совнѣ, а Фока, еще хуже ихъ дѣлалъ внутри. Для Римлянъ это стало невыносимо. Посему тогдашніе правители Ливіи (двѣ брата Ираклій и Григорій), отъ Маврікія получившіе власть стратиговъ, ободряемые большою отдаленностію, съ общаго согласія послали въ Византію своихъ сыновей, условившись между собою, что прибывшій изъ нихъ первымъ овладѣетъ, если будетъ въ состояніи, царствомъ. Ираклія, сына Ираклія, съ громаднымъ флотомъ, который былъ наполненъ Африканцами и Мавританцами, они послали моремъ, а Никиту, сына Григорія, съ большимъ коннымъ войскомъ отправили сухимъ путемъ. Ираклій, споспѣшествуемый счастіемъ, при попутномъ вѣтрѣ приплылъ въ Византію прежде Никиты и, приставъ къ городу, произвелъ нападеніе.

Между тѣмъ Криспъ (это былъ зять Фоки, занимавшій въ то время мѣсто градоначальника, человѣкъ сильный при дворѣ), возненавидѣвъ Фоку за оскорбленіе, причиненное ему удаленіемъ его изображенія, которое члены состязавшихся партій поставили рядомъ съ изображеніемъ Фоки, хитро проводилъ его, увѣряя, что старается для него, и притворно утверждая, что Ираклій пришелъ на собственную гибель. Въ тоже время онъ помогалъ Ираклію и дѣйствительно сдѣлалъ для него очень много. Тѣмъ временемъ поднялись сторонники Фоки, участники зрѣлищъ, принадлежавшіе къ числу гражданъ (ибо члены партіи зеленыхъ подожгли дворецъ Кесаря и возглашали императоромъ пришельца), но увидѣвъ сильно наступавшія на нихъ войска Ираклія, оставили императора и смирились предъ ними. Нѣкто Фотій, когда-то оскорбленный Фокою, который посягнулъ на его жену, войдя во дворецъ съ толпою солдатъ, схватилъ его и, снявъ съ него царское облаченіе, надѣлъ на него черное платье, связалъ ему руки назадъ, посадилъ въ лодку и связаннымъ доставилъ къ Ираклію. Увидѣвъ его, Ираклій сказалъ: „такъ-то ты, презрѣнный, управлялъ государствомъ!“ Фока отвѣтилъ: „ты будешь управлять лучше“. Тотчасъ же, когда Фока еще былъ въ лодкѣ, Ираклій приказалъ казнить его мечемъ, изувѣчить, отрубить правую руку, начиная съ плеча, отрѣзать студныя члены, поднять ихъ на копье, а тѣло, оттащенное на такъ называемую бычачью площадь, предать сожженію. Велѣлъ онъ подвергнуть участи Фоки и брата его Доментіола, Воносса и Леонтія, хранителя царскихъ сокровищъ. Такъ это и было сдѣлано.

Сергій, тогдашній предстоятель города, и прочее населеніе съ радостію приняли Ираклія. Ираклій уго-

варивалъ Криспа принять царское достоинство, ибо онъ увѣрялъ, что пришелъ не за царствомъ, а для того, чтобы отмстить за преступленія Фоки въ отношеніи къ Маврикію и его дѣтямъ. Но Криспъ не согласился. Наконецъ, синклитъ и народъ провозгласили императоромъ Ираклія, который отъ предстоятеля столицы получилъ царскій вѣнецъ. Криспа Ираклій назначилъ начальникомъ расположенныхъ въ Каппадокіи войскъ. Такъ какъ распространился слухъ, что Персы выступили противъ Римлянъ, то Ираклій отправился изъ Византіи къ Криспу въ Кесарію, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Криспъ притворился больнымъ и часто приходившаго къ нему императора неохотно и едва допускалъ къ себѣ, лежа съ видомъ немощнаго. Ходили слухи, что онъ даже поносить его. Ираклій понималъ притворство, однако сносилъ обиду и выжидалъ. Онъ считалъ потребнымъ прежде всего переговорить о необходимости взаимнаго труда на пользу государства. Криспъ же насмѣшливо утверждалъ, что не слѣдуетъ царю покидать дворецъ и быть съ войсками, расположенными вдали отъ столицы. Между тѣмъ у царя родился сынъ, котораго онъ назвалъ Константіномъ. Въ то же время прибылъ въ столицу и Никита патрицій. Поэтому Ираклій возвратился въ Византію и принялъ Никиту съ величайшими почестями и великолѣпіемъ, какъ родного брата и ровню, согласно условію, заключенному между ними при отправленіи изъ Ливіи. Приѣхалъ въ Византію и Криспъ, чтобы привѣтствовать прибытіе Никиты. Ираклій сдѣлалъ видъ, что онъ хочетъ освятить сына Божественнымъ крещеніемъ и имѣть воспріемникомъ Криспа. Посему послѣдній явился во дворецъ. Ираклій, пригласивъ членовъ синклита и многихъ другихъ гражданъ вмѣ-

стѣ съ первосвятителемъ Сергіемъ, говорятъ, сказалъ имъ: „противъ кого погрѣшаетъ тотъ, кто оскорбляетъ царя?“ Ему отвѣтили: „противъ Бога, Который поставилъ царя“. Онъ предложилъ также высказать свое истинное мнѣніе и Криспу. Не подозрѣвая умысла, Криспъ замѣтилъ, что позволившій себѣ такую дерзость, не заслуживаетъ снисхожденія. Царь напомнилъ ему, какъ онъ притворялся больнымъ въ Кесаріи, какъ онъ унижалъ царское достоинство, не смотря на то, что самъ убѣждалъ его принять царскую власть. вмѣстѣ съ тѣмъ, взявъ книгу, коснулся ею его щеки и сказалъ: „не сѣумѣвшій быть зятемъ какъ можетъ быть другомъ?“ Затѣмъ онъ велѣлъ остричь ему голову, какъ лицу духовному, а іерархъ прочиталъ установленныя при постриженіи молитвы. Вышедши затѣмъ, чтобы держать рѣчь къ солдатамъ Криспа, онъ сказалъ имъ: „до сихъ поръ вы служили попу Криспу, а теперь вы будете царской стражей“. Къ этому онъ присоединилъ обычное жалованіе для нихъ и назвалъ ихъ первыми тагмами. Солдаты, принявъ все это съ великою радостію, привѣтствовали царя вмѣстѣ съ прочимъ народомъ. Послѣ этого Криспъ былъ заключенъ въ одну изъ келлій монастыря Хора, гдѣ, проживъ годъ, скончался. Высшую послѣ царя должность Ираклій вручилъ брату своему Θεодору (носителя этой должности при дворѣ обыкновенно называютъ куропалатомъ), а Филиппика, зятя царя Маврикія по сестрѣ, въ то время постриженнаго въ духовный санъ, послалъ начальникомъ на мѣсто, которое прежде занималъ Криспъ. Филиппикъ, спустя нѣкоторое время, скончался и былъ погребенъ въ великолѣпномъ и честномъ имъ самимъ построенномъ храмѣ въ Хрисополѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени скончалась отъ

падучей болѣзни царица Евдокія. Во время перенесенія ея тѣла при обычномъ огромномъ стеченіи зрителей случилось, что нѣкая дѣвушка, бывшая служанкой у одного изъ гражданъ, смотря съ верхняго этажа, неосторожно плюнула въ воздухъ, и слюна упала на драгоцѣнную одежду, облакавшую тѣло царицы. Участвовавшіе въ процессіи пришли въ ярость, схватили дѣвушку, приговорили ее къ сожженію и такимъ образомъ безбожники незаконно по варварскому обычаю принесли нечестивую жертву при погребеніи царицы. Они искали также госпожу служанки, чтобы и ее подвергнуть тому же наказанію. Но она, чувствуя гибель, укрылась, и съ тѣхъ поръ ее не видали никогда. Таковы были событія при дворѣ.

А въ другомъ мѣстѣ случилось слѣдующее. Въ одной изъ провинцій (гдѣ собственно эта мѣстность, до сихъ поръ неизвѣстно) былъ нѣкто Вутилинь, человѣкъ отличавшійся знатностію рода и богатствомъ, имѣвшій чинъ, какъ его называютъ Римляне, кандидата. По сосѣдству съ нимъ жила одна вдова, которая плохо переносила это сосѣдство. Во время вѣдгорѣвшагося между ними спора о межахъ Вутилинь приказалъ своимъ слугамъ напасть на сосѣдей, и они дубинами убили одного изъ сыновей вдовы. Взявъ окровавленную одежду умершаго сына, вдова отправилась въ Византію къ Ираклію. Увидѣвъ его во время проѣзда, она забѣжала впередъ, схватила за уздечку лошадь, на которой онъ сидѣлъ, и, показывая ему одежду своего сына, вскричала: „пусть тоже будетъ съ твоими дѣтьми, государь, если ты тотчасъ же не отмстишь заслуженно кровь, которую я тебѣ показываю“. Нѣкоторые изъ тѣлохранителей, бывшихъ при царѣ, подошедши, хотѣли ударить ее,

но царь запретилъ имъ это, а женщинѣ приказалъ впредь не смѣть обращаться къ нему и искать правды судомъ, когда онъ назначитъ. Женщина, не получивъ удовлетворенія, удалилась съ громкимъ плачемъ. По прошествіи нѣкотораго времени человѣкъ, приказавшій совершить убійство, изъ опасенія, какъ бы женщина снова не стала взывать къ царю объ убитомъ, также отправился въ Византію и смѣшался съ толпой. Во время конскаго состязанія царь, увидѣвъ его среди гражданъ, приказалъ градоначальнику заключить замѣченнаго подъ стражу. Затѣмъ онъ послалъ за женщиной и тщательно изслѣдовалъ дѣло объ убійствѣ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, чтобы Вутилинъ принялъ отъ своихъ слугъ ту же казнь, какой онъ подвергъ убитаго, и былъ умерщвленъ такимъ же образомъ.

Послѣ святого крещенія своего сына Ираклія, его же Константина, ибо имѣлъ два имени, патріархомъ Ираклій принялъ его изъ Божественной купели на руки и тотчасъ же, возложивъ на него знаки царскаго достоинства, провозгласилъ его царемъ. А дочь свою Григорію онъ выдалъ замужъ за патриція Никиту. Такъ какъ послѣдній сталъ весьма близкимъ родственникомъ царя, то ему была воздвигнута позолоченая конная статуя на столбахъ на площади Форы. Таковы были событія въ Константинополѣ.

Тѣмъ временемъ Хосрой, царь Персидскій, собравъ большое войско, выслалъ его противъ Римлянъ, назначивъ начальникомъ Персидскихъ силъ Саита. Саитъ, устремившись на Александрію, силою взялъ городъ и покорилъ весь Египетъ, опустошилъ весь востокъ, множество плѣнныхъ увелъ съ собою, а другихъ избивалъ безъ всякаго сожалѣнія. Сдѣлавъ это, онъ потомъ со всѣмъ войскомъ отправился къ Халкидону,

осаждалъ его долгое время и пригласилъ императора для переговоровъ. Императоръ согласился и переправился къ нему съ царскою свитою и пышностію. Увидѣвъ его, Саитъ поднялся съ своего сидѣнія и, простершись на землю, поклонился ему. Императоръ же съ своего судна, на которомъ приплылъ, поздоровался съ нимъ и одѣлилъ его подарками. Саитъ сказалъ ему слѣдующее: „Желательно, государь, чтобы цари Римскій и Персидскій не разногласили между собою въ мысляхъ и отнюдь не выступали другъ противъ друга, а установили бы съ готовностію дружбу и договоры (что и прежде и теперь пріятно и отраднo всѣмъ людямъ, какъ лучшее основаніе жизни спокойной и благоустроенной), и чтобы договоръ пребывалъ въ силѣ во все время существованія имперіи. Вѣдь мы знаемъ, что никогда не будетъ государства, равнаго съ этими державами. Не слѣдуетъ поэтому, имѣя возможность благоразумно и разсудительно укрѣпить взаимное расположеніе и дружбу, поднимать оружіе другъ противъ друга и разорять безъ причины и заставлять бѣдствовать подданныхъ. Что можетъ быть въ концѣ всего этого? Если вы установите согласіе и миръ, то каждый изъ васъ будетъ счастливѣе другихъ людей и во всю свою жизнь будетъ заслуживать почтеніе и удивленіе; и труды и заботы для васъ будутъ смѣняться покоемъ и радостію. Если же вы, пренебрегая этимъ, пожелаете уничтожить величайшее благо—миръ, будете считать его для себя бесполезнымъ, предпочтете взаимную ненависть и вражду, то вы сдѣлаетесь виновниками многихъ войнъ, что ненавистно и отвратительно уже само по себѣ, возьмете на себя величайшіе труды и тягости, а также даромъ израсходуете множество людей и денегъ. Однимъ словомъ, война приведетъ васъ къ великому

бѣдствію. Это вы можете видѣть и теперь: съ того времени, какъ я сдѣлалъ вторженіе въ Римскую землю, она испытала ужасы и страданія. Отсюда въ концѣ концовъ дѣла ваши придутъ въ весьма жалкое и плачевное состояніе“. Говоря это, онъ клялся, что серьезно старается о томъ, чтобы державы Римская и Персидская пришли къ соглашенію. Императоръ выказалъ готовность поступить такъ, но прибавилъ, что для увѣренности въ томъ, въ чемъ клялся Саитъ, нужно и согласіе Хосроя. Саитъ сказалъ: если мнѣ вѣрите, то вы пошлете со мною пословъ по этому дѣлу къ Хосрою (я убѣжденъ, что и онъ будетъ того же мнѣнія), заключите съ нами договоръ и установите на все послѣдующее время твердый, ненарушимый миръ“.

Императоръ Ираклій, услышавъ это, тронутый и очарованный дружескими и заманчивыми словами Саита, обѣщалъ сдѣлать все съ готовностію и охотою. На совѣтъ по этому дѣлу въ пользу его дѣйствовали и одобряли патріархъ и вельможи. Посему тотчасъ же были выбраны послы—Олимпій чиномъ префектъ преторій, Леонтій градоначальникъ и Анастасій, экономъ великой церкви, именуемой Софіей.

Взявъ ихъ, Саитъ отступилъ отъ Халкидона и удалился къ предѣламъ Персіи. Пока онъ шелъ по Римской землѣ, посламъ онъ оказывалъ уваженіе и почтеніе, но когда вступилъ въ Персію, заковалъ ихъ въ желѣзо и представилъ Хосрою. Когда Хосрой узналъ, что Саитъ принялъ Ираклія, какъ царя, и воздалъ ему почести вмѣсто того, чтобы привести его къ нему плѣнникомъ (что онъ спалъ и видѣлъ), сильно вознегодовалъ на него и наконецъ, содравъ съ него кожу на мѣхъ, осудилъ его на ужасную и жестокую смерть. А Римскихъ пословъ, размѣ-

стивъ каждого порознь, онъ подвергъ строгому заключенію и величайшимъ истязаніямъ.

Это очень огорчало и тревожило императора. Къ тому же въ государствѣ въ то время появился сильный голодъ, ибо Египетъ уже пересталъ поставлять хлѣбъ, вслѣдствіе чего царскіе запасы хлѣба почти истощились. Въ то же время на жителей столицы напала заразная болѣзнь и многихъ изъ нихъ губила. Все это наводило на императора уныніе и отчаяніе. По сей причинѣ онъ хотѣлъ удалиться въ Ливію и уже выслалъ туда множество сокровищъ, золота, серебра и драгоценныхъ камней. Но весьма многое изъ этого было погребено морскими волнами въ гавани во время сильной бури. Узнавъ о такомъ намѣреніи императора, горожане, насколько это было въ ихъ силахъ, старались удержать его. И патріархъ, призвавъ царя въ храмъ, заставлялъ его дать клятву, что не оставитъ столицы. Уступая имъ, онъ, хотя и скорбѣлъ по поводу наступившихъ бѣдствій, согласился на ихъ просьбу противъ собственнаго желанія.

По прошествіи нѣкотораго времени вождь Гунновъ съ начальниками и свитою пришелъ въ Византію и просилъ царя принять его въ христіанство. Царь принялъ его съ радостію, и при крещеніи вельможи Римскіе были восприемниками вельможъ Гуннскихъ, а супруги первыхъ воспринимали женъ послѣднихъ. Затѣмъ царь почтилъ новокрещенныхъ царскими дарами и чинами. Начальника ихъ онъ удостоилъ званія патриція и дружески отпустилъ ихъ на родину.

Послѣ этого и вождь Аваровъ отправилъ къ Ираклію пословъ для переговоровъ о мирѣ. Весьма обрадованный этимъ, Ираклій отвѣтилъ ему дарами и отправилъ къ нему пословъ—Аенасія патриція и еще Косму, имѣвшаго чинъ, какъ его называютъ, кве-

стора, которые были уполномочены передать ему рѣшеніе императора. Аваръ, притворяясь другомъ, льсти-
во и вкрадчиво бесѣдовалъ съ ними, убѣдилъ ихъ,
что онъ другъ Римлянъ, и обѣщалъ придти къ царю
для заключенія союза. Послы по возвращеніи поста-
вили царя въ извѣстность о его расположеніи къ
Римлянамъ. Ираклій принялъ это съ великою радо-
стію и рѣшилъ встрѣтиться съ Аваромъ въ городѣ
Ираклеѣ, какъ это было условлено между ними. Онъ
отправилъ впередъ сценическія принадлежности, под-
готовлялъ къ его пріему конскія состязанія и везъ
съ собою великолѣпную одежду для него и для его
свиты. Прибывъ въ городъ Силимврію, онъ остано-
вился, а спустя три дня въ Ираклею явился каганъ
съ великимъ множествомъ Аваровъ. Отдѣливъ отрядъ
изъ своихъ, какіе были посильнѣе и похрабрѣе, ка-
ганъ размѣстилъ ихъ по лѣсамъ и ущельямъ, подни-
мавшимся отъ такъ называемыхъ долгихъ стѣнъ,
и разсыпалъ ихъ по горамъ, поросшимъ кустарни-
комъ, чтобы, находясь въ тылу царя, они легко могли
схватить его и его спутниковъ. Когда Ираклій узналъ
объ этомъ, страшно пораженный неожиданностію, онъ
снялъ съ себя пурпурную одежду, надѣлъ бѣдное и
жалкое платье, чтобы при встрѣчахъ казаться про-
стымъ человѣкомъ, а царскую корону, привязавъ къ
рукѣ, тотчасъ же обратился въ постыдное бѣгство
и, едва спасшись, прибылъ въ Византію. Авары же
съ ожесточеніемъ бросились преслѣдовать и, достиг-
нувъ равнины предъ городомъ, которая называется
Эвдомономъ, расположились тамъ. Отсюда они дохо-
дили до моста на рѣкѣ Варниссѣ, опустошали окре-
стности, избивали во множествѣ Римлянъ, захватили
царскія одежды и украшенія, а также театральныя
принадлежности и тѣхъ, которые сопровождали ихъ.

Забравъ великое множество плѣнныхъ, они вернулись домой. Число всѣхъ плѣнныхъ обоого пола достигало двухсотъ семидесяти тысячъ, какъ объ этомъ согласно доносили нѣкоторые убѣжавшіе изъ плѣна.

При такомъ общегосударственномъ замѣшательствѣ и разстройствѣ Ираклій не заботился о благоустроении и своихъ частныхъ дѣлъ. Преступно и вопреки законамъ Римскимъ онъ женился на племянницѣ Мартинѣ. Эта Мартина была дочерью сестры его Маріи, и отцомъ своимъ имѣла Мартина, который былъ мужемъ Маріи прежде Евтропія. Отъ нея Ираклій имѣлъ двухъ сыновей—Флавія и Θεодосія. Но Правосудіе покарало беззаконность этого брака, ибо шея старшаго сына была свернута такъ, что онъ не могъ повернуть головы въ другую сторону, а младшій былъ лишенъ слуха и нѣмымъ. Во время конскихъ ристаній члены партіи зеленыхъ ругали это нечестивое сожитіе, тогда какъ члены партіи голубыхъ одобряли и поощряли его. Византійскій патріархъ Сергій въ письмѣ настойчиво внушалъ Ираклію, чтобы онъ оставилъ сожитіе съ этою женщиной. Ираклій же такъ отвѣчалъ ему: „что ты говоришь, это очень хорошо,—ты исполнилъ свой долгъ архіерея и друга,—а какъ поступить, это будетъ зависѣть отъ меня“. Въ то же время были проданы сокровища изъ церквей для уплаты дани варварамъ.

Но и Хосрой, царь Персидскій, снова вооружился противъ Римлянъ и назначилъ начальникомъ войскъ Сарвара, который опустошилъ весь Востокъ. Въ правленіе тогдашняго Іерусалимскаго патріарха Модеста онъ захватилъ въ святыхъ мѣстахъ животворящее древо спасительнаго креста. Въ то же время Персы подготавливались и старались дойти до Халкидона. Тревожимый Персами и Аварамъ, когда вмѣстѣ съ

этимъ Римское государство страдало и отъ голода и отъ губельной заразы, Ираклій призываетъ патріарха Сергія, вельможъ и простой народъ, передаетъ имъ своихъ дѣтей, вручаетъ управленіе дѣлами патрицію Бону и, отплывъ по Эвксинскому морю, пытается вторгнуться въ Персію черезъ землю Лазовъ. Здѣсь у него родился сынъ отъ Мартины (онъ взялъ ее съ собою), котораго называлъ Иракліемъ. Отсюда онъ послалъ дары вождю Турокъ, приглашая его къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Персовъ. Принявъ дары, вождь обѣщалъ помощь. Узнавъ объ этомъ, Ираклій самъ направился къ нему. А тотъ, когда услышалъ о приближеніи царя, вышелъ къ нему навстрѣчу со множествомъ Турокъ и, сойдя съ коня, поклонился царю въ землю. Тоже сдѣлали вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его люди. Царь, видя такія почести, сказалъ, чтобы онъ, если дружба его нелицемѣрна, подѣлялъ къ нему, называя его своимъ сыномъ. Царь обнялъ его и, снявъ съ своей головы корону, возложилъ ее на голову Турка, а послѣ пира подарилъ ему всю посуду, которая употреблялась во время пиршества, царское одѣяніе и серьги, украшенные жемчугомъ. Точно также и бывшихъ съ нимъ вельможъ онъ украсилъ собственноручно подобными же серьгами. Затѣмъ, опасаясь, какъ бы и этотъ не сдѣлалъ того же, что сдѣлалъ Аваръ, онъ сильнѣе скрѣпилъ союзъ съ нимъ, показалъ ему портретъ своей дочери Евдокіи и сказалъ: „Богъ соединилъ насъ и въ тебѣ указалъ мнѣ сына,—вотъ эта—дочь моя, Римская августа,—если ты будешь содѣйствовать и поможешь мнѣ противъ враговъ, я отдамъ ее тебѣ въ жены“. Турокъ, полный восхищенія предъ красотой и великолѣпіемъ портрета и желая обладать первообразомъ, еще болѣе сталъ усердствовать въ

пользу союза. Немедленно же онъ передалъ царю военачальника и Турецкое войско. Вторгнувшись съ ними въ Персію, Ираклій разорялъ города и разрушалъ капища. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ было найдено, что Хосрой, считая себя богомъ, воздвигъ свою фигуру въ сидячемъ положеніи на крышѣ капища, какъ бы на небѣ, причемъ были изображены молнія, солнце и луна, а кругомъ ангелы,—а также была устроена машина, чтобы производить громъ и дождь, по желанію. Увидѣвъ эту мерзость, Ираклій повергъ ее на землю и превратилъ въ пепелъ. Хосрой, услышавъ объ этомъ и узнавъ, что Ираклію помогаютъ Турки, извѣстилъ письмомъ обо всемъ Сарвара и приказалъ ему, какъ можно скорѣе, возвратиться изъ Римской державы и вступить въ борьбу съ Иракліемъ, ибо онъ не можетъ противостоять его войску. Но это письмо было перехвачено и доставлено Ираклію. Ираклій, прочитавъ и уничтоживъ его, составилъ отъ лица Хосроя другое письмо и запечаталъ его печатью Хосроя. Письмо это было слѣдующаго содержанія: „кесарь Римскій завязалъ дружескія связи съ Турками и дошелъ до Адорвадиджана. Пославъ противъ него войско, я уничтожилъ его и Турокъ; немногіе бѣжали. Посему не уходи изъ Римской земли, но осаждай Халкидонъ, бери въ плѣнъ и грабь Римлянъ“. Получивъ это письмо, Сарваръ началъ осаду.

Между тѣмъ Авары, нарушивъ договоръ (Ираклій прежде, чѣмъ выступить противъ Персовъ, укрѣпилъ этотъ договоръ дарами, посланными Аварамъ, обѣщалъ кромѣ того доставить имъ 200,000 монетъ и въ качествѣ заложниковъ далъ имъ одного изъ своихъ сыновей по имени Іоанна, а по прозванію Аталариха, незаконорожденнаго отъ конкубины,—Стефана, своего

племянника, сына сестры Маріи и Евтропія,—и другого Іоанна, сына патриція Бона, также рожденнаго отъ конкубины), явились подѣ стѣнами Константинополя и немедленно выжгли всѣ предмѣстья. Такимъ образомъ, какъ бы раздѣливъ Босфоръ Оракійскій, Персы грабили Азіатскую сторону, а Авары опустошали Оракійскую. Желая взять Константинополь, Авары построили осадныя машины—деревянные башни и своды. Но когда эти сооруженія были придвинуты къ стѣнамъ, божественная сила внезапно разрушила ихъ и истребила бывшихъ въ нихъ Аварскихъ воиновъ.

Авары привели съ собою много Славянъ и пользовались ихъ помощію. Они сообщили имъ условный знакъ, состоявшій въ томъ, что какъ только Славяне увидятъ на передовой Влахернской стѣнѣ, называемой Крыломъ, зажженные факелы, они тотчасъ же должны были выступить на своихъ долбленыхъ лодкахъ, чтобы, плывя къ городу, произвести сильное смятеніе, въ то время какъ сами Авары, получивъ безпрепятственно доступъ со стороны стѣнъ, явятся внутри города. Узнавъ объ этомъ, патрицій Бонъ снарядилъ двухрядныя и трехрядныя весельныя суда, вооружилъ и отправилъ ихъ въ мѣсто, которое было назначено Аварами и Славянами. Точно также послалъ онъ двухрядныя суда и къ противоположному берегу. Затѣмъ онъ приказалъ немедленно подать условленный между Аварами и Славянами знакъ. Увидѣвъ его, Славяне устремились изъ рѣки Варнисса и направились къ городу. Но наши суда встрѣтили ихъ и быстро истребили,—морская вода сильно окрасилась кровью. Среди труповъ убитыхъ оказались и славянскія женщины. При видѣ этого варвары оставили осаду и возвратились домой. Архіерей столицы съ императоромъ Константиномъ, прибывъ въ храмъ

Богоматери во Влахернахъ, вознесли Богу благодарственные молитвы. Тамъ немедленно построили стѣну и воздвигли крѣпость для огражденія этого святаго храма. Такъ было съ Аварамъ.

Хосрой, узнавъ, что Ираклій приближается къ Персидской границѣ, выслалъ противъ него военачальника Ризата, человѣка храбраго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Ризатъ, построивъ войско въ боевой порядокъ предъ царемъ и выступивъ впереди своихъ рядовъ, вызывалъ охотника на одиночный бой. Не видя никого изъ своего войска готовымъ (принять вызовъ), Ираклій самъ выступилъ противъ варвара. Послѣдній, какъ опытный стрѣлокъ, пустивъ стрѣлу, ранилъ царя въ верхнюю губу; потомъ второй стрѣлой онъ оцарапалъ ему колѣно. Но Ираклій выступилъ противъ него на конѣ,—и вотъ одинъ изъ его тѣлохранителей, предупредивъ его, отрубилъ Ризату плечо мечомъ, а Ираклій уже упавшаго пронзилъ копьемъ и тотчасъ отсѣкъ ему голову. Эта побѣда ободрила Римское войско, видѣвшее храбрость царя: оно тотчасъ дружно ударило на Персовъ и совершенно опрокинутыхъ преслѣдовало и избивало во множествѣ.

Начальники Персидскіе, узнавъ, что царь Римскій жертвуетъ своею жизнію ради своего государства, вмѣстѣ съ сыномъ Хосроя, Сироемъ задумали умертвить Хосроя за великое нерадѣніе его о своемъ государствѣ. Они заключили его въ одномъ изъ царскихъ дворцовъ, не давали ему пищи и предлагали золото, серебро и множество драгоценныхъ камней, говоря: „наслаждайся тѣмъ, о чемъ ты грезилъ, что любилъ и собиралъ“. Наконецъ, наголодавшася они убили его, а Сироя, его сына, провозгласили царемъ Персидскимъ. Сирой немедленно отправилъ къ Ирак-

люю пословъ и дары для заключенія мира. Онъ писалъ Ираклію, чтобы государства ихъ были въ союзѣ, имѣли миръ отъ Бога и оба наслаждались тишиною. На это Ираклій отвѣчалъ, называя Сироя своимъ сыномъ, что у него никогда не было въ мысли отнимать власть у царя, даже у Хосроя. „Пусть бы даже, писалъ Ираклій, Хосрой причинилъ еще болѣе бѣдъ Римлянамъ и Персамъ, я постарался бы, если-бы онъ остался въ живыхъ, хотя бы я одолѣлъ его, снова поставить его на царство. Но Богъ, зная намѣренія его, послалъ ему достойное наказаніе и для отвращенія гибели многихъ даровалъ намъ нынѣ согласіе“. Къ этому Ираклій присоединилъ настойчивую просьбу о возвращеніи Животворящаго Древа, взятаго Сарваромъ въ Іерусалимѣ. Сирой обѣщалъ возвратить его, если оно найдется. О послахъ же, которыхъ Саитъ коварно доставилъ Хосрою, Сирой сообщилъ, что Леонтій умеръ естественною смертію, а другихъ Хосрой замучилъ въ колодахъ, когда узналъ, что самъ Ираклій вторгся въ Персію.

Вскорѣ умеръ Сирой и царствомъ Персидскимъ овладѣлъ Кавой, который также спустя немного умеръ. Послѣ него надъ Персами воцаряется Ормизда. Онъ отправилъ къ Ираклію пословъ и своего сына съ деньгами и драгоценными подарками. Въ посланіи своемъ Ормизда писалъ: „какъ Богъ вашъ, по словамъ вашимъ, былъ переданъ въ объятія старца Симеона, такъ я передаю въ руки твои твоего раба моего сына,—да вѣдаетъ это Богъ, Коего ты чтить“. Ираклій принялъ его съ большими почестями, а потомъ по смерти Ормизды сдѣлалъ его Персидскимъ царемъ.

Сарваръ, услышавъ что Хосрой, Сирой, Кавой и Ормизда умерли, удалился изъ Римской земли и въ

письмѣ къ Ираклію оправдывался тѣмъ, что не по своей волѣ, а по распоряженію пославшаго его такъ поступалъ онъ съ Римлянами. Онъ просилъ позволенія явиться къ нему и быть его рабомъ. Удовольренный честнымъ словомъ царя, онъ обѣщалъ прибыть къ нему и привезти изъ Персіи денегъ, съ которыми можно было бы возстановить то, что онъ разрушилъ въ Римской землѣ. Между тѣмъ сынъ Ормизды палъ жертвою заговора, и Сарваръ сталъ просить у царя власть надъ Персами. Царь согласился на это подѣ условіемъ, чтобы возвращено было Римлянамъ все, взятое у нихъ Персами. По заключеніи міра, Сарваръ немедленно возвратилъ Римлянамъ Египетъ и весь Востокъ, откуда Персы были удалены, а также прислалъ царю Животворящее Древо. Ираклій почтилъ Никиту, сына Сарвара, достоинствомъ патриція, дочь его Нику взялъ въ замужество за Θεодосіа, своего сына отъ Мартини. А Григорію дочь Никиты, вызвавъ изъ Пентаполя, сочеталъ бракомъ съ Константиномъ, царемъ Римскимъ. Она обручена была еще при жизни своего отца.

Въ тоже время изъ Эерива (это страна Счастливой Аравіи) появились Сарацены и стали опустошать прилежающія мѣстности. Ираклій приказалъ дочери своей Евдокіи, которую онъ обѣщалъ Турку, отправляться изъ Византіи. Но когда узналъ, что Турокъ убитъ, онъ велѣлъ ей вернуться. Во время пребыванія Ираклія въ Персіи у него умерли два сына и двѣ дочери. Взявъ съ собою Животворящее Древо, остававшееся запечатаннымъ въ томъ видѣ, какъ оно было взято въ плѣнъ, Ираклій отправился въ Іерусалимъ и показалъ его патриарху Модесту и его клиру. Они признали печать цѣлой. И такъ какъ оно сохранилось неприкосновеннымъ для рукъ и недо-

ступнымъ зрѣнію нечестивыхъ и скверныхъ варваровъ, то они за это вознесли Богу благодарственное моленіе. Патріархъ принесъ остававшійся у него ключъ отъ ковчега съ древомъ, и, когда открылъ его, всѣ поклонились честному дереву. Послѣ же воздвиженія Древа царь немедленно послалъ его въ Византію. Византійскій патріархъ Сергій встрѣтилъ его съ пѣснопѣніями изъ Влахернскаго храма Богоматери и, препроводивъ въ великую церковь (Св. Софій), тамъ воздвигъ его. Все это случилось во второмъ индиктіонѣ.

10 Немного послѣ Ираклій отправился въ Византію и былъ принятъ городомъ съ великою радостію и необыкновенными почестями. Онъ привелъ съ собою четырехъ слоновъ, которыхъ во время конскихъ ристаній велѣлъ водить для удовольствія народа, а въ торжественные дни празднованія побѣдъ охотно раздавалъ щедрые дары. Такъ какъ онъ взялъ сокровища Великой Церкви, то приказалъ выдавать ежегодно деньги для нея и для ея клира изъ царской казны. Послѣ того Ираклій возвелъ своего сына Константина въ консульство, а Ираклія, сына отъ Мартины, сдѣлалъ кесаремъ.

Спустя немного времени Сарацины сдѣлали набѣгъ на окрестности Антіохіи. Ираклій немедленно же съ женой Мартиной и сыномъ Иракліемъ отправился въ восточныя страны. Тамъ онъ былъ разгнѣванъ братомъ своимъ Θεодоромъ, который, какъ нѣкоторые утверждали, поносилъ царя изъ - за Мартины словами псалма (50, 5), что „грѣхъ его предъ нимъ выну“. Ираклій отослалъ его въ Византію, написавъ сыну Константину, чтобы онъ, лишивъ его чести предъ собраніемъ народнымъ, держалъ подъ стражею. А военачальникомъ востока онъ назначилъ Θεодора,

хранителя царскихъ сокровищъ, по прозванію Триенріа, ибо Сергій, бывшій при Никитѣ, умеръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Сарацины, снявъ шкуру съ верблюда, завернули въ нее Сергія и зашили. По мѣрѣ высыхания кожа сжималась и душила зашитаго въ ней, отчего и померъ онъ въ жестокихъ мукахъ. Сарацины обвиняли его въ томъ, что онъ уговорилъ Ираклія не позволять имъ выходить изъ Римской земли и высылать изъ Римской державы обычно доставлявшіяся имъ чрезъ торговый обмѣнъ тридцать литръ золота ¹⁾, за что они стали опустошать Римскія земли. Ираклій запретилъ Θεодору вступать въ сраженіе съ Сарацинами. Но они, устроивъ засады, начали перестрѣливаться съ небольшимъ числомъ Римлянъ и, заманивъ ихъ, внезапно бросились на нихъ изъ засадъ, окружили и умертвили много воиновъ и начальниковъ.

Въ это время Марія, сестра Ираклія, послала денегъ кагану Аварскому и возвратила своего сына Стефана. Довольный такими дарами, Аваръ просилъ магистра Антоніана, чтобы и онъ прислалъ подарки и получилъ другихъ заложниковъ. Такъ это и было сдѣлано.

Въ это же время Кувратъ, племянникъ Органы, вождь Унногундуровъ, возсталъ противъ кагана, надругался надъ ввѣренными ему каганомъ народомъ и выгналъ его изъ родной земли. Кувратъ отправилъ пословъ къ Ираклію и заключилъ съ нимъ миръ, который они хранили до конца своей жизни. Ираклій послалъ ему дары и почтилъ его достоинствомъ патриція.

Во время своего пребыванія на Востокъ Ираклій

¹⁾ Для пониманія этого мѣста ср. Theophanis Chonographia ad an. 6123 et 6124.

назначилъ военачальникомъ Іоанна Варкена и послалъ его противъ Сарацинъ Египетскихъ, въ сраженіи съ которыми онъ палъ. Также и Маринъ, начальникъ войскъ Оракійскихъ, былъ побѣжденъ въ сраженіи съ ними, потерялъ много войска и самъ едва спасся. Послѣ него Ираклій назначилъ военачальникомъ Маріана, имѣвшаго римскій чинъ кубикюлярія. Онъ послалъ его въ Египетъ съ приказаніемъ войти въ сношенія съ патріархомъ Александрійскимъ Киромъ и сообщая съ нимъ обсудить отношенія къ Сарацинамъ. Киръ убѣждалъ царя заключить съ Омаромъ, начальникомъ Сарацинъ, миръ на условіи уплаты дани, причемъ полагалъ достать ее путемъ пошлинъ на товары, не уменьшая того, что поступало въ пользу царя. Совѣтовали также обѣщать Омару Евдокію Августу или одну изъ дочерей царя, чтобы этимъ побудить Омара креститься и сдѣлаться христіаниномъ. Омаръ и войско его слушались Кира, ибо очень любили его. Но все это не понравилось Ираклію. Когда Маріанъ узналъ объ этомъ, онъ отвергъ планы Кира и вступилъ въ сраженіе съ Сарацинами, причемъ погибъ самъ и потерялъ много войска.

Тѣмъ временемъ Ираклій вернулся домой и жилъ въ такъ называемомъ Іерійскомъ дворцѣ, боясь плыть по морю. И хотя сановники и горожане усиленно просили его войти въ городъ, никакъ не могли уговорить. Во время праздниковъ онъ посылалъ только сыновей, и они, выстоявъ въ храмѣ божественную литургію, немедленно возвращались къ нему. Равнымъ образомъ и послѣ посѣщенія конскихъ состязаній они возвращались опять къ отцу. Въ то время, какъ онъ пребывалъ тамъ, ему донесли, что сынъ его Аталарихъ и магистръ Θεодоръ, сынъ Θεодора,

брата царя, съ нѣкоторыми другими составили противъ него заговоръ. Довѣряя доносчикамъ, Ираклій отрубилъ заговорщикамъ носы и руки и Аталариха сослалъ на островъ Принкипо ¹⁾, а Θεодора на островъ Гавдомелеть, приказавъ тамошнему правителю отрубить, когда онъ придетъ, одну изъ ногъ. Также были наказаны и ихъ соучастники въ заговорѣ.

По прошествіи достаточнаго времени царскіе вельможи уговорили начальника города собрать побольше судовъ и, соединивъ ихъ другъ съ другомъ, устроить мостъ черезъ проливъ, называемый Тѣснымъ, оградить его перилами и древесными вѣтвями, чтобы при проходѣ черезъ него не было видно моря. Предпріятіе это скоро было приведено къ концу, и царь на лошади, какъ по сушѣ, переправился на берегъ залива Фидалии и, не проходя берегомъ, вошелъ въ Византію черезъ мостъ на рѣкѣ Варниссѣ. Послѣ этого кесаря Ираклія онъ короновалъ царемъ.

Двѣнадцатаго индиктіона скончался Сергій, патріархъ Константинопольскій. Такъ какъ Ираклій былъ расположенъ къ Пирру, называлъ его своимъ братомъ, какъ восприемникъ при божественномъ крещеніи сестры его, и такъ какъ зналъ, что онъ былъ близокъ къ Сергію и жилъ съ нимъ, то провозгласилъ его патріархомъ Византійскимъ. Незадолго передъ тѣмъ былъ призванъ въ Византію патріархъ Александрійскій Киръ. Царь взводилъ на него тяжелое обвиненіе въ томъ, что онъ продалъ Египетъ Сарацынамъ. Это обвиненіе было предъявлено при большомъ стеченіи народа. Патріархъ защищался, говоря, что онъ никогда не былъ повиненъ въ этомъ, что если бы его совѣтъ имѣлъ успѣхъ и еслибы

¹⁾ Принцевы острова.

Сарацинамъ были отданы пошлины съ торговли, они успокоились бы, и доходы царя не были бы потеряны. Въ этомъ онъ обвинялъ другихъ и утверждалъ, что его самого обвиняють напрасно. А Ираклій называлъ Кира язычникомъ, ибо онъ совѣтовалъ обѣщать дочь царя язычнику, богоборцу и врагу христіанъ, начальнику Сарацинъ Омару. Съ гнѣвомъ на него и съ угрозами убить его онъ передалъ его начальнику города для пытки.

Послѣ этого Ираклій сдѣлалъ консуломъ сына своего Ираклія, сыновей Давида и Марина объявилъ кесарями, а дочерей Августину и Мартину августами. По прошествіи нѣкотораго времени Ираклій сталъ страдать водяною болѣзнію. Видя ея неизлѣчимость (дѣло доходило до того, что когда онъ хотѣлъ спустить урину, то клалъ на низъ живота дощечку, ибо дѣтородный удъ заворачивался и посылалъ мочу ему въ лицо,—это было обличеніемъ преступленія его и наказаніемъ за то, что онъ женился на своей племянницѣ), онъ составилъ завѣщаніе, по которому его сыновья Константинъ и Ираклій должны были одинаково получить царское достоинство и чтить Мартину его жену, какъ мать и царицу. Послѣ этого онъ умеръ шестидесяти шести лѣтъ отъ роду, процарствовавъ тридцать лѣтъ четыре мѣсяца и шесть дней. Погребенъ въ храмѣ всехвальныхъ Апостоловъ. Гробница, приготовленная для его тѣла, оставалась открытою въ теченіи трехъ дней, какъ самъ онъ приказалъ еще при жизни, въ присутствіи прислуживавшихъ ему евнуховъ.

Послѣ этого Августа Мартина пригласила патриарха Пирра, царскихъ, сановниковъ, собрала Византійскій народъ и показала имъ завѣщаніе Ираклія, содержавшее распоряженіе относительно ея дѣтей. Всѣ

присутствующіе потребовали царей Константина и Ираклія. Она привела ихъ и въ тоже время разсчитывала, какъ царица, занимать первое мѣсто въ государствѣ. Но нѣкоторые изъ присутствующихъ замѣтили ей: „ты должна чествоваться, какъ мать царей, а они, какъ цари и владыки“. Константину отдали первенство, ибо онъ прежде былъ провозглашенъ царемъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ. „Ты не можешь, госпожа, говорили присутствующіе, ни принимать варваровъ и иностранцевъ, приходящихъ въ столицу, ни вести съ ними переговоровъ,—Богъ да не попуститъ водвориться такимъ порядкамъ въ Римской державѣ“. Привѣтствуя императоровъ, народъ сталъ расходиться. Услышавъ это, и царица удалась въ свой дворецъ.

Съ этого времени Константинъ вступилъ во власть. 79
Филагрій, хранитель царскихъ сокровищъ, доложилъ ему, что отецъ его Ираклій во время болѣзни передалъ патріарху Пирру деньги для царицы Мартины, чтобы она при Константинѣ, царѣ и преемникѣ его, по удаленіи изъ дворца не терпѣла нужды. Константинъ послалъ за Пирромъ и спросилъ его, правда ли это. Пирръ, уличаемый Филагріемъ, хотя и противъ воли, выдалъ деньги.

Но Константинъ страдалъ хроническою болѣзнію и ради хорошаго воздуха жилъ во дворцѣ, построенномъ имъ въ Халкидонѣ. Филагрій, видя его больнымъ и предвидя близкую кончину, опасался вражды къ себѣ со стороны Ираклія и Мартины. Посему онъ посоветовалъ Константину написать войскамъ, чтобы въ случаѣ его смерти они позаботились о его дѣтяхъ и не допустили бы обижать и устранять ихъ отъ царства. Константинъ, сочувствуя этому, поручилъ Валентину, оруженосцу Филагрія, письмо и про-

чье, что относилось къ этому дѣлу и послалъ его къ войску, причемъ далъ ему денегъ въ количествѣ пятидесяти тысячъ и сверхъ того еще шестнадцати тысячъ монетъ, думая склонить офицеровъ послѣ своей смерти возстать противъ Мартины и ея дѣтей. Константинъ царствовалъ съ отцомъ двадцать восемь лѣтъ и умеръ, процарствовавъ еще сто три дня.

Послѣ него императоромъ былъ провозглашенъ Ираклій, съ которымъ участвовала въ управленіи мать его Мартина. Ираклій немедленно принесъ въ даръ Богу въ храмъ корону своего отца, которая стояла около восьмидесяти золотыхъ литръ и была похоронена съ нимъ, но которую сынъ его Константинъ взялъ изъ храма. Въ тоже время онъ водворилъ на кафедрѣ Кира, патріарха Александрійскаго. А Филагрія, послѣ постриженія, сослалъ въ крѣпость Септасъ, находящуюся въ Западной Ливіи за Геркулесовыми столбами. И многихъ другихъ, кои были признаны друзьями и пособниками его, Ираклій подвергъ бичеванію и другимъ наказаніямъ. Но Валентинъ, оруженосецъ Филагрія, узнавъ объ этомъ, возбудилъ противъ Мартины и ея дѣтей войско, при помощи коего завладѣлъ Халкидономъ и жилъ тамъ, намѣреваясь поддерживать дѣтей Константина. Ираклій же, обезопасивъ городъ, оправдывался предо всѣми и говорилъ, что Ираклій, сынъ Константина, пребываетъ невредимымъ, показывалъ его всѣмъ здоровымъ и цѣлымъ и заботился о немъ, какъ о родномъ дѣтищѣ. Въ подтвержденіе этого онъ ссылался на то, что при божественномъ крещеніи былъ воспріемникомъ Ираклія. Присутствовавшій при этомъ патріархъ, касаясь Животворящаго Древа, клялся, что ни онъ, ни кто другой дѣтямъ Константина не причинитъ худа. Валентина же онъ старался представить умышляющимъ

противъ нихъ и домогающимся трона. Чтобы еще болѣе увѣрить всѣхъ, царь, взявъ съ собою Ираклія, переправился къ Валентину и хотѣлъ поклясться и убѣдить его, что онъ любитъ Ираклія. Но Валентинъ не принялъ и отослалъ его. Царь возвратился и разсказалъ обо всемъ народу. Народъ повѣрилъ ему и ругалъ Валентина.

Съ наступленіемъ поры сбора винограда жители столицы при видѣ того, какъ войско Валентина опустошаетъ виноградники и не позволяетъ имъ переправиться на ту сторону, явились къ Пирру съ криками, чтобы онъ вѣнчалъ на царство Ираклія, сына Константина. Пирръ при видѣ этого возмущенія и смятенія народа говорилъ, что народъ возсталъ не ради этого, а ради того, чтобы доставить царство Валентину. Такъ какъ народъ настаивалъ, то онъ доложилъ обо всемъ царю. Послѣдній, взявъ съ собою племянника Ираклія, немедленно явился въ храмъ, возшелъ вмѣстѣ съ Пирромъ на амвонъ и пригласилъ его короновать Ираклія. Но народъ заставлялъ сдѣлать это царя. Тогда царь, взявъ въ церкви корону своего отца Ираклія, исполнилъ требованіе. Народъ сейчасъ же переименовалъ коронованнаго Ираклія въ Константина. Наихудшіе и грубѣйшіе изъ народа вооружились противъ Пирра и въ сопровожденіи сброда изъ евреевъ и другихъ зловѣрныхъ ворвались въ алтарь, разорвали покровъ, безстыдно осквернили святое мѣсто, взяли ключи отъ дверей, подняли ихъ на копьѣ и такъ нечестиво ходили по городу. Узнавъ объ этомъ, Пирръ на слѣдующую ночь пришелъ въ храмъ, поцѣловалъ всѣ святыни, снялъ бывшій на немъ омофоръ, положилъ его на престолъ и сказалъ: „не отъ священства я отказываюсь, а отрекаюсь отъ непокорнаго народа“. Неза-

мѣтно выйдя оттуда, онъ укрылся у одной благочестивой женщины и, выбравъ благопріятное время, отплылъ въ Халкидонъ. Услыхавъ о его прибытіи, нѣкоторые изъ тамошнихъ монаховъ подняли вопросъ объ опредѣленіи, которое издалъ покойный царь Ираклій и столичный іерархъ Сергій касательно двухъ волей и дѣйствованій Христа Спасителя, защитниками коихъ были Максимъ и Θεодосій Африканцы. Такъ было съ Пирромъ.

Такъ какъ сторонники Валентина занимали Халкидонъ, то Ираклій и Мартина въ предотвращеніе опустошенія тамошнихъ предмѣстій необходимо должны были войти съ нимъ въ соглашеніе и подтвердить его обоюдными клятвами. Валентинъ получилъ чинъ, который Римляне называютъ комитомъ экскуваторовъ. Отъ него не потребовали и денегъ, которыя онъ получилъ отъ Константина. Собравшіеся около него солдаты получили денежныя награды. Давидъ былъ вѣнчанъ кесаремъ и получилъ имя Тиверія. По окончаніи всего этого на кафедре патріарха Константинопольскаго былъ рукоположенъ Павелъ, эконоомъ Великой Церкви, въ октябрѣ мѣсяцѣ пятнадцатаго индиктіона. Константинъ же былъ измѣннически убитъ въ Сициліи своими слугами въ банѣ. Онъ скончался на двадцать седьмомъ году царствованія.

Послѣ него царскій скипетръ принялъ сынъ его Константинъ. Въ началѣ его правленія предводитель Сарацынъ, снарядивъ множество кораблей, послалъ ихъ противъ Византіи, причемъ назначилъ начальникомъ человѣка надежнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ, который на Сарацынскомъ діалектѣ именовался Халевомъ. Отплывъ, онъ сталъ на якорѣ въ предмѣстьѣ Византіи, у побережья, называемаго Эвдомомъ. Узнавъ объ этомъ, Константинъ самъ вы-

ступилъ противъ него съ большимъ флотомъ. Между ними происходили частыя ежедневныя морскія сраженія. Война длилась съ весны до осени. Съ наступленіемъ же зимы Сарацинскій флотъ на зимовку отправлялся въ Кизикъ, а весною снова отплывалъ отсюда и продолжалъ морскую войну. Такъ продолжалась война семь лѣтъ. Сарацинскій флотъ не имѣлъ никакого успѣха. Наконецъ, потерявъ много храбрыхъ воиновъ убитыми и сильно израненными, послѣ тяжелыхъ поражений, Сарацины отплыли домой. Когда они вошли въ Силлейское море, бури и морскія волненія погубили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Тогда Царь Сарацинскій, узнавъ о несчастіи съ флотомъ, отправилъ къ Константину пословъ для заключенія съ нимъ мира на условіи уплаты ежегодной дани. Принявъ ихъ и услыхавъ о томъ, о чемъ **сейчасъ** рассказано, Константинъ послалъ съ ними патриція Іоанна, по прозванію Пецигавдія, человѣка опытнаго и умнаго, чтобы вести переговоры о мирѣ. Прибывъ къ Сарацинамъ, онъ устроилъ соглашеніе съ ними, и миръ былъ клятвенно утвержденъ на тридцать лѣтъ подъ условіемъ, чтобы Сарацины платили Римлянамъ ежегодно сумму въ три тысячи золотъ и кромѣ того пятьдесятъ плѣнныхъ мужчинъ и пятьдесятъ лошадей. Услыхавъ объ этомъ, и обитавшіе въ земляхъ западныхъ, т. е. предводитель Аваровъ и начальники далѣе къ западу жившихъ народовъ отправили къ царю чрезъ пословъ дары и просили мира. Царь соизволилъ на это, и миръ и тишина царили потомъ на востокѣ и западѣ.

Теперь считаю нужнымъ сказать о происхожденіи и состояніи такъ называемыхъ Гунновъ и Болгаръ. Издревле извѣстная Великая Болгарія и такъ называемые Котраги, ихъ единоплеменники, обитаютъ

около Меотинскаго озера, на рѣкѣ Кофинѣ. Во времена Константина, который умеръ на западѣ, начальникъ этихъ племенъ, по имени Ковратъ, послѣ своей смерти оставилъ пять сыновей и наказывалъ имъ не отдѣляться другъ отъ друга, чтобы при взаимномъ благорасположеніи быть въ состояніи сохранять свою власть. Но сыновья, мало внимая отцовскому увѣщанію, спустя немного времени, разошлись, причемъ каждый отдѣлилъ себѣ свою часть людей. Первый изъ сыновей по имени Баянъ согласно распоряженію отца остался въ землѣ предковъ до сихъ поръ. Второй, по имени Котрагъ, за рѣкою Танай расположился напротивъ. Четвертый, перешедши Истръ, основался въ Паннмоніи, теперь находящейся подъ властію Аваровъ, и вошелъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ населеніемъ. Пятый утвердился въ Равеннскомъ Пентаполѣ и сдѣлался подданнымъ Римскимъ. Наконецъ, третій братъ, по имени Аспарухъ, перешелъ рѣки Данапръ и Данастръ, поселился около Истра, въ мѣстѣ удобообитаемомъ, называемомъ на ихъ языкѣ Огломъ, трудно проходимомъ и недоступномъ для непріятелей. Спереди это мѣсто защищено болотами и топями, а сзади непроходимыми утесами. Итакъ, когда народъ раздѣлился такимъ образомъ и разсѣялся, племя Хазаръ изъ внутренней Вериіи, обитавшее вблизи Сарматовъ, стало дѣлать на него дерзкіе набѣги. Оно прошло всѣ земли за Чернымъ моремъ и дошло до моря, послѣ чего подчинило своей власти Баяна и сдѣлало его своимъ данникомъ.

Когда Константинъ узналъ, что народъ, жившій по Истру, сталъ нападать и грабить границы Римской державы, онъ переправилъ во Фракію войско, а также снарядилъ флотъ и отправился для отраженія этого

народа. Но Болгары, увидѣвъ множество всадниковъ и судовъ, пораженные внезапностію и неожиданностію нападенія, бѣжали въ свои укрѣпленія, въ которыхъ оставались четыре дня. И такъ какъ Римляне по причинѣ непроходимости мѣста не могли дать имъ сраженія, то они ободрились и стали смѣлѣе. Въ тоже время царь заболѣлъ ногами и, сильно страдая, отплылъ въ городъ Месимврію для лѣченія, а начальникамъ и войскамъ приказалъ осаждать укрѣпленія и сдѣлать все для наказанія этого племени. Между тѣмъ распространился слухъ, что царь бѣжалъ, вслѣдствіе чего оторопѣвшіе Римляне предались быстрому бѣгству, безъ всякаго преслѣдованія. Болгары, видя это, стали дружно преслѣдовать ихъ, однихъ настигали и убивали, а другихъ весьма многихъ ранили. Перешедши Истръ и увидѣвъ у Варны вблизи Одисса и выше лежащаго пространства мѣстность, защищенную и огражденную со всѣхъ сторонъ рѣкою и непроходимую, они тамъ и расположились. Они также подчинили себѣ жившихъ по близости Славянъ и поставили однихъ изъ нихъ стеречь границу съ Аварями, а другихъ наблюдать за границей съ Римлянами. Такъ укрѣпившись и усилившись, они стали грабить города и мѣстечки во Фракіи. Царь, видя это, вынужденъ былъ заключить съ ними миръ подъ условіемъ платить имъ дань.

Когда такимъ образомъ Римское царство вездѣ было замирено, усилилась проклятая ересь моноелетовъ, получившая начало еще во времена царя Ираклія. Въ православной церкви произошло раздѣленіе. Въ виду этого Константинъ созвалъ вселенскій соборъ, который подтвердилъ пять предшествовавшихъ святыхъ вселенскихъ соборовъ, составилъ опредѣленіе о двухъ воляхъ и двухъ природныхъ дѣйствованіяхъ

Христа Спасителя, объявивъ Его совершеннымъ по Божеству и совершеннымъ по человѣчеству, а виновниковъ ереси предалъ анаемѣ. Остальное время своей жизни Константинъ провелъ въ мирѣ и тишинѣ и умеръ на семнадцатомъ году царствованія. Тѣло его было похоронено въ царскихъ гробницахъ храма святыхъ Апостоловъ.

Онъ оставилъ послѣ себя шестнадцатилѣтняго сына Юстиніана, который, принявъ правленіе, разрушилъ все, сдѣланное его отцомъ для мира и государственнаго благоустройства. Между прочимъ онъ нарушилъ миръ съ Болгарами. Водилъ также конныя войска во Фракію противъ Славянъ. Дойдя до города Фессалоники, онъ набралъ множество славянскихъ семействъ частію насильственно, частію по соглашенію, переправилъ ихъ чрезъ Авидосъ и размѣстилъ въ такъ называемой мѣстности Опсикія. Изъ нихъ до тридцати тысячъ онъ обратилъ въ солдатъ, вооружилъ ихъ, называлъ своимъ избраннымъ войскомъ и поставилъ надъ ними начальникомъ человѣка изъ наиболѣе благородныхъ по имени Невула. Въ надеждѣ на нихъ, онъ нарушилъ миръ съ Сарацинами, заключенный его отцомъ, и удалилъ съ давнихъ поръ стоявшихъ на горѣ Ливанѣ воиновъ. Итакъ, онъ выступилъ противъ нихъ и дошелъ до Севастополя. Сарацины вышли ему навстрѣчу. Они говорили, что вѣрно хранятъ миръ; если же Римляне хотятъ нарушить его, то ихъ разсудитъ Богъ. Такъ какъ войны желалъ болѣе Юстиніанъ, то они, укрѣпивъ писанный договоръ о мирѣ на высокомъ знамени и приказавъ нести впереди, устремились противъ Римлянъ. Послѣдніе обратились въ бѣгство. А прозванное избраннымъ войско изъ Славянъ присоединилось къ Сарацинамъ и вмѣстѣ съ ними избивало Римлянъ. Обо-

дренные этимъ, Сарацины и далѣе стали опустошать Римское государство. Такъ обстояли дѣла съ этимъ народомъ.

На государственныя должности Юстиніанъ назначалъ людей грубыхъ и жестокихъ. Въ числѣ ихъ былъ эвнухъ Стефанъ, родомъ Персъ, хранитель царскихъ сокровищъ. Оскорбляя своихъ подчиненныхъ, онъ допускалъ дерзости даже въ отношеніи къ матери Юстиніана, позволяя себѣ бить ее подобно тому, какъ это дѣлають учителя съ дѣтьми. Начальникомъ казны, котораго по народному называютъ логоветомъ, онъ назначилъ монаха Феодота, бывшаго прежде въ затворѣ во Фракіи, у такъ называемаго Узкаго пролива, который съ величайшею жестокостью вымучивалъ деньги не только у людей подвластныхъ ему, подвѣшивая ихъ на веревкахъ и окуривая соломой, но отбиралъ имѣнія у людей самыхъ знатныхъ, подвергая ихъ ужаснымъ истязаніямъ и смерти.

Нѣкоего патриція Леонтія, родомъ Исаврянина, бывшаго начальникомъ восточныхъ войскъ и извѣстнаго весьма многими славными дѣлами, Юстиніанъ держалъ подъ стражей въ теченіе трехъ лѣтъ, а потомъ освободилъ его изъ-подъ стражи и назначилъ правителемъ Эллады, заставивъ въ тотъ же день выѣхать изъ Византіи. Поздно ночью къ нему являются его друзья—монахъ Павелъ, начальникъ монастыря Каллистрата, ученый астрономъ и монахъ Григорій, игумень монастыря Флора, родомъ Каппадокіецъ, чтобы проводить его. Увидя ихъ, онъ жаловался и говорилъ: „напрасно вы мнѣ предсказывали царствованіе,—теперь по удаленіи отсюда меня постигнетъ горькій конецъ“. Они удерживали его отъ выѣзда и увѣряли, что если онъ не станетъ медлить, то овладѣетъ властью. Послушавъ ихъ, онъ тотчасъ же, еще

ночью, взялъ съ собою нѣсколько своихъ слугъ, захватилъ оружіе и безшумно явился въ преторію. Когда былъ данъ знакъ, что пришелъ императоръ сдѣлать какое-то распоряженіе, начальникъ преторія, отворивъ ворота, вышелъ навстрѣчу. Леонтій тотчасъ связалъ ему руки и ноги. Очутившись въ преторіи, Леонтій выпустилъ всѣхъ заключенныхъ и, вооруживъ ихъ, бросился на такъ называемый Форось. Разсѣявъ своихъ сторонниковъ по всѣмъ частямъ города, онъ приказалъ кричать имъ, чтобы всѣ православные собирались въ храмъ Софіи. Взмолнованный народъ весь спѣшно собрался у церковной крещальни. Съ монахами и другими своими друзьями Леонтій явился къ тогдашнему патриарху Константинопольскому Каллинику и заставилъ его выйти и возгласить предъ народомъ: „сей день, егоже сотвори Господь“. А народъ ругалъ Юстиніана. Такъ всѣ отправились на ипподромъ. Съ наступленіемъ дня вывели къ нимъ Юстиніана. И хотя народъ кричалъ, что царя слѣдуетъ обезглавить, Леонтій пощадилъ кровь его изъ любви къ Константину, отцу его, отрѣзалъ ему языкъ и носъ и сослалъ его въ городъ Херсонъ на десятомъ году его царствованія. Народъ провозгласилъ Леонтія императоромъ. Евнуха Стефана и монаха Теодота за вынесенныя отъ нихъ притѣсненія народъ противъ желанія царя схватилъ, съ связанными ногами оттащилъ на такъ называемую Бычачью площадь и тамъ предалъ сожженію. Таковы были событія въ Константинополѣ.

Между тѣмъ въ Африкѣ, находившійся ранѣе подъ властію Римлянъ, Кареагенъ былъ покоренъ начавшими войну Сарацинами. Узнавъ объ этомъ, Леонтій снарядилъ всѣ римскіе корабли, назначилъ начальникомъ надъ ними опытнаго въ военномъ дѣлѣ.

патриція Іоанна и послалъ въ Кареагенъ противъ Сарацинъ. Прибывъ туда, Іоаннъ въ сраженіи обратилъ Сарацинъ въ бѣгство, возвратилъ городъ Римлянамъ, освободилъ изъ-подъ власти этого народа и другіе города, оставилъ въ нихъ для охраны войско и перезимовалъ тамъ. Царь Сарацинскій, узнавъ объ этомъ, предпринялъ противъ него болѣе сильную борьбу, прогналъ Іоанна съ римскимъ флотомъ и взялъ назадъ Кареагенъ и окрестные города. Іоаннъ отплылъ и возвращался къ царю. Когда онъ былъ на островѣ Критѣ, офицеры и солдаты взбунтовались противъ него, потомучто удерживаемый стыдомъ и страхомъ, онъ не хотѣлъ возвращаться къ царю. Вслѣдствіе этого войска низлагаютъ съ бранью Леонтія и избираютъ Апсимара, начальника войскъ Курикіотовъ изъ области Киверріотовъ, называемаго, по римски обыкновенно друнгариємъ, и переименовали его въ Тиверія. Между тѣмъ въ столицѣ распространилась заразная болѣзнь, которая сгубила много народу въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Апсимаръ съ флотомъ отправился въ Византію и сталъ на якорѣ противъ города въ такъ называемомъ прибрежѣ Сикэсъ. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ велъ борьбу съ горожанами и, наконецъ, подкупивъ солдатъ и офицеровъ, охранявшихъ Влахернскія стѣны, коварно овладѣлъ городомъ. Вошедшее съ нимъ войско грабило имущество горожанъ. Схвативъ Леонтія, царствовавшаго третій годъ, онъ отрѣзалъ у него носъ и велѣлъ заключить въ Далматскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ какъ это происходило, Юстиніанъ, живя въ Херсонѣ, все чаще осмѣливался говорить о возвращеніи къ власти. Горожане, предвидя для себя изъ этого опасность, рѣшили или убить его или схватить и отослать къ Апсимару. Но когда Юстиніанъ

узналъ объ этомъ, онъ бѣжалъ оттуда въ крѣпость Доръ, лежавшую на Готской границѣ. Онъ просилъ у предводителя хазаръ (сами они такихъ называютъ каганами) позволенія явиться къ нему. Каганъ уважилъ его просьбу, принялъ его съ почестями и, подружившись съ нимъ, выдалъ за него замужъ сестру свою Θεодору. Съ позволенія кагана Юстиніанъ отправился въ Фанагору и жилъ тамъ съ нею. Узнавъ объ этомъ, Аписмаръ настоятельно просилъ предводителя хазаръ, обѣщая ему много денегъ и подарковъ, прислать Юстиніана живымъ или его голову. Каганъ, уступая этимъ многократнымъ просьбамъ, обѣщалъ ихъ исполнить. Онъ послалъ воиновъ войти въ составъ стражи Юстиніана подъ предлогомъ, чтобы онъ не сталъ жертвою заговора со стороны его единоплеменниковъ, а на самомъ дѣлѣ отправилъ ихъ стеречь, какъ бы онъ не ушелъ. Въ тоже время приказалъ начальнику своихъ соплеменниковъ, челоуѣку, близкому къ Юстиніану, и начальнику Воспора Скиескаго ожидать приказанія убить его какъ можно скорѣе. Но объ этомъ узнала Θεодора отъ одного изъ служителей ея отца и открыла заговоръ мужу. Юстиніанъ, призвавъ упомянутаго близкаго къ нему хазара и оставшись съ нимъ наединѣ, удушилъ его веревкою, а потомъ точно также убилъ и начальника Воспора. Затѣмъ немедленно онъ отослалъ жену Θεодору къ ея отцу, а самъ удалился въ прибрежное мѣстечко, называемое Томи. Тамъ взойдя на корабль съ нѣсколькими людьми, доплылъ онъ до Символа вблизи города Херсона. Ставъ на якорь въ гавани, онъ послалъ одного изъ спутниковъ въ городъ и призвалъ оттуда Варасванурія, брата его Салову и нѣкоторыхъ другихъ. Отплывъ съ ними и миновавъ такъ называемыя Мертвыя ворота, вошелъ въ рѣку

Истрѣ. Оттуда онѣ послалъ одного изъ своихъ спутниковъ Стефана къ тогдашнему вождю Болгаръ Тервелису, прося помочь ему возвратить царскій престолъ, приче́мъ обѣщаль богатые дары и возвѣщаль, что отдае́тъ ему въ замужество свою дочь. Вождь Болгаръ охотно согласился на все, принялъ Юстиніана съ великою че́стью и, вооруживъ всѣхъ своихъ воиновъ, вмѣстѣ съ нимъ отправился къ столицѣ. Три дня онѣ ожидалъ у Влахернской стѣны, требуя, чтобы горожане приняли своего царя. Но они съ бранью отвергли его. Тогда Юстиніанъ ночью съ небольшимъ числомъ людей вошелъ въ городъ черезъ водопроводъ, захватилъ городъ и немедленно занялъ Влахернскій дворецъ. Ираклія, брата Апсимара, предводителя восточнаго войска, и другихъ начальниковъ и оруженосцевъ Юстиніанъ повѣсилъ у стѣны на деревѣ. Апсимаръ, который царствовалъ седьмой годъ, былъ схваченъ и вмѣстѣ съ Леонтіемъ закованъ въ желѣзо и заключенъ подъ стражу. Послѣ этого во время конскихъ состязаній онѣ бросилъ одного направо, а другого налѣво, чтобы ихъ въ теченіе нѣкотораго времени попирали у ногъ его, а потомъ приказалъ въ такъ называемомъ Кинигѣѣ отрубить имъ головы. Въ тоже время Тервелису, предводителю Болгаръ, расположившемуся за Влахернскими стѣнами, Юстиніанъ оказывалъ весьма большое благорасположеніе и наконецъ явился къ нему, облачилъ его въ царскую одежду, провозгласилъ кесаремъ, посадилъ вмѣстѣ съ собою, велѣлъ народу кланяться имъ обоимъ и затѣмъ, щедро одаривъ, отпустилъ во свояси. Патріарха Константинопольскаго Каллиника за то, что онѣ поносилъ его при провозглашеніи Леонтія, Юстиніанъ ослѣпилъ и выслалъ въ Римъ, а на его мѣсто возвелъ Кира, затворника въ Амастридѣ, который во

время пребыванія тамъ Юстиніана предсказалъ ему вторичное царствованіе. Много убійствъ и зла причинилъ онъ подданнымъ. Однихъ онъ возводилъ въ начальники, а другихъ немедленно ссылалъ и убивалъ, нѣкоторыхъ приглашалъ на обѣды и умерщвлялъ коварно, а нѣкоторыхъ, завязавъ въ мѣшки, бросалъ въ бездну. Говоря вообще, въ отношеніи къ подданнымъ онъ выказалъ великую жестокость и звѣрскій нравъ. Тѣмъ временемъ онъ вытребовалъ изъ Хазаріи свою жену Теодору и родившагося отъ нея тамъ сына Тиверія и вѣнчалъ ихъ на царство. Послѣ этого онъ нарушилъ миръ съ Болгарами и, переправивъ множество войскъ сушей и моремъ въ Тѣракію, дошелъ до города Анхіала съ цѣлю воевать съ ними. Но когда воины неосторожно разбрелись по тамошнимъ равнинамъ, отыскивая припасы, на нихъ внезапно напали Болгары и многихъ изъ нихъ перебили, а многихъ взяли въ плѣнъ. Самого Юстиніана, захваченнаго въ городѣ Анхіалѣ, Болгары осаждали въ теченіе трехъ дней. Но онъ ночью сѣлъ на корабль, отплылъ оттуда и возвратился въ Византію. Между тѣмъ царь Сарацинскій выслалъ большое войско, поставивъ во главѣ его начальниковъ, именовавшихся на ихъ діалектѣ Масалманомъ и Солиманомъ, для осады города Тіана. Прибывъ туда, Сарацины дали много сраженій, но, разрушивъ часть стѣны при помощи осадныхъ машинъ, не въ силахъ были болѣе ничего сдѣлать и хотѣли уже уходить домой. Въ это время Юстиніанъ приказалъ сдѣлать наборъ во внутреннихъ провинціяхъ, собралъ множество необученныхъ земледѣльцевъ и приказалъ имъ идти къ Тіану защищать осажденныхъ. Сарацины, увидѣвъ ихъ безоружными, бросились на нихъ и однихъ перебили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Ободрен-

ные этимъ, они продолжали осаду Тіана. Горожане, упавъ духомъ въ виду отсутствія средствъ для борьбы, не получивъ помощи отъ царя, согласились отдаться врагамъ и перешли въ Сарацинскіе предѣлы. Съ этого времени враги съ величайшею смѣлостію стали опустошать римскія земли, потому что никто не могъ противостать имъ. Одинъ отрядъ въ тридцать чело-вѣкъ дошелъ до Хрисополя (прибрежнаго поселенія, лежавшаго противъ Византіи на востокѣ), перебилъ тамошнихъ жителей и зажегъ корабли.

Между тѣмъ Юстиніанъ, помня, какъ жители Херсона клеветали на него Апсимуру, собралъ множество различныхъ кораблей, посадилъ на нихъ до ста тысячъ чело-вѣкъ войска, состоявшаго изъ опытныхъ солдатъ, а также изъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, членовъ синклита и горожанъ, назначилъ начальникомъ этого флота патриція Стефана, по прозванію Асмикта, и отправилъ его съ приказаніемъ перебить жителей Херсона, Босфора и другихъ провинцій, Илью, своего оруженосца, отправившагося съ Стефаномъ, поставить правителемъ Херсона, и кромѣ того Вардана, родомъ Армянина, оставить тамъ въ изгнаніи. Стефанъ, прибывъ моремъ въ тѣ страны, исполнилъ приказаніе, причемъ нѣсколькихъ дѣтей раздалъ своимъ солдатамъ въ качествѣ плѣнниковъ. Правителя Херсона Тондуна, старшину города Зоила и сорокъ другихъ знатнѣйшихъ лицъ въ оковахъ съ женами и дѣтьми Стефанъ отправилъ къ Юстиніану, семь изъ главнѣйшихъ гражданъ Херсона, привязавъ къ деревяннымъ столбамъ, сжегъ на огнѣ, а двадцать другихъ начальниковъ городовъ, помѣстивъ въ лодку и привязавъ къ нимъ камни, потопилъ въ пучинѣ. Юстиніанъ въ виду того, что Стефанъ раздалъ дѣтей, полагалъ, что онъ поступилъ болѣе снисхо-

дительно, чѣмъ ему было приказано, и велѣлъ ему скорѣе возвратиться. Стефанъ согласно приказанію отбылъ оттуда въ октябрѣ мѣсяцѣ, испыталъ сильную стужу и потерпѣлъ кораблекрушеніе, при чемъ утонуло семьдесятъ три тысячи человѣкъ и тѣла ихъ были разбросаны по морю отъ Амастриды до Гераклеи. Юстиніанъ, нисколько не горюя объ этомъ и даже радуясь, рѣшилъ послать туда другой флотъ. Начальники тѣхъ областей, узнавъ объ этомъ, приняли возможные предосторожности и отправили пословъ къ Хозарамъ, чтобы они прислали войско для охраны страны и жителей. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ отправилъ патриція Георгія, ипарха столицы Іоанна съ другими начальниками и тридцатью тысячами войска, передалъ имъ Тондуна и Зоила для восстановления ихъ въ должностяхъ, а Ілію приказалъ привести къ нему. По прибытіи ихъ къ Херсону жители допустили въ городъ только Георгія и бывшихъ съ нимъ начальниковъ. Когда это случилось, они заперли ворота и убили мечемъ Георгія и Іоанна, а солдатъ, остававшихся за стѣнами, а также Тондуна и Зоила они передали бывшимъ тамъ Хазарамъ и отправили ихъ къ кагану, причемъ дорогою варвары ихъ перебили. Жители Херсона ругали и и поносили Юстиніана и привѣтствовали царемъ бывшего тамъ въ изгнаніи Вардана. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ въ страшномъ гнѣвѣ умертвилъ дѣтей Іліи на груди ихъ матери, а жену его заставилъ выйти замужъ за своего безобразнаго повара Индѣйца. Онъ послалъ опять большой флотъ, назначивъ начальникомъ его патриція Мавра, и приказалъ разрушить городъ Херсонъ и безпощадно истребить его жителей. Прибывъ къ Херсону, Мавръ взялся за дѣло. Но такъ какъ хазарское войско сдѣлало внезап-

ное нападеніе, то городъ былъ спасенъ, а Варданъ ушелъ къ начальнику Хазарскому. Между тѣмъ патрицій Мавръ, безсильный вести осаду и опасаясь возвратиться къ Юстиніану, вошелъ въ соглашеніе съ Херсонитами. Они низложили Юстиніана, провозгласили царемъ Вардана, переименовавъ его Филиппикомъ, и отправили пословъ къ начальнику Хазарскому, чтобы онъ прислалъ имъ Вардана. Каганъ клятвенно поручился предъ Римлянами за безопасность Вардана, получивъ съ нихъ деньги по сто монетъ съ человѣка. Когда же время стало проходить, Юстиніанъ заподозрилъ, что ему измѣнили, почему просилъ военной помощи у Тервела, начальника Болгарскаго. Тервелъ послалъ ему около тридцати тысячъ человѣкъ. Съ ними и съ войскомъ Опсикія Юстиніанъ выступилъ въ походъ и приказалъ расположиться лагеремъ въ долинѣ Даматри. Самъ же съ начальниками и съ отборнымъ отрядомъ отправился къ приморскимъ областямъ, дойдя до прибрежной деревни Гингилисса, съ цѣлью узнать, что дѣлается въ Херсонѣ. Пробывъ тамъ нѣкоторое время и увидѣвъ значительный флотъ, управляющійся съ царемъ Филиппикомъ въ Константинополь, онъ возвратился къ войску, оставленному имъ у Даматри. Между тѣмъ Филиппикъ безъ войны вступилъ въ столицу и немедленно послалъ Илію съ отборнымъ войскомъ противъ Юстиніана. Бывшему при Юстиніанѣ войску Илія клятвенно обѣщалъ помилованіе, Болгаръ обѣщалъ отпустить невредимыми, отрубилъ голову Юстиніану, — что случилось на шестомъ году его вторичнаго правленія, — и отослалъ ее къ Филиппику, а Филиппикъ, получивъ ее, отправилъ на западъ до Рима. Въ тоже время патриція Мавра и царскаго оруженосца Іоанна, по прозванію Струеа, Филиппикъ

послалъ за Тиверіемъ, сыномъ Юстиніана. Они нашли его укрывавшимся въ алтарѣ храма пречистой Богоматери во Влахернахъ. Іоаннъ, ворвавшись внутрь, насильно оттащилъ его отъ святого престола, не боясь святости мѣста и не внимая горькимъ слезамъ бабки Тиверіа Анастасіи, присутствовавшей тамъ и подвергавшейся опасности вмѣстѣ съ внукомъ. Подобно безсловесному его зарѣзали ножомъ въ такъ называемомъ Каллиникѣ и приказали похоронить въ храмъ святыхъ безсребренниковъ Павлинскихъ. Послѣ этого схватили Варасвакурія и другихъ начальниковъ Юстиніана и всѣхъ ихъ казнили.

46- Филиппикъ управлялъ царствомъ постыдно и небрежно. Между прочимъ онъ подвергъ анаѣмѣ отцовъ шестого вселенскаго собора и отвергъ составленное ими опредѣленіе о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ Спасителя. При этомъ онъ имѣлъ пособникомъ тогдашняго патріарха Іоанна, митрополита Кизическаго Германа и много другихъ лицъ священнаго сана и членовъ синклита. Въ это время многочисленное Болгарское войско напало на жителей Веспора Ѡракійскаго, взявъ очень много людей и немало разнаго имущества. Дерзость ихъ была такъ велика, что они появились у стѣны, защищающей городъ со стороны суши, и доходили даже до такъ называемыхъ Золотыхъ Воротъ. Уходя отсюда, они ограбили многія селенія Ѡракіи. Послѣ этого вторглись въ Римскую землю Сарацины, во многихъ мѣстахъ истребили людей и имущества и завладѣли Мидіей и другими городами. Между тѣмъ Филиппикъ отпраздновавъ день основанія города, устроилъ конскія состязанія и послѣ пира съ друзьями въ полдень легъ спать. Этимъ воспользовались заговорщики противъ него. Нѣкто Георгій, по прозванію Вурафъ,

патрицій и вождь войска Опсикія, отправлявшійся въ то время во Фракію для охраны страны противъ набѣговъ Болгаръ, при соучастіи патриція Θεодора, по прозванію Міакія, послалъ одного изъ офицеровъ Руфа съ нѣсколькими солдатами въ Византію привести въ исполненіе заговоръ противъ Филиппика. Руфъ внезапно напалъ на дворецъ, схватилъ спящаго царя, разбудилъ его, вывелъ на ипподромъ и тамъ ослѣпилъ на второмъ году его царствованія. На слѣдующій день (это былъ праздникъ пятидесятницы) населеніе столицы, собравшись у храма святой Софіи провозгласило царемъ Артемія, секретаря Филиппика (по латыни такихъ называютъ асекретами), переименовавъ его въ Анастасія. По прошествіи же нѣсколькихъ дней ослѣпили и патриція Θεодора, равно какъ и Георгія, сославъ въ Θεссалонику.

Анастасій заботился о военномъ дѣлѣ и назначилъ для веденія его способныхъ начальниковъ. Узнавъ объ этомъ, царь Сарацинскій рѣшилъ вторгнуться въ предѣлы Римскіе. Анастасій послалъ къ нему патриція Даниила, уроженца города Синопитъ, бывшаго въ то время ипархомъ столицы, подъ видомъ переговоровъ о мирѣ, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы посмотрѣть приготовленія ихъ противъ Римлянъ. Даниилъ по возвращеніи донесъ, что предстоитъ огромное вторженіе въ Римскую державу конныхъ и морскихъ войскъ. Узнавъ объ этомъ, царь приказалъ изъ всѣхъ жителей столицы оставаться только тѣмъ, кои могли сдѣлать запасы на три года, а прочимъ удалиться, куда хотятъ. Въ тоже время онъ тщательно поправлялъ стѣны, сооружалъ военные машины, собиралъ въ столицѣ запасы и снабжалъ ее всѣмъ, что было необходимо при нашествіи врага. Когда распространился слухъ, что Сарацинскій флотъ от-

плыль изъ Александріи въ Финикію за кипариснымъ деревомъ, нужнымъ для постройки кораблей, Анастасій выбралъ быстроходныя суда, посадилъ на нихъ войска изъ провинціи Опсикія и послалъ ихъ къ Родосу. Тамъ онъ приказалъ собраться и другимъ Римскимъ судамъ. Начальникомъ ихъ онъ назначилъ діакона Великой церкви Іоанна, главнаго контролера общественныхъ податей, котораго обычно называютъ главнымъ логоѳетомъ, человѣка способнаго и опытнаго. Онъ принялъ весь флотъ. Прибывъ въ Родосъ, онъ объявилъ приказъ и нашелъ всѣхъ покорными и готовыми къ отплытію. Только войско, прибывшее изъ Опсикія, боялось похода. Оно возмутилось, бранило царя Анастасія и изрубило діакона Іоанна. Тогда уже и флотъ разсѣялся и всѣ отплыли каждый во свояси. На пути домой у Адрамиттіа войска нашли нѣкоего Θεодосія, сборщика податей, человѣка ничтожнаго изъ простыхъ, и стали уговаривать его принять царство. Онъ убѣжалъ и укрывался въ горахъ. Но войска отыскиали его, насильно провозгласили царемъ и взяли съ собою.

Узнавъ объ этомъ, Анастасій, который въ это время уже укрѣпилъ Византію, удалился въ Виѳинскій городъ Никею и тамъ принялъ мѣры для защиты. Но войско, бывшее съ Θεодосіемъ, увлекло всю армію Опсикія и многія торговыя суда, направилось къ вышеупомянутому уже приморскому мѣстечку Хрисополь. Отсюда оно каждый день дѣлало нападеніе на защитниковъ города, и борьба продолжалась въ теченіе шести мѣсяцевъ. Флотъ Анастасія стоялъ въ Неоріѣ, такъ называемой городской гавани, а флотъ Θεодосія, взявъ смѣлость, переправился къ Θракійскому побережью и завладѣлъ имъ. Вслѣдствіе предательства сторонники Θεодосія, подкупивъ нѣкото-

рыхъ, чрезъ Влахернскія ворота взяли городъ и, ночью врываясь въ дома гражданъ, производили страшное опустошеніе. Бывшихъ въ столицѣ начальниковъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ патріархомъ Германомъ Θεодосій послалъ извѣстить Анастасія о случившемся. Анастасій потребовалъ удостовѣренія, что ему не будетъ сдѣлано зла и, облекшись въ монашескій образъ, отправился къ Θεодосію. Этотъ, не причинивъ ему никакого вреда, выслалъ его въ Θεссалонику.

При такихъ частыхъ возстаніяхъ противъ царей и господствѣ тиранніи, дѣла государства и столицы находились въ пренебреженіи и пришли въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезало занятіе науками и падала дисциплина. Отсюда произошло, что враги стали дерзко нападать на Римское государство. Отсюда же многочисленныя убійства, плѣненія жителей, разрушеніе городовъ. По той же причинѣ и Сарацины устремились противъ самой столицы, отправивъ сушею многочисленныя войска конныя и пѣшія, составленныя изъ различныхъ подчиненныхъ имъ народовъ. Равнымъ образомъ они послали флотъ, доходившій до тысячи восьмисотъ кораблей, поставивъ надъ нимъ начальника, именуемаго на ихъ языкѣ Мусальманомъ. Узнавъ объ этомъ, офицеры и государственные сановники, въ виду неопытности Θεодосія и его неспособности противостать врагамъ, уговаривали его отказаться отъ царства и безвредно возвратиться къ прежней простой жизни. Θεодосій уступилъ, пробывъ царемъ одинъ годъ. Когда приступили къ выбору императора, то избраннымъ оказался патрицій Левъ, тогдашній начальникъ войскъ Восточныхъ. Какъ это принято для царей, онъ въ торжественномъ шествіи вступилъ въ Византію чрезъ такъ называемыя Зо-

лотыя Ворота и въ Великой церкви надѣлъ на себя царскій вѣнецъ.

53.

Между тѣмъ Сарацины, разрушивъ многіе Римскіе города, напали на городъ Пергамъ и осадили его. Они взяли его по слѣдующей причинѣ. По какому то бѣсовскому навожденію жители города, взявъ въ первый разъ беременную дѣвушку, которая скоро должна была родить, вскрыли ее, вынули ея плодъ и сварили его въ котлѣ, куда готовившіеся сражаться съ врагами погружали свою правую руку. За это посѣщеніе гнѣва Божія: руки ихъ не могли держать оружія и, благодаря ихъ бездѣятельности, враги взяли городъ безъ сраженія. Отсюда Сарацины направились къ проливу Авидосскому и переправились во Фракію. Овладѣвъ здѣсь многочисленными городами, они подошли къ столицѣ, окружили ее валомъ и подвергли осадѣ, которая продолжалась тринадцать мѣсяцевъ, имѣя у себя много разнаго рода машинъ. Тѣмъ временемъ явился и Сарацинскій флотъ, во главѣ котораго стоялъ нѣкто, называвшійся на арабскомъ языкѣ Солиманомъ. Когда флотъ проходилъ проливъ подъ Византіей, то задніе корабли, охранявшіе тылъ, обремененные большою тяжестью отъ множества воиновъ и вооруженія, подъ дѣйствіемъ небольшого противнаго вѣтра и относившаго назадъ теченія, плыли очень медленно. Замѣтивъ это, царь съ диремами прорвался сквозь непріятельскій флотъ, зажегъ его и уничтожилъ двадцать кораблей. Весь остальной флотъ отплылъ къ Воспору Фракійскому, вошелъ въ такъ называемую Сосеенійскую гавань и тамъ остался на зимовку. Между тѣмъ зима случилась очень суровая, такъ что отъ обилія выпавшаго снѣга земли не было видно въ теченіе около ста дней. Вслѣдствіе этого погибло не мало людей, лошадей,

верблюдовъ и другихъ животныхъ. Съ наступленіемъ весны прибылъ другой многочисленный Сарацинскій флотъ изъ Египта, во главѣ коего стоялъ Софіанъ, привезшій большой грузъ хлѣба и оружія. Спустя нѣкоторое время прибылъ и еще флотъ изъ областей, примыкающихъ къ Африкѣ, съ большимъ количествомъ оружія и припасовъ подъ начальствомъ вождя, носившаго Сарацинское имя Іезида. Эти флоты, говорятъ, въ виду вреда, причиняемаго Римскимъ огнемъ уклоняясь отъ пролива Византійскаго, направились къ Виѳиніи—одинъ въ гавань Добраго Поля, а другой къ берегамъ такъ называемаго Сатира. Но приплывшіе вмѣстѣ съ ними Египтяне въ лодкахъ, бывшихъ при корабляхъ, прибыли ночью къ Византіи и привѣтствовали царя. Царь, ободренный этимъ, послалъ противъ Сарацинскихъ флотовъ суда съ горючими веществами и сжегъ всѣ ихъ корабли. Съ добычею, нагруженные бывшимъ на этихъ корабляхъ оружіемъ и припасами, суда вернулись къ царю.

Въ это время патрицій Сергій, правитель Сициліи, и западные, признавъ безнадежнымъ положеніе Византіи и царя въ виду нападенія на нихъ враговъ, избрали себѣ въ цари одного изъ офицеровъ, Сергія Василія, сына Григорія, по прозванію Онѳомагула, переименовавъ его въ Тиверія. Услыхавъ объ этомъ, царь назначилъ стратегомъ Сициліи патриція Павла, своего родственника, человѣка вѣрнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ, и отправилъ его противъ Василія. Съ прибытіемъ его въ Сицилію, Сергій бѣжалъ и очутился у Лонгобардовъ. А Павелъ, собравъ населеніе острова, прочиталъ царскія грамоты. Удостоверясь ими, Сицилійцы пришли въ повиновеніе, привѣтствовали царя, а Василія и поставленныхъ имъ начальниковъ связанными представили Павлу. Павелъ

принявъ ихъ, нѣкоего Георгія и другихъ казнилъ и головы ихъ отослалъ къ царю, а другихъ послѣ тяжелыхъ наказаній и пытокъ, урѣзавъ имъ носы, отправилъ въ ссылку. Сергій же, потребовавъ обѣщанія въ своей безопасности, вернулся къ Павлу. Съ этого времени на Западѣ водворились миръ и тишина.

Послѣ этого у царя родился сынъ, котораго онъ называлъ Константиномъ. Пятнадцатаго числа слѣдующаго мѣсяца августа всѣ конныя и морскія войска Сарацинъ отступили отъ Византіи, потерявъ многія суда отъ волненія и жестокихъ вѣтровъ, причемъ многія изъ нихъ были разбросаны по островамъ до самаго Кипра, а другіе потонули въ безднѣ вмѣстѣ съ людьми.

Между тѣмъ Артемій, сосланный въ Θεσσαλονικη, попытался опять овладѣть царскою властію и предпринялъ слѣдующее. Онъ написалъ патрицію Сисинію, по прозванію Рендакію, находившемуся въ то время въ Болгаріи и посланному туда царемъ для заключенія съ Болгарами союза противъ Сарацинъ,—чтобы онъ содѣйствовалъ ему въ его замыслахъ и уговорилъ Болгаръ помочь ему. Сисиній общалъ сдѣлать это. Писалъ также Артемій къ магистру Никитѣ Ксипипиту въ Константинополь, равнымъ образомъ къ патрицію Исою, начальнику такъ называемаго царскаго Опсикія, къ Θεоктисту, бывшему первымъ царскимъ секретаремъ въ его правленіе, къ Никитѣ, по прозванію Угольщику, начальнику стѣнъ. Напоминая имъ старую дружбу, онъ убѣждалъ ихъ оказать ему содѣйствіе, открыть городъ и принять, какъ царя. Но письма эти немедленно стали извѣстны царю. Получившіе письма были схвачены, подвергнуты пыткамъ и признались. Магистру Никитѣ и Θεок-

тисту царь отрубилъ головы, а другихъ, подвергнувъ изуродованію и конфисковавъ ихъ имущества, отправилъ въ ссылку. Артемій съ патриціемъ Сисиніемъ и Болгарами дошелъ до Иракліи. Съ ними были приведены изъ Ѳессалоники лодки, которыя называли долблеными. Царь написалъ Болгарамъ, чтобы они хранили миръ и выдали враговъ. Болгары стали оправдываться, просили прощенія и обѣщали хранить миръ. Артемія, архіерея Ѳессалоникскаго, и многихъ другихъ они отправили къ царю въ оковахъ,—патрицію Сисинію, отрубивъ голову, послали ее также къ царю, а сами удалились въ свою землю. Артемія съ архіепископомъ царь казнилъ на такъ называемомъ Кинигѣ и во время конскихъ ристаній головы казненныхъ на копѣ были носимы по ипподрому. А всѣхъ другихъ послѣ пытокъ, урѣзанія носовъ и конфискаціи имущества отправилъ въ ссылку. Покончивъ съ этимъ, царь 25-го марта третьяго индиктіона, въ день Спасительнаго воскресенія Христова, призвалъ тогдашняго патріарха Германа въ такъ называемый трибуналъ девятнадцати акувитовъ и вѣнчалъ на царство сына своего Константина.

Нельзя пройти молчаніемъ того, что случилось въ тѣ времена у острововъ Ѳиры и Ѳирасіи, лежащихъ въ Критскомъ морѣ. Съ наступленіемъ лѣта морская бездна стала извергать темный паръ, изъ коего въ густомъ воздухѣ вырывался огонь, а за огнемъ появлялись камни, образовавшіе землю и соединившіеся съ такъ называемымъ Священнымъ островомъ, который, говорятъ, подобнымъ же образомъ выросъ изъ-подъ воды, какъ и упомянутые острова Ѳира и Ѳирасія. Камни падали въ огромномъ количествѣ по всему морю и достигали оттуда до Авидоса и морского берега Азіи. Вода въ томъ мѣстѣ нагрѣвалась

до такой степени, что ея нельзя было тронуть рукою.

Услышавъ объ этомъ, царь, говорятъ, увидѣлъ тутъ знаменіе гнѣва Божія и сталъ размышлять, какая причина вызвала его. Посему онъ возсталъ противъ религіи и сталъ замышлять объ уничтоженіи святыхъ иконъ, полагая по невѣжеству, что воздвиженіе и почитаніе иконъ было причиною того необычайнаго явленія. Онъ старался наставить народъ въ своемъ ученіи. Многіе скорбѣли о поруганіи Церкви. Вслѣдствіе этого жители Эллады и Кикладскихъ острововъ, противясь беззаконію, возстали противъ царя, собрали большой флотъ и выбрали себѣ царемъ нѣкоего Косму и направились противъ столицы. Жители столицы вступили съ ними въ сраженіе и сожгли многія изъ ихъ судовъ. При видѣ пораженія они отдались царю. Одинъ изъ начальниковъ Космы нѣкто Агалліанъ, видя это и отчаявшись въ спасеніи, въ вооруженіи бросился въ море. Космъ и нѣкому Стефану, попавшимъ въ плѣнъ, были отрублены головы.

Слѣдующимъ лѣтомъ Римскую державу снова наводнили многочисленныя конныя Сарацинскія войска, во главѣ которыхъ стояли Америкъ и Мавія. Они осадили Виоинскій городъ Никею и послѣ нѣкотораго времени отошли безуспѣшно. Послѣ этого царь созвалъ во дворцѣ многихъ изъ столичныхъ гражданъ, пригласилъ тогдашняго столичнаго архіерея Германа и принуждалъ его дать подпись (подъ опредѣленіемъ) объ уничтоженіи святыхъ иконъ. Но Германъ отказался, сложилъ съ себя должность и сказалъ: „безъ вселенскаго собора не могу дать письменнаго изложенія вѣры“. Онъ удалился въ отцовскій домъ, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни. Послѣ него архіе-

реемъ былъ сдѣланъ Анастасій, клирикъ Великой церкви. Съ этого времени многіе изъ православныхъ, не принявшіе царскаго опредѣленія, подверглись тяжелымъ наказаніямъ и истязаніямъ.

Когда происходило все это, царь отправилъ пословъ къ вождю Хазаръ за дочерью его и обручилъ ее съ сыномъ своимъ Константиномъ. По прошествіи нѣкотораго времени въ Византіи случилось землетрясеніе, съ силою разразившееся и въ другихъ городахъ и селлахъ. Оно разрушило много домовъ, святыхъ храмовъ, разныхъ галлерей, до самаго основанія. Между прочимъ пострадалъ храмъ святой Ирины, находящійся вблизи Великой церкви. Низверглась также сверху на землю статуя Римскаго императора Аркадія, которая стояла на холмѣ Ксиролофъ, на изваянномъ изображеніи пса. Сотрясеніе почвы продолжалось около года, вслѣдствіе чего многіе вышли за стѣны города и жили въ палаткахъ.

Левъ умеръ послѣ двадцатичетырехлѣтняго правленія отъ тяжелой водяной болѣзни и оставилъ преемникомъ сына Константина. Артавазъ, зять Константина по сестрѣ, вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему войскомъ (онъ былъ предводителемъ войска Опсикійскаго) и съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ носилъ имя Никиты, а другой Никифора, находился въ такъ называемомъ Дорилейскомъ полѣ. Узнавъ о смерти тестя, онъ тотчасъ рѣшилъ завладѣть царствомъ, присягою обязавъ подчиненное войско быть ему вѣрнымъ и не признавать иного царя. Между тѣмъ Константинъ, вступивъ во власть, выбралъ отрядъ войска, вышелъ изъ столицы, занялъ поле, которое называется Красосъ, и потребовалъ Артаваза къ себѣ, чтобы вмѣстѣ посовѣтоваться касательно непріятели. Артавазъ отправился къ нему не для со-

вѣщанія, а чтобы отнять у него царство. Константинъ, услыхавъ о покушеніи и узнавъ, что патрицій Висирь, шедшій ему навстрѣчу, погибъ отъ меча противниковъ, удалился оттуда въ такъ называемую провинцію Восточныхъ войскъ и тамъ искалъ спасенія. Жители приняли его охотно, дали ему клятвенное обязательство идти за него на смертельную опасность, ругали и поносили Артаваза. Они привлекли на свою сторону патриція Сисиннія вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему такъ называемымъ Фракійскимъ войскомъ и всѣ одновременно выступили противъ Артаваза. Между тѣмъ Теофанъ, по прозванію Монодій, чиномъ магистръ, заступая въ Византіи мѣсто царя, перешелъ на сторону Артаваза, провозгласилъ его царемъ, а Византійцевъ увѣрилъ, что Константинъ умеръ. Артавазъ призвалъ къ себѣ сына своего Никифора, управлявшаго тогда Фракіей, и назначилъ его вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему войскомъ охранять городъ. Царскихъ же офицеровъ частію ослѣпилъ, а частію подвергъ другимъ истязаніямъ. Артавазъ немедленно съ присоединившимся къ нему войскомъ подошелъ къ столицѣ, и тотчасъ священныя иконы святыхъ были возстановлены. Константинъ шелъ вслѣдъ за нимъ и занялъ такъ называемый Хрисополь, мѣстечко на Азіатскомъ берегу противъ Константинополя. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, Константинъ отступилъ и зимовалъ въ городѣ Аморіи. Съ наступленіемъ слѣдующаго года Артавазъ одного изъ сыновей своихъ Никиту назначилъ начальникомъ такъ называемаго Армянскаго войска, а другого Никифора вѣнчалъ на царство. Самъ Артавазъ съ войсками переправился въ Азію и подвергъ ее страшному опустошенію. Но Константинъ поспѣшилъ на встрѣчу Артавазу, послѣ сраженія у Сарды

остался побѣдителемъ, привелъ въ повиновеніе войско Артаваза и завладѣлъ его обозомъ. Артавазъ бѣжалъ въ городъ Кизикъ, а оттуда отплылъ въ Византію. Въ тоже время противъ Константина направился сынъ Артаваза Никита. Вступивъ въ битву у мѣстечка, которое народъ называетъ Модриной, Константинъ обратилъ Никиту въ бѣгство и истребилъ много его войска.

Такимъ образомъ дѣла Римлянъ находились въ плачевномъ состояніи, ибо борьба изъ-за власти повергла христіанъ въ междоусобную войну. Какіе ужасы происходятъ обычно въ такія времена, когда сама природа забываетъ себя и возстаетъ противъ самой себя (зачѣмъ говорить еще о другомъ), многимъ извѣстно по опыту. Тѣмъ временемъ Константинъ, взявъ верхъ, переправился во Фракію и окруживъ стѣны города, мѣшалъ подвозу съѣстныхъ припасовъ. Съ этого времени въ столицѣ настала такая нужда, что многіе изъ Византійцевъ погибли отъ страшнаго голода, а другіе бросались со стѣнъ. Нѣкоторые дарами подкупали стражей воротъ и тайно выходили изъ города. Константинъ всѣхъ принималъ благосклонно и привлекалъ на свою сторону. Между тѣмъ наступалъ Никита и подошелъ къ Хрисополю. Константинъ снова выступилъ противъ него, взялъ его въ плѣнъ у города Никоидіи и заковалъ въ цѣпи, а бывшему съ нимъ митрополиту Гангрскому Маркеллину отрубилъ голову. По возвращеніи оттуда онъ овладѣлъ Византіей, а Артавазъ бѣгствомъ опять спасся въ Виѣинскій городъ Никею. Жителей Виѣиніи онъ увѣрилъ, что прибылъ съ полномочіемъ набирать солдатъ. Набравъ нѣсколько воиновъ, онъ удалился и заперся съ ними въ укрѣпленіи, которое называется Пузантисъ. Константинъ послалъ отрядъ для его

преслѣдованія, взялъ его и вмѣстѣ съ его сыновьями всѣхъ ихъ въ оковахъ торжественно провель во время конскихъ состязаній. Немного спустя обнаружилось, что и патрицій Сисиній умышлялъ низложеніе Константина. Узнавъ объ этомъ, Константинъ выкололъ ему глаза. Послѣ этого и Артавазъ съ сыновьями подверглись такому же изуродованію.

Утвердивъ такимъ путемъ свою власть, Константинъ, спустя немного времени, выступилъ противъ Сарацинъ, у которыхъ взялъ городъ Германикію въ Евфратской области. Между тѣмъ напала великая зараза, и въ мѣстахъ, гдѣ появлялась смертоносная болѣзнь, всѣ люди погибали и совершенно исчезали. Спаслись по Божію изволенію только тѣ немногіе, которые удалялись на значительное разстояніе отъ тѣхъ мѣстъ. Съ особенною силою зараза распростерлась въ Византію. Внезапно появились и страшныя чудеса: крестообразныя фигуры на людской одеждѣ, на священныхъ облаченіяхъ, на дверяхъ и на косякахъ дверей. Эти явленія порождали у всѣхъ великій ужасъ и изумленіе, какъ предвѣщавшія близкую гибель. Внѣ себя отъ страха люди стали воображать себѣ разныя привидѣнія,—напримѣръ, что ихъ провожаютъ какія то странныя и безобразныя лица, которыя встрѣчали ихъ какъ своихъ знакомыхъ и вступали съ ними въ бесѣду и свои разговоры на дорогѣ передовали потомъ другимъ. Иныхъ устрашали другіе признаки, напримѣръ видѣли, какъ какія-то лица поражали другъ друга мечами. Такіе случаи были весьма часты. Оставшіеся въ живыхъ были не въ состояніи хоронить и отпѣвать тѣла умершихъ, ибо очень немногіе выносили весьма многихъ. Поэтому устраивали придуманныя къ-то приспособленія: накладывали на вьючныхъ животныхъ доски, на ка-

комъ-либо просторномъ мѣстѣ доски раздвигали и сваливали тѣла въ безпорядкѣ и какъ попало. Затѣмъ для вывоза множества мертвыхъ стали употреблять и телѣги, которыя перевозили люди за недостаткомъ годныхъ для сего животныхъ. Наконецъ, оказался недостатокъ и въ могилахъ, такъ что трупами стали заполнять пустыя цистерны, разрывали пашни, раскапывали виноградники и сады, чтобы хоронить безчисленные трупы. Вслѣдствіе этого многіе дома оказались совершенно заколоченными. Бѣдствіе продолжалось около года, потомъ значительно ослабѣло, и мало-по-малу зараза, какъ нѣкогда выростала, такъ теперь пропадала. Все это людямъ благомыслящимъ представлялось посѣщеніемъ гнѣва Божія за то, что тогдашній безбожный и нечестивый царь и всѣ тѣ, кои согласились съ его преступнымъ ученіемъ, дерзнули наложить руки на святыя иконы къ поношенію Церкви Христовой.

Почти обезлюдѣвшую въ это время столицу царь заселилъ множествомъ народа изъ подвластныхъ Римлянамъ областей и острововъ. Въ это же время послалъ онъ флотъ противъ Сарацинъ подъ начальствомъ предводителя войска такъ называемаго Кивиреотскаго. Флотъ присталъ у острова Кипра. Тамъ же вскорѣ сталъ на якорь и флотъ Сарацинскій изъ Александріи. Узнавъ объ этомъ, военачальникъ неожиданно напалъ на него, сжегъ корабли, завладѣлъ грузомъ, и, нанеши непріятелю сильное пораженіе, вернулся къ Константину.

Послѣ этого у царя родился сынъ, котораго онъ назвалъ Львомъ. Въ то время въ Сиріи случилось сильное землетрясеніе и вслѣдствіе этого великая гибель. Одни изъ тамошнихъ городовъ были разрушены совсѣмъ, причемъ около нихъ назначитель-

номъ пространствѣ разверзлась земля, другіе пострадали только отчасти. Нѣкоторые города съ высокихъ мѣстъ невредимо спускались въ низменные равнины вмѣстѣ со стѣнами и постройками на разстояніе до шести миль или около того. Нѣкоторые говорили, что въ Сиріи Месопотамской можно было видѣть землю, разсѣвшуюся въ глубину на двѣ мили, изъ коей выступила другая земля песчаная и бѣлая, а изъ нея вышелъ мулъ-самка, человѣческимъ голосомъ предсказавшій погибель Арабовъ. Немного послѣ вышедшій изъ далекой пустыни народъ истребилъ великое множество ихъ безъ сраженія.

Послѣ этого Константинъ вѣнчалъ на царство сына своего Льва и вскорѣ отправился въ походъ противъ Сарацинъ. Прибывъ къ городу Мелитенамъ, онъ взялъ его осадю и, забравъ много плѣнныхъ и военной добычи, вернулся. Въ это время умерла жена его царица Марія. Немного спустя произошло нѣчто достойное вниманія, чего нельзя обойти молчаніемъ. Въ то время наблюдалось въ воздухѣ, начиная съ вечера и въ теченіе всей ночи, зрѣлище страшное и необычайно странное, вызывавшее у всѣхъ, видѣвшихъ его, изумленіе и великій ужасъ. Имъ казалось, что всѣ звѣзды, сдвинувшись съ своего обычнаго мѣста на небѣ, неслись на землю. Около земли они вдругъ разсыпались, не причиняя никому никакого вреда. Говорятъ, что это необычайное явленіе наблюдалось повсемѣстно.

Немного спустя послѣ явленія этихъ звѣздъ умеръ Анастасій, патріархъ Византійскій. Константинъ, имѣя въ виду поруганіе Церкви и вооружаясь противъ религіи, движимый злымъ духомъ, созвалъ соборъ изъ трехсотъ тридцати восьми архіереевъ. Предсѣдательствовалъ на немъ Θεодосій, архіепископъ Эфесскій.

На этомъ соборѣ нѣкоего Константина, облеченнаго схимонашествомъ, бывшаго епископа Силейскаго, онъ провозгласилъ патріархомъ столицы. Составили опредѣленіе вѣры, подъ которымъ подписались все злочестивые и нечестивые соумышленники, провозгласивъ низложеніе честныхъ иконъ и, какъ уличные мальчишки, анаеоматствовали ихъ. вмѣстѣ съ ними предали анаемѣ бывшаго архіерея Византіи Германа, Георгія Кипрскаго и Іоанна Дамаскина изъ Сиріи, по прозванію Мансуръ.

Послѣ этого Константинъ сталъ строить города во Фракіи, въ которыхъ водворялъ Сирійцевъ и Армянъ, переселенныхъ изъ Мелитины и Θεοδοσιополя, щедро снабдивъ ихъ всемъ необходимымъ. Когда Болгары увидѣли эту постройку городовъ, они потребовали у царя дани. Получивъ отказъ, они выступили въ походъ, сдѣлали нападеніе на селенія Фракіи и вскорѣ появились у такъ называемой долгой стѣны. Константинъ выступилъ противъ нихъ, послѣ сраженія обратилъ въ бѣгство, преслѣдовалъ за границу имперіи и весьма многихъ изъ нихъ перебилъ. Спустя нѣкоторое время, онъ отправился противъ нихъ, моремъ и сушею. Флотъ, доходившій до пятисотъ кораблей, переплывъ Черное море и появившись на Дунаѣ, сжегъ Болгарскія поселенія и захватилъ много плѣнныхъ. Самъ же императоръ въ битвѣ съ ними у Маркеллъ (крѣпость вблизи Болгаріи) обратилъ ихъ въ бѣгство и многихъ перебилъ. Отсюда побѣжденные отправили пословъ просить мира, предложивъ въ качествѣ заложниковъ своихъ дѣтей.

Нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ тѣ времена. Съ наступленіемъ осени настала такая холодная и суровая погода, что на глазахъ тогда жившихъ совершилось странное

и страшное зрѣлище замерзанія воды не только прѣсной, но, что удивительнѣе, и соленой; это происходило и во многихъ другихъ мѣстахъ вселенной, но особенно сильно были скованы льдомъ области сѣверныя. Вода застывала и замерзала настолько сильно, что Черное море покрылось льдомъ на сто миль отъ берега. Затѣмъ къ сѣверу лежащія громадныя и многочисленныя рѣки, а также побережье, ведущее въ Месимврію и Мидію, были скованы льдомъ, дошедшимъ толщиною до тридцати локтей. При этомъ необычайное количество выпавшаго снѣга увеличило толщину льда еще на двадцать локтей, и море сравнялось съ сушей, такъ что не легко было различить одно отъ другой. Такимъ образомъ вся отвердѣвшая вода къ сѣвѣру давала возможность желавшимъ ходить по ея поверхности; доступны также стали и всѣ пограничныя земли Хазаръ и ближайшія мѣста Скиевъ и народовъ, и не только людямъ, но и домашнему скоту и другимъ животнымъ. Вслѣдствіе этого Черное море было недоступно для плаванія. По прошествіи нѣсколькихъ дней огромная масса льда разорвалась на нѣсколько частей, которыя поднимались на такую высоту, что казались большими горами. Нѣкоторыя изъ этихъ частей, оторванныя и гонимыя сильнымъ вѣтромъ, разбивались у Дафнусіи, уединенной крѣпости въ Понтійской области, и пригонялись къ проливу изъ Чернаго моря. Налѣзая одна на другую въ узкомъ проходѣ и наполнивъ проливъ, онѣ соединили оба берега—Азіатскій и Фракійскій, такъ что съ одного на другой можно было переправляться скорѣе пѣшкомъ, чѣмъ на лодкѣ. Гонимыя отсюда льдины извергались въ Пропонтиду до Авидоса, причемъ, благодаря имъ, нельзя было видѣть моря. Одна изъ нихъ, отдѣлившись, направилась къ

Византійскому акрополю и такъ ударила въ его стѣну, что находившіеся внутри чувствовали сотрясеніе. Она разсѣлась на три части и заполнила берега акрополя. Высота льдинъ превышала высоту городскихъ стѣнъ, и нѣкоторые по нимъ пѣшкомъ переправлялись на другую сторону, гдѣ расположена такъ называемая Галатская крѣпость. Все это очень страшило жителей столицы: въ недоумѣніи предъ страшнымъ и необычайнымъ зрѣлищемъ со слезами расходились они отсюда.

Спустя нѣкоторое время, народы славянскіе, переселяясь изъ своей земли, переправились черезъ Черное море. Число ихъ доходило до двухсотъ восьми тысячъ человѣкъ. Они поселились у рѣки Артана.

У Гунновъ же и Болгаръ произошло слѣдующее. Устроивъ соглашеніе, они умертвили происходившихъ изъ Ксеръ ¹⁾ влaстителей своихъ и выбрали вождемъ Телессія, человѣка предпріимчиваго и выдававшего юношескую смѣлость. Набравъ хорошо вооруженныхъ воиновъ, онъ сдѣлалъ отважное нападеніе на ближайшія римскія селенія и крѣпости. Въ виду его смѣлости и отважности, Константинъ снарядилъ до ~~двухсотъ~~ ^{восемьсотъ} судовъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ лошадей, посадилъ на нихъ конныя войска и выслалъ ихъ къ Истру, а самъ во главѣ другой арміи явился у города Анхіала. Противъ него выступилъ Телессій, при соучастіи немалаго числа союзниковъ славянъ. Разбитый въ сраженіи, Телессій обратился въ бѣгство. Много пало болгаръ и славянъ; не мало изъ болѣе знатныхъ было взято въ плѣнъ. Побѣдоносно окончивъ войну, Константинъ возвратился въ Византію и передалъ плѣнныхъ для собственноручнаго изъ-

¹⁾ Или *Сиръ*—въ Македоніи

біенія гражданамъ, такъ называемымъ цвѣтнымъ демотамъ ¹⁾. Взявъ ихъ, граждане умертвили за стѣною, лежащею въ сторону суши. Доставшуюся отъ нихъ добычу они во время конскихъ состязаній сдѣлали предметомъ триумфа. Между прочимъ были выставлены два золотыхъ таза, сдѣланныхъ въ Сициліи, каждый до восьмисотъ литръ золота.

Болгары при видѣ несчастія Телессія возмутились, убили его и поставили себѣ вождемъ одного изъ своихъ старѣйшинъ, именемъ Савинъ. Онъ, какъ только получилъ власть, немедленно отправилъ пословъ къ царю съ усердною просьбою о мирѣ. Но это не нравилось Болгарамъ, они съ негодованіемъ и сильно возражали противъ этого, вообразивъ, что будутъ немедленно поработены Римлянами. Изъ страха предъ ними Савинъ убѣждалъ къ царю. Царь, пославъ отрядъ искусныхъ воиновъ и отыскивавъ ихъ женъ и семьи, привелъ ихъ къ Савину. Тѣмъ временемъ и сами Болгары отправили пословъ съ просьбою о мирѣ. Царь не принялъ пословъ и немедленно выступилъ противъ нихъ въ походъ. Болгары преградили тѣсины своихъ горъ. Вождь ихъ, взявъ отъ царя честное слово, отправился къ нему съ своими начальниками. Царь принялъ ихъ въ присутствіи Савина, укорялъ за смуту и ненависть, выраженную къ Савину, и заключилъ съ ними миръ.

Все это произошло въ первомъ индиктѣ. У царя родился еще сынъ, котораго онъ назвалъ Никитой. Въ это время Сарацинскій флотъ, отплывъ изъ Африки, появился у острова Сициліи. Но бывшее на островѣ войско оказало сильное сопротивленіе и заставило Сарацинъ удалиться безъ всякаго успѣха.

¹⁾ Принадлежавшимъ къ партіямъ цирка, различавшимся цвѣтами

Третьяго индикта Константинъ явился въ Болгарію въ виду того, что Болгары лишили власти поставленнаго Савиномъ Умара и на его мѣсто возвели болгарина Токта, брата Баяна. Болгары ушли въ лѣса по рѣкѣ Истру, причемъ многіе изъ нихъ были убиты, въ томъ числѣ Токтъ съ братомъ Баяномъ и другіе. Одинъ же изъ старѣйшинъ ихъ, по имени Кампаганъ, бѣжалъ и искалъ спасенія въ Варнѣ, но былъ убитъ собственными слугами. Римляне сожгли и разорили тогда весьма много селъ въ Болгаріи.

Между тѣмъ нечестіе императора все возрастало. Всѣ благочестивые обычаи подвергались поношенію. Жизнь людей благочестивыхъ и прилежащихъ Богу высмѣивалась и вышучивалась. Но всего болѣе нечестиво преслѣдовался священный чинъ монашествующихъ. Тѣхъ изъ нихъ, кои хранили вѣру, оставались въ монашескомъ образѣ и противились ихъ нечестивому ученію, подвергали разнымъ пыткамъ и всевозможнымъ мученіямъ. У однихъ безпощадно сожигали бороду, у другихъ ее вырывали; у иныхъ разбивали головы священными досками, на которыхъ были начертаны священныя изображенія. Негодяи выкалывали у нихъ глаза и безчеловѣчно отсѣкали другіе члены тѣла. Словомъ, всякое благочестіе преслѣдовалось и изгонялось, какъ будто среди христіанъ народилось другое язычество, ибо были придуманы всѣ злодѣйскія средства, которыми старались извести и погубить пріавшихъ жизнь по Богѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были увлечены въ пропасть ихъ гибели, поддались ихъ нечестивому ученію, или понуждаемые къ тому силою, или завлекаемые обманомъ и лестью, или прельщаемые деньгами, или стремясь къ почетнымъ должностямъ военной службы, или уловляясь въ заблужденіе другими многообраз-

ными ухищреніями лукаваго, нарушили обѣтъ, перемѣнили честное украшеніе, стали носить волосы, приняли тотчасъ мірской образъ, вступали въ бесѣды съ женщинами и возлюбили сожителство съ ними. Дѣлалось же это для того, чтобы въ лицѣ ихъ подвергался всевозможному поношенію Богъ всяческихъ и къ поруганію чести Церкви.

Послѣ этого схватили нѣкоего Стефана, мужа святого и боголюбиваго монаха, жившаго въ затворѣ въ очень тѣсной хижинѣ на вершинѣ большой горы, называющейся холмомъ святого Авксентія. Нечестивцы взвели на него обвиненіе за благочестіе и говорили, что онъ многихъ обольщаетъ, уча презирать мірскую славу, оставлять дома и семьи, удаляться отъ царскихъ палатъ и стремиться къ монашеской жизни. За это его подвергли жестокимъ побоямъ, присудили къ тюрьмѣ, наконецъ, привязавъ веревками за ноги и протащивъ отъ царской стѣны къ такъ называемой Бычачьей площади, растерзали, а тѣло его, какъ злодѣя, безбожники бросили въ такъ называемыя Могилы Пелагія, куда отправляются трупы некрещеныхъ и подвергшихся смертной казни. Весьма многихъ, стоявшихъ у власти и служившихъ въ войскѣ, обвинивъ за поклоненіе святымъ иконамъ, умертвили, какъ бы уличенныхъ въ заговорѣ: однихъ предавали разнымъ смертнымъ казнямъ, другихъ подвергали страшнымъ истязаніямъ, многое множество отправляли въ ссылку. Рѣшили даже обязать клятвою всѣхъ подчиненныхъ себѣ не почитать иконъ святыхъ. Говорятъ, что видѣли, какъ тогдашній архіерей столицы поднималъ честныя древа и клялся, что онъ не принадлежитъ къ числу почитающихъ святыя иконы. Такова была дерзость нечестивыхъ.

Въ томъ же году Константинъ выступилъ противъ

болгаръ, подступилъ съ войсками къ землѣ болгарской и расположился лагеремъ у такъ называемаго прохода Веригановъ. Онъ снарядилъ и флотъ, состоявшій изъ двухъ тысячъ шести сотъ судовъ, посадилъ на нихъ морское и сухопутное войско, набранное въ приморскихъ и другихъ провинціяхъ, съ приказомъ явиться у городовъ Месимвріи и Анхіала и направиться къ Болгаріи. Устрашенные видомъ большого морского и коннаго войска, Болгары заключили съ царемъ миръ. Когда флотъ приставалъ къ морскому берегу (а мѣсто то не имѣло гавани и для плавающихъ представляло большія затрудненія), сильный вѣтеръ, дувшій съ моря, разбилъ корабли, направлявшіеся къ берегу, и не мало плившихъ потопилъ въ волнахъ. Царь, сильно разстроенный, приказалъ начальникамъ закидывать по морю сѣти, чтобы ловить тѣла утонувшихъ для преданія ихъ землѣ. Послѣ этого онъ возвратился въ столицу.

Такъ, продолжая неистовствовать противъ благочестія, царь подвергалъ поруганію священный образъ Назареевъ (монаховъ). Вскорѣ, во время коңскихъ состязаній, онъ приказалъ таскать по аренѣ нѣкоторыхъ монаховъ рука объ руку съ монахинями. Такой непристойный и постыдный бѣгъ они совершали при разныхъ насмѣшкахъ и оплеваніи множества зрителей, какъ это обычно бываетъ среди стадной толпы. Послѣ этого на нѣкоторыхъ знатныхъ и сановныхъ людей онъ возвелъ тяжелое и ложное обвиненіе въ томъ, что они будто бы пытались составить заговоръ противъ его власти. Въ числѣ ихъ были: Антиохъ, передававшій ему документы, относившіеся къ общественнымъ дѣламъ (при дворѣ эту должность называютъ логоуетомъ дрома), Теофилактъ, патрицій и стратегъ, а также и нѣкоторые изъ царскихъ ору-

женосцевъ и копыеносцевъ и кромѣ нихъ еще другіе. Немного послѣ, во время такихъ же конскихъ состязаній, онъ предъ глазами всѣхъ велѣлъ водить ихъ связанными по цирку, а вслѣдъ затѣмъ осудилъ на смерть братьевъ Константина и Стратегія и отсѣкъ имъ головы въ такъ называемомъ городскомъ Кинигѣ, у другихъ же выкололъ глаза. Наконецъ онъ подговорилъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ архіерею столицы Константину лицъ выставить противъ него подъ клятвою обвиненіе въ томъ, что будто бы они ясно слышали отъ него обо всѣхъ замыслахъ Антиоха и Теофилакта. Немедленно Константинъ былъ посланъ въ Іерію, на противоположномъ берегу, на юго-востокъ отъ Византіи, а въ патріархи былъ возведенъ эвнухъ Никита, пресвитеръ храма святыхъ Апостоловъ. Все это случилось въ августъ четвертаго индикта.

Немного спустя, царь послалъ за Константиномъ и прибывшаго на носилкахъ отправилъ въ храмъ святой Софіи. Съ нимъ онъ послалъ одного изъ царскихъ секретарей съ грамотой, содержащей обвиненія противъ него. Секретарь въ слухъ собравшагося народа прочиталъ грамоту и ударилъ Константина по щекѣ столько разъ, сколько было обвиненій. Затѣмъ патріарха несутъ на амвонъ и низлагаютъ, между тѣмъ какъ новый патріархъ въ алтарѣ вычитываетъ его вины. На слѣдующій день, во время обычнаго при Константинѣ конскаго состязанія въ циркѣ, царь велѣлъ посадить бывшего патріарха на осла съ перевернутою къ задѣ животнаго каедрою и влачить его по ипподрому на виду всего, ругавшагося и плевавшего, народа. Затѣмъ немного спустя онъ приказалъ отрубить ему голову въ Кинигѣ, принести ее высоко поднятою по такъ называемому Мил-

лію, а тѣло его веревками протащили по большимъ улицамъ столицы и бросили въ Пелагіевыхъ могилахъ.

Пятаго индикта вслѣдствіе бездождія стояла такая жара и засуха, что не было даже росы. Источники изсякли, а потому и бани были закрыты, ибо водоемы были пусты. Поэтому Константинъ рѣшилъ возобновить водопроводъ, устроенный Валентиніаномъ царемъ и разрушенный Аварамъ при царѣ Иракліѣ. Собравъ въ римской державѣ многихъ рабочихъ, искусныхъ въ строительствѣ и предоставивъ имъ большія средства изъ казенныхъ денегъ, онъ довелъ это предпріятіе до конца. Златолюбець, ненавистникъ Христа, Константинъ оказался новымъ Мидасомъ и собралъ все золото. При этомъ случилось, что при взиманіи податей плательщики вынуждаемы были продавать плоды земледѣлія за столь дешевую цѣну, какъ одна монета за шестьдесятъ модій (мѣръ) пшеницы и семьдесятъ модій ячменя, и за ничтожную сумму припасовъ можно было купить весьма много. Люди неразумные объясняли это плодородіемъ земли и благоденствіемъ, но благомыслящимъ это казалось дѣломъ тиранніи и жадности и считалось недугомъ безчеловѣчія.

Седьмого индикта у Константина родился сынъ, котораго называлъ Анеимомъ. Въ то же время Никита, архіерей столицы, возобновилъ нѣкоторыя отъ времени пострадавшія постройки при соборномъ храмѣ и соскоблilъ восковыя и мозаичныя изображенія Спасителя и святыхъ, находившіяся въ большомъ и маломъ помѣщеніяхъ выходовъ, которыя Римляне называютъ секретами. Кромѣ того Константинъ отправилъ посольство къ славянскимъ князьямъ и возвратилъ давно плѣненныхъ ими христіанъ съ острововъ

Имвра, Теледа и Самоѳракіи, заплативъ имъ за нихъ шелковыми одеждами. Число этихъ плѣнныхъ простиралось до двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ. Призвавъ ихъ къ себѣ и по немногу одаривъ, онъ предоставилъ отправляться, куда угодно каждому.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ седьмого индикта въ великую субботу Константинъ вѣнчалъ жену свою Евдокію августой; на слѣдующій день двухъ сыновей своихъ Христофора и Никифора онъ возвелъ въ кесарей, а Никиту въ консула (*nobilissimus*). Во время царскаго обычнаго выхода въ соборный храмъ они праздновали консульство и проходившему народу раздавали деньги, начиная отъ дворца и до храма.

Восьмого индикта Константинъ привезъ изъ Эллады жену сыну своему Льву Иринѣ, въ декабрѣ вѣнчалъ ее августой и совершилъ бракъ ея съ сыномъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Житіе святаго Никифора, составленное діакономъ Игна- тіемъ	1
Слово пресвитера и игумена Теофана объ изгнаніи святаго Никифора и перенесеніи его мощей.	87
Посланіе святаго Никифора къ Льву III, папѣ Римскому. .	101
Защитительное слово святаго Никифора о почитаніи чест- ныхъ иконъ.	126
Слово святаго Никифора въ защиту непорочной, чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы поклоняемся идоламъ	138
Краткая исторія святаго Никифора со времени послѣ прав- ленія Маврікія	379